

8915.

ms. Alex. 11598

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

(На правах рукописи).

инв. 11598.

ИМПЕРАТОРСКІЙ АЛЕКСАНДРОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ

ФИНЛЯНДІИ.

ОЧЕРКЪ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ И ЗНАЧЕНІЯ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ФИНЛЯНДИИ.

СОСТАВИЛЪ

Э. Берендтсъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1902.

8774 год. 18.

1898

СПбГУ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

- «Абовскій» Университетъ съ 1640—1828 г.
- Занятіе Або въ 1808 г. и отношеніе Императора Александра I къ «Абовскому» Университету. 1—3. Учрежденіе Абовскаго Университета въ 1640 г., его положеніе въ шведскую эпоху. 3—10. Организациа университетскаго управленія. 10—12. Научная дѣятельность въ Университетѣ. 12—13. Отношеніе «Университетскихъ» къ русскимъ въ 1808—1809 г.г. 13—17. Улучшеніе положенія Университета въ 1811 г. и настроеніе «университетскихъ» послѣ завоеванія Финляндіи. 17—24. Пересмотръ «конституцій» Университета и отношеніе правительства къ Университету съ 1818 г. 24—30. Пожаръ города Або. Возстановленіе Университета въ Гельсингфорсѣ. 30—34. Настроеніе финляндскаго общества въ эпоху 20-хъ годовъ. 34—36.

Стр.
1—36

ГЛАВА ВТОРАЯ.

- Уставъ 1828 г. и развитіе Университета съ 1828—1852 г. .
- Измѣненія въ организациа Университета съ 1821—1828 г. 37—38.
- Изданіе устава 1828 г. 38—40. Привилегіи Университета. 40—44. Органы управленія Университета. Канцлеръ и Вице-Канцлеръ. 44—48. Ректоръ. 48—52. Консисторія. 52—54. Факультеты. 54—56. Порядокъ замѣщенія кафедръ и ученія степени, промоцій. 56—60. Организациа студентовъ. «Отдѣленія». 60—62. Преподаваніе. 62—64. Дисциплинарный надзоръ за студентами. 65—66. Денежныя средства Университета. 67—70. «Должностные» экзамены. 71. Постановленія, касающіяся Университета, издаанныя съ 1828—1848 г. 72—73. Университетская жизнь въ эпоху 1828—1840 г. 73—79. Изученіе русскаго языка въ Университетѣ. Назначеніе Грота профессоромъ русской словесности. Его роль въ Университетѣ и его преподавательская дѣятельность. 79—88. Взаимоотношенія русскихъ и финляндцевъ въ 40-хъ годахъ. Настроеніе финляндскаго общества. 88—100. Административныя мѣры 1848—1852 г. «Университетскія исторіи». 100—105.

37—105

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

- Уставъ 1852 г. и развитіе Университета съ 1852—1863 г. . .
- Мотивы и основныя начала университетской реформы 1852 г. 106—108. Компетенціа Канцлера и Вице-Канцлера по уставу 1852 г. 108—112. Ректоръ. 112—114. Консисторія 115—118. Хозяйственное отдѣленіе Кон-

106—183

систеріи. 118.—Коммисія благочинія. 118. Факультеты. 118—123. Замѣщеніе кафедръ. Преподаваніе. 123—129. Организація студентовъ по уставу 1852 г. 129—132. Ученыя степени и испытанія. 132—137. Матеріальныя средства Университета. 137—145. Законоположенія, касающіяся Университета и среднихъ учебныхъ заведеній, изданныя съ 1852—1863 г. 145—149. Восточная война. Настроеніе финляндскаго общества. Партія «безкровныхъ». 149—157. Отношеніе Генералъ-Губернатора Графа Берга къ Университету. 157—161. Университетскій актъ 1856 г. и его послѣдствія. 161—167. Промоція 1857—1860 г.г. Отношеніе финляндскаго общества къ Россіи въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. 167—174. Отношеніе Университета къ вопросу о созывѣ сейма. 174—183.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Александровскій Университетъ и «новая эра» 184—263
 Созывъ сейма 1863 г. 184—186. Борьба національностей въ Финляндіи. 187—190. Школьная реформа и вліяніе ея на Университетъ. 190—194. Усиленіе національно-финскаго элемента. 194—200. Направленія научной дѣятельности въ Университетъ. 200—206. Университетская жизнь въ эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ. 206—210. Отношеніе сейма къ Университету и политическая дѣятельность профессоровъ. 210—220. Измѣненіе въ организаціи Университета съ 1863 г. Функціи Канцлера и Вице-Канцлера. 221—222. Организація Консисторіи. 222—223. Организація студентовъ. Отдѣленія и общая сходка студентовъ. 223—245. Надзоръ за студентами. 245—247. Замѣщеніе должностей въ Университетѣ и испытанія. 247—267. Матеріальныя средства Университета. 257—263.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи этой работы авторъ пользовался первоисточниками, какъ уже появившимися въ печати, такъ и доннынѣ неиспользованными, неизданными, въ теченіе десятилѣтій зарытыми подѣ густымъ слоемъ пыли архивовъ, притомъ архивовъ къ упорядоченію которыхъ недавно только приступлено. Источниками перваго рода были конечно прежде всего напечатанные на русскомъ и шведскомъ языкахъ уставы Императорскаго Александровскаго Университета 1828 и 1852 г.г., а затѣмъ изданный Докторомъ В. Васеніусомъ въ 2 томахъ сборникъ постановленій и рѣшеній, касающихся Императорскаго Александровскаго Университета въ Финляндіи съ 1 Октября 1852 г. до 1887 г. (I томъ) и съ 1887—1898 г. (II томъ). «Författningar och Beslut rörande kejserliga Alexanders Universitetet i Finland. Helsingfors 1889—1899 г.».

Что касается источниковъ втораго рода, т. е. архивныхъ, то пользованіе ими первоначально встрѣтило не мало затрудненій. Архивъ Статсъ-Секретаріата несомнѣнно находится (въ общемъ) въ порядкѣ ¹⁾.

1) За исключеніемъ дѣлъ 1808—1825 г.г., возвращенныхъ въ Мартѣ 1901 г. изъ Гельсингфорса въ С.-Петербургъ. Къ дѣламъ съ 1808—1811 г.г. имѣется архивная опись, притомъ хорошо составленная. Но къ дѣламъ 1811—1825 г.г. не существовало ни одного алфавитнаго реестра, ни одной описи, а лишь настольные реестры входящихъ и исходящихъ бумагъ. При этомъ 10 томовъ дѣлъ (около 1,000 бумагъ) вовсе не были внесены въ эти реестры.

Мы не ставимъ это въ упрекъ уважаемому Д-ру Р. Гаузену, начальнику Статсъ-архива (въ Гельсингфорсѣ), ибо дѣла были переданы въ 1883 и 1886 г.г. безъ описи актовъ, число которыхъ простиралось до 10,000. Личныхъ силъ Статсъ-архива далеко не хватаетъ для составленія архивныхъ описей при тѣхъ массахъ дѣлъ, которыя постушаютъ въ это древле-хранилище.

Архивныя описи и архивные реестры съ 1825 г. всѣ на лицо, но не всѣ акты, указанные въ нихъ, сохранились. Нѣсколько разъ намъ приходилось встрѣчать въ архивныхъ дѣлахъ вмѣсто акта, указанного по реестру или по описи, — листокъ бумаги съ надписью: «saknad» (недостаетъ). Объясненія этого «недостатка» мы не встрѣчали. (Такъ напр.: недостаетъ переписки Графа А. Армфельта (бывшаго Министра Статсъ - Секретаря) съ бывшими Генераль-Губернаторами Графомъ Бергомъ и Графомъ В. Адлербергомъ о пріѣздѣ шведскихъ студентовъ на промоціи въ 1858—1860 г., и объ изданіи альманаха Нюландскаго студенческаго землячества). Что же касается Архива Канцлерскаго Управления, то его помѣщеніе было неудобное и устройство не удовлетворительное. Не существовало ни одной описи, ни одного алфавитнаго реестра. Изученіе дѣлъ пришлось дѣлать наугадъ, что было въ высшей степени затруднительно, ибо нумерація была не

Нельзя не сказать пару словъ по поводу тѣхъ недоразумѣній, которыя были вызваны Высочайшимъ повелѣніемъ объ обратномъ водвореніи актовъ 1808—1825 г. въ Петербургъ и помѣщеніемъ ихъ въ одной изъ великолѣпныхъ залъ зданія Архива Государственнаго Совѣта на Милліонной улицѣ. Бывшій Министръ Статсъ-Секретарь Баронъ Брунъ перевелъ означенные акты въ Гельсингфорсъ за недостаткомъ мѣста въ зданіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата. Такая передача дѣлъ на храненіе въ городъ, отстоящій на сотни верстъ отъ Петербурга и Финляндскаго Статсъ-Секретаріата была нарушеніемъ основныхъ правилъ архивнаго управленія, ибо лишь акты старше 100 лѣтъ обыкновенно отправляются въ запасные историческіе архивы, въ особенности въ устроенные въ мѣста нахожденія данного органа управленія. Акты возвращены по особому Высочайшему повелѣнію и возвращены въ полной сохранности. Вопросъ о ихъ возвращеніи уже разъ былъ возбужденъ бывшимъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Генераломъ В. Ф. Денъ, но безрезультатно. Въ Финляндіи были распространены слухи о томъ, что возвращеніе архива имѣло въ виду лишить Финляндію ея важнѣйшихъ историческихъ документовъ и скрыть ихъ въ русскихъ архивахъ. Нелѣпость этихъ слуховъ внѣ сомнѣнія. Главнѣйшіе изъ историческихъ документовъ 1809—1811 г. давно использованы и напечатаны. Столь же неосновательно предположеніе о желаніи скрыть отъ финляндскихъ историковъ памятники исторіи ихъ родины. Русское правительство всегда открывало ученымъ доступъ въ архивы, разъ имѣлось убѣжденіе въ томъ, что архивное изслѣдованіе имѣетъ цѣлью объективное изученіе исторической истины. Возстановленіе единства и цѣльности Архива Статсъ-Секретаріата, составленіе систематической описи и изданіе историческихъ матеріаловъ дастъ русскимъ и финскимъ историкамъ возможность изучить исторію отношеній Россіи къ ея составной части, Финляндіи, не односторонне, а многостороннимъ образомъ.

вѣрна и не проведена послѣдовательно. Акты, относившіеся къ 30-мъ годамъ XIX ст., находились частью въ дѣлахъ 40-хъ годовъ, и наоборотъ. Такіе важные документы, какъ напр. Всеподданнѣйшій адресъ Университета 1832 г. по поводу окончанія постройки зданія Университета съ собственноручной высокомиловитой, сердечной помѣткой Императора Николая I былъ разорванъ; надписи, сдѣланныя Высочайшей рукой, не покрыты лакомъ, почти стерлись и т. д.

По приказанію Министра Статсъ-Секретаря В. К. фонъ-Плеве часть этого архива, а именно дѣла: 1808—1855 гг. (а также дѣла Архива Статсъ-Секретаріата съ 1825—1855 г.), переведена въ свѣтлое, просторное, сухое помѣщеніе на Милліонной улицѣ. Здѣсь оказалось возможнымъ привести въ порядокъ этотъ хаосъ, памятникъ минувшаго времени, когда повидимому никогда хозяйскій глазъ не заглядывалъ въ бумаги и акты, разъ подписанные и сданные въ архивъ. Важнѣйшіе акты, найденные въ этомъ архивѣ, будутъ напечатаны въ особомъ изданіи.

Что касается литературныхъ пособій, коими авторъ могъ пользоваться, то число ихъ не было крупнымъ. Полной исторіи Александровскаго Университета, насколько автору извѣстно, не существуетъ, ни на русскомъ, ни на шведскомъ, ни на финскомъ языкѣ.

Официальные отчеты о состояніи Университета (съ 1825—1840 и 1840—1855 г.г.) и періодическіе трехлѣтніе отчеты ректоровъ являются лишь сухой хроникой университетской жизни, но конечно даютъ обильный матеріалъ (въ особенности статистическій) для исторіи. Историческіе труды, посвященные отдѣльнымъ періодамъ исторіи Университета, немногочисленны. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

Н-авъ Урсинъ. Исторія финляндскаго Университета въ теченіе первыхъ 3 лѣтъ его дѣятельности (1640—1643 г.). *Historia om det finska Universitetet under den tre första verksamhetsår.* Hfs. 1877 г.

• *Эдманъ.* Финляндскій Университетъ, очеркъ его исторіи въ

последнія 50 лѣтъ (Det finska Universitetet. Bidrag till dess historia under de sista femtio åren. Hfs. 1858).

Исторія преподаванія наукъ въ Абовскомъ Университетѣ (Abo Universitets lärdoms historia) въ 5 томахъ, въ коихъ изложена исторія преподаванія Юриспруденціи, Медицины, Философіи, Богословія и Исторіи. Составлена Шибергсономъ, Лиліенстрандомъ и др. Изданіе шведскаго Литературнаго Общества.

Э. Гельмъ. Стипендіи и Стипендіальные фонды Университета (Edw. Hjelt. Stipendier och stipendii fonder stående under det finska Universitets Förfvaltning. 1894 г.).

Богатый матеріалъ для характеристики общественнаго значенія Университета даютъ сочиненія И. В. Снельмана, изданныя Рейномъ въ 9 томахъ и его же Біографія Снельмана, мемуары А. Шаумана «Воспоминанія 6 десятилѣтій въ Финляндіи» 1893 г. и «Нынѣ и Прежде» (Nu och förr), 1886 г., изданія Э. фонъ-Квантена «Финляндскія дѣла» (Finska förhållanden) 1858 — 1860 г. и различныя журнальныя статьи.

Біографическія данныя о профессорахъ и чиновникахъ Университета собраны въ сочиненіи Р. Ренвалль «Финскій Университетъ» 1828—1890 г. (Finlands Universitet 1828—1890 г. Hfs. 1891 г.).

Свѣдѣнія на русскомъ языкѣ объ Александровскомъ Университетѣ можно найти въ изданномъ въ Финляндіи сборникѣ «Финляндія въ XIX ст.» и въ сборникѣ Протопопова «Финляндія»— (1898 г.). Для болѣе отдаленнаго времени весьма цѣнны сочиненія Я. К. Грота. «Изъ скандинавскаго и финскаго міра» и его переписка съ Плетневымъ. (Полное собраніе сочиненій Грота, изд. его сына).

С.-Петербургъ. Января 1902 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Абовскій» Университетъ съ 1640 г. по 1828 г.

²³/₁₁ Марта 1808 г. русскія войска заняли Або.

Въ предыдущія войны приближеніе русскихъ было сигналомъ для бѣгства профессоровъ и студентовъ Абовскаго Университета въ Швецію. Великодушіе русскихъ полководцевъ, Князя Голицына (въ 1714—1721 г.г.) и Генерала Кейта (въ 1742 г.), всячески старавшихся удержать ученую коллегію и ея учениковъ въ стѣнахъ Университета, не предупредило опустѣнія аудиторій. Какъ Князь Голицынъ, такъ и Кейтъ не прикасались до имущества «Академіи»; въ 1742 г. Кейтъ даже сохранилъ жалованье профессорамъ, удалившимся въ Швецію. Несмотря на эту гуманность академическая жизнь ожила лишь послѣ удаленія русской оккупационной арміи.

1808 г. не былъ свидѣтелемъ печальнаго бѣгства профессоровъ съ каедръ и студентовъ со скамеекъ Академіи на Аурѣ. Университетъ остался на мѣстѣ, въ новомъ зданіи, построенномъ въ 1802—1807 г.г. Довѣріе къ гуманности побѣдителя Александра I, имя котораго, по словамъ одного финляндскаго публициста 1840 г., «звучать для финляндцевъ какъ громкая героическая пѣснь и вмѣстѣ какъ тихая идиллія», оправдалось вполне. 4 Юня 1808 г. завоеватель въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя проканцлера Университета, епископа Тенгстрема, объявилъ: «храня спокойствіе вообще всѣхъ обывателей Финляндіи, Я особенно желалъ среди самыхъ воен-

ныхъ дѣйствиі оградить сіе ученое сословіе уваженіемъ и покровительствомъ» ¹⁾).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I утвердилъ силу всѣхъ правъ и преимуществъ, Абовскому Университету присвоенныхъ, повелѣлъ, «пригласивъ членовъ Университета, положить на мѣстѣ способы, какіе признаются нужными къ распространенію и вѣдшему усовершенію сего заведенія». Такъ какъ новое зданіе Университета еще не было достроено, то ИМПЕРАТОРЪ ВСЕМИЛО-

1) Представитель Абовскаго Университета, епископъ Тенгстремъ, повергнувъ къ стопамъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I адресъ отъ имени Университета слѣдующаго содержания (Госуд. архивъ, Картонъ: Affaires de la Finlande № 65).

Sire!

Votre Majesté Impériale ayant daigné accorder à l'Université d'Abo le droit inestimable de s'approcher avec les Etats de la Finlande du Throne de Votre Majesté Impériale, l'Université m'a fait l'honneur de me nommer son Deputé; quoique je me sens un trop faible interprète des sentiments, dont tous ses membres sont animés vers le Prince Auguste et humain, qui vient de la mettre sous sa protection généreuse.

Autrefois n'étant qu'un témoin voisin du gouvernement, qui pourvoit et consume les brillantes entreprises de Pierre I et Catherine II, elle applaudissait avec toute l'Europe au beau spectacle, de voir un jeune Souverain, par l'exemple de ses lumières, par le charme de ses vertus, abolir l'ignorance, la superstition et les préjugés les plus anciens, répandre le goût des arts et l'amour des sciences dès les rivages de la mer Caspienne jusqu'aux bords de l'océan glacial, de voir cent peuples divers se lier ensemble par le commerce et par la culture encore plus que par le pouvoir, qui les a subjugués, et le plus vaste empire de l'Univers s'animer par l'esprit d'un Monarque justement appelé le Prince de l'humanité. A présent ce n'est l'admiration seule et l'intérêt commun des sciences et du genre humain, c'est la reconnaissance et l'intérêt particulier, qui nous attachent à la personne de Votre Majesté.

Dans le moment effrayant quand une occupation imprévue rompit les liens sacrés, qui unissent les bons sujets à leurs gouvernements et quand le peuple Finnois, que la reconnaissance la plus juste autant que l'habitude des siècles avait attaché au throne de la Suède, auquel il devait sa civilisation, ses lois, sa religion, ses arts et ses sciences, se consternait au danger d'en être sur le champ séparé pour toujours: le Nom seul d'Alexandre nous ramenait à l'espoir et à la tranquillité. Nous restions tous à nos places, et le Général en Chef auquel Votre Majesté avait confié le commandement de ses troupes conquérant les cœurs par sa justice et son humanité, comme les Provinces par ses armes, fit bénir Votre Nom aux malheureux mêmes, qui souffrirent par les maux inévitables de la guerre.

Sire! L'Université d'Abo a des raisons particulières de Vous offrir l'hommage le plus sincère et le dévouement le plus fidèle. Non seulement elle a joui d'une sûreté parfaite et conservé tous ses droits et privilèges; mais elle a conçu même l'espérance grande et certaine d'être élevée par l'amour noble des Lettres, dont Votre Majesté Impériale est inspirée à une perfection, qui la rendra égale aux Universités les plus célèbres de l'Europe.

Pendant qu'elle travaille aux projets, que Votre Majesté Impériale a désignée de demander d'elle même pour sa réforme: permettez moi, Sire, de vous présenter de sa part une reconnaissance immortelle et à toutes épreuves vers un Souverain, dont les vertus aimables et la bienveillance paternelle ne manqueront jamais de lui prouver des sujets fidèles et dévoués».

стивѣйше дароваль на эту цѣль 6.000 р.—20 Марта 1809 г. новый Державный Хозяинъ Финляндіи лично посѣтилъ Або, вѣхавъ въ городъ черезъ ворота, на которыхъ красовалась надпись:

«Александрю,
котораго войска покорили край,
котораго милость покорила народъ».

Императоръ осматрѣлъ Университетъ, выслушалъ привѣтственную рѣчь, приказаль представить профессоровъ и студентовъ и наконецъ приказаль Консисторіи Университета избрать себѣ новаго канцлера изъ среды высшихъ русскихъ сановниковъ. Такъ какъ Консисторія не знала кого избрать, то Государь Императоръ поручилъ эту должность М. М. Сперанскому. Какъ видно изъ одного письма епископа Тенгстрема (хранящагося въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ) къ Сперанскому, сей послѣдній хотѣлъ отклонить отъ себя эту честь, но Тенгстремъ убѣдилъ его доказать принятіемъ должности свою любовь и дружбу къ Финляндіи.

Абовскій Университетъ присоединился къ числу высшихъ учебныхъ заведеній Россійскаго Государства.

Первая половина царствованія Александра I, какъ извѣстно, была эпохою широкихъ начинаній въ области высшаго образованія. Къ древнѣйшему, Московскому, Университету прибавлены: Дерптскій, Казанскій, Харьковскій, Демидовскій Лицей, и готовилось учрежденіе С.-Петербургскаго Университета. Хотя Университеты и учреждались отчасти изъ за цѣлей практическихъ (подготовки учителей, чиновниковъ, судей), но характеръ ихъ дѣятельности былъ проникнутъ господствовавшимъ въ то время духомъ гуманности, охватившимъ все человѣчество, безъ различія расъ и національностей, и космополитизма, мечтавшаго о гармоніи въ дѣйствіяхъ государствъ. Идеалистическія мечты кабинетныхъ ученыхъ игнорировали реальные, прозаическіе факты наполеоновскихъ войнъ и пробуждавшіеся націонализмъ и матеріализмъ, опредѣлившіе собою характеръ XIX столѣтія.

Абовскій Университетъ былъ старше всѣхъ русскихъ. Основанный въ 1640 г., когда богословіе безспорно занимало первен-

ствующее мѣсто среди наукъ, когда латинскій языкъ служилъ объединителемъ всѣхъ ученыхъ Европы, когда схоластическій методъ велъ послѣднюю отчаянную борьбу съ философіей рационализма, когда надъ духомъ и наукой господствовали власти духовныя и свѣтскія, авторитетно предписывавшія и вѣру (*Cujus regio, ejus religio*) и сомнѣніе, и источникъ знанія и его предѣлы, — онъ служилъ проводникомъ официально дозволенныхъ научныхъ истинъ въ полупустынномъ, дикомъ сѣверѣ.

Въ теченіе первыхъ 150 лѣтъ своего существованія Абовскій Университетъ не представлялъ собою ничего своеобразнаго. Та же ученая тяжеловѣсность, что и въ маленькихъ германскихъ университетахъ, лишь бѣднѣе по содержанію и по объему, та же сварливость и самонаслажденіе профессоровъ, та же дикость студенческихъ нравовъ. «Академію на Аурѣ» можно было смѣло пересадить въ любой городокъ Германіи, не опасаясь лишить ее ея своеобразнаго характера.

26 Марта 1640 г. Абовская Академія получила фундаціонную грамоту, согласно которой ей предписано держаться т. н. «Упсальскихъ конституцій¹⁾», т. е. устава Упсальскаго Университета».

Основные черты этой древней университетской организаціи сохранились во многихъ отношеніяхъ донинѣ.

Профессоры съ Ректоромъ во главѣ составляли т. н. Консисторію или Сенатъ Академіи. Кромѣ такъ сказать настоящаго ректора (*rector magnificus*) избирался еще (также консисторіей) ректоръ почетный (*rector illustris*), обыкновенно кто либо изъ высокопоставленныхъ лицъ или даже сынъ (иногда даже несовершеннолѣтній) такой высокопоставленной персоны.

Въ помощь Ректору Консисторія избирала Проректора. Ректоръ (избиравшійся первоначально на полгода, впослѣдствіи на 1 годъ) за свои труды не получалъ никакого штатнаго вознагражденія. Зато въ его пользу поступали пошлины за записку студентовъ въ списки Академіи и часть штрафовъ, платимыхъ студентами за проступки по приговору Консисторіи. Высшими органами надзора

¹⁾ Конституціи Упсальскаго Университета были вновь изданы въ 1655 г.

за Академіей и попечительства о ней были Канцлеръ и Проканцлеръ. Первую изъ этихъ должностей занималъ всегда кто либо изъ высшихъ сановниковъ Швеціи; вторую до 20-хъ годовъ нашего столѣтія Абовскій епископъ.

Коллегія профессоровъ во все шведское время была весьма немногочисленна. Первоначально число профессоровъ было опредѣлено въ 11. Профессоры съ самаго начала раздѣлены на 4 факультета: 1) Богословскій, состоявшій изъ 3 профессоровъ; 2) Юридическій факультетъ; 3) Медицинскій факультетъ; въ каждомъ по одному профессору, и 4) Философскій факультетъ, состоявшій изъ 6 профессоровъ. Въ составъ философскаго факультета входила и кафедра по естественнымъ наукамъ. При учрежденіи Академіи Консисторія получила право избирать профессоровъ на вакантныя кафедры и онѣ замѣщались избранными ею съ утвержденія Канцлера¹⁾. Количество кафедръ конечно не осталось неизмѣннымъ въ шведское время; появились новыя кафедры, преимущественно въ факультетахъ философскомъ и медицинскомъ, между тѣмъ какъ юридическій факультетъ оставался позади, и еще въ началѣ XIX столѣтія въ немъ насчитывалось не болѣе 2 преподавателей.

Мало было профессоровъ, мало и студентовъ. Академія начала свое существованіе, насчитывая 44 студента, въ томъ числѣ 8 финляндцевъ; однако число студентовъ возросло быстро до 300. Съ самаго начала студенты были сгруппированы по землячествамъ или отдѣленіямъ, коихъ первоначально было 9 (Эстерботническое землячество, Сатакунтское, Бореальское и Свеа-готское и др.).

Организація землячествъ (отдѣленій) въ Абовскомъ Университетѣ соотвѣтствовала вполнѣ организаціи ихъ въ Упсалѣ и Лундѣ, гдѣ въ свою очередь она была создана по образцу землячествъ въ Парижскомъ, Пражскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Членъ Комисіи по пересмотру устава 1828 г. Ректоръ Императорскаго Александровскаго университета г. Рейнъ въ особомъ мнѣніи, поданномъ имъ въ 1851 г., прекрасно опредѣлилъ значеніе этихъ

1) Большинство первыхъ профессоровъ было просто назначено правительствомъ.

землячество, отстаивая ихъ противъ требованій упраздненія, какъ учрежденій якобы небезопасныхъ.

Рейнъ ¹⁾ писалъ въ 1851 году.

«Учрежденіе отдѣленій при университетахъ также старинно, какъ и сами университеты. Отдѣленія возникли въ средніе вѣка между рожденными въ одномъ и томъ же краѣ студентами для взаимной помощи и для защиты во время пребыванія ихъ въ иностранномъ университетскомъ городѣ. Какъ скоро обстоятельства въ общежитіи перемѣнились, и возвратилась безопасность, то и надобность въ защитѣ прошла, а надобность взаимной помощи еще продолжается, почему и взаимная связь, возникшая на родинѣ и въ училищѣ между молодыми людьми, съ дозволенія Правительства, утверждена при университетѣ подъ названіемъ отдѣленій. Члены отдѣленія, получая изъ библіотеки ²⁾ отдѣленія книги, нужныя для продолженія курса, могутъ также изъ кассы отдѣленія на короткое время занимать деньги; кромѣ сихъ выгодъ въ наше время нерѣдко случается, что товарищи не только смотрятъ за больнымъ землякомъ, но и просиживаютъ ночи у больнаго, а если онъ бѣденъ, платятъ за лекарство и въ случаѣ смерти покрываютъ издержки по погребенію. Не одинъ бѣдный юноша помощи зажиточныхъ товарищей обязанъ тѣмъ, что могъ пройти университетскій курсъ. Притомъ отдѣленія съ давнихъ временъ имѣли право и были даже обязаны заботиться о добромъ своемъ имени, а слѣдовательно и о благонравномъ поведеніи своихъ членовъ. Надзоръ товарищей за избалованнымъ членомъ часто побуждалъ его или оставить университетъ, или исправиться. Слѣдовательно отдѣленія, по своему качеству, составляютъ соединеніе, заключенное по нравственнымъ поводамъ, и должны основываться на взаимной довѣренности, благосклонности и дружбѣ, и положительному закону не слѣдовало бы вмѣшиваться въ эти сословія, развѣ только опре-

1) Арх. Ст. Секр. 1852 г. № 68.

2) Этотъ доводъ конечно не имѣетъ отношенія къ отдѣленіямъ XVII и XVIII столѣтій, когда библіотека была ничтожная, и студенты къ ней никакого влеченія не чувствовали.

дѣленіемъ границъ ихъ дѣйствія и наблюденіемъ, дабы онѣ не выходили изъ предѣловъ приличности и законности».

До 1828 г. какъ шведское, такъ и русское правительство и слѣдовало этому принципу; внутренняя жизнь этихъ землячествъ не была регламентируема. Правительственная власть ограничивалась тѣмъ, что назначала (черезъ Ректора и Консисторію) инспектора въ каждое землячество, поручая ему ближайшій надзоръ за его дѣятельностью и за поведеніемъ его членовъ.

Членами землячествъ состояли не только студенты, но и вышедшіе изъ ихъ среды магистры и доктора.

Поступленію въ Академію и зачисленію въ число студентовъ предшествовалъ обязательный экзамень у декана факультета, въ который молодой человѣкъ поступалъ. Послѣ удачной сдачи экзамена совершалась церемонія «депозиціи». Обрядъ депозиціи надъ новичками совершало особое лицо, по выбору Консисторіи. Депозиторъ получалъ отъ посвящаемыхъ въ студенты (депонентовъ) особую пошлину; пошлина въ одинаковомъ размѣрѣ (16 эръ) уплачивалась за депозицію и Ректору, и Декану. Церемоніаль депозиціи былъ крайне грубый и былъ сопряженъ съ немалымъ истязаніемъ несчастныхъ новичковъ; Канцлеръ и Консисторія неоднократно принимали мѣры къ упорядоченію депозиціи и усмиренію расходившихся депозиторовъ.

По окончаніи церемоніи депозиціи новички провозглашались свободными студентами Академіи (*povitie* или *pean*). Они обязаны были въ теченіе перваго полугодія ходить въ черныхъ плащахъ и прислуживать старшимъ студентамъ (*seniores*) съ безусловной покорностью. Эта служебная стадія студенческой жизни называлась пеннализмомъ. Пеннализмъ сохранился еще (хотя и не въ такой грубой формѣ) до начала XIX столѣтія. Однако странная должность депозитора просуществовала недолго; она упразднена въ 1691 году.

Постепенно, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ исчезли и другіе странные для нашего времени обычаи, какъ-то: академическія театральныя представленія подъ руководствомъ профессоровъ; обязательныя ректорскія угощенія при вступленіи въ должность новаго

ректора, немало стоившія и безъ того небогатымъ членамъ академіи.

Средства (матеріальныя и нематеріальныя) «Абовской Академіи» были въ XVII и XVIII вѣкахъ крайне скудными. Часть суммъ на содержаніе Университета выплачивалась изъ Абовскаго казначейства; отчасти источникомъ содержанія профессоровъ служили пожалованныя казенныя земли: аннексовыя пастораты для богословскихъ профессоровъ (которые свои священническія обязанности осуществляли черезъ особыхъ адъюнктовъ) и пребенныя гейматы для профессоровъ остальныхъ факультетовъ. Въ 1641 г. правительство выдѣлило въ пользу Университета часть таможеннаго сбора; въ 1697 г. на ту же цѣль были назначены: часть оброка съ 307 гейматовъ и часть коронной десятины. Профессоры получали свое содержаніе отчасти деньгами, отчасти хлѣбомъ, что ставило ихъ не въ малое затрудненіе. Выдѣленные на содержаніе Академіи гейматы пользовались значительными привилегіями въ отношеніи казенныхъ сборовъ и повинностей. Однако несмотря на всю эту, какъ кажется на первый взглядъ, щедрость, Академія со своими должностными лицами бѣдствовала, а ея учебныя пособія, бібліотека и лабораторія, не удовлетворяли даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Доходъ Университета, благодаря разницѣ въ урожаяхъ, колебался постоянно, и профессорамъ и остальнымъ служащимъ неоднократно приходилось бѣдствовать. Такъ въ 1644 г. въ университетскую кассу поступило 6,150 д. с.; въ 1655 г.—5,835 д. с.; въ 1645 г.—6,858 д. с., и въ 1647 г.—4,415 д. с. Штатъ жалованья былъ опредѣленъ въ 6.000 д. с.

Каждый изъ профессоровъ богословія получалъ (номинально) 400 далеровъ с.; профессора юридическаго факультета по 300 д. с.; профессора медицины—450 д. с.; профессоръ философіи—400 д. с.; квесторъ—250; 2 адъюнкта по 75 д.; нотарій (т. е. секретарь) 75 д.; 2 педелея по 25 д.; академическій типографщикъ 100. Принимая во вниманіе цѣнность денегъ въ 17 ст., всетаки нельзя не признать эти оклады крайне скудными. Не даромъ профессора всѣ жаловались на свою бѣдность, въ особенности усугубленную недобросовѣтными операціями казначеевъ.

Бѣдны были и студенты. Въ виду этой ихъ бѣдности правительство учредило опредѣленное число стипендій (48) отъ 10 д. до 30 д. с. ежегодно; были учреждены также двѣ стипендіи по 75 д. с. для инспекторовъ стипендіатовъ. Стипендіаты были подчинены особенно строгому контролю. Этотъ надзоръ былъ порученъ только что упомянутымъ инспекторамъ. Стипендіаты обязаны были сдавать провѣрочные экзамены, подъ страхомъ лишенія стипендіи. Кромѣ того выдавались чрезвычайныя пособія наиболѣе прилежнымъ студентамъ. Несмотря на всѣ эти поддержки, бѣднота среди студентовъ была настолько сильна, что слушатели Академіи принуждены были снискивать себѣ пропитаніе самымъ страннымъ образомъ. Бывали случаи, что студенты содержали пивную лавку; ходьба по городу за плату для приглашенія гражданъ къ празднествамъ, пирамъ и театральнымъ представленіямъ была обычнымъ явленіемъ. Наконецъ студенты не гнушались просить милостыню. Болѣе успѣшныя студенты зарабатывали себѣ хлѣбъ уроками, занимая мѣста гувернеровъ и учителей у состоятельныхъ гражданъ и помѣщиковъ.

Правительство жаловалось неоднократно на отсутствіе прилежанія среди студентовъ, упрекая профессоровъ въ отсутствіи энергіи при руководствѣ занятіями студентовъ. Со стороны Канцлеровъ и Вице-Канцлеровъ высказывались сѣтованія на лѣнь профессоровъ, и консисторія дѣлала выговоры лѣнливымъ профессорамъ, обращая, по приказанію Канцлера, ихъ вниманіе на то, «какъ дорого обходилось содержаніе Академіи правительству».

Объемъ обязательныхъ занятій профессоровъ и студентовъ не былъ великъ. Продолжительность каникулъ не была первоначально точно опредѣлена, и начало лекцій иногда отсрочивалось «propter absentes studiosos». Лекціи читались въ XVII столѣтіи лишь 4 раза въ недѣлю. Экзамены производились ежегодно въ Маѣ мѣсяцѣ.

Университетское зданіе было въ плачевномъ состояніи. Аудитории не могли быть отапливаемы. Профессоры и студенты сидѣли зимою на лекціяхъ въ шубахъ и мѣховыхъ сапогахъ или закутанные въ плащи.

И это продолжалось до 1802 г.!

Какъ уже замѣчено выше, организація Университета была опредѣлена и установлена первоначально уставомъ Упсальскаго Университета. Этотъ уставъ не былъ достаточно полонъ и ясенъ, и по представленію Консисторіи въ 1661 г. былъ изданъ новый уставъ для Университета, т. н. Конституція графа Браге. Впрочемъ этотъ новый уставъ (также какъ дополненія къ нему 1743—1747 гг.) не измѣнили основъ университетской организаціи.

Управление Университетомъ, подъ надзоромъ Канцлера и Вице-Канцлера, осталось въ рукахъ Консисторіи, состоявшей изъ ректора (предсѣдателя) и всѣхъ ординарныхъ профессоровъ. Консисторія имѣла не только административную, но и судебную компетенцію. Она могла даже присудить подвѣдомственныхъ ей членовъ Академіи (профессоровъ, магистровъ, студентовъ) къ смерти, тюремному заключенію и т. д., не говоря уже о наказаніяхъ дисциплинарныхъ. Приговоры Консисторіи нуждались въ утвержденіи Канцлера. Ректоръ въ отношеніи юрисдикціи соотвѣтствовалъ губернатору провинціи.

Мало измѣнилась въ шведское время и организація учебной части. Факультеты оставались въ рамкахъ, установленныхъ при учрежденіи Университета.

Впереди другихъ въ своемъ развитіи шель богословскій факультетъ, благодаря заботамъ проканцлеровъ (Абовскихъ епископовъ). Въ концѣ XVII столѣтія проканцлеръ Гецеліусъ (старшій) учредилъ при Консисторіи особую коллегію для образованія проповѣдниковъ. Эта коллегія легла въ основаніе учрежденной въ XIX столѣтіи духовной семинаріи при Университетѣ.

Финансовое положеніе Университета не улучшалось до изданія новыхъ штатовъ 1743 и 1747 гг. Уже 12 лѣтъ спустя послѣ учрежденія Университета, въ 1652 г. правительство само посягнуло на средства Университета. Финансовыя неурядицы въ царствованіе Королевы Христины заставили правительство отнять у Университета пожалованныя ему въ доходъ 697 тоннъ казенной десятины и замѣнить ихъ оброкомъ съ казенныхъ гейматовъ, лежащихъ пустыми. Пострадали профессора и въ особенности студенты.

Сумма, назначенная на содержаніе стипендіатовъ, понизилась съ 960 дал. до 432 д. с.

Когда въ 1721 г., послѣ окончанія опустошительной сѣверной войны профессоры возвратились на свои пепелища, въ разоренный край, въ которомъ населеніе сократилось на $\frac{2}{3}$,—средства Университета были настолько ничтожны, что жалованье профессорамъ было понижено до 229 и 203 дал. с. На содержаніе бѣдныхъ студентовъ выдавалось отъ 28 до 60 тоннъ хлѣба. Новый штатъ 1743 г. возстановилъ прежній размѣръ содержанія профессоровъ и студентовъ. Въ теченіе этого бѣдственнаго періода всѣ средства, данныя казною, шли безразлично на пополненіе убыли въ деньгахъ. На первоначальное назначеніе суммъ никто не обращалъ вниманія. И здѣсь улучшеніе наступило лишь съ 1743 г., когда изданы были вмѣстѣ съ штатомъ и правила объ употребленіи штатныхъ ассигнованій. Суммы, ассигнованныя на Университетъ оставались незначительными въ теченіе всего XVIII столѣтія. Онѣ не превышали 12—15.000 д. с.

Число кафедръ оставалось крайне ограниченнымъ. Юридическій факультетъ до 1811 г. состоялъ изъ одной кафедры подобно юридическому факультету Московскаго Университета временъ Дильтея.

Правила, регулирующія порядокъ пользованія стипендіями, впрочемъ, не были изданы, они появились лишь въ 1812 г., т. е. даны уже въ «русское время». Университетъ, дважды (въ 1700—1721 гг. и въ 1739—1743 гг.) почти уничтожившійся вопреки всѣмъ стараніямъ русскихъ губернаторовъ,—вступилъ въ болѣе мирную эру послѣ заключенія Абовскаго мира. Уставъ его въ своихъ основаніяхъ не измѣнился; далеко неясныя и неточныя опредѣленія конституцій упсальскихъ и графа Браге о соотношеніи Канцлера, Вице-Канцлера, Ректора и Консistorіи остались въ силѣ; впрочемъ, какихъ-либо вредныхъ послѣдствій эта неопредѣленность не имѣла. Въ академической жизни писанный законъ играетъ менѣе важную роль, чѣмъ обычное право; академическій «узусъ» и традиціи пополняли недостатки уставовъ. Болѣе мягкіе нравы содѣйствовали какъ уничтоженію вредныхъ обычаевъ и дашнихъ

сложныхъ процедуръ дѣятельности академическаго управленія, такъ и устраненію грубости и невѣжества въ средѣ студентовъ. Основныя черты академической жизни, освященныя вѣками и традиціями западно-европейскихъ университетовъ, сохранились неизмѣнно. Сохранился церемоніаль inauguration и смѣны Ректора, записи студентовъ, промоціи магистровъ и докторовъ и т. д. Расширеніе научной дѣятельности Университета имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что мѣстное финляндское общество все болѣе и болѣе интересовалось имъ, и въ средѣ его проявилось желаніе поддержать матеріально Академію на Аурѣ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія начинается учрежденіе ряда частныхъ стипендій, число коихъ достигло нынѣ почти 50.

При такихъ условіяхъ наука въ Финляндіи развивалась очень медленно.

Начало самостоятельной научной финляндской дѣятельности ¹⁾ положено во второй половинѣ XVIII столѣтія финляндскими экономистами и естествоиспытателями. Профессора естественныхъ наукъ и экономіи Меннандеръ, Кальмъ, Гаддъ и Чюдениусъ посвятили себя изученію народнаго хозяйства, земледѣлія, климата, геологіи Финляндіи. Скаринъ и Вильмаркъ изучали исторію Финляндіи, топографію и хозяйственныя условія различныхъ ея мѣстностей. Знаменитый Генрикъ Портанъ пролилъ свѣтъ на финскія древности, опредѣлилъ законы развитія финскаго языка, началъ изслѣдовать финскія народныя пѣсни, пословицы, приступилъ къ документальному изученію исторіи Финляндіи. Но значеніе Портана не ограничивается его научными занятіями и трудами; онъ имѣлъ громадное вліяніе на студентовъ.

Еженедѣльно равъ онъ съ помощью газетъ ознакомлялъ студентовъ съ событіями въ Европѣ, ради расширенія ихъ умственнаго горизонта. Онъ не уединялся въ своемъ ученomъ кабинетѣ; всегда доступный своимъ слушателямъ, онъ входилъ во всѣ под-

¹⁾ Въ числѣ профессоровъ Абовскаго Университета въ XVII столѣтіи былъ лишь одинъ действительно выдающійся ученый: Шернхекъ (Delacarlus), авторъ знаменитаго въ исторіи шведской юриспруденціи труда «De jure sveorum et gothorum vetusto». Впрочемъ онъ занималъ кафедру очень недолго.

робности ихъ жизни и занятій и заслужилъ прозвище «отца студентовъ». Въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ онъ былъ горячимъ сторонникомъ Швеціи; лишь въ соединеніи съ Швеціей, лишь въ ея покровительствѣ онъ видѣлъ гарантію для развитія финской науки и залогъ преуспѣянія Финляндіи. Проявившіяся въ 1780-хъ годахъ въ Финляндіи идеи о переходѣ Финляндіи, въ качествѣ полусамостоятельнаго государства, подъ верховенство Россіи, вызвали его гнѣвъ, и съ отвращеніемъ онъ говорилъ объ агитаціи и политическихъ планахъ Г. М. Спренгтпортена.

Около Портана группировались его ученики и товарищи (Ганандеръ, Ленквистъ, Алопеусъ, Францѣнъ и въ особенности: Тенгстремъ), изучая финскую исторію и словесность,—ученики, проникнутые, какъ и онъ, горячею любовью къ родинѣ и къ шведской метрополи.

Портанъ не дожидь до отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи, онъ скончался въ 1804 г.—Но плеяда ученыхъ, имъ воспитанныхъ и вдохновенныхъ, встала лицомъ къ лицу съ новыми политическими условіями существованія Финляндіи.

Многочисленныя опустошительныя войны между Россіей и Швеціей, во время которыхъ всѣ страданія и лишенія обрушились почти исключительно на Финляндію, укоренили въ финскомъ народѣ чувство вражды къ Россіи и русскимъ. Слово «gyss» означало то же, что дикость, грубость. Война 1808—1809 гг., какъ извѣстно, велась съ рѣдкою гуманностью. Финляндцы удивлялись, робко сближались съ побѣдителями, но вѣками взлелѣянная вражда не могла исчезнуть съ момента, когда рѣшилось, что судьба Финляндіи на будущее время связана съ судьбою Россіи. Финляндія, оставленная Швеціей безъ помощи, съ рѣдкимъ мужествомъ защищала каждую пядь своей земли; геройскіе подвиги полуборванной, полубосой финской арміи сдѣлались предметомъ пѣсенъ и сказаній, получившихъ нѣсколько десятилѣтій спустя поэтическое выраженіе подъ перомъ Рунеберга въ извѣстныхъ «Разсказахъ прапорщика Столя». Если еще 40 лѣтъ спустя, при появленіи этихъ стиховъ,—сердце всякаго финляндца усиленно билось при описаніи: «золотаго времени нашей борьбы, нашихъ

побѣдъ, нашей чести и славы», то что могло наполнить душу современниковъ? Финляндскіе публицисты говорятъ, что Финляндія на сеймѣ въ Борго заключила договоръ и союзъ съ Императоромъ Александромъ I. Странное заключеніе договора, послѣ котораго остатки финской арміи отчаянно сражаются съ войсками контрагента и, получивъ извѣстіе о мирѣ, рвутъ знамена, ломають ружья и съ проклятіемъ возвращаются на родину!

Тщетно иногда финляндцы скрываютъ истинныя чувства своихъ соотечественниковъ послѣ войны 1808—1809 г.г. Не искренняя преданность, не любовь и благодарность воодушевляли ихъ и не могли ихъ воодушевлять. Личное обаяніе Александра I, гуманность Буксгевдена, Барклай-де-Толли, Каменскаго и Багратиона служили утѣшеніемъ, уменьшая и боль разлуки съ Швеціей, и боязнь передъ грядущими событіями, но привязанность къ старымъ цвѣтамъ Финляндіи («Finlands gamla färger») сохранилась, скрытая, но тѣмъ болѣе глубокая.—Лишь 20 лѣтъ спустя финляндцы рѣшились усвоить себѣ лозунгъ Арвидсона: «Шведами мы болѣе не можемъ быть, русскими мы не хотимъ быть,—да будемъ мы финнами». Тѣ чувства, кои одушевляли весь народъ финскій,—сознательно высказывались Университетомъ,—ставшимъ особенно дорогимъ для Финляндіи благодаря участию его дѣятелей въ организациі новаго строя Финляндіи. Духовнымъ и умственнымъ главою Университета въ 1808—1809 гг. былъ знаменитый юристъ Калоніусъ, преемникъ Портана по значенію и вліянію на юношество и на все образованное общество. Онъ былъ ректоромъ, когда началась война. Судьба Финляндіи была рѣшена, когда ему пришлось, согласно университетскому уставу, сложить ректорскую мантию. Актъ сложенія ректорской должности совершился 21 іюня 1808 г., т. е. нѣкоторое время спустя, послѣ изданія указаннаго выше Высочайшаго рескрипта. Калоніусъ въ своей рѣчи сказалъ слѣдующее:

«Надобно откровенно сознаться, что настоящая война ведена съ такою умѣренностью, какая не только прилична нашему просвѣщенному вѣку, но заслуживаетъ, чтобы ее ставили въ примѣръ другимъ самымъ даже просвѣщеннымъ націямъ, и дай Богъ,

чтобы онъ ему послѣдовали». «Но, продолжалъ Калониусъ, если съ нами обращаются благостно и хорошо, тѣмъ не менѣ сохранились многія обстоятельства, кои, при настоящемъ необезпеченномъ положеніи вещей, держать насъ въ безпокойствѣ и угнетаютъ насъ тягчайшими заботами.—Дѣло въ томъ, что въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ существуетъ связь между правителемъ и подданными, связь нѣжная, сотканная изъ безчисленныхъ тонкихъ нитей. Эта связь объединяетъ правителя и народъ взаимною любовью и обязанностями. Полагать, что эта тонкая, но твердая связь можетъ порваться при первомъ ударѣ несчастія, не оставляя послѣ себя чувства скорби по быстрой переменѣ и желанія въ сердцахъ подданныхъ возвратиться къ старому порядку вещей,—полагать это, значить ожидать, что совершится нѣчто, что будетъ большою рѣдкостью, или не наступитъ никогда, пока мы останемся людьми. Пускай угодно будетъ военному счастью, что наше тѣло передано въ руки враговъ, и что мы тѣлесно будемъ принуждены идти туда, куда насъ зоветъ приказаніе власти, все таки же душа, менѣ зависимая отъ счастья и вѣдшихъ событій, останется тѣмъ же, чѣмъ она была,—преданной законному Королю невыблемою вѣрностью и непоколебимымъ послушаніемъ. Пока исходъ борьбы еще не извѣстенъ, и до заключенія договора, въ силу коего самъ правитель отказывается отъ своихъ правъ, отъ усмотрѣнія подданнаго не зависитъ отказаться отъ обязанностей и порвать узы, связывающія его съ отечествомъ, если онъ не желаетъ запятнать себя тяжкимъ преступленіемъ измѣны».

Эти смѣлыя слова доказываютъ высокое благородство оратора, безоружно стоявшаго передъ громадной силой, но служатъ также доказательствомъ глубокой вѣры въ гуманность и милость завоевателя, отвѣтившаго на смѣлый вызовъ усугубленіемъ милости, и покорившаго строптиваго ученаго.

Отъ участія въ поѣздкѣ депутаціи отъ сословій въ С.-Петербургъ Калониусъ отказался, по мотивамъ, изложеннымъ въ его рѣчи. Не участвовалъ онъ и въ Боргоскомъ сеймѣ. Тонкій юристъ не могъ не замѣтить, что правовая подкладка этого сейма была болѣе, чѣмъ шатка; древніе областные сеймы была запрещены

Формами Правленія 1721—1772 г.; Боргоскій сеймъ не могъ дѣйствовать на правахъ шведскаго ригсдага, и Калоніусъ отрицалъ за Императоромъ Александромъ I право опредѣлять публично-правовое положеніе Финляндіи на всегда, до заключенія мира съ сувереномъ Финляндіи. Изъ коллегіи Университета отправились на сеймъ вице-канцлеръ, епископъ Тенгстремъ, профессоръ Гадолинъ и профессоръ Гельстремъ (общее число представителей духовнаго сословія было—8; отъ гражданскаго сословія—19, отъ крестьянскаго—30). Какъ Тенгстремъ, такъ и Гадолинъ и Гельстремъ поѣхали на сеймъ съ весьма смѣшанными чувствами. Авторитетъ Калоніуса положилъ на этотъ сеймъ отпечатокъ — измѣны. Можно было извиняться ссылкой на *vis major*, на необходимость позаботиться о судьбѣ родины, на опасеніе раздражить великодушнаго побѣдителя, который шелъ на встрѣчу Финляндіи не съ мечомъ въ рукахъ, а съ высокогуманными, либеральными начинаніями, въ истину и пользу которыхъ Онъ въ то время вѣрилъ (и которыя столь выгодны были въ виду сложныхъ политическихъ обстоятельствъ). Вице-канцлеръ Университета, епископъ Тенгстремъ, сказалъ на сеймѣ первую рѣчь отъ имени депутатовъ. Императоръ Александръ осыпалъ милостями этого высокодаровитаго питомца Портана. Тенгстремъ былъ предсѣдателемъ Комитета, выработавшаго проектъ организаціи Правительственнаго Совѣта. Къ этому времени и Калоніусъ отказался отъ своего строго лойяльнаго по отношенію къ своему шведскому суверену взгляда на сеймъ. Незадолго до открытія сейма въ Швеціи совершился государственннй переворотъ; Король Густавъ Адольфъ IV свергнутъ съ престола при самомъ дѣятельномъ участіи героя финляндской войны, Адлеркрейца. Съ нѣкоторой натяжкой можно было заявить, что и новый король Карлъ XIII властвуетъ надъ подданными не на основаніи закона, а во имя права необходимости и политической цѣлесообразности. Калоніусъ успокоилъ свою совѣсть, совершивъ насиліе надъ юридической логикой. Получивъ любезное письмо отъ Сперанскаго (отъ $\frac{3 \text{ Апрѣля}}{22 \text{ Марта}}$ 1809 г.), онъ согласился составить проектъ организаціи управленія въ Финляндіи, положивъ въ

основаніе начала организаціи шведскаго высшаго суда (1789 г.) и учрежденнаго Густавомъ III «Присутствія для подготовленія общихъ государственныхъ дѣлъ». Онъ принялъ даже должность Прокурора Правительственнаго Совѣта, т. е. Сената. По его почину инструкціи Генераль-Губернатору и Прокурору отъ 7 Февраля 1811 г. были замѣнены новыми инструкціями 31 Января 1812 г., кои сократили полномочія Генераль-Губернатора и увеличили значеніе Прокурора. Калоніусъ неуклонно стоялъ за внутреннюю самостоятельность Финляндіи. Когда впервые, въ 1812 г., возникъ вопросъ о почтовомъ объединеніи Финляндіи и Россіи, онъ въ своей запискѣ по этому поводу писалъ: «Также какъ не всякій сапогъ годится для всякой ноги, такъ и невозможно, чтобы какое либо учрежденіе пригодно было для каждаго народа».

Такимъ образомъ Абовскій Университетъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ представителей, сыгралъ дѣятельную роль въ рѣшительный моментъ новой политической жизни Финляндіи— милости Императора Александра I къ нему усугубились.

Штатъ Университета въ шведское время, какъ сказано выше, былъ крайне бѣденъ, содержаніе профессоровъ было скудное; страдали и студенты; не было благоустройства въ Университетѣ, а о блескѣ нельзя было и думать. «При общей бѣдности финляндцевъ, говорить Гротъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Александровскаго Университета, множество студентовъ принуждено было оставлять Университетъ и уроками внутри края снискивать себѣ пропитаніе. И изъ преподавателей многіе, вопреки своимъ склонностямъ, переходили на какое нибудь другое поприще, чтобы только улучшить свое внѣшнее благосостояніе. Университетъ самъ чувствовалъ значительность пожертвованій, какихъ требовало удовлетвореніе всѣхъ нуждъ его; но если съ одной стороны онъ опасался употребить во зло великодушіе несравненнаго Монарха, то съ другой—любовь къ наукѣ, ревность къ пользамъ Отечества и довѣренность къ неограниченной благодати Александра подали Университету силу преодолѣть его робость».

Немедленно послѣ завоеванія Финляндіи русское правительство приняло рѣшительныя мѣры для улучшенія положенія

Университета. Въ 1811 г. изданъ новый штатъ. Число профессуръ увеличено до 20; опредѣлено 14 адъюнктовъ и т. д. Профессорамъ назначено содержаніе въ размѣрѣ 240 оброчныхъ рублей, добавочное жалованье наличными деньгами и право пользованія оброками съ извѣстнаго числа пребенныхъ гейматовъ. Весь штатъ Университета опредѣленъ въ 9.214 р. 20 к. оброчныхъ единицъ, 12.374 р. 20 к. наличными; особая сумма въ 20.000 р. назначена на ремонтъ зданій и новыя постройки. Кромѣ того Университетъ сохранилъ въ качествѣ источниковъ специальныхъ средствъ: 1) пошлины, платимыя студентами и промовендами за записъ въ число студентовъ, за экзамены и промоціи; 2) установленныя въ 1802 г. (и подтвержденныя въ 1822 г. въ силу Высочайшаго рескрипта отъ 5 Іюня 1822 г. на 15 лѣтъ ¹⁾ пошлины съ вывозимыхъ изъ Финляндіи дровъ, досокъ, смолы и дегтя; 3) доходы съ вакантныхъ пасторатовъ во всей Финляндіи (подтверждено Высочайшимъ рескриптомъ отъ 20 Октября 1827 г.).

«Незабвенный указъ о сихъ перемѣнахъ, говоритъ Гротъ, подписанъ ¹⁰/₂₇ Февраля 1811 г. Такія благодѣнія превзошли всѣ надежды Университета. Преисполненный благодарности, онъ съ Высочайшаго разрѣшенія отправляетъ въ С.-Петербургъ четырехъ депутатовъ для изъявленія Монарху благоговѣйной признательности. Милостиво приняты Имъ, они испрашиваютъ дозволеніе выбить въ память толикихъ щедротъ большую медаль съ изображеніемъ Августѣйшаго Благотворителя ²⁾.

1) А также Рескриптъ Главному Таможенному Управленію 9 Марта 1823 г. и специальный относительно Выборгской губерніи рескриптъ отъ того же числа.

²⁾ Эта медаль была преподнесена Императору Александру I въ 1814 г. тогдашнимъ Канцлеромъ Университета Графомъ Г. М. Армфельтомъ. Въ письмѣ отъ 14 Января 1814 г. онъ пишетъ Государю Императору (Госуд. Архивъ. Корреспонденція Армфельта):

«L'académie d'Abo, comblée des bienfaits de Votre Majesté Impériale, ose Vous offrir un faible hommage de profonde et respectueuse gratitude, en Vous présentant, Sire, par moi comme son Chancelier, les médailles si jointes, qu'elle a fait frapper. Il me flatte que cette académie et par ses principes et par ses soins de former des fidèles sujets et de bons citoyens se rend de jour en jour plus digne de cette munificence peu commune avec laquelle elle a été traitée dès le premier instant que la Finlande fut soumise au sceptre de Votre Majesté Impériale. L'académie, comme tout le reste de ce pays, pénétrée de cette

Съ Своей стороны Онъ обѣщаетъ дѣлать все, что отъ Него будетъ зависѣть для блага любезныхъ Ему Финляндіи и наукъ, прибавляя, что великія возлагаетъ надежды на Абовскій Университетъ.

Сверхъ того, въ ознаменованіе столь важныхъ сего учрежденія событій, въ немъ по старинному обычаю $15/27$ и $16/28$ Іюня 1811 г. торжественно произнесено было нѣсколько рѣчей».

Матеріальное существованіе Университета было обезпечено. Отъ того, сдѣлаетъ ли онъ играть роль благодѣтельнаго общественаго фактора и при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, зависѣло его дальнѣйшее преуспѣваніе.

Политическая связь съ шведскою метрополіею была порвана; духовная же связь, основанная на общности вѣковой культуры, отчасти и на племенномъ единствѣ, сохранилась. Господство шведскаго языка, вытѣснявшаго въ ученое мѣрѣ все болѣе и болѣе космополитическій латинскій, служило могучимъ средствомъ для укрѣпленія связи со Швеціей. Шведская наука не могла соперничать съ наукою континентальной Западной Европы и Англіи, но она была богаче русской. Русскіе Университеты, за исключеніемъ Московскаго, робкими шагами вступали на поприще научной дѣятельности; Академія Наукъ была на половину нѣмецкимъ учрежденіемъ. Русскій литературный языкъ, обработанный Карамзинымъ, боролся еще за право своего существованія. Дворъ, высшіе слои общества, страдали галломаніей, англomanіей, германфильствомъ. Русская газетная и журнальная литература, скудная по содержанію, ограниченная по объему, играла весьма незначительную роль. Финляндія знала русскую армію, русскую дипломатію, русское чиновничество; она чувствовала силу Россіи, но источника этой силы она не знала, своеобразнаго склада русской жизни она не понимала. Однимъ словомъ: новая политическая

reconnaissance qui ne dépend ni du temps, ni des circonstances, n'existant que par l'expérience d'avoir conservé dans le souvenir de leur bon Souverain la place qui leur fut accordée, avant que leur fidélité et leur amour aient pu leur en acquérir le moindre droit».

метрополия была для финляндцевъ какой то громадной неизвѣстной величиной. Страхъ былъ налицо, но не любовь.

До 1812 г. до свиданія Императора Александра I съ Шведскимъ Кронпринцемъ, бывшимъ Французскимъ Маршаломъ, Карломъ Иоганомъ Бернадотъ, финляндцы все еще рассчитывали на возможность вернуться въ лоно шведскаго государства. Какъ видно изъ дипломатической переписки 1809—1812 г.г. (въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ), и русскіе политики считались съ возможностью обратной уступки всей Финляндіи или части ея. Упроченіе русскаго владычества, благодаря новымъ политическимъ комбинаціямъ, отвлекшимъ Швецію къ ея западнымъ границамъ, принудило высшіе слои финляндскаго общества рѣшиться на выборъ: или уйти въ Швецію, или примириться съ мыслию остаться навсегда подданными Русскаго Императора. Изъ числа лицъ, близкихъ къ Университету, не мало избрало первое. Одинъ изъ лучшихъ профессоровъ, извѣстный поэтъ Францѣнъ, переселился въ Швецію. Съ другой стороны, недовольные шведскимъ режимомъ финляндцы, или вѣрнѣе шведы, изпомѣщенные въ Финляндіи, переселялись въ нее, въ надеждѣ на милости и щедроты при Дворѣ Александра I. Явился Графъ Густавъ Маурицъ Армфельдъ; его ловкимъ интригамъ удалось выгнать Сперанскаго. Въ его руки перешло предсѣдательствованіе въ Финляндскомъ Комитетѣ, на него перенесено званіе Канцлера Абовскаго Университета, онъ временно управлялъ Финляндіей въ качествѣ Генераль-Губернатора; онъ побудилъ Александра I отторгнуть Старую Финляндію отъ Россіи. За нимъ явился и «Густавіанецъ» Эренстремъ, занявшійся энергично возстановленіемъ Гельсингфорса и вліявшій не мало на всю общественную жизнь будущаго университетскаго города; переселился въ Финляндію и Камергеръ Карла XIII—Кликовстремъ, получившій камергерскій ключъ, назначенный въ Выборгъ Губернаторомъ, Сенаторомъ въ Гельсингфорсѣ (не будучи финляндцемъ по происхожденію), и благодаря своимъ придворнымъ связямъ игравшій роль въ генераль-губернаторскомъ домѣ и въ кабинетѣ Канцлера Университета. Въ сферѣ этихъ вліятельныхъ лицъ и въ кружкахъ патріотовъ Боргоскаго Сейма не было вражды къ политической Россіи, но и не было желанія сблизиться съ нею.

Желаніе сохранить финляндскую обособленность впрочемъ не мѣшало сознанію необходимости ознакомиться съ русскимъ языкомъ. Известно, что русское правительство имѣло въ виду подготовить почву для введенія русскаго языка въ управленіи, а посему были приняты энергичныя мѣры къ распространенію знанія русскаго языка въ средѣ образованныхъ классовъ. Уже въ 1812 г. назначены учителя русской словесности во всеѣ казенныя школы; изученіе русскаго языка стало обязательнымъ для всеѣхъ воспитанниковъ. Въ 1812 г. отъ всеѣхъ студентовъ, желавшихъ получить свидѣтельство объ окончаніи Университета для поступленія на государственную службу требовалось сдать экзаменъ изъ русскаго языка; то же требованіе ставилось для всеѣхъ кандидатовъ на мѣста пасторовъ до 1824 г., и для школьныхъ учителей до 1831 г. Правительство поощряло изданіе русскихъ учебниковъ и книгъ для чтенія. Таковыя книги начали появляться, но въ очень незначительномъ количествѣ. При Университетѣ съ 1811 г. появился лекторъ русскаго языка, а въ 1828 г. экстраординарный профессоръ. Однимъ словомъ русскимъ языкомъ официально не мало занимались и въ Университетѣ, и въ школахъ. Но результаты всеѣхъ этихъ усилій было очень незначительны. Педагогическій персоналъ былъ весьма плохъ, да и не могло быть иначе. Воспоминанія и записки русскихъ образованныхъ людей рисуютъ намъ печальную картину состоянія учительскаго персонала начала XIX столѣтія. Бѣдная учителями Россія не могла удѣлить педагоговъ въ пользу Финляндіи; о появленіи русскихъ ученыхъ въ Абовскомъ Университетѣ и рѣчи быть не могло, когда русское правительство тщетно искало русскихъ кандидатовъ на русскія кафедры и съ благодарностью принимало всякаго иностранца.

Кандидаты на мѣста чиновниковъ установившимся въ теченіи столѣтій порядкомъ проходили свой курсъ въ Университетѣ, сдавали русской экзаменъ въ первомъ или второмъ полугодіи, и получивъ мѣсто ленсмана, короннаго фохта, герадсгевдинга, гдѣ нибудь въ захолустѣ, гдѣ неслышно было ни единого русскаго слова, куда не проникала ни одна русская книга, быстро забывали свои скудныя познанія. По словамъ одного финляндекаго публициста

Шаумана) обязательное изучение русскаго языка въ школахъ имѣло только одинъ результатъ: русскія буквы стали извѣстными финляндскимъ юношамъ.

Распространенію русскаго языка Абовскій Университетъ не содѣйствовалъ, но и не мѣшалъ. О какихъ либо противодѣйствіяхъ правительственнымъ мѣропріятіямъ съ его стороны не было слышно. Съ 1809 до 1817 г. вліяніе Университета вообще даже нѣсколько понизилось сравнительно съ эпохою Портана и Калоніуса. О профессорахъ Университета Армфельтъ отзывается въ своихъ письмахъ весьма рѣзко, называя ихъ лѣнтяями и тупицами. Съ 1817 г. начинается нѣкоторое оживленіе; научная и литературная дѣятельность профессоровъ вновь оживляется: они обращаются къ прессѣ, какъ къ орудію пропаганды научной, а подчасъ и политической мысли. Профессоръ І. Г. Линзѣнъ въ 1817—1819 гг. издавалъ журналъ *Auga*, затѣмъ журналъ *Mnemosyne*; профессоръ Р. Ф. Беккеръ началъ издавать на финскомъ языкѣ газету «*Turun Vickisanomat*» (въ 1820 г.). Эти органы прессы и литературныя въ нихъ упражненія были весьма безобиднаго свойства ¹⁾. Иной характеръ имѣла газета, основанная профессоромъ Арвидсономъ въ 1821 г., «*Abo Morgonblad*». Арвидсонъ впервые выступилъ защитникомъ «финноманіи». На столбцахъ его газеты появилось знаменитое слово, какъ бы вызовъ господствовавшему шведскому языку и элементу: «лишь тамъ найдется особый языкъ, гдѣ есть особый народъ; народъ неразрывно связанъ со своимъ языкомъ. Въ своемъ языкѣ онъ имѣетъ залогъ и олицетвореніе своей національной независимости и самостоятельности». Уже это разсужденіе казалось ересью непростительной, каково же должно было быть впечатлѣніе, когда Арвидсонъ на столбцахъ своей газеты съ энтузіазмомъ провозгласилъ: «счастливы кто живетъ въ свѣжіе дни, потрясаемые бурейю!» И то было сказано въ эпоху Ахенскаго Конгресса и движенія германскихъ буршен-

¹⁾ Впрочемъ профессоръ Линзѣнъ въ своей газетѣ «*Mnemosyne*», а также его сотрудникъ, профессоръ Эрстремъ, печатали рядъ статей, посвященныхъ національному вопросу, казавшіяся правительству не безопасными. Спасла газету скромность тона и обильное куреніе еиміама властямъ.

шафтеровъ! О газетѣ Арвидсона было доложено Императору Александру I, и черезъ нѣсколько времени газета была пріостановлена. Однако, за исключеніемъ пылкаго Арвидсона, профессора-публицисты рѣдко касались политическихъ явленій и событій; но въ ихъ статьяхъ выступаетъ все яснѣе опредѣленная патріотическая тенденція, которая предлагается публикѣ въ видѣ философскихъ разсужденій или поэтическихъ разсказовъ. При этомъ Арвидсонъ и его сторонники, подъ влияніемъ новыхъ политическихъ условий, сходятъ съ почвы, на которой стоялъ Портанъ. Для Портана и его современниковъ, работавшихъ надъ изслѣдованіемъ древностей и прошлаго ихъ родины, Финляндія была всетаки не иное что, какъ шведская провинція; исторія Финляндіи изучалась въ качествѣ части исторіи Швеціи; на ея культуру смотрѣли, какъ на мѣстную культуру одной изъ областей Шведскаго государства. Для Арвидсона финляндская родина была самостоятельнымъ цѣлымъ, которое могло, по его мнѣнію, достигнуть высокой ступени духовнаго и политическаго развитія на самобытныхъ основахъ. Онъ считается основателемъ фенноманіи, но его «фенноманія» имѣла другой характеръ, нежели «фенноманія» Снельмана или Коскинена. Она обнимала всѣ стихіи финляндской культуры, а не только узко національныя стремленія финновъ въ узкомъ смыслѣ слова. Въ одной статьѣ, помѣщенной въ Abo Morgonblad, онъ охарактеризовалъ національность и національный духъ какъ чувство, связывающее человѣка неразрывно съ тѣмъ народомъ, въ средѣ котораго онъ родился. Въ другой статьѣ онъ заявилъ: «Мы вѣруемъ и признаемъ, что обстоитъ неблагополучно съ отечествомъ, если въ средѣ народа не совершится процессъ перерожденія, если въ члены народа не проникнетъ новый, свѣжій духъ. Вновь должна быть возбуждена любовь къ отечеству и родинѣ, къ ея языку, къ ея чести». Къ сторонникамъ Арвидсона принадлежалъ и лекторъ русскаго языка въ Университетѣ Эрштремѣ ¹⁾. Въ Abo Morgonblad онъ напечаталъ

1) Впрочемъ не обошлось и безъ спора. Эрштремъ напечаталъ въ Mnenosyne статью о важности для финляндцевъ изучать и знать русскій языкъ. Арвидсонъ горячо протестовалъ, считая вторженіе русскаго языка опаснымъ для «національности» финновъ.

статью, въ которой онъ требовалъ введенія финскаго языка въ качествѣ предмета преподаванія въ школахъ, и въ качествѣ языка дѣлопроизводственнаго въ присутственныхъ мѣстахъ. Единство національное, говорилъ онъ, предполагаетъ единство языка. Фенноманія университетскихъ дѣятелей, употребленіе терминовъ національный, нація, единство націи, слишкомъ сильно напоминали движеніе националистическое въ германскихъ университетахъ, противъ которыхъ въ то время Метернихъ велъ борьбу при поддержкѣ Императора Александра I. Извѣстно, что и духъ въ русскихъ университетахъ казался подозрительнымъ: извѣстно, что были приняты рѣшительныя мѣры для борьбы съ университетскимъ либерализмомъ. Это движеніе коснулось и Абовскаго университета. Въ то время Канцлеромъ Университета состоялъ Великій Князь Николай Павловичъ, назначенный на этотъ постъ по ходатайству Университета ¹⁾. Въ своемъ рескриптѣ на имя Консistorіи Августѣйшій Канцлеръ милостиво сказалъ: «Финляндія, счастливая подъ отеческою державою Государя Императора, счастливая своими постановленіями и успѣхами образованности, всегда будетъ наслаждаться процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ, доколь не оставитъ пути, которому понынѣ слѣдовала». Въ 1820 г. казалось, что Университетъ грозилъ пойти по невѣрному пути. Вице-Канцлеромъ былъ одинъ изъ друзей Графа Г. М. Армфельта, Графъ I. Ф. Аминовъ, которому фенноманія была совѣмъ не по вкусу и которому Императоръ Александръ I поручилъ заняться искорененіемъ духа непокорности и свободомыслія въ Университетѣ.

Въ 1818 г. Консistorія получила отъ Правительства порученіе приступить къ пересмотру старинныхъ конституцій 1655 г. и предложить измѣненія, коихъ необходимость окажется несомнѣнною. Повидимому эта ревизія статута шла не очень успѣшно, ибо Императоръ Александръ I Высочайшимъ рескриптомъ отъ 28 Ав-

Эрштренъ въ свою очередь составилъ цѣлое сочиненіе о пользѣ распространенія русскаго языка въ Финляндіи. Оно не появилось въ печати, но сохранилось въ рукописи въ Канцлерскомъ Архивѣ въ связкѣ различныхъ бумагъ 1812—1830 г.г.

¹⁾ После смерти Графа Г. М. Армфельта—Консistorія избрала въ Канцлеры—Графа П. П. Румянцова, но извѣстный русскій меценатъ не принялъ выбора, ссылаясь на то, что онъ уже отказался отъ служебной дѣятельности.

густа 1821 г. извѣстилъ Консистицію объ учрежденіи имъ спеціального комитета для пересмотра статута. Комитетъ, коего председателемъ былъ назначенъ новый Вице-Канцлеръ, тайный совѣтникъ Графъ Аминовъ, состоялъ изъ статскаго совѣтника Л. Г. ф. Гартмана въ качествѣ вице-предсѣдателя и членовъ: гофгерихтскаго совѣтника Гартмана, лагмана Снелъмана, профессоровъ: Гельстрема, Валленіуса, Бунддорфа и Авцеліуса.

Въ рескриптѣ сказано между прочимъ слѣдующее: что Государь обратилъ вниманіе на то, что не достаетъ точной, опредѣленной связи между администраціей и академическимъ управленіемъ, единства въ дѣйствіяхъ и силы, и что, разъ этотъ недостатокъ есть слѣдствіе неудовлетворительной организаціи, то даже и горячее усердіе не въ состояніи исправить его. До Высочайшаго свѣдѣнія дошла также и общая жалоба на то, что юношество, поступающее изъ Университета на службу края, далеко не всегда обладаетъ достаточной подготовкой, твердостью въ мысляхъ и полностью познаній, кои являются условіемъ къ пріобрѣтенію способности для занятія болѣе высокихъ административныхъ должностей. Съ прискорбіемъ Государь узналъ также, что академическая дисциплина не была соблюдаема съ необходимою серьезностью и справедливою строгостью, которые столь сильно содѣйствуютъ тому, чтобы уже своевременно въ сердцахъ молодежи возбуждать любовь къ порядку и закону, и которая, въ такое время, какъ настоящее, прежде всего необходима, для противодѣйствія возрастанію непокорности, для разоблаченія невѣрности и зловредности господствующихъ идей, и для возбужденія въ умахъ образованнаго юношества добронравія и подчиненія законамъ, основамъ прочности и твердости гражданскаго порядка. И наконецъ Государь не могъ остаться въ невѣдѣніи относительно того, что то, что могло быть совершенно для увеличенія научнаго значенія Университета и академическаго процвѣтанія, послѣ того какъ сіе учрежденіе снабжено многими новыми преподавателями и увеличилось средствами для развитія наукъ, не вполне соотвѣтствовало тѣмъ задачамъ, исполненіе коихъ Государемъ было признано необходимымъ. Таковыя обстоятельства, предупредить или пресѣчь коихъ не могли ни Собственныя объ Университетѣ Государя за-

боты, ни попеченія Вице-Канцлера, ни усилія многихъ заслуженныхъ преподавателей, преимущественно должно приписать дѣйствию законовъ, кои не развиты или усовершенствованы согласно современному положенію просвѣщенія и наукъ и измѣнившимся потребностямъ и положенію края. Мысли Государя обращены преимущественно на послѣдствія вполнѣ отдѣленнаго отъ общаго управленія краемъ—мѣстоположенія Университета,—на отсутствіе на мѣстѣ находящагося постояннаго попечителя, на сосредоточеніе трехъ отраслей управленія въ рукахъ одного и того же органа, на амбулаторный характеръ ректорской должности, на четверо-кратное обсужденіе даже многихъ мелкихъ дѣлъ академическими учрежденіями, на настоящую организацию двухъ академическихъ судилищъ, на участіе всей консисторіи въ надзорѣ за дѣлами, кои лишь однимъ лицомъ могутъ быть въ совершенствѣ вѣдаемы, на способъ вознагражденія служащихъ и на способъ завѣдыванія экономическими дѣлами Университета, на увеличеніе числа служащихъ выше дѣйствительной въ нихъ потребности, между тѣмъ какъ не достаетъ иныхъ для Университета необходимыхъ установленій.

Высочайшимъ рескриптомъ 28 Августа 1821 г. тайный совѣтникъ Графъ Аминовъ былъ назначенъ, впредь до новаго окончательнаго распоряженія, Вице-Канцлеромъ. Въ этомъ рескриптѣ сказано, что «новая и систематическая редакція академическаго устава не будетъ окончена въ теченіе еще продолжительнаго времени. Мы же признаемъ крайне важнымъ для сего учебнаго заведенія, чтобы неудобства, вызванныя тѣмъ, что Университетъ въ то время, когда должность Проканцлера не была замѣщена, былъ лишенъ попечителя постояннаго, на мѣстѣ находящагося, были немедленно по возможности удалены». Далѣе Графу Аминову было рекомендовано обратить серьезное вниманіе на усиленіе дисциплины въ средѣ академической молодежи. «Вы знаете, сказано въ рескриптѣ, Нашъ образъ мыслей на этотъ счетъ. Вы знаете, что Мы одинаково искренно и постоянно заботимся объ охранѣ истиннаго просвѣщенія и всего, что можетъ способствовать благу человѣческому, и что столь же неизбежно Наше намѣреніе противодѣйствовать распространенію колобродныхъ ученій въ Нашемъ на-

родѣ и предупредить порчу подрастающаго поколѣнія путемъ превратнаго ученія и *преувеличеннаго понятія о гражданскихъ правахъ*».

Надзоръ за Арвидсономъ былъ усиленъ. Арвидсонъ продолжалъ работать въ томъ же направленіи. Въ 1820 г., въ Стокгольмской газетѣ «Nya extraposten» появилась серія его статей съ сильными нападками на управление Финляндіи. Эти статьи появились по слѣдующему поводу: Въ 1819 г. профессоръ, впоследствии ректоръ, Даниль Мирѣнъ, напечаталъ въ официальной газетѣ «Abo allmänna tidning» рядъ статей подъ заглавіемъ «Краткій обзоръ тѣхъ выгодъ, кои выпали на долю Финляндіи, благодаря ея счастливому соединенію съ Россійскимъ Государствомъ подъ скипетромъ Императора Александра I». Арвидсонъ не хотѣлъ спокойно выслушать эти похвалы русской политики и увѣщаніе автора, обращенное къ академической молодежи, спокойно и усердно заниматься наукой и вѣрить въ благія намѣренія Правительства. И вотъ онъ подъ псевдонимомъ шведскаго путешественника и пустилъ въ ходъ всю пылкость и ѣдкость пера, чтобы опозорить довольныхъ судьбою Финляндіи. Онъ упрекнулъ дѣятелей 1809 г. въ томъ, что они не достаточно воспользовались удобнымъ моментомъ, чтобы тверже обезпечить «конституцію» края, что они допустили обезоруженіе Финляндіи и т. д. Арвидсонъ, будучи самъ еще гимназистомъ въ Борго, участвовалъ въ манифестаціяхъ противъ Россіи, выразившихся въ томъ, что разъ ночью былъ сорванъ гербъ Россіи, выставленный въ видѣ украшенія. Статьи въ «Nya extraposten» побудили шведское правительство привлечь редактора къ отвѣтственности. Газета была пріостановлена и редакторъ (Нордѣнъ) посаженъ въ тюрьму. Арвидсонъ не успокоился, а въ финляндской газетѣ Mnemosyne онъ позволилъ себѣ насмѣшки надъ финскими офицерами ¹⁾. Это

¹⁾ Статья (газета «Mnemosyne 1822 г.») озаглавлена «Мысли и разсужденія» (Betraktelser), а ея содержаніе приблизительно слѣдующее: «Что ждетъ Финляндію въ будущемъ? Народъ, говоритъ авторъ, живетъ лишь своей исторіей и воспоминаніями о своемъ прошломъ. Однако бываютъ также народы, неимѣющіе ни исторіи, ни воспоминаній. Такіе народы должны преодолѣть много затрудненій, если они хотятъ развиться и достигнуть своего національнаго назначенія, они должны почерпнуть все изъ своего соб-

переполнило чашу терпѣнія. По настоянію Аминова зазванный профессоръ былъ въ силу Высочайшаго рескрипта отстраненъ отъ должности и высланъ изъ Або ¹⁾). Арвидсонъ удалился въ Стокгольмъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ Королевской бібліотеки въ Стокгольмѣ и продолжалъ свою научную дѣятельность. Онъ издалъ громадный трудъ «Матеріалы для освѣщенія судебъ Финляндіи» и, какъ увидимъ ниже, подъ псевдонимами Пеко Каухариненъ и Олли Кикелайненъ, впослѣдствіи

стеннаго сердца, выдержать и пережить всѣ испытанія, всякую борьбу съ помощью своихъ собственныхъ силъ; высшею обязанностію является для нихъ сохраненіе и охрана ихъ индивидуальности. Именно въ такомъ положеніи находится финскій народъ. Многіе говорятъ, что не стоитъ разсуждать о нашемъ національномъ характерѣ, о нашей индивидуальности, о сохраненіи и развитіи нашего роднаго языка, нашихъ пѣсенъ, обычаевъ, преданій! Мы стремимся быть всѣмъ, но только не финнами, мы желаемъ знать все, знать всѣ языки свѣта, но не нашъ собственный языкъ. И тѣмъ не менѣе Финляндія въ настоящее время представляетъ собой страну, которая должна сама собой править и руководить. А потому многіе молодые люди привлекаются въ гражданскую службу. И нужно сожалѣть о томъ, что они слишкомъ поверхностно относятся къ дѣлу, что они принимаютъ въ себя лишь извѣстную сумму лекцій, не заботясь о приобрѣтеніи дѣйствительныхъ познаній. Большинство изъ нихъ почти ничего не знаетъ ни про государственное хозяйство, законовѣдніе, государственное право и политику. Духъ власти тяготеетъ надъ большинствомъ изъ нихъ, основательныя научныя познанія весьма рѣдки. Гдѣ же причина этого неудовлетворительнаго, печальнаго положенія вещей? Причинами являются множество предметовъ испытанія и хорошее вознагражденіе, получаемое въ низшихъ уже должностяхъ; болѣе основательное научное образованіе не требуется, и никто не имѣетъ интереса къ общественнымъ дѣламъ. И этотъ недостатокъ въ стремленіяхъ и познаніяхъ замѣчается и въ средѣ духовенства. Многія духовныя лица едва ли имѣютъ понятіе о литературѣ; не успѣютъ они надѣть пасторское облаченіе, какъ книги ихъ осуждаются на вѣчное забвеніе. Что касается военныхъ, то большая часть ихъ поступаетъ въ русскіе полки, имѣетъ малое вліяніе на судьбу родины; военное сословіе вездѣ равно во всѣхъ странахъ; его отличительною чертою является: ви́шній лоскъ, красивый мундиръ, ви́шняя образованность и большой запасъ крѣпкихъ словъ. Всѣ эти классы чиновниковъ выходятъ изъ Университета, а каково положеніе дѣлъ въ Университетѣ? Рѣдко у студентовъ встрѣчается глубокое серьезное научное и патріотическое стремленіе. Всѣ трудятся изъ за экзаменовъ, ради скорой карьеры и тѣлеснаго благоденствія. Молодые умы охвачены разрушающимъ все духомъ власти и спячки!» и т. д.

Въ архивѣ Статсъ-Секретаріата сохранились №№ газеты «Morgonblad» 13 Января, 17 Февраля, 17 Марта, 24 Марта, 7 Апрелья, 12 Мая, 26 Мая и 30 Іюня 1821 г., въ которыхъ всѣ острия мѣста тщательно подчеркнуты карандашомъ. Какъ видно изъ пометки на № 26 (30 Іюня 1821 г.) эти №№ были присланы на разсмотрѣніе Финляндскаго Комитета въ Петербургъ. Смѣлое слово Арвидсона о благотвѣльномъ вліяніи бури на общественную жизнь находится въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Talemellan en blind, en halt, en vindögt och en frisk».

¹⁾ Удаленіе Арвидсона изъ Университета состоялось послѣ горячаго спора въ засѣданіи Консисторіи. Часть профессоровъ, въ особенности Бунсдорфъ, указывала на то, что лишеніе Арвидсона званія доцента и удаленіе изъ Або безъ суда и слѣдствія есть нарушеніе финляндскихъ основныхъ законовъ и привилегій Финляндіи.

выступилъ почти одновременно и сторонникомъ инкорпораціи Финляндіи въ Россіи, и поборникомъ ея политической самостоятельности ¹⁾.

Катастрофа Арвидсона не была единственной. Почти одновременно съ нимъ (въ 1822 г.) профессоръ юридическаго факультета Авцеліусъ былъ принужденъ подать въ отставку. Про него извѣстно, что онъ былъ не любимъ Вице-Канцлеромъ. Причины его увольненія не вполне ясны, но онъ остался въ Финляндіи, участвовалъ въ работахъ по пересмотру таможеннаго тарифа и служилъ повѣреннымъ въ дѣлахъ нѣкоторыхъ крестьянъ донаціонныхъ имѣній въ Выборгской губерніи. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ казалась не безопасной въ политическомъ отношеніи. Въ 1831 г. ему приказано было оставить Финляндію въ теченіи 3 недѣль. Онъ опоздалъ, просрочилъ срокъ; на пути въ Швецію на Аландскихъ островахъ, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Вятку. Возвращенный оттуда въ Финляндію, онъ до смерти своей (въ Ригѣ) оставленъ былъ подъ надзоромъ полиціи.

Третьимъ былъ профессоръ греческой и восточной словесности І. Бундорфъ, выступившій защитникомъ Арвидсона въ засѣданіи консисторіи, въ которомъ слушалось дѣло объ его удаленіи изъ Або. Поступокъ его не показался впрочемъ достаточно серьезнымъ для того, чтобы прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ: въ 1823 г. онъ получилъ безсрочный отпускъ; 9 лѣтъ онъ оставался въ отпуску, а въ 1832 г. онъ въ качествѣ заслуженнаго профессора уволенъ въ отставку.

Эти событія прервали мирное теченіе академической жизни

¹⁾ Арвидсонъ впоследствии посѣтилъ Финляндію, но повидимому безъ вѣдома и противъ воли Правительства, ибо 7 Іюня 1827 г. Финляндскій Генераль-Губернаторъ Графъ Закревскій писалъ Графу Ребиндеру слѣдующее: «Его Императорское Величество въ 6 день сего Іюня Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ отнестись къ Вашему Сіятельству, что когда впредь кто либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ Абовскому Университету, подвергнетъ себя ко всегдашнему удаленію изъ онаго своими проступками, то о такомъ благоволено бы было извѣщать тогда же Финляндскаго Генераль-Губернатора для предписанія ландсгевдингамъ о надзорѣ за ихъ поведеніемъ и образомъ жизни. Его Величество замѣтить при томъ изволилъ, что если бы мѣра сія была исполняема прежде, въ такомъ случаѣ извѣстный Арвидсонъ не могъ бы впуцень быть въ Финляндскіе предѣлы» (Архивъ Канцлерскаго Управ. 1827 г.).

въ Або, но не препятствовали развитію научной дѣятельности профессоровъ и занятій студентовъ. Пришлось имѣть дѣло и съ студенческими шалостями, небольшими исторіями, поводомъ къ которымъ, какъ повсюду въ маленькихъ университетскихъ городахъ, были столкновенія студентовъ съ немногочисленной полиціей, съ ремесленниками, иногда и съ солдатами. Политической окраски эти исторіи не имѣли¹⁾. Празднованіе 300-лѣтняго юбилея реформаціи (въ 1817 г.) прошло безъ какихъ либо политическихъ манифестацій. Праздникъ былъ ознаменованъ новою Монаршею милостію. Проканцлеръ Университета, епископъ Тенгстремъ, былъ введенъ въ санъ архіепископа. И послѣ своего увольненія отъ должности Проканцлера (1821 г.) онъ оставался вліятельнымъ защитникомъ интересовъ Университета.

Кончина благодѣтеля Финляндіи и ея Университета ввергла университетскую коллегію въ глубокую печаль. На престолъ Всероссийскій вступилъ Канцлеръ Университета, Императоръ Николай I, осчастлививъ Академію на Аурѣ тѣмъ, что онъ назначилъ Канцлеромъ Наслѣдника престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича. Во время малолѣтства юнаго Канцлера, обязанности Канцлера поручено исправлять Статсъ-Секретарю Барону Ребиндеру.

Все предвѣщало Университету преуспѣяніе и процвѣтаніе, когда въ 1827 г., 23 Августа, сгорѣлъ городъ Або и съ нимъ Университетъ. Уничтожены были всѣ хранилища учебныхъ пособій, драгоценныя рукописи и вся бібліотека. Профессора, студенты и служащіе при Университетѣ остались безъ крова, потерявъ все свое имущество. Казалось, что Абовскій Университетъ былъ уни-

¹⁾ Болѣе серьезное значеніе имѣла лишь драка студентовъ съ полиціей, по поводу объявленія о томъ, что внѣ Университета студенты впредь будутъ подчинены надзору полиціи (въ 1817 г.). Въ 1821 г. случилась исторія, сильно взволновавшая весь городъ Або. Страдавшій умственнымъ разстройствомъ студентъ Гадолинъ, сынъ одного изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ, ворвался со шпагой въ руки въ квартиру профессора Васера и ранилъ его въ лицо. Событіе напоминало убійство Коцебу въ Маннгеймѣ студентомъ Зандъ и настолько испугало Вице-Канцлера, что тотъ, отправляясь въ Або разбирать дѣло Арвидсона, трогательно простался съ семьей и друзьями, предполагая, что идетъ на вѣрную смерть. На случай серьезныхъ волненій студентовъ было приказано стрѣлять въ нихъ.

чтоженъ навсегда. Но страшное бѣдствіе послужило поводомъ къ проявленію какъ новыхъ милостей царскихъ, такъ и искренняго сочувствія и помощи всей образованной Россіи. Небогатая Финляндія не могла бы быстро возстановить свое утраченное духовное сокровище. Вотъ что пишетъ Я. К. Гротъ про возстановленіе Университета (въ вышеуказанномъ сочиненіи, глава VII, «Императорскій Александровскій университетъ»). «Между тѣмъ вся Финляндія оплакивала невознаградимую, какъ тогда казалось, потерю своего Университета. Каковы же были всеобщія чувствованія, когда распространилась радостная вѣсть, что Его Императорское Величество, движимый тою же отеческою благодію, съ какою уже столько лѣтъ споспѣшествовалъ просвѣщенію Финляндіи, благоволилъ изъявить Всемилостивѣйшую волю о немедленномъ возстановленіи истребленнаго святилища наукъ. Манифестомъ 9/21 Октября 1827 г. Высочайше повелѣно, чтобы Финляндскій Университетъ, для тѣснѣйшаго соединенія съ высшими правительственными мѣстами края, переведенъ былъ въ Гельсингфорсъ, и въ память своего незабвеннаго благотворителя впредь назывался Александровскимъ. Для покрытія издержекъ при постройкѣ новаго каменнаго дома въ Гельсингфорсѣ на опредѣленномъ мѣстѣ, Государь Императоръ изволилъ предоставить Университету особенные доходы ¹⁾; но такъ какъ они еще не скоро могли быть собраны, то ему вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше пожаловано въ ссуду на 10 лѣтъ, безъ процентовъ, 500.000 р. Всѣмъ университетскимъ чиновникамъ для переѣзда въ Гельсингфорсъ назначены въ пособіе годовые оклады. Для распоряженій же по постройкѣ зданія и вообще по переведенію Университета на новое мѣсто учрежденъ въ Гельсингфорсѣ временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Графа Ребиндера, какъ исправляющаго должность Канцлера».

«Пожаръ абовскій только на годъ прекратилъ дѣятельность

¹⁾ Именно: 1) пошлины съ вывозимыхъ изъ Финляндіи дровъ, досокъ, смолы и дегтя (онѣ уже въ 1822 г. предоставлены были Университету до 1838 года; затѣмъ срокъ сей продолженъ до 1868 г.), и 2) доходы съ вакантныхъ пасторатовъ по всей Финляндіи, на 30 лѣтъ. Оба источника доходовъ еще шведскими королями были предоставляемы Университету.

Университета. До приведенія къ окончанію новаго дома, ему по Высочайшей волѣ отведено было помѣщеніе частью въ стѣнахъ Сената, частью въ (такъ называемомъ) инспекторскомъ домѣ, построенномъ для дивизионнаго начальника Финскихъ войскъ, нынѣ же занимаемомъ Помощникомъ Генераль-Губернатора, состоящимъ въ должности Вице-Канцлера Университета, генераломъ отъ инфантеріи А. П. Теслевымъ. Уже въ первыхъ числахъ Октября послѣдовало въ зданіи Сената, съ торжественнымъ обрядомъ, открытіе Университета, и 6 числа опять начались лекціи при 339 студентахъ ¹⁾. Еще въ томъ же году, 28 Ноября (10 Декабря), дарованъ былъ Университету новый уставъ, въ сущности сходный съ прежнимъ, но примѣненный къ современнымъ требованіямъ.

Между тѣмъ Университетъ отовсюду получалъ отрадныя доказательства всеобщаго участія къ судьбѣ его. Изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи ему безпрестанно приносились были въ даръ всякаго рода учебныя пособія, особливо книги. Однимъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи приобрѣтеній былъ онъ обязанъ Правительству: ему предоставлена была Сенатская бібліотека. Что касается до частныхъ лицъ, то даже нѣкоторые изъ жителей Або, сами профессора, менѣе другихъ пострадавшіе, отдали ему часть книгъ своихъ. Въ Гельсингфорсѣ образовалась складчина для облегченія Университету средствъ къ возстановленію его бібліотеки. Тамъ же многіе студенты нашли на первое время безденежное помѣщеніе въ частныхъ квартирахъ. Особенно трогателенъ былъ даръ, присланный Университету крестьянами одного прихода; даръ этотъ состоялъ въ 50-ти бочкахъ ржи, которыя Университету предоставлялось употребить по его усмотрѣнію.

Во всей Россіи частныя лица, учебныя и ученныя заведенія, особливо университеты, пожертвовали погорѣвшему учрежденію значительное число книгъ, послѣдніе между прочимъ всѣ свои дубликаты. Особенную щедрость въ этомъ случаѣ показали Остзейскія губерніи, можетъ быть оттого, что тамъ и средства къ та-

¹⁾ Послѣ освященія новаго зданія Университета студенты поднесли Императору Николаю I всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ изложена просьба о расширеніи правъ финскаго языка. Канцлерскій Архивъ 1832—1834 г.г.

кимъ приношеніямъ обильнѣе. Отчасти же къ тому способствовали два напечатанныя въ тамошнихъ вѣдомостяхъ воззванія. Дерптскій округъ подарилъ Александровскому Университету болѣе 3,500 томовъ. Рижскій книгопродавецъ Гартманъ прислалъ ему книгъ на 5.337 р. сер. Сверхъ того изъ тѣхъ же губерній присланы разные физическіе и химическіе снаряды

Но ничто не можетъ сравниться съ истинно-Царскимъ даромъ, которымъ Государь Императоръ и Его Августѣйшій Сынъ не разъ жаловали Университетъ при его возрожденіи. Трудно было бы исчислить все, что впоследствии бібліотека Александровскаго Университета пріобрѣла отъ щедротъ какъ Государственныхъ Особъ, такъ и частныхъ лицъ Государь Императоръ изволилъ подарить Университету пріобрѣтенные Его Величествомъ на собственный счетъ 2,800 томовъ медицинскихъ сочиненій, а Государь Наслѣдникъ пожаловалъ ему знаменитую діактіолетику Липерта, болѣе 3 тысячъ оттисковъ древнихъ».

Въ 1828 г., какъ сказано выше, Университетъ, названный Александровскимъ, вновь открылъ свои двери, хотя и во временномъ помѣщеніи, не въ древнемъ Або, а въ Гельсингфорсѣ, быстро обстроенномъ благодаря энергіи Эренштрема и таланту Ангеля.

Одной изъ главныхъ причинъ перевода Университета изъ Або въ Гельсингфорсѣ, по заявленію бывшаго Министра Статсъ-Секретаря Графа А. Армфельта, было представленіе, сдѣланное генераль-губернаторомъ Графомъ Закревскимъ Императору Николаю I о томъ, что перенесеніе Академіи на Аурѣ въ Гельсингфорсѣ облегчитъ надзоръ за ней и дастъ генераль-губернатору возможность какъ предупреждать столкновеніе студентовъ съ войсками, такъ и наблюдать за политическимъ настроеніемъ академической молодежи. Въ политическую благонадежность сей молодежи Закревскій не вѣрилъ. Ниже мы увидимъ, что и его преемники: Князь Меншиковъ и Графъ Бергъ были скептиками въ этомъ отношеніи и неоднократно выставляли необходимость подчиненія Университета непосредственному надзору генераль-губернатора. Но какъ Императоръ Николай I, такъ и Але-

ксандръ II не соглашались съ этими опасеніями и высшее управленіе Университета осталось въ рукахъ канцлеровъ и вице-канцлеровъ.

Почти 20 лѣтъ прошло съ момента, когда рѣшилась судьба Финляндіи. Подростало новое поколѣніе, не знавшее лично шведскаго управленія, не видѣвшее бѣдствій и нравственныхъ страданій и колебаній 1808—1809 г.г. Въ 20 и 30-хъ годахъ русскій элементъ въ главномъ городѣ края въ значительной степени усилился. Переѣхали въ Гельсингфорсъ и русскіе купцы, ремесленники, рабочіе; въ немъ стоялъ сильный русскій гарнизонъ. По словамъ одного современника, въ Гельсингфорсѣ нужно было знать нѣсколько по русски, чтобы пользоваться всѣми этими нужными людьми. Не смотря на неоднократныя столкновенія съ русскими офицерами и солдатами, отношеніе финляндцевъ къ русскимъ было вообще удовлетворительнымъ. Не мало финляндцевъ поступало въ русскія войска. Для студентовъ изъ лучшихъ семействъ, послѣ окончанія университетскаго курса, считалось какъ бы въ модѣ надѣть русскую сѣрую шинель и, по сдачѣ экзамена, черезъ полгода, обрадовать родныхъ блестящими эполетами и погонами русскаго прапорщика. Въ 30 и 40-хъ годахъ до 750 финляндскихъ юношей служили одновременно въ русскихъ полкахъ. По свидѣтельству финляндцевъ, оставившихъ записки о тѣхъ патриархальныхъ временахъ, случаи сближенія русскихъ съ финляндцами въ то время были гораздо чаще, чѣмъ 30 лѣтъ спустя. Конечно нельзя было говорить о глубокихъ симпатіяхъ финляндцевъ къ русскимъ, но не было и антипатій.

Позволимъ себѣ привести слѣдующую выдержку изъ воспоминаній Шаумана, прекрасно характеризующую ту политическую атмосферу, въ которой жили образованные юноши 30-хъ годовъ. (Какъ мы увидимъ ниже 1840 г. былъ началомъ новыхъ стремленій и настроеній):

«Никто не могъ болѣе мечтать о возстановленіи прежней связи съ Швеціей. Никто не хотѣлъ думать о совершенномъ сліянніи съ Россіей. Я никогда не слышалъ слова, которое намекало бы на одну изъ этихъ возможностей. Несомнѣнно, встрѣчались какъ

повсюду единичные искатели приключеній, фантасты, но они не проявляли своей мысли публично.

О чемъ думали въ сущности въ тѣ времена, спрашиваю я себя, погружаясь въ воспоминанія о далекомъ для меня прошломъ?

Думали о томъ, несомнѣнно, что Финляндія, и только Финляндія, есть наше отечество, и что она стала чѣмъ то самодовлѣющимъ, чѣмъ то, что никогда болѣе не могло бы сдѣлаться шведскимъ и никогда не станетъ русскимъ. Мы сознавали себя финнами, финской націей, которой надлежало идти впередъ по своему особому пути; но думая такія думы—мы чувствовали, что почва колебалась подъ ногами и густой туманъ заграждалъ наши взоры. То есть: если существовало національное самосознаніе, то оно не стояло твердо на ногахъ, не поддерживалось твердою вѣрою въ будущее. Мы не рѣшались гордиться тѣмъ, что насъ возвысили въ «рангъ націи». Мы жили, какъ я уже разъ замѣтилъ, въ постоянной боязни; мы призывали, такъ думается мнѣ, наиболѣе разумнымъ, какъ можно меньше думать о будущемъ, а еще менѣе говорить о немъ; лучше всего, казалось намъ, молчаливо и покорно выжидать то, что грядущіе дни могли намъ принести.

До послѣднихъ дней царствованія Александра I составлялись планы о развитіи нашего конституціоннаго строя путемъ созыва земскихъ чиновъ. Но въ эпоху Императора Николая I о такихъ вещахъ нельзя было даже думать. Сеймъ, земскіе чины,—о нихъ говорили не иначе, какъ объ историческихъ понятіяхъ, принадлежащихъ минувшему времени. Мы сознавали, что мы имѣли еще дѣйствующіе основные законы, хотя и отгѣсненные здѣсь и тамъ; но мы на нихъ смотрѣли какъ на сокровище подъ замкомъ, какъ на достоуважаемую древность, до которой не слѣдуетъ прикасаться и о содержаніи которой далеко не всѣ знаютъ. Если мы говорили и о государственныхъ дѣлахъ, то эти разговоры касались (кромѣ чиновпроизводства, которое всегда было интересной главой) обыкновенно неудовольствія и критики какой либо административной мѣры, которая въ Петербургѣ, благодаря постороннему вліянію на «князя» (т. е. тогдашняго генераль-губернатора Князя Меншикова), состоялась неожиданнымъ образомъ. Глубокую скорбь возбуждалъ ростъ

силы и власти этого князя и генераль-губернатора, въ ущербъ силы Министра Статсъ-Секретаря Графа Ребиндера. Памятна мнѣ въ особенности та искренняя скорбь, когда въ 1837 г. внезапно, старое, хорошее, какъ намъ казалось, название Landshöfding замѣнено было названіемъ «губернатора». Съ ужасомъ усматривали въ этомъ мѣропріятіи начало къ болѣе широкому преобразованію губернскаго управленія. Къ счастью это опасеніе не оправдалось, но указанный страхъ доказываетъ, что, какъ ни глубоко было охватившее насъ сонливое онѣмѣніе, въ которое погрузило насъ тогдашнее тяжелое управленіе, всетаки и въ то время нашлась извѣстная доля патриотическаго бдѣнія, которая не поддавалась спячкѣ; мы спали, но мы спали съ открытыми глазами или вѣрнѣе: мы бодрствовали, но мы не рѣшались показать, что мы не спимъ».

Давно задуманной (ср. главу I) реформѣ Университета даль толчекъ пожаръ Або, превратившій всю академію въ пепель и побудившій перевести Университетъ въ Гельсингфорсъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Уставъ 1828 г. и развитіе Университета съ 1828—1852 г.

Если, какъ сказано выше, въ 1811 г. для Университета наступила новая эра въ отношеніи экономическомъ, то ничего, или почти ничего не измѣнилось въ отношеніи организациі его составныхъ частей. Все еще дѣйствовали старинныя конституціи графа Браге и Упсальскій Уставъ 1644—1655 гг. И правительство, и сами члены Университета сознавали, что эти нормы давно устарѣли, но еще прошло 17 лѣтъ до замѣны ихъ новымъ уставомъ.

Кое-какія измѣненія въ университетскомъ быту совершились, но они не имѣли важнаго значенія. Въ 1821 году должность проканцлера замѣнена должностью вице-канцлера и перестала быть принадлежностью сана Абовскаго епископа. Въ 1818 г. (10 Апрѣля) духовная семинарія, при Университетѣ, основанная, какъ мы указали выше, проканцлеромъ Гезелусомъ старшимъ, получила новую инструкцію. Въ 1812 г. изданы правила для раздачи стипендій; и въ 1817 г. (3 Ноября) издано Высочайшее постановленіе объ экзаменахъ студентовъ Университета, которые хотятъ поступить на службу по судебному вѣдомству или по другимъ отраслямъ гражданскаго управленія. Въ 1824 г. учрежденъ Клиническій Институтъ и поставленъ въ зависимость отъ академическаго управленія.

Въ 1826 г. разрѣшено принять на службу сверхштатнаго преподавателя русскаго языка. Въ 1826 же году, какъ указано въ первой главѣ, учреждена первая стипендія для студентовъ, желающихъ изучить русскій языкъ въ Москвѣ.

Наконецъ, въ 1826 г. на служащихъ въ Абовскомъ Университетѣ распространено запрещеніе принадлежности къ масонскимъ ломамъ и инымъ тайнымъ обществамъ.

Въ виду неоднократныхъ столкновеній и недоразумѣній съ полиціей Або, которая, въ нарушеніе старинныхъ привилегій Университета, вмѣшивалась въ жизнь студентовъ и требовала ихъ къ

отвѣту, въ 1819 г., послѣ учрежденія въ Або полицейской камеры, былъ данъ Высочайшій рескриптъ 30 Марта 1819 г., опредѣлившій компетенцію Абовской полицейской камеры въ отношеніи лицъ, подчиненныхъ юрисдикціи Университета. Въ Университета студенты были подчинены надзору полиціи.

Уставъ 1828 г. установилъ организацію Университета на началахъ, несомнѣнно имѣющихъ корень въ упсальскихъ конституціяхъ, но обновленныхъ и сохранившихся донинѣ.

Къ разсмотрѣнію организаціи Университета по уставу 1828 г. мы теперь и перейдемъ.

Проектъ устава выработанъ былъ особымъ комитетомъ, учрежденнымъ, какъ мы видѣли въ I гл., въ Гельсингфорсѣ, а затѣмъ поступилъ на разсмотрѣніе спеціально для этой цѣли назначенной комиссіи въ Петербургѣ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предѣлательствомъ тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія Свѣтлѣйшаго Князя К. Ливена ¹⁾.

¹⁾ Въ Канцлерскомъ Архивѣ въ различныхъ связкахъ дѣлъ 1822—1834 гг. найдены всѣ акты, относящіеся къ работамъ Коммисіи въ Або и въ Петербургѣ. Коммисія Князя Ливена состояла изъ 4 членовъ: Статсъ-Секретаря Ребиндера, Статсъ-Секретаря Блудова, Академика Шторха и Профессора Абовскаго Университета Фаттенборга; дѣлопроизводителемъ былъ Сербиновичъ.

Проектъ Университетскаго Устава, выработанный въ Або, былъ представленъ Государю Императору при обширной докладной запискѣ Графа Ребиндера, который изложилъ слѣдующіе «общіе виды».

«Хотя Финляндія и сохранила прежнее свое законоположеніе и согласныя съ онымъ собственныя свои установленія, она, однако же, будучи присоединена къ Имперіи Россійской, вступила во многія совершенно отличныя отъ прежнихъ отношенія. Черезъ то сдѣлались нужными новыя дополненія и при учебныхъ заведеніяхъ, почему я при составленіи проекта моего, согласно съ вышеупомянутымъ комитетомъ, не упустилъ изъ виду таковой потребности и помѣстилъ въ проектъ постановленія, имѣющія въ особенности цѣлью изученіе Россійскаго языка, которое со дня на день становится болѣе необходимымъ для финляндскаго юношества. Стараясь при томъ, по мѣрѣ сообразности съ общимъ устройствомъ и законоположеніемъ Финляндіи, сблизить учрежденіе Финляндскаго Университета съ уставами Россійскихъ Университетовъ и принявъ въ уваженіе, что постановленія о Дерптскомъ Университетѣ, изданныя въ недавнемъ времени, болѣе прочихъ примѣнены къ потребности времени въ отношеніи къ наукамъ, а по части вѣроученія и Богословскихъ наукъ предпочтительно вмѣстимы въ Финляндіи, я заимствовалъ изъ устава Дерптскаго Университета предписанія, кои можно было примѣнить къ Финляндскому Университету и кои способствуютъ ближайшей связи, должствующей быть между учреждениями, имѣющими общую цѣль содѣйствовать пріуспѣванію основательной учености, истинному просвѣщенію и образованію рода человѣческаго.

Высочайшій Манифестъ, коимъ сопровождалось изданіе новаго устава Университета, гласилъ слѣдующее:

Мы, Николай I,

. (титуль).

Объявляемъ черезъ сіе:

Что Мы съ самаго начала Царствованія Нашего среди отеческихъ Нашихъ заботъ о благоденствіи подданныхъ Нашихъ, имѣя непрерывное попеченіе объ успѣхахъ наукъ въ Имперіи Нашей, обратили особенное Наше вниманіе на нынѣшнее положеніе, устройство и потребности учебныхъ заведеній.

Предшественникъ Нашъ на Престолѣ, Блаженный памяти Государь Императоръ Александръ Первый, усмотрѣлъ, что со-

Но обращая все потребное вниманіе на всѣ сіи обстоятельства, я не могъ при предположеніяхъ своихъ упустить вовсе изъ виду и того, что, перешедъ въ наслѣдіе отъ праотцевъ къ настоящему поколѣнію, существовало уже въ продолженіе вѣковъ.— Каждый народъ возрастаетъ, достигаетъ зрѣлости и укрѣпляется въ законахъ и установленіяхъ своихъ, и хотя подъ могущественнымъ вліяніемъ преуспѣвающаго просвѣщенія и содѣлываются нужные отмѣны въ оныхъ, то всякій народъ однакоже желаетъ видѣть сіи отмѣны произведенными такимъ образомъ, чтобы и въ новыхъ формахъ узнавалъ онъ еще что либо древнее и чтобы новыя установленія казались болѣе исходящими изъ старыхъ, нежели совсѣмъ чуждыми.—Присовокупивъ къ сему, что долговременнымъ опытомъ дознаны и подтверждены годность и польза разныхъ дѣйствующихъ нынѣ при Финляндскомъ Университетѣ учреждений и сообразивъ потребность установить частное законодательство для каждаго особаго сословія въ какой либо землѣ такимъ образомъ, чтобы оно, поскольку позволяетъ то цѣль существованія самаго сословія, согласовалось съ общими законоположеніями и гражданскимъ устройствомъ той земли, я согласно съ Комитетомъ видѣлъ во всемъ томъ убѣдительныя причины сохранить многія изъ существующихъ нынѣ въ Финляндіи Университетскихъ постановленій, изъ коихъ нѣкоторыя состоялись въ новѣйшія времена, а другія изданы весьма незадолго предъ симъ, почему и приурочены къ потребностямъ настоящаго времени. А какъ наставники, чиновники и служители Университета издревле составляли вкупѣ съ духовенствомъ, равно съ служителями при церквахъ и училищахъ, общее учебное сословіе Финляндіи и университетскіе наставники, чиновники и служители обще съ женами, вдовами и несовершеннолѣтними дѣтьми своими, пользуются посему привилегіей Духовенства отъ 16 Октября 1723 г. правами и преимуществами духовнаго званія, то я почелъ долгомъ своимъ въ точности соблюсти все, что въ оныхъ привилегіяхъ постановлено въ пользу Университета, и вслѣдствіе того согласить съ тѣмъ мой проектъ».

Какъ уже указано выше, въ главѣ I, на постройку Университета назначена была изъ Государственнаго Заемнаго Банка по Высочайшему повелѣнію ссуда безъ процентовъ въ размѣрѣ 500.000 р. асс. По представленію только что названнаго комитета ссуда была выдаваема постепенно, а именно: въ началѣ 1828 г.—55.000 р., въ Маѣ 1828 г.—75.000 р., въ исходѣ того же года—100.000 р., и 1 Мая 1829 г.—100.000 р., 1 Мая 1830 г.—100.000 р. и 1 Мая 1831 г.—70.000 р.

ставъ Абовскаго, нынѣ Александровскаго Университета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и дѣйствующія въ ономъ по сіе время постановленія уже задолго передъ симъ въ толикой мѣрѣ обветшали, что не соответствовали ни той возвышенной степени, которой достигли науки въ сравненіи съ положеніемъ ихъ въ прежнія времена, ниже существенной цѣли истиннаго просвѣщенія. По поводу того Его Величество соизволилъ учредить особую комиссію, повелѣвъ оной для отстраненія недостатковъ, сопряженныхъ съ древнимъ составомъ помянутаго университета, рассмотреть всѣ относящіяся до устройства и управленія онаго постановленія и составивъ сообразный съ требованіями настоящаго времени проектъ новаго устава Финляндскаго Университета, внести предположенія свои на Высочайшее усмотрѣніе. По окончаніи того проекта и представленія онаго Намъ, Мы не только повелѣли истребовать мнѣніе кого слѣдуетъ на помянутыя предположенія, но и составивъ здѣсь, въ столицѣ, особый комитетъ, поручили оному войти въ вѣщнее соображеніе помянутаго проекта; нынѣ же, разсмотрѣвъ оный Сами, признали за благо къ должному въ чемъ до кого касается исполненію утвердить нижеслѣдующій уставъ Императорскаго Александровскаго Университета въ Финляндіи».

Университету указана двоякая цѣль, теоретическая и практическая:

1) онъ долженъ былъ содѣйствовать успѣхамъ «Наукъ и Искусствъ» въ Финляндіи;

2) онъ долженъ былъ «образовать финляндское юношество для службы Государю и Отечеству».

Служеніе двоякой цѣли выразилось въ двоякаго рода испытаніяхъ (какъ мы увидимъ ниже) теоретическихъ и практическихъ. Испытанія теоретическія давали степени ученыя и открывали дверь къ ученой карьерѣ; испытанія практическія открывали доступъ къ практической дѣятельности.

Университету, который былъ объявленъ состоящимъ подъ особеннымъ покровительствомъ Государя Императора, были дарованы широкія привилегіи. Эти привилегіи были присвоены Университету, какъ цѣлому учрежденію, такъ и отдѣльнымъ его членамъ.

Самая важная привилегія заключалась въ юрисдикціи Университета надъ его членами, къ коимъ были причислены не только все служащіе въ Университетѣ и студенты, но и все лица, имѣющія ученую степень и состоящія при Университетѣ «для упражненія въ наукахъ», но не вступившія еще ни въ государственную, ни въ общественную службу. Органами суда въ Университетѣ была консисторія и т. н. коммисія благочинія («Коммисія надзора за благочиніемъ и ученіемъ»), состоявшая изъ Ректора въ качествѣ предсѣдателя и 4 профессоровъ, изъ коихъ 3 должны были быть инспекторами отдѣлений студентовъ. Составъ обновлялся по частямъ; профессора вступали въ коммисію по очереди. Дѣла разсматривались въ коммисіи сокращеннымъ порядкомъ. Функціи обвинителя исполнялъ особый университетскій повѣренный или синдикъ. Суду коммисіи были подвѣдомственны все дѣла о проступкахъ противъ благочинія студентовъ и лицъ, состоявшихъ при Университетѣ, но не занимавшихъ какую либо должность. Коммисія въ своей судебной дѣятельности руководствовалась особымъ «Постановленіемъ о благочиніи для студентовъ Александровскаго Университета въ Финляндіи», изданнымъ одновременно съ уставомъ.

Когда студентъ по учиненному на него въ какомъ либо судѣ доносу не могъ быть обвиненъ, но и не совершенно оправданъ, то коммисія могла подвергнуть его исправительному наказанію на основаніи «Постановленія о благочиніи», соображаясь въ томъ съ большею или меньшею вѣроятностью представленныхъ противъ него доказательствъ.

Если какой либо судъ приговаривалъ студента къ наказанію по общему Уложенію, то коммисія имѣла право сверхъ того приговорить его еще къ другому, также на основаніи Постановленія о благочиніи, если находила, что въ проступкѣ его были такія обстоятельства, или что оный былъ послѣдствіемъ такихъ порочныхъ побужденій, которыя не могли подлежать разсмотрѣнію обыкновеннаго судилища.

Гражданская юрисдикція надъ студентами и дисциплинарная надъ всеми служащими въ Университетѣ была вѣрена Университетскому суду, состоявшему изъ 5 членовъ (3 профессоровъ юри-

дического факультета и 2 адъюнктовъ) подъ предсѣдательствомъ старшаго члена. Университетскій судъ судилъ по общему Уложенію и другимъ постановленіямъ Финляндіи, слѣдую предписанному въ оныхъ порядку судопроизводства. Университетскій судъ равнялся по компетенціи своей Ратгаузскому суду; апелляція на его рѣшенія по спорнымъ дѣламъ, если цѣна спорнаго имущества съ причитающимися на оную процентами не превышала 96 р. сер., не допускалась; по дѣламъ болѣе важнымъ апелляція приносилась въ Гофгерихтъ.

Университетскому суду были также подвѣдомственны дѣла объ упушеніяхъ и проступкахъ по службѣ, какъ обучающихся въ Университетѣ, такъ и чиновниковъ и служителей, о нанесенныхъ ими другъ другу въ исправленіи должностей и оскорбленіяхъ и о спорахъ между ними на счетъ окладовъ или иныхъ доходовъ ихъ отъ мѣстъ служенія.

Юрисдикція Университета распространялась на городъ Гельсингфорсъ и окрестности онаго на разстояніи одной финляндской мили. Университету присвоена была также и исполнительная власть (эксекуціонная), равная власти Ландсгединговъ (Губернаторовъ), но лишь въ отношеніи лицъ, входящихъ въ «корпусъ» академіи.

Административно-судебной юрисдикціи Университета подлежали дѣла по его внутреннему хозяйству.

Наконецъ Университетъ имѣлъ даже право требовать административной высылки извѣстной категоріи лицъ, могущихъ имѣть неблагопріятное вліяніе на учащуюся молодежь. § 21 устава гласилъ:

«Состоящіе въ государственной или общественной службѣ и прочіе, не записанные въ университетскій списокъ, но продолжающіе обучаться въ Университетѣ, не подлежатъ сужденію онаго, но за нарушеніе порядка или вообще за дурное поведеніе могутъ быть исключены изъ числа слушающихъ лекціи; если же Университетъ усмотритъ, что, не взирая на сіе распоряженіе, самое пребываніе ихъ въ городъ вредно для другихъ обучающихся, то сносится ими съ особеннымъ начальствомъ виновныхъ, когда они состоятъ на службѣ, или буде не состоятъ въ оной, съ начальниками полиціи,

требуй пріянятія мѣры для предохраненія учащихъ отъ вреднаго дѣйствія ихъ товарищества и примѣра».

Хозяйственныя привилегіи Университета состояли въ правѣ содержать типографію, издавать катехизисы, книги духовныхъ пѣсней на финскомъ языкѣ, календари, выписывать безъ платежа таможенныхъ пошлинъ ученые и учебныя пособія, получать для библіотеки беспошлинно и бесплатно по одному экземпляру сочиненій всѣхъ издаваемыхъ въ Россійской Имперіи нынѣ, содержать свою книжную лавку, аптеку и т. п. Въ вѣдѣніи Университета оставлены пожалованные ему въ шведское время пастораты (т. н. аннексовыя) и казенныя земли съ ихъ оброками.

Всѣмъ должностнымъ лицамъ Университета (ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ, секретарямъ, камерирамъ, адъюнктамъ, повѣренному Университета, лекторамъ, учителямъ, нотаріусу, амануенсамъ, доцентамъ и даже всѣмъ низшимъ служителямъ), какъ состоящимъ на службѣ, такъ и уволеннымъ отъ службы, но еще не опредѣленнымъ на другую службу, ихъ вдовамъ и несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, гарантировано пользованіе привилегіями, дарованными духовному сословію въ 1723 г. 16 Октября ¹⁾ .

Всѣ ординарные и экстраординарные профессора и прочіе преподаватели, а равно и вдовы ихъ, также и внесенные въ списокъ Университета для упражненія въ наукахъ молодые люди вся-

¹⁾ Въ грамотѣ привилегій духовнаго сословія 16 Октября 1723 г. академическаго персонала касаются § § 4, 5, 7, 8, 10, 22, 24, 26 и 27 о невозбранномъ пользованіи всѣми отведенными въ пользу духовенства землями, доходами, о свободѣ отъ постоя и рекрутскихъ наборовъ, о квалифицированной охранѣ личности ихъ противъ оскорбленій словомъ и дѣломъ, о лишеніи ихъ свободы, тѣлесной неприкосновенности, имущества не иначе какъ по приговору обыкновеннаго нормальнаго суда, за доказанное судебнымъ порядкомъ преступленіе, о производствѣ въ чины и должности за заслуги и т. д.

§ 28 установилъ слѣдующія общія обязанности духовнаго сословія:

«Все духовное сословіе обязано тщательно пещись о благоденствіи христіанскихъ общинъ, отправлять свои должностныя обязанности съ христіанскимъ усердіемъ, содѣйствовать всячески тому, чтобы грѣхи были предупреждаемы, стараться о томъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ все совершалось добропорядочно и прилично, вести жизнь благоугодную, трезвую и скромную; соблюдать тишину и согласіе, давать другимъ примѣръ добропорядочной жизни и прилежанія, соблюдать вѣрность и преданность Его Величеству и коронѣ, стараться предупреждать въ слушателяхъ всѣ недоразумѣнія, безпокойство и прерватныя мнѣнія, дабы все содѣйствовало славѣ Божьяго имени, назиданію общинъ и сохраненію спокойствія въ государствѣ и т. д.»

каго званія, еще не вступившіе въ государственную или общественную службу и не занимающіеся никакими торговыми или иными промыслами, были освобождены отъ личной подати въ казну. (Эта привилегія сохранилась до закона 1865 г., т. е. до реформы личнаго обложенія и установленія новыхъ манталныхъ денегъ; этотъ законъ устранилъ всѣ податныя привилегіи въ отношеніи личнаго налога).

Органы управленія Университетомъ остались по существу и взаимному отношенію тѣ же, кои существовали со дня его основанія въ 1640 г., т. е. Канцлеръ, Вице-Канцлеръ (бывшій проканцлеръ), Ректоръ и Консисторія, въ составъ которой входили ординарные профессора ¹⁾.

Академическая же корпорація состояла изъ профессоровъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ, адъюнктъ-профессоровъ, лекторовъ, учителей, доцентовъ, чиновниковъ и разныхъ служителей, студентовъ, внесенныхъ въ списокъ онаго, и наконецъ, всѣхъ возведенныхъ Университетомъ въ ученые степени, до вступленія ихъ въ государственную или общественную службу.

Высшимъ органомъ управленія университетскими дѣлами считался Канцлеръ, который въ отношеніи Университета былъ и остался какъ бы Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Остальныя мѣстныя высшія власти не имѣли непосредственнаго отношенія къ дѣламъ Университета.

Въ силу § 31 Высочайшей Инструкціи финляндскому Генералъ-Губернатору 31 Января 1812 г. Университетъ не былъ подчиненъ управленію Генералъ-Губернатора, которому было лишь предоставлено «ежели замѣтитъ онъ какое либо.....упущеніе или неустройство, напоминать кому слѣдуетъ о скорѣйшемъ исправленіи недостатковъ таковыхъ». Въ важныхъ же случаяхъ онъ могъ «принимать мѣры къ отраженію вредныхъ послѣдствій и въ то же время извѣщать для дальнѣйшихъ распоряженій управляющихъ непосредственно сими мѣстами».

¹⁾ Вновь учреждена только выше указанная т. н. «Studii och Disciplins commissionen» Коммисія надзора за ученіемъ и благочиніемъ.

Что касается Сената, то онъ имѣлъ (и имѣеть) отношеніе къ Университету только по случаю назначенія суммъ на его содержаніе.

Канцлеръ назначается непосредственно Государемъ Императоромъ. Уставъ (§ 35) называетъ его Главнымъ Начальникомъ Университета.

Черезъ него восходятъ къ Высочайшей власти всѣ представленія о мѣрахъ, кои служатъ къ утверженію и умноженію благосостоянія Университета. Эти представленія могутъ исходить непосредственно отъ него, или же могутъ быть возбуждаемы подчиненными ему университетскими властями: Вице-Канцлеромъ, Ректоромъ или Консисто́ріей. Мнѣніемъ этихъ подчиненныхъ властей Канцлеръ не былъ связанъ. Уставъ (§§ 38 и 39) предписываетъ ему только требовать мнѣніе Консисто́ріи по дѣламъ какъ учебнымъ, такъ и хозяйственнымъ.

Если возникаетъ необходимость издать какое либо Высочайшее постановленіе, относящееся до Университета, или если по университетскому дѣлу требуется разрѣшеніе Государя Императора, то Канцлеръ повергаетъ на усмотрѣніе Государя Императора свое заключеніе, но вмѣстѣ съ мнѣніемъ консисто́ріи и со всѣми прочими принадлежащими къ дѣлу бумагами.

Что касается самостоятельной распорядительной власти Канцлера, то опредѣленія ея въ уставѣ не всегда точны.

Консисто́рія, въ засѣданіяхъ коей Канцлеръ имѣеть право присутствовать, не участвуя въ ея опредѣленіяхъ, составляетъ на основаніи сего устава проекты Регламентовъ или Инструкцій и т. п. постановленій для внутренняго устройства Университета; утвержденіе ихъ предоставлено Канцлеру, которому повидимому была дарована въ отношеніи этого рода дѣлъ власть дискреціонная.

Не ясно редактированы постановленія устава о дисциплинарной власти Канцлера. Канцлеръ печется о соблюденіи порядка и добрыхъ нравовъ въ Университетѣ, о приведеніи въ цвѣтущее состояніе преподаваемыхъ въ ономъ наукъ и искусствъ и вообще о благѣ и пользѣ онаго. Для сего онъ тщательно наблюдаетъ, чтобы всѣ преподаватели, чиновники и служители Университета, а

равно и обучающіеся въ ономъ исполняли свои обязанности съ точностью и радѣніемъ, и чтобы «Университетъ и всѣ къ оному принадлежащіе вполнѣ и ненарушимо пользовались дарованными имъ особенными привилегіями».

Уставъ ничего не говоритъ о правѣ Канцлера имѣть надзоръ за правильнымъ преподаваніемъ въ Университетѣ, о правѣ его подвергать своему контролю программы курсовъ и т. д.

Средствомъ контроля служили только ежегодно (на основаніи § 42) представляемыя Канцлеру вѣдомости о предназначенныхъ лекціяхъ и учебныхъ упражненіяхъ.

Утвержденію Канцлера подлежали: выборы (Консисто́ріею) ректора, проректора, временно заступающаго мѣсто ректора, когда должность его по законнымъ причинамъ не можетъ исправляться проректоромъ, директора богословской семинаріи при Университетѣ и непрѣмѣннаго инспектора университетскаго казначейства.

Если при выборахъ одного изъ этихъ должностныхъ лицъ откроется разногласіе въ средѣ Консисто́ріи въ томъ смыслѣ, что различные кандидаты имѣютъ различное число голосовъ, то Канцлеръ утверждаетъ того, въ чью пользу подано наибольшее количество голосовъ; если же голоса раздѣлились поровну между нѣкоторыми кандидатами, то онъ по своему усмотрѣнію назначаетъ одного изъ имѣющихъ наиболѣе голосовъ.

Канцлеру предоставлено на основаніи составленнаго Консисто́ріей кандидатскаго списка опредѣлить (съ выдачею надлежащихъ грамотъ) секретаря, ординарныхъ адъюнкть-профессоровъ, университетскаго повѣреннаго, лекторовъ и учителей (фехтованія, верховой ѣзды и т. д.).

Онъ назначаетъ «по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности» экстраординарныхъ адъюнкть-профессоровъ, лекторовъ и Учителей, на основаніи же представленія Консисто́ріи—доцентовъ, если всѣ эти лица выдержали установленныя факультетами испытанія.

Канцлеръ по представленіямъ факультетовъ, сообщеннымъ ему черезъ Консисто́рію, даетъ разрѣшеніе на промоціи, т. е. на пу-

бличное и торжественное провозглашеніе именъ лицъ, возведенныхъ въ ученія степени.

Ему предоставлено право увольнять въ отпускъ университетскихъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею властью (т. е. ординарныхъ профессоровъ), но не болѣе какъ на 3 мѣсяца: имѣющихъ же грамоты или конституторіалы за подписью Канцлера, а равно и чиновниковъ и служителей, утвержденныхъ въ семъ званіи грамотами Консistorіи, ему было предоставлено отпускать и на болѣе продолжительное время.

Канцлеру же было предоставлено выдавать грамоты на пребендныя пасторатства профессорамъ Богословскаго факультета.

Канцлеру вручены также функціи органа административной юстиціи.

Онъ разсматриваетъ и рѣшаетъ жалобы:

1) на опредѣленія Консistorіи: а) по дѣламъ ея хозяйственнаго управленія на основаніи постановленій 4 пункта § 90 ¹⁾; б) по дѣламъ, относящимся до распорядженія капиталами частныхъ стипендій и до раздачи стипендій вообще; в) по дѣламъ о замѣщеніи вакансій профессоровъ, секретаря, адъюнкты-профессоровъ, университетскаго повѣреннаго, лекторовъ и учителей.

2) На опредѣленія Ректора въ дѣлахъ дисциплинарныхъ.

Дѣла о дисциплинарныхъ проступкахъ студентовъ представляются на утверженіе Канцлера, при чемъ ему было предписано требовать объясненій лицъ, обвиняемыхъ Консistorіей. Рѣшенія Канцлера по этимъ дѣламъ объявлены окончательными; апелляція на нихъ не допускалась; однако, виновный, присужденный имъ къ наказанію, могъ принести Государю Императору просьбу о помилованіи.

Для веденія дѣлъ канцлерскаго управленія учреждена долж-

¹⁾ Т. е. дѣла по упущеніямъ и проступкамъ по службѣ университетскихъ преподавателей, чиновниковъ и служителей; спорныя дѣла между ними о жалованьѣ и о прочихъ доходахъ по ихъ мѣстамъ; дѣла объ оскорбленіи и неуваженіи начальства, также о взаимныхъ обидахъ между университетскими преподавателями, чиновниками и служителями, во время исправленія ими дѣлъ по службѣ, кромѣ важныхъ случаевъ, подлежащихъ компетенціи общихъ судовъ; дѣла внутренняго хозяйства Университета, кромѣ дѣлъ о начетахъ на Университетскаго Камерира.

ность Секретаря канцлерскихъ дѣлъ; Секретарь назначался по усмотрѣнію Канцлера, который опредѣляетъ также занятія его по должности.

Что же касается должности Вице-Канцлера, то Уставъ 1828 года смотрѣлъ на нее какъ на временную, непостоянную. Фактическія же обстоятельства превратили ее въ постоянную.

§ 45 гласитъ: «Если Канцлеръ не можетъ имѣть постоянного пребыванія въ городѣ, гдѣ находится Университетъ, то онъ представляетъ Государю Императору о необходимости назначить Вице-Канцлера. Въ случаѣ Высочайшаго на сіе соизволенія, Его Императорское Величество, назначая Вице-Канцлера, съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляетъ особымъ Наказомъ пространство власти, ему предоставленной. Сія власть прекращается съ прибытіемъ Канцлера въ городъ, гдѣ находится Университетъ»¹⁾).

¹⁾ Въ дѣлахъ архива Статсъ-Секретаріата я не нашелъ ни одной инструкціи Вице-Канцлеру. Не нашлась инструкція также и въ дѣлахъ т. н. Канцлерскаго Архива, а только рядъ проектовъ инструкціи. Въ дѣлѣ объ уставѣ 1852 г. имѣется ссылка на инструкцію Вице-Канцлеру 1848 г., но самой инструкціи нѣтъ.

Въ эпоху 1889—1900 гг. Канцлерами Университета были:

Статсъ-Секретарь Михаилъ Сперанскій 1809—1812 г.

Генераль-отъ-Инфантеріи Графъ Густавъ Мауриць Армфельтъ 1812—1814 г.

1814—1816 г. (вакантна).

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Павловичъ 1816—1825 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ 1826—1855 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ 1855—1865 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ 1865—1881 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ 1881—1894 г.

Исправляли должность Канцлеровъ или содѣйствовали Августѣйшимъ Канцлерамъ при отправленіи канцлерскихъ обязанностей:

Графъ Робертъ Генрихъ Ребиндеръ 1826—1841 г.

Графъ Александръ Армфельтъ 1841—1876 г.

Баронъ Бернгардъ Индрейюсъ 1876—1881 г.

Баронъ Эмиль Шернваль-Валенъ 1881 г.

Баронъ Фёдоръ Брунъ 1881—1888 г.

Генераль Юганъ Казиміръ Эрнротъ 1889—1894 г.

Генераль фонъ-Денъ 1889—1898 г.

Генераль В. Н. Прокопе 1898—1899 г.

Непосредственное управление Университетомъ ввѣрено органамъ единоличнымъ (ректоръ и инспекторъ казначейства) и коллегіальнымъ (консисторіи, факультетамъ, комисіи надзора за ученіемъ и благочиніемъ и университетскому суду).

Остановимся на должности Ректора.

Ректоръ въ Уставѣ 1828 г. выступаетъ въ двойной роли: 1) онъ единолично осуществляетъ дисциплинарный надзоръ за профессорами и вообще должностными лицами въ Университетѣ, а также за студентами, является органомъ отчасти распорядительнымъ, отчасти надзирающимъ за хозяйствомъ Университета, а также органомъ суда въ ограниченныхъ размѣрахъ, и 2) онъ выступаетъ въ качествѣ предсѣдателя въ коллегіальныхъ органахъ, консисторіи и комисіи благочинія.

Ректоръ есть довѣренное лицо какъ высшаго руководителя Университета, Канцлера, такъ и академической коллегіи. Онъ избирается консисторіей (состоящей изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ) на 3 года изъ числа ординарныхъ профессоровъ, прослужившихъ въ семъ званіи не менѣе 2 лѣтъ, и утверждается въ должности Канцлеромъ, который отдаетъ преимущество выбранному большинствомъ голосовъ, или въ случаѣ разногласія голосовъ поровну между нѣкоторыми кандидатами—избираетъ по своему усмотрѣнію одного изъ нихъ.

Избираемый въ Ректоры въ первый разъ не имѣетъ права отказаться отъ Ректорскаго поста, если онъ не можетъ обосновать

Статье-Секретарь В. К. Плеве съ 1899 г.

Должность Вице-Канцлера занимали:

Графъ Юганъ Фридрихъ Аминовъ, Тайный Совѣтникъ 1821—1827 г.

Генераль-Лейтенантъ Александръ Аматусъ Теслевъ 1828—1830 г.

Генераль-Лейтенантъ Александръ Стевель-Штейнгель 1830—1831 г.

Генераль-Маіоръ Петръ Георгъ Теслевъ 1831—1832 г.

Генераль Александръ Аматусъ Теслевъ 1832—1847 г.

Генераль-Лейтенантъ Юганъ Маурицъ Норденстамъ 1847—1855 г.

Генераль отъ Инфантеріи Баронъ Юганъ Рейнгольдъ Мункъ 1855—1865 г.

Генераль-Лейтенантъ Баронъ Бернгардъ Индреніусъ 1866—1869 г.

Генераль-Лейтенантъ Сенаторъ Баронъ Казиміръ фонъ Котенъ 1869—1873 г.

Сенаторъ Баронъ Юганъ Филиппъ Пальменъ 1873—1895 г.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Карль Габріель Теодольмъ Рейнъ 1895 г.

свой отказъ основательными причинами, признанными таковыми и Канцлеромъ; во второй же разъ принять ректорство никто не обязанъ.

На случай вакансіи должности Ректора, или на тотъ случай, если Ректоръ не можетъ по законнымъ причинамъ отправлять своихъ обязанностей, консисторія избираетъ проректора тѣмъ же самымъ порядкомъ, который предписанъ для избранія Ректора. Ректору предписано уставомъ 1828 г. вступать въ должность до конца весенняго полугодія, при чемъ означенный уставъ сохранилъ почти всю древнюю торжественную обстановку вступленія въ должность новаго Ректора (освободивъ его, впрочемъ, отъ обязанности давать объѣды и торжества, столь отягощавшіе ранѣе далеко не всегда состоятельныхъ ученыхъ, облачавшихся въ пурпурную мантию).

Для того, чтобы облегчить Ректору отправленіе имъ его сложныхъ служебныхъ обязанностей уставъ 1828 г. освободилъ его (а также проректора на время исправленія имъ ректорскихъ функцій) отъ обязанности читать публичныя лекціи. Что же касается частныхъ лекцій, то таковыя, въ случаѣ достаточнаго числа записавшихся, должны были читаться.

Ректору, какъ органу надзора за чинами академической корпорации, поручено было: принимать и записывать студентовъ, увольнять въ отпускъ служащихъ въ Университетѣ, объявлять о всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ, промоціяхъ, диспутахъ и т. д., составлять списки студентовъ, наблюдать, чтобы всѣ служащіе въ Университетѣ исполняли свои обязанности, увѣдомлять Консисторію о замѣченныхъ проступкахъ по должности по собственному усмотрѣнію (а также по представленію другихъ лицъ), останавливать выпускъ университетскихъ диссертаций и тезисовъ и не допускать публичнаго по онымъ пренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязанъ былъ вносить такія, подвергшіяся запрету, диссертации и тезисы на разсмотрѣніе въ Консисторію, которая въ свою очередь представляла ихъ съ мнѣніемъ своимъ Канцлеру. Судьба ихъ рѣшалась окончательно Канцлеромъ.

«Ректоръ, сказано въ § 68, имѣетъ въ своемъ распоряженіи вахмистровъ и сторожей университета. Если они, въ случаѣ про-

изведеннаго студентами безпорядка, не въ состояніи будутъ возстановить спокойствіе или задержать виновныхъ, то Ректоръ въ правѣ требовать на помощь воинской силы отъ Городскаго Коменданта, который обязанъ немедленно удовлетворить его требованія».

• Согласно § 69 «Ректору принадлежитъ исполнительная власть въ Университетѣ. Употребляя оную на основаніи общихъ существующихъ законовъ и сего устава, онъ долженъ по дѣламъ о студентахъ и прочихъ подчиненныхъ Университету, находящихся въ предѣлахъ вѣдомства его, оказывать все то содѣйствіе, котораго требовать будутъ не только Консисторія, университетскій судъ, или комиссія благочинія, но и другія Правительственныя и Судебныя мѣста, а равнымъ образомъ и приводить въ исполненіе постановленные консисторіею, университетскимъ судомъ или комиссіею благочинія и вступившіе въ законную силу приговоры».

Какъ органъ хозяйственнаго надзора Ректоръ наблюдаетъ за цѣлостію всего имущества Университета (архивомъ, бібліотекой, коллекціями, кабинетами, музеемъ, капиталами, зданіями и т. д., назначаетъ и производитъ ревизію, осмотры и т. п.).

Дисциплинарной власти Ректора подлежатъ всѣ должностныя лица Университета (кромѣ тѣхъ, кои назначаются Высочайшею властью); дисциплинарныя взысканія, имъ налагаемыя (въ извѣстныхъ случаяхъ съ апелляціей къ Канцлеру, въ другомъ безапелляціонно), суть: выговоръ, лишеніе жалованія или части его и наложеніе пени.

Дисциплинарныя мѣры, принимаемыя Ректоромъ по отношенію къ студентамъ, носятъ, что и весьма разумно, не столько строго формальный, сколько патріархальный характеръ. При опѣнкѣ ихъ кромѣ того нужно имѣть въ виду, что главнымъ органомъ дисциплинарнаго надзора за студентами были, согласно уставу 1828 г., такъ называемыя «отдѣленія» (землячества).

Ректоръ въ качествѣ надзирающаго за прилежаніемъ и поведеніемъ учащихся, обязанъ, узнавъ о нерадивости или неблагонаравіи студента, или же о нарушеніи имъ порядка, немедленно изслѣдовать свойство проступка, если онъ найдетъ, что сей проступокъ, по маловажности своей, не подлежитъ разсмотрѣ-

нію комісії благочинія, или инаго судебного мѣста, то самъ дѣлаетъ виновному выговоръ, безъ свидѣтелей; въ случаѣ же нанесенія кому-либо убитка или обиды, онъ обязываетъ студента загладить свою вину признаніемъ или приличнымъ вознагражденіемъ. На такія рѣшенія Ректора не позволяется приносить жалобы въ высшія мѣста. Если студентъ уже неоднократно замѣченъ въ проступкахъ, или обвиненъ въ дѣлѣ болѣе важномъ, то Ректоръ, также изслѣдовавъ свойство вины, обращаетъ дѣло о немъ въ комисію благочинія, или приказываетъ университетскому повѣренному, въ званіи публичнаго стряпчаго, заявить оное въ надлежащемъ судѣ. Наконецъ, въ случаѣ нарушенія общаго спокойствія, или же когда виновный пойманъ при самомъ содѣянніи преступленія, Ректоръ имѣетъ право заключить его и содержать въ карцерѣ до того времени, когда надлежащее судебное мѣсто, или комисія благочинія приступятъ къ разсмотрѣнію дѣла.

Судебныя функціи Ректоръ осуществляетъ по дѣламъ гражданскимъ (долговымъ и исполнительнымъ). Согласно § 67 онъ разбираетъ и рѣшаетъ исполнительныя и долговыя дѣла, въ коихъ заинтересованы совершеннолѣтніе студенты, находившіеся при вчиненіи иска въ предѣлахъ университетскаго вѣдомства. Разбирая и рѣшая таковыя дѣла, Ректоръ руководствуется правилами, установленными для губернаторовъ въ Общемъ Уложеніи (1734/1824 г.). Недовольные рѣшеніемъ Ректора приносятъ на оное жалобу въ Гофгерихтъ по Общему Уложенію, гл. IX, отдѣлъ о взысканіяхъ, съ соблюденіемъ опредѣленныхъ въ семъ Уложеніи срока и порядка ¹⁾.

¹⁾ Должность ректора занимали съ 1828—1900 г. г. слѣдующія лица:

Даніилъ Миренъ 1828—1829 г. г.

Густавъ Габріель Гельстремъ 1829—1832 г. г.

Эрикъ Габріель Мелартиаъ 1832—1833 г. г.

Фредерикъ Вильгельмъ Пипингъ 1833—1839 г. г.

Нилъ Абрамъ фонъ Урсинъ 1839—1845 г. г.

Вильгельмъ Габріель Лагусъ 1845—1848 г. г.

Габріель Рейнъ 1848—1858 г. г.

Адольфъ Эдвардъ Арппе 1859—1869 г. г.

Лоренцъ Леонгардъ Линделевъ 1869—1872 г. г.

Адольфъ Мобергъ 1872—1875 г. г.

Уставъ 1828 г., точнѣ опредѣливъ и отчасти расширивъ роль единоличныхъ органовъ университетскаго управленія, не ограничилъ и не умалилъ значенія главнаго коллегіальнаго органа, консисторіи, за которой сохранены какъ ея совѣщательныя, такъ и ея распорядительныя и судебныя функціи.

Уставъ 1828 г. не знаетъ еще двойной формы консисторіи: узкой и полной, которыя установлены въ 1852 г. и сохранились донинѣ. Консисторія въ отношеніи своей организациі сходствовала съ совѣтомъ другихъ университетовъ Имперіи по уставамъ 1804 и 1835 г. г., отличаясь отъ нихъ лишь по составу.

Консисторія по уставу 1828 г. состоитъ изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ Ректора, который ее собираетъ и предлагаетъ въ ней дѣла къ слушанію ¹⁾.

Право почина при внесеніи дѣлъ къ слушанію въ Консисторію было предоставлено только и исключительно ректору. Смыслъ этого ограниченія права остальныхъ членовъ консисторіи заключался въ томъ, чтобы предупредить возбужденіе въ Консисторіи вопросовъ щекотливыхъ и политически не всегда удобныхъ.

Хотя судебныя функціи Консисторіи и по уставу 1828 г. не стоятъ на первомъ планѣ, тѣмъ не менѣе законъ обставилъ ея дѣятельность полнымъ и необходимымъ формализмомъ засѣданій органа суда. Право отвода членовъ лицами заинтересованными, обязанность самоотвода, нормировка полносуднаго числа членовъ, точныя правила относительно голосованія, порядка составленія, повѣрки и подписи протоколовъ, все гарантировало безпристрастіе и объективность въ обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ ²⁾.

Захаріасъ Топеліусъ 1875—1878 г. г.

Яковъ Іоганъ Вильгельмъ Лагусъ 1878—1884 г. г.

Августъ Энгельбертъ Альквистъ 1884—1887 г. г.

Карлъ Габріель Тюдольвъ Рейнъ 1887—1899 г. г.

Эдуардъ Гьельтъ.

¹⁾ Экстраординарные профессора и ординарные адъюнкты появляются въ консисторіи только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно когда по какимъ либо причинамъ въ консисторіи не можетъ присутствовать полносудное число ординарныхъ профессоровъ. При чемъ въ уставѣ сказано, что эти чрезвычайно-присутствующие не должны заниматься въ Консисторіи никакими другими дѣлами кромѣ тѣхъ, по коимъ члены ординарные не могли изъявить мнѣній.

²⁾ Канцелярія Консисторіи состоитъ изъ университетскаго секретаря и двухъ «амануенсовъ» (т. е. секретарскихъ помощниковъ), занятія между ними распределяются Ректоромъ.

Что касается функций Консistoriи, то онѣ по уставу 1828 г. обширны и многосложны.

Консistoriя принимала, какъ мы увидимъ ниже, при рѣшеніи вопросовъ о замѣщеніи должностей учебныхъ и административныхъ широкое участіе, или избирая должностныхъ лицъ, или назначая ихъ, или представляя кандидатовъ на должность на утвержденіе высшихъ властей. Консistoriя выдаетъ ученые и должностные аттестаты и дипломы. Ей ввѣрено общее смотрѣніе за хозяйственными дѣлами Университета и главный мѣстный надзоръ надъ всѣмъ оному принадлежащимъ. Выше, при разсмотрѣніи функций Канцлера, мы указали на дисциплинарную компетенцію Консistoriи. По судебнымъ, ей ввѣреннымъ дѣламъ Консistoriя имѣетъ право требовать вызова и постороннихъ Университету лицъ. Въ случаѣ же неявки въ назначенное время вызываемыхъ Консistoriю несостоящихъ въ вѣдомствѣ Университета людей, она имѣетъ право требовать ихъ чрезъ Ландсгевдинга (губернатора); въ случаѣ же оскорбленія самой консistoriи, или кого либо въ присутствіи оной, когда виновный не подчиненъ дисциплинарной власти Университета, то онѣ, на основаніи § 25 гл. X отдѣла о судопроизводствѣ Общаго Уложенія 1734—1824 г. г., предается суду Гофгерихта.

Если Консistoriя признаетъ нужнымъ по дѣлу, которое производится въ ней, допросить свидѣтелей подъ присягою, то она обращается въ университетскій судъ, который послѣ надлежащаго допроса, доставляетъ ей протоколъ онаго.

Что касается дѣлопроизводства въ Консistoriи, то дѣла о проступкахъ студентовъ противъ благочинія (дисциплинарныхъ) производятся сокращеннымъ порядкомъ (*summario processu*). Что же касается другихъ дѣлъ распорядительныхъ, дисциплинарныхъ и судебныхъ, то соблюдаются всѣ закономъ установленныя формы судопроизводства, и «Консistoriя должна въ постановленіи рѣшеній своихъ въ точности сообразоваться съ Общимъ Уложеніемъ и прочими узаконеніями Финляндіи».

Жалобы на рѣшенія Консistoriи подаются: по дѣламъ дисциплинарнымъ Канцлеру, по дѣламъ судебнымъ—Гофгерихту.

Перейдемъ къ факультетамъ.

Уставъ 1828 г. сохранилъ установившееся еще въ средніе вѣка дѣленіе на 4 факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій. Послѣдній обнималъ собою все науки, которыя въ остальныхъ университететахъ Имперіи раздѣлены нынѣ между факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ и естественнымъ.

Каждый факультетъ состоялъ (и состоитъ донинѣ) изъ декана и ординарныхъ профессоровъ ⁽¹⁾.

Въ отличіе отъ уставовъ другихъ университетовъ Имперіи уставъ 1828 г. не придалъ должности декана характера должности выборной. Какъ въ университетахъ шведскихъ и германскихъ, такъ и въ Александровскомъ Университетѣ по уставу 1828 г. должность декана исправляется по очереди всѣми ординарными профессорами каждаго факультета, слѣдуя порядку, въ коемъ они получили въ ономъ мѣста и голосъ. Функции секретаря факультета по уставу 1828 г. исполнялъ младшій адъюнктъ-профессоръ или доцентъ по назначенію факультета. Факультеты вѣдали (и вѣдаютъ) почти исключительно учебныя и ученныя дѣла, разсматриваютъ диссертациі, тезисы, вопросы о диспутахъ и т. д.

Цензура диссертаций и тезисовъ по предметамъ даннаго факультета по уставу 1828 г. принадлежитъ декану факультета, который въ семъ отношеніи руководствуется существующими на сей предметъ постановленіями. Деканъ философскаго факультета разсматриваетъ все сочиненія, при Университетѣ издаваемыя, которыя по содержанію своему не могутъ принадлежать ни къ одному изъ факультетовъ въ особенности. Жалобы на опредѣленія декана-цензора (или замѣняющаго его члена факультета) подаются факультету. Если диссертация сочинена для полученія права быть кандидатомъ на какую либо ваканцію, или для пріобрѣтенія званія до-

¹⁾ Слово факультетъ по уставу 1828 г. обнимаетъ два понятія: 1) подъ факультетомъ понимають административную коллегію, завѣдывающую опредѣленной отраслю учебныхъ дѣлъ, и 2) всю совокупность преподавателей различнаго академическаго ранга, преподающихъ одну изъ наукъ, входящихъ въ данный циклъ научныхъ дисциплинъ, а также и студентовъ, записавшихся къ слушанію данныхъ предметовъ.

цента, и если авторъ объявилъ о томъ въ Консисторіи или въ факультетѣ, то ему предоставляется право и на утвержденное факультетомъ опредѣленіе декана принести жалобу въ Консисторію (въ теченіе 15 дней). Жалобы на рѣшенія Консисторіи не допускаются. Когда же диссертация писана не для сей цѣли или сочинитель не объявилъ о томъ заблаговременно, то онъ не можетъ жаловаться на приговоръ факультета.

Высшей инстанціей по всѣмъ дѣламъ факультетской цензуры вообще является Консисторія.

Факультеты, не въ смыслѣ административномъ, а въ смыслѣ ученомъ и учебномъ, состояли изъ: ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, адъюнктъ-профессоровъ, лекторовъ, доцентовъ и учителей искусствъ. Уставъ 1828 г. увеличилъ число кафедръ сравнительно съ шведскимъ временемъ и эпохою 1809—1828 г. г., однако, если не считать факультета философскаго—все еще кафедры были очень и очень немногочисленны и уступали кафедрамъ по уставу Россійскихъ Университетовъ 1835 г. ¹⁾

Для занятія должности профессора (ординарнаго и экстраординарнаго и адъюнктъ-профессора) требовалось приобрѣтеніе ученой степени доктора или лиценціата по одному изъ 4 факультетовъ; для званія доцента достаточно было имѣть степень лиценціата или магистра, для занятія должности лектора или учителя не требовалось имѣть ученой степени. Крімъ того требовалась защита передъ факультетомъ особой диссертации для полученія права на профессуру (то, что въ нѣмецкихъ университетахъ называется «Habilitationsschrift» и требуется тамъ отъ желающихъ открыть курсъ въ качествѣ привать-доцентовъ). Всѣ кандидаты на профессорскую вакантную должность подвергались баллотировкѣ въ Консисторіи, которая вносила въ кандидатскій списокъ трехъ изъ нихъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Сей кандидатскій списокъ представлялся Канцлеру; ему же подавались жалобы на неправильность выборовъ или занесенія въ списки. Назначеніе одного

¹⁾ Ср. приложенную къ книгѣ таблицу: Развiтіе кафедръ въ Александровскомъ Университетѣ съ 1811—1900 г.г.

изъ трехъ кандидатовъ на профессуру зависѣло отъ Государя Императора, на усмотрѣніе котораго подносился списокъ, обыкновенно съ заключеніемъ Канцлера; экстраординарный профессоръ русскаго языка назначался Государемъ Императоромъ по представленію Канцлера безъ кандидатскаго списка. Доценты (число коихъ было неограниченное) назначались Канцлеромъ по представленію консисторіи; лектора и учителя искусствъ избирались Консисторіей и утверждались въ должности Канцлеромъ.

Этотъ порядокъ въ главныхъ своихъ чертахъ сохранился донынѣ.

Преимущества этой системы заключались въ томъ:

1) что академической коллегіи было предоставлено право избранія ею кандидатовъ, не устраниая вліянія на замѣщеніе кафедръ и правительственной власти;

2) не было установлено слишкомъ узкой спеціализаціи, ибо на вакантную кафедру могли конкурировать всеѣ доктора и лиценціаты даннаго факультета (или разряда);

3) обязательное назначеніе конкурса въ теченіе закономъ установленнаго срока (установленіе котораго не зависѣло отъ консисторіи, но отъ Канцлера) лишало факультетъ или Консисторію возможности оставлять кафедру вакантною для какого нибудь факультетскаго любимца, не успѣвшаго еще приобрѣсти надлежащую ученую степень, право же жалобы на опредѣленіе Консисторіи при составленіи кандидатскаго списка гарантировало кандидатовъ хотя бы нѣсколько отъ академическаго nepотизма и партійныхъ сдѣлокъ.

Что касается ученыхъ степеней, въ кои имѣли право возводить факультеты, то таковыя были: степень кандидата философій, которую долженъ былъ приобрѣтать всякій, кто желалъ приобрѣсти высшія степени магистра философій, лиценціата или доктора философій (по одному изъ 3 разрядовъ), права, богословія и медицины.

Возвести лиценціата богословія въ степень доктора богословія зависѣло отъ Государя Императора. Для приобрѣтенія степеней требовалась сдача экзамена и защита диссертациі.

Экзамены были двоякаго рода: частный и публичный. Сроки

назначались: для перваго профессорами каждаго предмета; для втораго факультетомъ. Центръ тяжести лежалъ въ частныхъ экзаменахъ, производившихся на квартирѣ профессора. Публичные экзамены превратились постепенно въ формальность. Производство экзаменовъ на квартирѣ профессора давало (и даетъ, такъ какъ оно существуетъ донинѣ) возможность тщательной провѣрки познаній студента или кандидата, не раздражая его нервы формально-торжественной обстановкой экзаменационной лотереи. Конечно такой порядокъ экзаменовъ, практиковавшійся съ большимъ успѣхомъ и въ дореформенномъ Дерптскомъ Университетѣ, обусловленъ тѣмъ, что въ Университетѣ не было той массы студентовъ, которые нынѣ числятся въ крупныхъ университетахъ, сводя на нѣтъ весь строй академической жизни и всякую возможность научныхъ занятій.

Провозглашеніе магистровъ и докторовъ совершалось и по уставу 1828 г. на общихъ академическихъ торжествахъ, называемыхъ, какъ и въ старину, промоціями; согласно уставу 1828 г. они должны были совершаться разъ въ 3 года, съ тѣмъ однако, чтобы число провозглашаемыхъ въ одно время не превосходило сорока.

Промоція докторовъ бываетъ всякій разъ, когда окажется достаточное число исполнившихъ условія для полученія докторской степени. Возведеніе и провозглашеніе въ ученую степень совершается поочередно однимъ изъ членовъ факультета, почему этотъ членъ и называется въ такомъ случаѣ «промоторомъ». Торжество промоціи начинается (донинѣ) шестіемъ въ актовую залу Университета всѣхъ членовъ консисторіи и профессоровъ, съ Ректоромъ во главѣ. Ректору, облаченному въ пурпуровую мантию, предшествуетъ промоціонный маршалъ (одинъ изъ магистровъ) и два курсора (вахмистра) съ серебряными жезлами.

На промоцію приглашаются всѣ высшія должностныя лица Гельсингфорса, начиная съ Генераль-Губернатора и членовъ Сената, которымъ отводятся почетныя мѣста съ правой стороны мѣсть консисторіи.

Послѣ входа членовъ консисторіи, начинается шествіе про-

моуендовъ. Во главѣ идетъ промоторъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, за нимъ докторанды также съ лавровымъ вѣнкомъ затѣмъ возводимые въ степень магистра, имѣя лавровый вѣнокъ на груди. Наконецъ, входятъ юбилейные доктора и магистры, т. е. пріобрѣвшіе степень доктора или магистра 50 лѣтъ тому назадъ ¹⁾.

Сначала промоторъ, войдя на «парнасъ» (каедрю), произноситъ рѣчь (прежде на латинскомъ, теперь на шведскомъ или финскомъ языкѣ. Наканунѣ промоціи онъ разсылаетъ всѣмъ приглашеннымъ особую печатную программу). Промовенды стоятъ съ двухъ сторонъ каедры. Послѣ рѣчи промотора одинъ изъ профессоровъ провозглашаетъ т. н. магистерскій вопросъ, заданный факультетомъ. На вопросъ отвѣчаетъ одинъ изъ промовендовъ (Primus изъ магистровъ, т. е. 1-й по порядку производства). Затѣмъ промоторъ, прочитавъ имена промовендовъ, приступаетъ къ обряду промоціи. Онъ надѣваетъ на каждого изъ магистрандовъ лавровый вѣнокъ, снимая его съ груди промовенда и вручая ему вмѣстѣ съ тѣмъ кольцо и дипломъ. Тѣмъ кончается актъ промоціи магистровъ. Наступаетъ очередь промоціи докторовъ. Промоторъ надѣваетъ на себя докторскую шляпу (формы цилиндра, чернаго цвѣта для богослововъ, философовъ и медиковъ, и краснаго для юристовъ, съ лирой впереди) и предлагаетъ сдѣлать тоже всѣмъ присутствующимъ въ залѣ докторамъ. Одинъ изъ профессоровъ ставитъ назначенный факультетомъ докторскій вопросъ, и primus inter doctores отвѣчаетъ. Затѣмъ промоторъ надѣваетъ на подходящихъ по очереди къ каедрѣ докторандовъ докторскія шляпы, золотое кольцо на палець, какъ символъ обрученія съ наукою, и даетъ—докторамъ богословія по экземпляру библіи, а прочимъ шпаги. Во время раздачи вѣн-

1) Лавровые вѣнки плетутся наканунѣ «вѣночницами». Каждый кандидатъ избираетъ себѣ особую вѣночницу; каждая кандидатка (со времени допущенія женщинъ въ Университетъ)—особаго кавалера для плетенія магистерскаго вѣнка. Одна изъ вѣночницъ избирается главной или первой вѣночницей (обыкновенно дочь одного изъ профессоровъ). Торжество плетенія вѣнковъ совершается или въ домѣ главной вѣночницы, или въ какомъ либо загородномъ саду, чаще всего въ помѣщеніи ресторана «Brunspark». Расходы по торжеству несетъ отецъ главной вѣночницы. Плетеніе вѣнковъ сопровождается баломъ ужиномъ, рѣчами и т. д. Вѣночницы, во время акта промоціи, сидятъ по обѣ стороны парнасса, т. е. каедры актовaго зала.

ковъ и шляпъ играетъ музыка и поется кантата. Если есть налицо юбилейные магистры или доктора, то и они вѣнчаются снова вѣнками или шляпою. Это самый трогательный и глубокий по смыслу обрядъ; воочію передъ новымъ поколѣніемъ связываются снова узы между маститыми питомцами и Университетомъ. Въ заключеніи акта промоціи *Ultimus* (т. е. послѣдній по порядку промоціи, а по достоинству 2-й) изъ числа новопроизведенныхъ говоритъ благодарственную рѣчь, обращаясь порознь ко всѣмъ категоріямъ приглашенныхъ; наконецъ одинъ изъ новыхъ магистровъ говоритъ привѣтственную рѣчь, обращенную къ дамамъ. Торжественнымъ шествіемъ изъ зала Консисторіи и промовендовъ оканчивается актъ промоціи ¹⁾, который на каждого, въ особенности же на академическую молодежь, производитъ глубокое впечатлѣніе.

Разсмотрѣвъ организацію академическихъ властей, коимъ было ввѣрено общее руководство ученой и учебной дѣятельности Александровскаго Университета по уставу 1828 г., обратимся къ студентамъ, ихъ организаціи и къ компетенціи органовъ дисциплинарнаго за ними надзора.

Характерной чертой устава 1828 г. въ отношеніи студентовъ нужно признать, что онъ не смотритъ на студентовъ, какъ на агрегатъ лицъ, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣющихъ, только механически объединенныхъ общностью сидѣнія на скамьяхъ аудиторіи и отдѣленныхъ отъ остальныхъ гражданъ академическаго города однообразіемъ мундира. Далѣе, выставляя пріобрѣтеніе научныхъ познаній главной цѣлью университетской дѣятельности и жизни, уставъ не упускаетъ изъ виду, что пріобрѣтеніе этихъ знаній можетъ и, при нормальныхъ условіяхъ, должно идти рука объ руку съ расширеніемъ этического кругозора и укорененіемъ нравственныхъ началъ самообладанія и самоограниченія естественныхъ порывовъ молодежи къ широкому, безграничному пользованію академической свободой отъ школьнаго авторитета.

Императорскій Александровскій Университетъ, сказано въ § 97,

¹⁾ Послѣ промоціи слѣдуетъ еще торжественное богослуженіе въ Николаевской церкви.

«какъ высшее учебное заведеніе въ Финляндіи, долженствующее способствовать успѣхамъ истиннаго просвѣщенія въ семъ краѣ, открыть для всѣхъ, получившихъ необходимое предварительное образованіе». «Подданные Россійской Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, и даже иностранные, желающіе для упражненія въ наукахъ пользоваться пособиями университета, имѣютъ право быть на всѣхъ публичныхъ онаго лекціяхъ и посѣщать состоящіи при немъ заведенія, не записываясь въ число студентовъ и не подчиняя себя Университетскимъ Постановленіямъ о благочиніи, но должны испросить на то дозволеніе Ректора, а если намѣрены продолжать слушать лекціи долѣе 3 недѣль, то представлять ему надлежащіи свидѣтельства въ надежной нравственности и о безпорочномъ поведеніи. Всякій, прежде бывшій въ числѣ студентовъ и потомъ опредѣлившійся въ государственную или общественную службу, можетъ возвратиться въ университетъ, продолжать въ ономъ ученіе и подвергаться испытаніямъ. Если же кто изъ поименованныхъ въ семъ § будетъ замѣченъ въ неблагонавіи или въ нарушеніи порядка и общаго спокойствія, то Ректоръ вправе поступить съ нимъ на основаніи § 21» (т. е. исключить его изъ числа слушателей университета).

Главнымъ органомъ надзора за студентами были отдѣленія (afdelning) или землячества (nation), въ которыя каждый студентъ обязательно долженъ былъ записаться.

Отдѣленія, стоявшія подъ управленіемъ инспектора и куратора изъ профессоровъ и доцентовъ, должны были содѣйствовать развитію научныхъ занятій студентовъ и наблюдать за ихъ поведеніемъ. Внутренняя, научная жизнь этихъ землячествъ въ эпоху 30-хъ годовъ была весьма мало содержательна. Небольшіе диспуты, совмѣстное чтеніе учебниковъ, часто устарѣвшихъ, иногда, но сравнительно рѣдко, чтеніе рефератовъ,—и все. Своихъ собственныхъ помѣщеній отдѣленія не имѣли; собственныхъ корпоративныхъ средствъ еще того менѣе. Собирались обыкновенно въ квартирѣ инспектора или куратора. Вся дѣятельность землячествъ, до конца 30-хъ годовъ, не имѣла и оттѣнка политическаго характера. Только въ отдѣленіи Остерботнїицевъ замѣчается медленное, на первыхъ порахъ бояз-

ливое и осторожное развитие національно-политических тенденций. Это землячество было наиболее многочисленным; въ его списках числились и молодые доценты, начинавшие свою научную деятельность. Остерботниское землячество ввело обычай праздниковъ націй; на этихъ праздникахъ пробуждавшееся національное самосознание получало выраженіе въ пѣсняхъ, въ рѣчахъ и тостахъ.

Внесенный въ списокъ студентовъ получалъ отъ Ректора печатную грамоту на званіе студента. Затѣмъ онъ былъ обязанъ немедленно явиться къ инспектору того отдѣленія, въ которое онъ былъ принятъ.

Зачисленіе въ число студентовъ Университета было обусловлено предварительнымъ заявленіемъ о поступленіи въ то или другое отдѣленіе и письменнымъ объявленіемъ куратора того отдѣленія студентовъ, въ которое данное лицо желаетъ поступить, что на принятіе его въ сіе отдѣленіе нѣтъ никакихъ препятствій.

Этихъ отдѣленій въ то время (въ 1828 г.) было 5 (а именно: Нюландское, Выборгское, Саволакь-Карельское, Тавастландское и Остерботническое).

Студентъ былъ обязанъ по общему правилу постоянно находиться въ Гельсингфорсѣ и правильно посѣщать лекціи. Отлучка изъ города (внѣ каникулъ) безъ разрѣшенія Ректора влекла за собою лишеніе университетскихъ привилегій; неявка въ срокъ (безъ уважительныхъ причинъ) къ производимой въ началѣ каждаго курса переписи наказывалась выговоромъ отъ Ректора съ отмѣткою въ студенческомъ спискѣ. Если же студентъ не являлся въ Университетъ въ теченіе цѣлаго полугодичнаго курса безъ позволенія Ректора и безъ уважительныхъ причинъ, то Консисторія рѣшала, могъ ли онъ по возвращеніи своемъ быть снова принятъ въ число студентовъ, не подвергаясь вторичному испытанію на сіе званіе и не заплативъ снова пошлинъ за испытаніе и за внесеніе въ университетскій списокъ, или долженъ былъ быть лишенъ университетскихъ привилегій. Жалобы на такія рѣшенія Консисторіи не допускались ¹⁾. Учебный годъ, согласно уставу 1828 г., начи-

¹⁾ Таковыя случаи удаленія за неявку въ тѣ времена (съ 1809 г.) были довольно рѣдки. Дѣло въ томъ, что Ректоръ снисходительно относился къ отлучившимъ студентамъ и безпрепятственно давалъ имъ разрѣшеніе провести даже и продолжительное время внѣ университетскаго города. Уже давно, какъ указано въ предыдущей главѣ, установился

нался 24 Июня и раздѣлялся на два учебныхъ курса: 1) осенній съ 15-го Сентября по 16 Декабря, и 2) весенній съ 16-го Января по 24 Июня. Вакаціи были назначены: зимняя въ 1 мѣсяць (16 Декабря по 15 Января) и лѣтняя съ 24 Июня по 15 Сентября; кромѣ того положены были праздничные дни по табели, на Пасху давалось свободныхъ дней: 1½ недѣли и на Праздн. Св. Троицы 4 дня. Университетскія лекціи и упражненія, читавшіяся и производившіяся въ теченіе этихъ курсовъ, дѣлились (какъ и донинѣ) на публичныя и частныя. За публичныя лекціи платы не взимали, за слушаніе же частныхъ лекцій взималась плата. За частныя лекціи, читаемыя по 4 часа въ недѣлю, слушатели обязаны были за каждый полный учебный курсъ платить профессорамъ, адъюнктамъ и доцентамъ по 3 р. 33½ к. сер.; за лекціи, продолжавшіяся менѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю, платилось по соразмѣрности меньше; кромѣ того взималась особая плата за особенныя, необходимыя для преподаванія нѣкоторыхъ наукъ издержки. За исправленіе сочиненій по два раза въ недѣлю, въ продолженіе полного учебнаго курса, каждый студентъ платилъ также по 3 р. 33½ к. сер., а за частныя уроки лекторовъ языковъ и учителей искусствъ платили по условію.

Въ преподаваніи употреблялся или латинскій языкъ или одинъ изъ новѣйшихъ, извѣстный большей части слушателей. Число публичныхъ лекцій, читаемыхъ преподавателями, было опредѣлено уставомъ различно, смотря по академическому рангу преподавателей. Всѣ ординарные и экстраординарные профессора и адъюнкты, лек-

обычай, что болѣе бѣдные студенты для того, чтобы заработать хлѣбъ, поступали на мѣста домашнихъ наставниковъ, на службу, или просто, не имѣя средствъ жить въ Гельсингфорсѣ, проживали въ теченіе года и даже нѣсколько лѣтъ въ деревняхъ или въ маленькихъ городкахъ. Эти частыя и продолжительныя отлучки имѣли несомнѣнно то послѣдствіе, что не мало студентовъ числились студентами 8—10 лѣтъ, штудирова фактически не болѣе 4—5 лѣтъ. Однако этотъ фактъ не имѣлъ вредныхъ послѣдствій; эти залежавшіяся (ofverfliggare) за весьма немногими исключеніями не утруждали университетъ какими либо предосудительными поступками; чаще всего принуждала ихъ къ тому бѣдность, а не лѣнь или увлеченіе алкоголемъ.

Уставъ 1828 года, какъ явствуетъ изъ статьи 107, допускалъ случаи, что студенты, обучаясь въ университетѣ, могли заниматься торговлею или инымъ какимъ либо промысломъ, подчиняясь въ отношеніи этихъ своихъ дѣлъ конечно общегражданскимъ законамъ.

торы и учителя искусствъ были обязаны въ продолженіе учебныхъ курсовъ читать частныя лекціи, когда учащіеся того пожелаютъ. Слѣдовательно фактически объемъ преподаванія наукъ былъ поставленъ въ зависимость отъ степени влеченія къ научнымъ занятіямъ студентовъ. Какъ въ нѣмецкихъ университетахъ, такъ и въ Александровскомъ, центръ интереса перешелъ отъ публичныхъ лекцій къ частнымъ (*privatissima*), въ которыхъ профессора, имѣя предъ собою лицъ, дѣйствительно заинтересованныхъ въ болѣе глубокомъ изученіи науки, излагали съ научной полнотой трактуемые вопросы, оставляя для публичныхъ курсовъ болѣе общіе обзоры.

Что касается преподаванія, то, какъ уже было сказано выше, уставъ не ставилъ какихъ либо подробныхъ ограниченій, уважая академическую свободу. Онъ ограничился слѣдующими постановленіями (§ 136 и 137):

«Каждый преподаватель обязанъ при чтеніи публичныхъ и частныхъ лекцій не выходить изъ предѣловъ наукъ, коихъ преподаваніе ему поручено.

Каждый преподаватель имѣетъ право располагать и читать свои лекціи въ томъ порядкѣ и тѣмъ образомъ, которые онъ признаетъ лучшими для успѣшнѣйшаго дѣйствія на слушателей и для доставленія имъ истинныхъ, основательныхъ познаній, однако же не дозволяя себѣ ничего противнаго вѣрѣ, отечественнымъ законамъ и правиламъ нравственности» ¹⁾.

Студенты обязаны были правильно и усердно, подъ страхомъ наказанія, посѣщать лекціи, «упражняться въ наукахъ». Кромѣ того уставъ требовалъ отъ нихъ нравственной жизни, при

¹⁾ Въ началѣ каждаго года Консисторія распоряжалась о составленіи лекціоннаго каталога, или списка всѣхъ публичныхъ лекцій, частныхъ лекцій и учебныхъ упражненій. Ректоръ распоряжался напечатаніемъ и распубликованіемъ онаго.

При Университетѣ, согласно уставу, состояли слѣдующія учебныя и вспомогательныя учрежденія: 1) Богословская Семинарія; 2) Клинической и Повивальный Институтъ; 3) Анатомическій Театръ; 4) Кабинетъ анатомическихъ препаратовъ и собраніе хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ; 5) Библіотека университета и богословской семинаріи, состоявшія въ особенномъ вѣдѣніи и на отвѣтственности профессора историческихъ наукъ; 6) астрономическая обсерваторія и собраніе астрономическихъ орудій; 7) ботанической садъ; 8) музеумъ; 9) химическая лабораторія и минералогическій кабинетъ; 10) физическій кабинетъ; 11) собраніе монетъ, медалей и рѣдкостей; 12) музыкальная капелла, и 13) театральная зала.

чемъ оказывается, что въ то время понятія о «студенческой нравственности и добропорядочности жизни» были весьма и весьма строги, по крайней мѣрѣ въ сферѣ правительственной.

Указанное выше «Постановленіе о благочиніи для студентовъ Александровскаго Университета въ Финляндіи», содержитъ довольно строгую регламентацію студенческой жизни.

Студенту предписывается имѣть истинное Богопознаніе и благочиніе, воспрещается употребленіе крѣпкихъ напитковъ («Студенты, сказано въ русскомъ текстѣ въ § 4, замѣченные въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ или въ иномъ пороки и т. д.¹⁾); запрещены: игра въ карты, кости, нахожденіе въ гостинницѣ, трактирѣ, билліардномъ домѣ или иномъ публичномъ мѣстѣ въ часы, назначенные для публичныхъ лекцій; студентамъ приказано въ теченіе семестровъ находиться дома послѣ 10 часовъ, а въ прочее время года послѣ 11; далѣе идутъ угрозы наказанія за шумъ на улицахъ, битіе стеколъ, драки съ ночной стражей, вызовъ кого либо на поединокъ и т. д. Студентъ, не слушавшій никакихъ лекцій и не упражнявшійся ни въ какихъ наукахъ или искусствахъ, или оказывавшій нерадѣніе и лѣность, подвергался строгому выговору, а если не исправлялся, то исключался изъ списка. Студентамъ было запрещено учреждать какія бы то ни было тайныя общества или союзы; что же касается учрежденія общества не тайнаго для «упражнений въ наукахъ», то оно не возбранялось, и на то требовалось только разрѣшеніе Ректора. Если же студенты желали устроить какое либо торжественное празднество или публичное увеселеніе, то они обязаны были и въ такихъ случаяхъ испросить разрѣшеніе Ректора.

Нарушеніе «правиль строгой нравственности и благопристойности» влекло за собою слѣдующія наказанія, возрастающія въ силѣ по мѣрѣ тяжести проступка:

(§ 1 Постановленія):

- 1) Замѣчаніе или выговоръ съ внесеніемъ въ протоколь,
- 2) денежный штрафъ,

1) Въ шведскомъ текстѣ сказано öfverlastas sig studerande med starka drycker, т. е. если студентъ предастся чрезмѣрному употребленію крѣпкихъ напитковъ и т. д.

3) лишеніе стипендіи на опредѣленное время или навсегда (если воля завѣщателей стипендіи это допускала),

4) прошеніе прощенія, если обиженный имѣетъ право на сіе удовлетвореніе,

5) заключеніе въ карцеръ на опредѣленное время; «при чемъ виновный остается на собственномъ своемъ содержаніи, или, буде онъ въ крайней бѣднотѣ, на обыкновенномъ арестантскомъ, которое тогда производится изъ суммъ Университета»,

6) удаленіе или изгнаніе изъ Университета, которое могло быть 3 родовъ:

а) Негласное, когда приговоръ не объявляется публично, но Предсѣдатель Комисіи велитъ виновному, по опредѣленіи оной, выѣхать изъ предѣловъ университетскаго вѣдомства на одинъ курсъ лекцій съ дозволеніемъ по прошествіи сего срока возвратиться въ Университетъ, представивъ достаточныя свидѣтельства о безпорочномъ поведеніи во время удаленія.

б) Гласное на опредѣленный срокъ, когда виновный, вслѣдствіе приговора, объявленнаго публично, удаляется изъ предѣловъ университетскаго вѣдомства на одинъ курсъ, или на два, на три и даже на четыре, но не болѣе, съ дозволеніемъ по минованіи срока возвратиться въ Университетъ, также на основаніи постановленія, въ предшедшемъ пунктѣ означеннаго, представивъ свидѣтельство, что вель себя безпорочно во время удаленія,

в) Гласное навсегда, когда виновный по приговору, объявленному публично, совершенно удаляется изъ Университета и исключается изъ университетскаго списка.

Воинскіе и городскіе караулы и полицейскіе сержанты могли за сдѣланныя студентами безчинства или преступленія брать ихъ подъ стражу наравнѣ съ прочими безпокойными людьми; но не заключая ихъ въ арестантскую комнату, обязаны были немедленно передавать ихъ Университетской стражѣ, или отводить къ Ректору.

Что касается условій поступленія въ Университетъ на правахъ студентовъ, то они были различны для молодыхъ людей, смотря по полученному ими подготовительному образованію. Прибывшіе изъ другаго російскаго или изъ иностраннаго универ-

ситета должны были представить Ректору аттестатъ отъ университета, въ которомъ они ранѣе штудировали.

Прибывшіе изъ тѣхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи, которыя имѣли право выпуска студентовъ въ Университетъ, представляли Ректору свидѣтельство въ томъ, что прошли въ одномъ изъ этихъ училищъ полный курсъ ученія, и свидѣтельство отъ пастора о конфирмаціи; прибывшіе изъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Россійской Имперіи представляли Ректору свидѣтельство о безпорочномъ поведеніи; необучавшіеся ни въ какомъ изъ только что указанныхъ учебныхъ заведеній предъявляли ректору достовѣрныя свидѣтельства «въ хорошей нравственности, безпорочномъ поведеніи и въ томъ, что упражнялись въ наукахъ».

Переходившіе изъ другихъ университетовъ (русскихъ и иностранныхъ) не подвергались повѣрочному экзамену и сразу вносились въ списки студентовъ (конечно послѣ повѣрки Ректоромъ ихъ документовъ). Остальные, поступившіе въ число студентовъ, подвергались повѣрочному экзамену въ особомъ комитетѣ, который состоялъ изъ предсѣдателя (декана философскаго факультета) и двухъ членовъ (избираемыхъ ежегодно Консисторіей изъ адъюнктъ-профессоровъ и доцентовъ богословскаго и философскаго факультетовъ).

Уставъ 1828 г. въ значительной степени увеличилъ денежные средства Университета.

Штатъ 1811 г. не превышалъ 30.000 р. с. (считая какъ ассигнованныя наличныя суммы, такъ и натуральныя доходы съ казенныхъ земель). Штатъ 1828 г. показанъ въ 61.874 р. 2 к. Содержаніе профессоровъ и преподавателей, съ точки зрѣнія нашего времени, было конечно незначительно ¹⁾.

¹⁾ Ординарные профессора получали по 1.248 р. 49 к. (богословы) и 1.164 р. 24 к. (профессора остальныхъ факультетовъ); адъюнкты—384 р. 48 к. до 432 р. Жалованье выдавалось отчасти наличными деньгами, отчасти поступало въ качествѣ оброковъ съ приписанныхъ къ Университету земель. Экстраординарный профессоръ Русской словесности получалъ 1.000 р. с., лекторъ 416—470 р. с., учитель искусствъ отъ 162—316 р. с.; чины канцеляріи отъ 133 р. с. до 601 р. с.

Особые оклады были назначены для заслуженныхъ профессоровъ; на содержаніе

Но этими штатными суммами, приуроченными къ удовлетворенію штатныхъ же расходовъ, не исчерпывались доходы Университета, — къ счастью, ибо даже и при скромности требованій того времени,—развитіе научной дѣятельности при этихъ экономическихъ условіяхъ было бы поставлено на весьма и весьма узкую почву. Университетъ имѣлъ свои спеціальныя средства, источникомъ которыхъ служили: 1) особые сборы (пошлины и пени), установленные закономъ и 2) частныя пожертвованія. Къ числу первыхъ принадлежали: сборъ за запись въ студенты и за вступительные экзамены; сборы за промоціи, за дипломы, за выдачу копій съ дѣловыхъ бумагъ, и штрафы, налагаемые по приговору Ректора или комисіи благочинія.

Въ кассу Университетской бібліотеки поступала часть пошлинъ за принятіе въ студенты, за провозглашеніе имени возводимыхъ въ ученія степени, за производство въ должности по Университетскому и Духовному вѣдомству Абовскаго Архіепископства, съ наслѣдствъ, оставшихся послѣ главныхъ пасторовъ, суммы, платимыя Университету за право содержанія типографіи, % съ капиталовъ, подаренныхъ бібліотекъ частными лицами и часть доходовъ отъ фонда, пожертвованнаго бібліотекамъ. Спеціально, въ пользу бібліотеки богословской семинаріи поступала часть доходовъ съ вакантныхъ капелланскихъ мѣстъ, пошлина за поставленіе въ священнической санъ и за испытаніе на званіе главныхъ пасторовъ. На содержаніе музыкальной капеллы при Университетѣ поступалъ особый сборъ, собиравшійся въ церквахъ Великаго Княжества Финляндскаго. Изъ суммъ, назначенныхъ на спеціальныя надобности университетскаго управленія, образовались, въ случаѣ превышенія доходовъ надъ расходами, особые спеціальныя фонды, доходы съ которыхъ и въ послѣдующее время шли на удовлетвореніе данныхъ спеціальныхъ потребностей.

Наконецъ, въ уставѣ были указаны особо слѣдующія кассы.

Вдовъ и сиротъ служащихъ въ Университетѣ были отдѣлены особые натуральные доходы, а въ 1830 г. учреждена особая эмеритальная касса (Вдовья и сиротская касса Александровскаго Университета).

Касса ректорская, касса остаточная, фонды: Портана, монументный фондъ, фондъ Бильмарка, фондъ Гартмана и фондъ Гизингера.

Ректорская касса (Fiscus Rectoris) находилась въ распоряженіи Инспектора казначейства. Въ ея пользу всякаго студента, внесеннаго въ списки Университета, взимался особый сборъ въ размѣрѣ 1 р. Изъ этой кассы выдавались временныя пособія такимъ изъ принадлежащихъ къ Университету лицамъ, «которые могли имѣть въ семь нужду», а за тѣмъ кромѣ того удовлетворялись разныя непредвидѣнныя, неозначенныя ни по какимъ статьямъ штата, надобности.

Доходы остаточной кассы составлялись изъ всѣхъ остатковъ отъ жалованья вакантныхъ мѣстъ и отъ ежегодно отпускаемой по штату суммы на пенсіи университетскимъ чиновникамъ и служителямъ, съ процентами, наросшими на эти суммы. Изъ означенной остаточной кассы производились всѣ назначенныя изъ оной ежегодныя пенсіи университетскимъ чиновникамъ и служителямъ.

Проценты съ донационнаго фонда Портана поступали въ кассу университетской библіотеки; проценты съ такъ называемаго монументнаго фонда шли на жалованье перваго штатнаго амануенса при библіотекѣ.

Проценты съ фонда Бильмарка употреблялись на прибавку къ жалованью библіотекаря, на учрежденіе при Университетѣ одной адъюнктъ-профессорской должности, и, наконецъ, на усиленіе средствъ библіотеки.

Проценты съ доходовъ Гартмана и Хизингера употреблялись на жалованье профессору анатоміи и демонстратору ботаники.

Съ 1828—1850 учрежденъ рядъ стипендій, казенныхъ и частныхъ. Что касается казенныхъ стипендій, то двѣ изъ нихъ, одна большая, другая малая, были назначены для студентовъ, отличившихся прилежаніемъ и успѣхами въ русскомъ языкѣ. При раздачѣ стипендій (казенныхъ) Консисторія Университета должна была руководствоваться вообще правилами, которыя должны были быть опредѣлены въ особомъ Уставѣ. Лица, желавшія получить стипендію, подвергались особому стипендіатскому испытанію (въ размѣрѣ пріемнаго студенческаго экзамена). Такъ какъ большин-

ство предметовъ стипендіатскаго экзамена преподавалось на философскомъ факультетѣ, то фактически всѣ казенныя стипендіи превращались въ стипендіи философскаго факультета. Существовали, впрочемъ, стипендіи специально богословскія, юридическія и медицинскія. Въ 1828 г. также учреждены особыя стипендіи для поощренія молодыхъ ученыхъ (*litterära understöd för yngre vetenskapsidkare*) и путевыя стипендіи для молодыхъ ученыхъ (*reseunderstöd för yngre litteratörer*). Въ 1826 г., была ассигнована казенная сумма въ пособіе лицамъ, изучавшимъ русскій языкъ въ русскихъ университетахъ.

2 стипендіи обязательно выдавались лицамъ, отличившимся успѣхами въ русскомъ языкѣ; причемъ (въ 1845 г.) было установлено, что при назначеніи этихъ стипендій не нужно было обращать вниманія на успѣшность занятій въ другихъ предметахъ. Кромѣ того правила 1845 г. назначили еще 6 стипендій въ пользу студентовъ, отличавшихся въ русскомъ языкѣ, но при семъ принимались въ расчетъ и успѣхи по другимъ предметамъ.

Двѣ стипендіи выдавались въ пользу студентовъ, изучавшихъ музыку, двѣ въ пользу изучавшихъ рисованіе; одна стипендія выдавалась лицамъ, написавшимъ лучшее сочиненіе на заданную Консistorіей тему.

Что касается частныхъ стипендій, то число ихъ значительно возросло съ 1828 г.

До 1828 г.	учреждено 10 стипендій на общую капиталную сумму въ 80.000 м.
Съ 1828 — 1840 гг.	» 4 » » » » » 40.000 »
» 1840 — 1850 »	» 4 » » » » » 48.000 »

Непосредственное завѣдываніе хозяйственными дѣлами Университета было ввѣрено двумъ Инспекторамъ Казначейства и подчиненному имъ Камериру. Одинъ изъ Инспекторовъ казначейства былъ названъ непремѣннымъ, назначался Консistorіей и утверждался въ семъ званіи Канцлеромъ, должность другого инспектора исправлялъ Проректоръ. Инспектора свидѣтельствовали периодически имущество Университета и ревизовали кассы, провѣряли книги, счетныя и отчетныя. Камериръ (отъ него требовался залогъ въ размѣрѣ 2.160 р. сер.) несъ обязанности кассира и главнаго бух-

галтера Университета. Инструкція для него составлялась Консис-торіей и утверждалась Канцлеромъ.

Выше было нами указано, что Университетъ не имѣлъ цѣлью только «способствовать процвѣтанію наукъ» (выражаясь языкомъ того времени), но что ему указана была и практическая задача: готовить достойныхъ слугъ для гражданской службы. Всякій, желавшій поступить на службу въ административныя или судебныя установленія края, долженъ былъ записаться въ студенты Университета (Выс. Пост. 3 Ноября 1817 г., § 1), а затѣмъ выдержать одинъ изъ экзаменовъ, установленныхъ означеннымъ постановленіемъ. Различались 3 экзамена: судебный для поступления на службу въ судебное вѣдомство, камеральный для поступления на службу по административному вѣдомству и наконецъ горный. Экзамены производились назначенными на то профессорами факультетовъ богословскаго, философскаго и юридическаго. Освобождены были отъ означенныхъ экзаменовъ отчасти или вполне: кандидаты и магистры философіи, лиценціаты и доктора правъ ¹⁾. Александровскій Университетъ остался органомъ производства должностныхъ экзаменовъ и послѣ изданія устава 1828 г. 28 Ноября (10 Декабря) 1828 г., т. е. почти одновременно съ изданіемъ Университетскаго Устава издано и Постановление о должностныхъ экзаменахъ, которое осталось въ дѣйствіи съ дополненіями отъ 19 Февраля 1855 г. и 7 Апрѣля 1856 г., до изданія въ 1871 г. 30 Мая новаго Выс. Пост. касательно экзаменовъ, требуемыхъ для занятія юридическихъ, камеральныхъ и административныхъ должностей въ Финляндіи.

Уставъ 1828 г., который, несмотря на многія достоинства (въ особенности сравнительно съ обветшалыми шведскими конституціями), не лишень былъ и крупныхъ недостатковъ (напр. неясность опредѣленій, касавшихся студенческихъ отдѣленій, ихъ внутренней организаціи и дѣятельности, не совсѣмъ рациональное рас-

¹⁾ Отъ желавшихъ поступить на службу въ Коммисію финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ требовалось особое знакомство съ русскимъ языкомъ и съ «*ius publicum*», особенно что касается до государственнаго устройства Финляндіи специально и нашего Государства вообще».

предѣленіе предметовъ между кафедрами и др.) не подвергся какимъ либо крупнымъ измѣненіямъ или дополненіямъ вплоть до изданія устава 1852 г.

Узаконенія, изданныя въ періодъ 1828—1852 г.г., касавшіяся Александровскаго Университета, немногочисленны и неважны по содержанію. Событія 1830—1831 г. г., имѣвшія, какъ извѣстно, не малое вліяніе на внутреннюю политику въ Царствованіе Императора Николая I, повлекли за собою стѣсненіе свободы искать дополнительное образованіе за границей. Посѣщеніе иностранныхъ университетовъ давалось или неохотно, или разрѣшалось только оффиціально командированнымъ кандидатамъ на профессорскія должности. Въ 1834 г. изданъ Правительственный актъ, направленный къ вѣщшему ограниченію путешествій за границу съ образовательною цѣлью.

За то молодымъ финляндцамъ былъ открытъ широкій доступъ въ Университеты и учебныя заведенія Имперіи.

Затѣмъ Государь Императоръ Николай I-й, утверждая выше цитированное постановленіе отъ $\frac{3}{15}$ Іюля 1834 г. о воспитаніи финляндскаго юношества внутри государства, изъявилъ свою волю, чтобы бывшіе студенты Императорскаго Александровскаго Университета или выдержавшіе экзамень онаго при вступленіи въ Россійскую службу и производствѣ въ чины пользовались всѣми правами наравнѣ съ обучающимися въ прочихъ университетахъ Имперіи (Высоч. Указъ по сему предмету изданъ 1 Августа 1834 г., П. С. З. № 7321).

Въ 1831 г. опредѣлено было право оканчивающихъ курсъ въ Александровскомъ Университетѣ при вступленіи на военную службу.

Въ 1830 г. 10 Февраля изданъ Высочайшій Рескриптъ о зачетѣ службы лекторовъ русскаго и финскаго языковъ сообразно съ привилегіями духовнаго сословія. Но это подведеніе университетскаго персонала подъ условія службы и привилегіи духовенства вскорѣ прекратилось. 30 Февраля 1833 г. изданъ Высочайшій Рескриптъ о томъ, что Университетской Консисторій не слѣдуетъ болѣе участвовать въ выборахъ на должность Архі-

епископа; а 30 Июня 1847 г. изданъ Высочайшій Рескриптъ о лишеніи консисторскихъ должностныхъ лицъ Александровскаго Университета привилегіи производства по службѣ наравнѣ съ духовенствомъ; взамѣнъ того имъ прибавлено содержаніе.

Что касается перемѣнъ въ составѣ кафедръ, то важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи Университета съ 1828—1852 г.г. было учрежденіе въ 1841 г. ординарной кафедры русскаго языка и словесности.— Жизнь Университета въ эпоху 1828—1852 г. на первыхъ порахъ въ общемъ потекла довольно спокойно, хотя не обошлось безъ нѣкоторыхъ столкновеній властей съ студентами и «исторій» и недоразумѣній въ составѣ академическаго корпуса.

Поведеніе студентовъ въ общемъ было благопристойно ¹⁾; въ студенческихъ скандалахъ и исторіяхъ участвовало лишь незначительное меньшинство и эти исторіи имѣли невинный въ политическомъ отношеніи характеръ, за исключеніемъ двухъ случаевъ. Въ 1831 г., какъ ходитъ слухъ, въ одномъ студенческомъ обществѣ былъ провозглашенъ тостъ за автономію Польши. Случай былъ повидимому скоро замѣтъ, ибо мы видѣ не встрѣтили болѣе подробныхъ описаній этой скандальной исторіи. Другой эпизодъ, случившійся въ томъ же году, по своей гнусности, взволновалъ все общество Гельсингфорса. Въ пасхальную ночь 1 Мая 1831 г., когда въ старой скромной русской церкви шла заутреня, въ окна храма, въ алтарь, былъ брошенъ камень. Полиція всячески старалась открыть виновнаго; городской магистратъ назначилъ 500 р. вознагражденія тому, кто укажетъ преступника. Казалось не могло быть сомнѣнія, что камень былъ брошенъ однимъ изъ студентовъ, которые въ значительномъ количествѣ стояли около церкви ²⁾. Этотъ скверный поступокъ бросилъ тѣнь на все студенчество. Послѣдствія могли быть очень печальными. Изъ Петербурга прибылъ Графъ Ребиндеръ; онъ высказалъ Ректору и Консисторіи жестокія порицанія за ихъ

¹⁾ И административное начальство Университета и профессора старались воздѣйствовать на студентовъ въ педагогическомъ отношеніи, совѣтуя имъ трезвость, скромность и указывая на необходимость держаться осторожно и съ тактомъ по отношенію къ русскимъ. Помните, сказалъ разъ одинъ изъ профессоровъ, что каждый свистъ въ Гельсингфорсѣ отзывается въ Петербургѣ какъ пушечный выстрѣлъ.

²⁾ Въ послѣдствіи выяснилось, что камень былъ брошенъ какимъ то мастеровымъ.

чрезвычайно мягкое отношение къ студентамъ. Высказана была угроза закрыть Университетъ въ случаѣ повторенія такихъ исторій. Надзоръ за студентами былъ усиленъ, но исторіи скоро забыты. 19 Іюня 1832 г. совершилось освященіе новаго университетскаго зданія и немилость была снята съ Университета. Освященіе новаго зданія было связано съ большимъ академическимъ актомъ, во время котораго произносились рѣчи, не имѣвшія, сообразно съ условіями времени, политическаго характера. Необходимымъ реквизитомъ всякаго академическаго акта въ то время была рѣчь на русскомъ языкѣ. Ее произносилъ профессоръ русской словесности. Эту кафедру въ то время занималъ Соловьевъ, прилежный изслѣдователь русскихъ актовъ въ Стокгольмскихъ архивахъ, но судя по всему, что о немъ извѣстно, весьма плохой педагогъ. Онъ себя такъ неумѣло поставилъ въ глазахъ студентовъ, что не пользовался ничемалѣйшимъ авторитетомъ. По рассказамъ Грота одинъ изъ студентовъ, во время экзамена, даже схватилъ профессора за носъ.

Въ 1832 г. Гельсингфорсъ и Университетъ были осчастливлены посѣщеніемъ Императора Николая I. Консисторія Университета и студенты удостоились счастья поднести Монарху адресъ. Оба адреса составлены на русскомъ языкѣ. Всѣ профессора подписались по русски (ср. приложенія № 2).

Выше замѣчено, что студенческіе скандалы на время лишили Университетъ милости начальства. Мягкій характеръ и. д. Канцлера Графа Ребиндера и Вице-Канцлера Генерала А. Теслева, не былъ способенъ на строгія кары и репрессивныя мѣры. Студентамъ разрѣшили даже устраивать Майскій праздникъ (Mai Kalasen), общестуденческое празднество въ окрестностяхъ Гельсингфорса. 3 раза въ теченіе 30-хъ годовъ былъ устроенъ «Майскій калась» (1832, 1834 и 1836 г.г.) при участіи всѣхъ болѣе замѣчательныхъ по положенію и значенію жителей маленькаго въ то время Гельсингфорса. Къ участию въ праздникѣ въ то время приглашались всѣ военные и гражданскіе чины и студенты провозглашали тосты за Государя Императора, Августѣйшаго Канцлера, за Генералъ-Губернатора и т. д. Эти праздники были лишены политическаго характера. Пѣли, играли въ игры и веселились. Только во

время послѣдняго изъ указанныхъ майскихъ праздниковъ прозвучала глухо нотка, и то невиннаго, политиканства. Извѣстный публицистъ Снелъманъ рѣшился провозгласить тостъ за «отечество».

Между тѣмъ литературная дѣятельность университетскихъ дѣятелей начала мало по малу оживляться. Въ газетѣ Helsingfors Morgonblad, которую издавалъ Рунебергъ, участвовали профессора Университета: Нервандеръ, профессоръ физики и математики, занимавшійся и поэзіей, извѣстный историкъ права и публицистъ Нурдстремъ, Сигнеусъ, профессоръ эстетики и литературы и поэтъ, Лилле, профессоръ богословія и др. Эта газета была какъ бы органомъ пробуждавшагося національнаго самосознанія Финляндіи. Стихи и статьи Рунеберга и его товарищей привлекали массу читателей; университетская молодежь зачитывалась ими. Впрочемъ высокоталантливые журналисты избѣгали политики. Они довольствовались этнографіей, эстетикой и исторіей. Мѣстная книжная литература продолжала быть скудной. Впечатлѣніе на образованное общество того времени произвели лишь 2 книги: изданіе Калевали Ленротомъ и Камеральное законовѣдѣніе Финляндіи Бунсдорфа. Первой книгой гордились, но ее мало понимали, благодаря малоизвѣстному тому поколѣнію старофинскому языку. Молодежь интересовалась этимъ свидѣтельствомъ самостоятельнаго содержанія древней культуры финновъ. Любовь къ родинѣ, стремленіе изучить ея языкъ и быть дали толчекъ и къ образованію Финскаго литературнаго общества. Тяжеловѣсная же книга Бунсдорфа получила болѣе широкое значеніе, лишь благодаря горячей полемикѣ, завязавшейся между ея авторомъ и Нурдстремомъ. То была первая литературная полемика въ Финляндіи и она произвела глубокое впечатлѣніе даже на тѣхъ, кто ничего не понималъ про камеральную науку.

Несравненно болѣе шуму произвела разгорѣвшаяся въ концѣ 30-хъ годовъ полемика о публичноправовомъ положеніи Финляндіи. Бывшій профессоръ Александровскаго Университета (перешедшій въ 1830 г. въ Упсалу) Вассеръ въ 1838 г. напечаталъ разсужденіе о союзномъ трактатѣ Россіи со Швеціей въ 1812 г., въ которомъ онъ защищалъ политическую самостоятельность Фин-

ляндіи. Знаменитый шведскій историкъ Эрикъ Гейеръ написалъ возраженіе на книгу Вассера подъ заглавіемъ «О Боргоскомъ Сеймѣ и положеніи Финляндіи въ 1812 г.» Онъ доказывалъ, что Финляндія не иное что, какъ русская провинція, пользующаяся широкой административной автономіей, и высказалъ весьма рѣзкое осужденіе дѣйствій и стремленій высшаго сословія въ Финляндіи. Вассеръ не оставилъ безъ отвѣта книги Гейера; но финское образованное общество смотрѣло на теорію Вассера какъ на утопію. Возрѣніе на Финляндію какъ на русскую провинцію нашло себѣ защитника въ авторѣ брошюры «Финляндія и ея будущее». Это небольшое сочиненіе было принято весьма сочувственно финляндцами и имѣло 3 изданія. Авторъ скрылъ свое настоящее имя подъ псевдонимомъ: Пекка Куохариненъ. Въ 1841 г. появилась новая брошюра, озаглавленная «Финляндія и ея современное государственно-правовое положеніе» подъ псевдонимомъ Олли Кикелайненъ. Незвѣстный авторъ, полемизируя съ Гейеромъ и Куохариненомъ, высказалъ относительно политической природы связи Финляндіи съ Россіей всѣ тѣ взгляды, которые стали господствующими въ Финляндіи въ 60-хъ годахъ. Всѣ думали, что авторъ этой брошюры—извѣстный публицистъ и юристъ Нурдштремъ—и благодаря этому книга читалась съ удвоеннымъ интересомъ. Лишь много лѣтъ спустя стало извѣстнымъ, что подъ странными именами Пекка Куохариненъ и Олли Кикелайненъ скрылъ свое авторство Арвидсонъ, полемизировавшій такимъ образомъ самъ съ собою.

Но главной пищей всѣхъ образованныхъ слоевъ финляндскаго общества была шведская литература. Шведская литература оставалась для финляндцевъ родной литературой; за всякимъ новымъ въ ней направленіемъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ. Поэмы и стихотворенія Тегнѣра и Францѣна заучивались наизусть; шведской исторіей, ея героями увлекались всѣ, на ней воспитывались дѣти, ее не забывали родители.—И новая Швеція не переставала интересоваться финляндцевъ; политическая борьба партій въ Швеціи, столкновеніе либераловъ съ правительствомъ обсуждались въ Финляндіи, какъ будто оно касалось ея.

А русская исторія, русская литература? Людей, знавшихъ ее, интересовавшихся ею можно было пересчитать по пальцамъ. Дѣятельность Соловьева не содѣйствовала духовному сближенію русскихъ съ финляндцами.

Наступили памятные въ исторіи русскаго умственнаго развитія 40-ые года. И въ Финляндіи повѣяло какимъ то новымъ духомъ. На долю Университета выпала главная роль въ тѣхъ новыхъ направленіяхъ, которыя, едва замѣтныя въ предыдущія десятилѣтія, пробились наружу и сдѣлались почвой для новыхъ политическихъ и литературныхъ стремленій.

Въ 1840 году Александровскій Университетъ отпраздновалъ 200-лѣтіе своего существованія. Къ участию въ торжествѣ были приглашены и сѣхались представители Императорской Академіи Наукъ и всѣхъ русскихъ Университетовъ. Одинъ изъ гостей, Я. К. Гротъ, которому вскорѣ пришлось вступить въ коллегію профессоровъ Университета, оставилъ прекрасное описаніе торжества, которое было свидѣтелемъ сердечнаго сближенія русскихъ ученыхъ съ финляндскими. Характерно одно мѣсто этого описанія:

«Въ этотъ же день (день университетскаго акта) Александровскій Университетъ давалъ въ главной городской гостинницѣ великолѣпный обѣдъ. Приглашено было около 350 человекъ. Трудно описать общую веселость и чистосердечіе, оживлявшіе это пиршество. Тосты за здравіе Императорской Фамиліи, которые провозглашала ректоръ, сопровождались музыкой, громкимъ ура и пушечной пальбой. Студенты пѣли хоромъ «Боже Царя храни» на шведскомъ языкѣ». Какъ на всѣхъ актахъ, такъ и на юбилейномъ актѣ была произнесена рѣчь на русскомъ языкѣ.—Университетъ былъ удостоенъ Рескрипта отъ Государя Наслѣдника. Въ этомъ Рескриптѣ сказано: «Торжество сіе, бывъ нынѣ умилительною жертвою благодарности предъ Всевышнимъ за тѣ блага, которыя столько лѣтъ изливались на Финляндію изъ ея верховнаго святилища наукъ, да будетъ и впредь прочнымъ залогомъ неизмѣнности тѣхъ чистыхъ нравственныхъ началъ, коими Университетъ всегда до сего руководствовался».

Русскіе гости были встрѣчены въ Гельсингфорсѣ не только

радушно, но и сердечно. Результатомъ ихъ сближенія съ финляндцами было рѣшеніе издать «Альманахъ», въ которомъ были бы напечатаны статьи и стихотворенія русскихъ и финляндскихъ литераторовъ. Альманахъ вышелъ въ 1842 г. и былъ посвященъ Августѣйшему Канцлеру Наслѣднику Цесаревичу. Въ немъ были напечатаны различныя сочиненія (конечно мелкія) Грота, Францена, Плетнева, Кастрена, Князя Одоевскаго, Эмана, Рунеберга, Графа Соллогуба и Лэнрота. Это симпатичное предпріятіе было какъ бы апогеемъ дружбы русскихъ и финляндскихъ ученыхъ. Никогда болѣе она не достигла той теплоты и сердечности, которыми дышали какъ рѣчи депутатовъ, адреса университетовъ, такъ и статьи журналовъ и газетъ. Искреннимъ сочувствіемъ звучали слова, посвященныя Александровскому Университету въ годичномъ отчетѣ С.-Петербургскаго Университета: «Александровскій Университетъ вполне сохраняетъ весь величественный характеръ своей древности. Его внутренняя жизнь, развившаяся и упроченная опытами, приводитъ въ изумленіе равновѣсіемъ силъ, сосредоточенностью мнѣній, ровностью движеній частей, точностью порядка, достойнымъ уваженіемъ долга и необыкновенною торжественностью формъ въ ученыхъ промоціяхъ. Въ отношеніи къ цѣлому краю Александровскій Университетъ остается въ томъ патриархальномъ значеніи, по которому все сословія и все чины гражданства ему одному считаютъ себя обязанными духовною и свѣтскою мудростію. Таковы плоды долготѣней его исторіи». Жаль, что доброе начиваніе Грота не нашло себѣ подражателей и продолжателей. Его Альманахъ остался единичнымъ явленіемъ, книжною рѣдкостью, и превратился въ теченіе 40-хъ годовъ въ книгу, по которой сдавали экзамены изъ русской словесности и по которой финляндцы знакомились съ русской литературой.

Теплое дружественное чувство образованныхъ слоевъ въ особености Университета къ Россіи, русской литературѣ, наукѣ и русской жизни поддерживалось еще въ теченіе нѣкотораго времени благодаря умѣлому, тактичному посредничеству Грота, который, занявъ кафедру русской исторіи и словесности, приобрѣлъ любовь и уваженіе всехъ коллегъ и всего общества въ Гельсингфорсѣ.

Во время академических празднеств политика оставалась на заднем плане. Кто рѣшался коснуться ея, тотъ, опасаясь цензуры и бдительнаго начальственнаго надзора, говорилъ про нее эвоповскимъ языкомъ.— Легкій намекъ на различныя политическія чаянія сдѣланъ въ газетѣ «Helsingfors Morgonblad», въ редакціи которой, какъ сказано выше, участвовала и университетская молодежь.— «Въ длинномъ рядѣ академическихъ торжествъ, сказано было въ ней, для финляндскаго Университета связаны прекраснымъ образомъ надежда на будущее съ воспоминаніемъ о прошедшемъ. Въ юбилейномъ празднествѣ, которымъ Университетъ отпраздновалъ свое двухсотлѣтіе, мы поэтому усматриваемъ не только академическія торжества, но и настоящій національный праздникъ. Тѣ два столѣтія, которыя Университетъ прожилъ на общую пользу, для общества служатъ залогомъ того, чѣмъ онъ въ будущемъ, при значительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ, долженъ быть для того же общества, какъ въ отношеніи чисто гуманистическомъ, такъ и въ отношеніи социальномъ. И надежда на будущее, основанная не только на воспоминаніяхъ о прошедшемъ, но и на счастливомъ многообѣщающемъ настоящемъ, превращается такимъ образомъ въ значительной степени въ увѣренность».

Новое десятилѣтіе принесло для педагогическаго міра педагогическія реформы. Уже давно различныя комиссіи трудились надъ составленіемъ проектовъ реформы средняго и низшаго образованія, которое оставалось на устарѣвшихъ началахъ шведской эпохи. 21 Іюня 1841 г. изданы: Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе объ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ Великаго Княжества Финляндскаго; Высочайшее Постановленіе касательно учебныхъ заведеній Выборгской губерніи и Высочайшее Объявленіе о различныхъ мѣрахъ при приведеніи въ исполненіе Высочайшихъ Его Императорскаго Величества Постановленій касательно элементарныхъ учебныхъ заведеній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.—Въ силу этихъ законоположеній учреждены были 2 новыя гимназіи; древнія т. н. тривіальныя школы превращены въ высшія элементарныя школы, учреждены новыя элементарныя школы и первыя женскія учебныя заведенія.

Въ гимназіяхъ и въ высшихъ классахъ элементарныхъ школъ учебный курсъ дѣлился на 2 разряда. По одному разряду шли тѣ, кто готовился къ учебному поприщу, по другому всѣ остальные. Финскій языкъ былъ сдѣланъ предметомъ преподаванія въ гимназіяхъ, въ «ученомъ разрядѣ» въ высшихъ классахъ. Особенное удареніе было положено на изученіе русскаго языка. Начиная съ перваго класса ему было отведено значительное количество уроковъ. Однако въ «ученомъ разрядѣ» русскій языкъ не преподавался. Какъ указано выше, особое Высочайшее постановленіе установило строй народнаго образованія въ Выборгской губерніи. Въ школахъ этой губерніи до того времени господствовалъ нѣмецкій языкъ. Согласно постановленію отъ 21 Іюня 1841 г. часть предметовъ должна была преподаваться на русскомъ языкѣ. Воспитанникамъ Выборгскихъ гимназій предоставлено преимущество при замѣщеніи учительскихъ мѣстъ и должностей по гражданской службѣ.

Далѣе было установлено, что должности учителей русской словесности въ краѣ должны быть назначаемы преимущественно коренные русскіе или финляндцы, окончившіе курсъ въ Выборгской гимназій. Для надзора за развитіемъ обученія русскому языку въ каждой епархіи долженъ былъ быть назначенъ экзаменаторъ русскаго языка изъ коренныхъ русскихъ. Финляндское общество конечно не отнеслось съ особенной симпатіей къ этимъ школьнымъ реформамъ; столь же мало симпатичны были ему дальнѣйшія мѣры къ распространенію русскаго языка, принятія въ эпоху 1840—1855 г.г. ¹⁾.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, вступившій въ исправленіе должности Канцлера Университета (въ 1841 г.), принималъ живѣйшее участіе въ мѣрахъ къ ознакомленію университетской молодежи съ русскимъ языкомъ. Посѣтивъ въ 1842 г. Гельсингфорсъ ²⁾, онъ лично предсѣдатель-

¹⁾ Выс. объявл. 7 Марта 1842 г., 6 Ноября 1843 г., 19 Октября 1844 г., 4 Марта 1845 г., 14 Іюля 1848 г.

²⁾ Посѣщеніе молодого Августѣйшаго Канцлера дало поводъ къ выраженію любви и преданности Ему и Государю. Личность Великаго Князя вызвала энтузіазмъ, выразившійся въ оваціяхъ не только студентовъ, но и всего населенія Гельсингфорса. Холодные, сдержанные финны вполне измѣнили своему характеру.

ствовалъ въ засѣданіи Консистоіи и объявилъ объ учрежденіи особой Александровской путевой стипендіи для молодыхъ лицъ, желающихъ посвятить себя научной дѣятельности, съ тѣмъ, чтобы они въ теченіе 2 лѣтъ прожили въ Россіи съ цѣлью основательнаго изученія русскаго языка. — 4 Мая 1841 г. издано было Высочайшее Объявленіе «касательно правъ и преимуществъ при вступленіи въ гражданскую службу въ Финляндіи тѣхъ, которые окажутъ большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ». Для привлеченія лицъ съ высшимъ образованіемъ къ изученію русскаго языка Правительство кромѣ Александровской стипендіи учредило еще рядъ, т. н. въ публикѣ, «русскихъ» стипендій».

Впервые такія путевыя пособія были ассигнованы въ 1826 г. (4 стипендіи) и выдавались лицамъ, которые выразили готовность отправиться въ Москву для теоретическаго и практическаго изученія русскаго языка. Въ 1832 г. еще 4 студента были отправлены въ Казанскій Университетъ.

Первоначально «русскими стипендіями» пользовались охотно, и въ Москву и Казань отправлялись молодые люди изъ лучшихъ семействъ. Профессора Университета относились къ этимъ русскимъ начинаніямъ не безъ симпатіи. Одинъ изъ друзей Грота, Сигнеусъ, въ одной статьѣ замѣтилъ: «Изученіе русскаго языка имѣетъ для насъ финновъ громадное значеніе и мы должны себя посвятить ему. Лишь знакомясь съ русскимъ національнымъ языкомъ, русской литературой и всей духовной и умственной жизнью русскаго народа, мы поймемъ вѣрно нашихъ восточныхъ сосѣдей, къ коимъ мы столь близко стоимъ, и они поймутъ насъ. Знакомство съ русскимъ языкомъ намъ необходимо не только въ виду вѣшнихъ обстоятельствъ. Вообще образованіе и его общіе результаты должны быть общими для всѣхъ націй».

Пока изученіе русскаго языка въ русскихъ университетахъ при поддержкѣ со стороны Правительства имѣло исключительно научный теоретическій характеръ, пока съ командировками въ Москву или Казань не связаны были никакіе виды, надежды и

разчеты на служебную карьеру, — стипендіи привлекали молодых людей и никто, ни въ университетскихъ сферахъ, ни въ обществѣ не видѣлъ ничего въ томъ предосудительнаго, непатріотическаго. Имѣть право съѣздить казеннымъ стипендіатомъ въ Москву считалось отличіемъ. Отношеніе измѣнилось съ 1844 г., когда было издано Высочайшее Объявленіе (отъ 19 Октября) «для поощренія изученія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи». Согласно этому постановленію стипендіаты должны были дать подписку въ томъ, что они по окончаніи курса въ теченіе пяти лѣтъ обязуются служить преподавателями русскаго языка въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ цѣлью поощрить ихъ къ занятіямъ русскимъ языкомъ имъ было обѣщано пользованіе правомъ чиновпроизводства по русскимъ законамъ. Въ кандидатахъ на полученіе стипендіи недостатка не было, но положеніе стипендіатовъ въ обществѣ измѣнилось; къ нимъ стремились или бѣдные люди, или карьеристы. Въ мѣрахъ Правительства, заинтересованнаго въ распространеніи познаній въ русскомъ языкѣ, не было ничего аномальнаго или принудительнаго, но тенденція закона не понравилась и гордый и нѣсколько упрямый характеръ финляндцевъ усмотрѣлъ въ льготахъ, дарованныхъ стипендіатамъ, стремленіе поколебать политическую и культурную самостоятельность Финляндіи. — Главная роль въ дѣлѣ распространенія въ академическихъ сферахъ знакомства съ Россіей, русской литературой и русской исторіей выпала на долю Я. К. Грота. (Соловьевъ остался при немъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ такъ сказать второстепеннаго русскаго профессора). Гротъ сравнительно быстро привыкъ и сжился съ чужимъ міромъ, его окружавшимъ. Искренняя повидимому любовь и преданность къ Государю Императору, проблески стремленій сблизиться съ русскимъ умственнымъ и духовнымъ міромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучая, пламенная ненависть къ «русскимъ порядкамъ», трепеть при одной мысли слиться съ Россіей, — тяжелыя воспоминанія о шведскомъ владычествѣ, о шведскомъ административномъ гнетѣ, — и глубокая привязанность ко всѣмъ элементамъ скандинавскаго общественнаго строя, — вотъ были тѣ крайности,

между которыми колебались тѣ дѣятели, въ средѣ которыхъ жилъ русскій профессоръ ¹⁾.

На первыхъ порахъ Гроту пришлось встрѣтиться и съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, съ недоброжелательствомъ и завистью (молодой, сравнительно, Гротъ, не имѣя ученыхъ степеней, былъ назначенъ сразу ординарнымъ профессоромъ). Учрежденію новой каѳедры русской исторіи и литературы старались, повидимому, судя по письмамъ Плетнева, противодѣйствовать и въ Петербургѣ, но вопросъ, поставленный Императоромъ Николаемъ при докладѣ Графу Армфельту: «Хорошо ли у тебя учатся по русски», рѣшилъ дѣло. Каѳедра была учреждена и Гротъ былъ назначенъ. Въ первое тяжелое время его профессорства онъ встрѣчалъ самую теплую поддержку и получалъ лучшіе совѣты отъ своего вѣрнаго друга Плетнева. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ писемъ Грота и Плетнева, рисующихъ какъ взгляды высокопросвѣщеннаго, гуманнаго русскаго ученаго на русское дѣло въ Финляндіи, такъ и настроеніе Александровскаго Университета. Письмо Грота (13/II 1841 г.): . . . «пошелъ я къ Рейну ¹⁾ . . . Когда я Рейну отрекомендовался какъ новый его товарищъ (съ приличною скромностью), то онъ сказалъ, что собственно моей персонѣ всѣ они рады, но боятся, что слишкомъ усиленное ученіе русскаго языка повредитъ ихъ древней національной образованности. Я увѣрилъ его, что моею цѣлью будетъ сколько можно согласить оба интереса и что вообще пользы Университета и края для меня столько же дороги, какъ и для всякаго изъ нихъ. Рейнъ развесе-

¹⁾ Характерно то, что Гротъ рассказываетъ въ своемъ письмѣ къ Плетневу отъ 20 Августа 1840 г. «Въ 40-хъ годахъ, какъ уже указано выше, національныя стремленія финляндцевъ получали все болѣе энергичное выраженіе. Къ числу средствъ поднять національныя чувства въ сердцахъ университетской молодежи принадлежало и устройство праздниковъ въ студенческихъ отдѣленіяхъ въ честь какого либо дѣятели въ исторіи Финляндіи. Въ 1840 г. студенты одного изъ отдѣленій задумали праздновать день рожденія знаменитаго абовскаго профессора Портана, умершаго въ 1804 году. Вице-Канцлеръ (А. П. Теслевъ), провѣдавъ это, пришелъ въ ярость: какъ же они нынѣ могутъ праздновать память шведскаго профессора. Онъ призвалъ Цигнеуса (куратора отдѣленія) и съ угрозами приказалъ ему довести студентовъ до того, чтобы они отrekliсь отъ своего намѣренія».

²⁾ Профессоръ исторіи.

лился. Русской исторіи онъ не преподаетъ; она и прежде была въ вѣдѣніи профессора русскаго языка. Послѣ я предложилъ ему вмѣстѣ идти къ Нордстрему . . . Я скоро навелъ его на предметъ, который видимо занималъ его. Его главное опасеніе въ томъ состояло, чтобы мое присутствіе въ философскомъ факультетѣ не повлекло за собою необходимости для каждаго студента знать русскій языкъ и въ философскомъ экзаменѣ, въ которомъ испытываются лица, готовящіеся собственно къ ученому званію и безъ того уже имѣющія 11 предметовъ. Онъ объяснилъ мнѣ, какъ это могло бы вредно отозваться на ходѣ другихъ наукъ. Мы еще долго толковали по этому предмету и разошлись довольные другъ другомъ».

(15/iv 1841 г.) «Въ воскресенье утромъ былъ я у профессоровъ, начавъ съ Шультена; еще былъ у Тенгстрема, Лауреля, Гельстрема, Линсена и пр. Почти всѣми былъ принятъ довольно холодно и какъ будто съ нѣкоторою недовѣрчивостью, кромѣ, однако же, прежнихъ знакомыхъ Тенгстрема, Лауреля—или лучше: почти всѣми былъ принятъ хорошо, кромѣ 2, показавшихъ болѣе холодности. Сильны старые предразсудки; они вообразили, что Правительство хочетъ вдругъ насильно навязать имъ русскій языкъ». . . . Холодное, подозрительное отношеніе многихъ изъ профессоровъ довело впечатлительнаго Грота до слезъ. Выше мы указали, что Плетневъ всячески старался поддерживать своего молодаго друга. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ писемъ Плетнева, который былъ близокъ къ высшимъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ и въ словахъ котораго, можно сказать, отражается взглядъ русскаго правительства на сближеніе Университета съ русскимъ духовнымъ міромъ.

Письмо Плетнева отъ 27/ix 1840 г.: «Надобно говорить дѣло, а не фразы. Французы въ Англіи губили языкъ и нравы, а мы вездѣ ихъ поддерживаемъ. И если мы желаемъ, чтобы союзники наши знали по русски, то единственно для того, чтобы они, узнавъ насъ покороче, убѣдились, что мы не людоеды, какъ многіе думаютъ по невѣжеству».

(18/iv 1841 г.) «Вѣдь мы, стремясь выучить финляндцевъ по русски, не гнетемъ ихъ, не дурачимъ, а добавляемъ интересъ ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ужели мы и не стоимъ ихъ изученія». «Вѣрно, и тебя это поразило, что Рейнь считался между прочимъ и профессоромъ русской исторіи, а самъ не преподавалъ ее. Вотъ чего я имъ не прощаю; это простительно въ Европѣ, которая, при случаѣ, раболѣпствуетъ предъ нашимъ правительствомъ. Тутъ есть что-то (къ ужасу моему) безнравственное. Смѣшно толковать, что они утратятъ древнюю ученость отъ русскаго языка. Это не ружье, не барабанъ, а такой же предметъ изученія, какъ и языки финскіе, за которыми они же сами просятся въ Сибирь. Какъ люди полны противорѣчій! Студентамъ, готовящимся въ ученое званіе, совсѣмъ не лишнее знать русскій языкъ. «У нихъ на экзаменѣ 11 предметовъ». Да вѣдь учатся они въ продолженіе 4-хъ лѣтъ и въ разныхъ курсахъ. У насъ экзаменуются и изъ 13 предметовъ. Это ничего не значить. А ученому финляндцу, который говоритъ по латыни, стыдно будетъ не выучиться по русски, когда Гротъ—профессоръ».

(21/iv 1841 г.) «Странный тонъ, принятый съ тобою нѣкоторыми профессорами, разочаровываетъ меня насчетъ самой Финляндіи. Пожалуйста, объяви имъ, шутя, отъ меня, что если они тебя и меня подозрѣваютъ въ неблагородныхъ намѣреніяхъ относительно ихъ края, то тѣмъ могутъ они поднять въ нашемъ мнѣніи Соловьева. Мы теперь въ правѣ думать, что Соловьевъ ими доведенъ былъ до такого тона, который, конечно, сперва намъ былъ противенъ, но можетъ теперь показаться необходимымъ, если все такъ они будутъ смотрѣть на людей, любящихъ ихъ и думающихъ только о процвѣтаніи ихъ края. Навязать имъ русскій языкъ! Что за бѣда? Не имъ старикамъ, а студентамъ это нужно, которые добровольно уѣзжали же въ Москву за этимъ языкомъ. это не отъ тебя произошло, а отъ воли правительства. Слѣдовательно ни имъ всѣмъ, ни тебѣ тутъ умничать нечего. Но въ чемъ подозрѣніе? Въ проискѣ или въ другомъ чемъ? Ты можешь все уничтожить искреннимъ разговоромъ, какъ Ребиндеръ упросилъ меня написать мнѣніе объ усиленіи успѣховъ русскаго языка и что нынѣшнее назначеніе есть слѣдствіе желанія Ребиндера, и, можетъ быть, моею къ нему бумагою»

Въ Петербургѣ повидному думали, что Гроту возможно будетъ сразу начать лекціи исключительно на русскомъ языкѣ. Гротъ на это не рѣшался.—26/iv 1841 г. онъ пишетъ Плетневу: «Мнѣніе твое о неудобствѣ проходить русскую литературу и исторію по шведски, кажется, преувеличено. По моему это гораздо лучше, нежели читать по русски и быть худо-понятымъ. Невозможнаго требовать нельзя, этимъ только вооружишь людей и противъ себя и противъ высшихъ. Если уже дознано, что къ русскому языку здѣсь очень не расположены, то надобно дѣйствовать медленно, но вѣрно и прежде представить въ настоящемъ свѣтѣ Россію и ея литературу». Скрытая вражда противъ Грота улеглась не скоро, но съ половиною профессоровъ онъ успѣлъ сблизиться и подружиться. Графъ Армфельтъ поддерживалъ его всѣми силами и совѣтывался съ нимъ, въ бытность въ Гельсингфорсѣ, о способѣ поставить новую кафедру какъ можно прочнѣе. Онъ совѣтовалъ Гроту, если онъ встрѣтитъ неохоту учиться и посѣщать его лекціи, — молчать, но на экзаменѣ никому не спускать. На профессорскія козни графъ смотрѣлъ довольно мрачно. Въ Университетѣ, по его мнѣнію, боролись двѣ взаимно ожесточенныя партіи, — старики и молодые. Главная вражда исходила отъ первыхъ. Наконецъ, начались лекціи Грота при большомъ наплывѣ студентовъ. Лекціи имѣли успѣхъ. Ими интересовались въ Гельсингфорсѣ, ими же интересовались въ высшей степени и въ Петербургѣ. Государь Императоръ неоднократно справлялся у графа Армфельта о преподаваніи Грота и прибавилъ ему жалованье изъ своей собственной кассы. — Любезная, мягкая личность Грота, его тактъ и умѣніе себя держать были впрочемъ главнымъ факторомъ въ укорененіи новой кафедры въ Гельсингфорсѣ. Онъ пріобрѣталъ все больше друзей. Сблизился онъ и съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ профессоровъ и общественныхъ дѣятелей—съ Нервандеромъ. Остроумный финляндецъ, выпивъ съ Гротомъ «брудершафтъ», заявилъ ему: что онъ очень хорошо понимаетъ отношенія Финляндіи къ Россіи; первая, не теряя своей личной фізіономіи, должна быть русскимъ Тиродемъ (!).

Развивавшаяся все болѣе (въ 40-хъ годахъ) фенноманія

встрѣчена Гротомъ съ полной симпатіей; а русское правительство, какъ извѣстно, отнеслось къ этому національному движенію, какъ къ средству разорвать или, по крайней мѣрѣ, ослабить духовныя и умственные узы, связывавшія Финляндію съ Швеціей.

18 Марта 1841 г. Гротъ пишетъ Плетневу: «Для постепеннаго искорененія шведства ничто не можетъ быть благопріятнѣе утвержденія финства, впредь до дальнѣйшаго развитія вещей въ творческомъ лонѣ времени. Такъ мыслить само правительство и не безъ цѣли способствуетъ успѣхамъ финскаго языка, покровительствуетъ здѣшнему литературному обществу и т. д.»

И Плетневъ смотрѣлъ на фенноманію какъ на переходную ступень: «Со временемъ, писалъ онъ, она будетъ что нибудь значить, если въ высшемъ слою ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ кажется, и тогда это мѣсто должна занять руссоманія, какъ теперь въ Малороссіи, несмотря на усилія Кулиша и желчь Павла Максимовича. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплеменныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ: это законъ природы и ея дочери—исторіи».—Но для появленія хотя бы блѣдныхъ проблесковъ руссоманіи недоставало—достаточнаго количества умѣлыхъ дѣятелей. Гротъ ясно чувствовалъ истину пословицы: «Одинъ въ полѣ не воинъ». Въ 40-хъ годахъ Гроту пришлось даже быть свидѣтелемъ, какъ общественное вліяніе русскихъ въ университетскомъ городѣ пошло на убыль, притомъ по винѣ русскаго общества.—Подмѣчали это и представители финляндскаго общества, которые, какъ Баронъ Л. Г. Гартманъ, были чужды всякихъ несбыточныхъ политическихъ мечтаній. По разсказу Грота (письмо 22/IV 1841 г.) Гартманъ жаловался, что здѣсь почти нѣтъ ни одного русскаго, который бы достойно представлялъ своихъ соотечественниковъ и игралъ какую нибудь роль въ обществѣ, отчего финляндцы болѣе и болѣе отдаляются отъ русскихъ. Напротивъ, въ первыя времена послѣ присоединенія жили въ главномъ городѣ русскіе, которые дѣятельнымъ участіемъ въ общественной жизни, гостепріимствомъ и т. п. умѣли привязать къ себѣ финляндцевъ, производили нѣкоторый восторгъ къ Россіи и способствовали вождельвной амаль-

гамъ обоихъ народовъ. Тогда русскому языку учились по охотѣ, изъ честолюбія, чтобы не быть совѣмъ нѣмымъ въ лучшихъ домахъ. Теперь ничего подобнаго нѣтъ»¹⁾.

Благотворное вліяніе на взаимоотношенія русскихъ и финляндцевъ, производившееся, по словамъ Гартмана, богатыми аристократическими русскими семьями въ 20-хъ годахъ, не могло быть замѣнено тѣми періодическими наѣздами фешенебельнаго общества изъ Петербурга въ процвѣтавшій въ 40-хъ годахъ курортъ Ульрикасъ-боргъ близъ Гельсингфорса. Мода на этотъ курортъ прошла и общественное представительство Россіи въ Гельсингфорсѣ все болѣе ограничивалось чиновничьими и военными домами средней руки, весь культурный пошибъ которыхъ рѣзко отличался отъ образованныхъ дѣятелей временъ Александра I. Замѣна этихъ людей малообразованными чиновниками имѣла весьма неблагоприятное вліяніе. А вѣдь именно во второй половинѣ 40-хъ годовъ снова оживилась и журнальная и книжная литература Финляндіи. Снелльманъ и Топеліусъ привлекаютъ читателей своими то вѣдо-полемиическими и сатири-

1) Другой разъ Гротъ записалъ слѣдующія мысли барона Гартмана о русскомъ языкѣ въ Финляндіи:

«Въ сенатѣ никто изъ чиновниковъ не въ состояніи написать бумаги по русски. Изъ сенаторовъ ни одинъ, послѣ Гартмана, не будетъ въ состояніи говорить съ княземъ Меншиковымъ дѣльно. Въ статсъ-секретариатѣ, въ шведскомъ отдѣленіи, также никто не знаетъ по русски и отъ того не можетъ участвовать въ редакціи бумагъ исходящихъ. Въ первыя десять лѣтъ по присоединеніи Финляндіи болѣе было охотниковъ изучать русскій языкъ, примѣры: Гартманъ, Рамсай, Горнборгъ. Впредь все хуже и хуже будетъ идти, если не принять другихъ мѣръ.

Надо бы отъ правительства услышать искреннее объясненіе, чего оно хочетъ. Если хочетъ все обрусить—не достигнетъ дѣли; если хочетъ сохранить права и законы прежніе, то къ чему знать всѣмъ по русски. Пусть бы при вступленіи въ университетъ отъ всякаго зависѣло держать или не держать экзаменъ въ русскомъ; здѣсь же онъ требовался бы только отъ тѣхъ при ихъ выпускѣ, которые намѣрены вступить въ извѣстныя вѣдомства. Но зато уже эти должны бы знать его со всею основательностью и подвергаться самому строгому экзамену. Теперь же и слабость, и строгость со стороны профессора равно неудобны: при слабости онъ будетъ пропускать и такихъ, которые должны хорошо знать по русски, а при строгости трудно будетъ и тѣмъ, которымъ это знаніе не такъ нужно. Нужно бы особое заведеніе, въ которомъ бы всему непремѣнно учили по русски. Почему бы сенату не представить объ этихъ измѣненіяхъ. Тамъ сидятъ или копаки или люди съ предразсудками. Надобно бы, чтобы правительство истребовало по этому предмету мнѣніе свѣдущихъ людей (Гартмана). Если будутъ слишкомъ принуждать, будетъ здѣсь то же, что въ Остзейскихъ губерніяхъ,—всеобщее неудовольствіе на правительство».

ческими, то теплыми патриотическими статьями. Рунебергъ вступаетъ на высшую ступень своего поэтического творчества. А что шло изъ Россіи? Что могло плѣнять и интересовать финляндца? Значеніе 40-хъ годовъ въ исторіи русскаго національнаго самосознанія и литературнаго и научнаго развитія было понято и оцѣнено лишь долго спустя. Не великъ былъ тотъ кружокъ, который питался уместнымъ движеніемъ друзей Станкевича. Идеи же славянофиловъ, если бы они даже были извѣстны финляндцамъ, были бы для нихъ книгою подъ семью замками; сатира Гоголя и критика Бѣлинскаго рисовали Россію весьма непривлекательными красками. Западноевропейская литература не знала и не понимала Россіи; западные журналисты и памфлетисты занимались охотно лишь различными скандальными исторіями изъ русской придворной жизни минувшихъ временъ (въ Финляндіи не были безъизвѣстны скандальныя памфлеты шведа Крузенштольпе). Необходимость переводовъ русскихъ литературныхъ произведеній на шведскій и финскій языки ясно сознавалась тѣми, кто интересовался сближеніемъ Финляндіи съ Россіей,—но переводы не появлялись. И когда, въ 1848 г., послѣ февральской революціи, появился рядъ распоряженій для усиленія цензуры, когда даже появилось запрещеніе печатать что либо на финскомъ языкѣ, кромѣ религіозныхъ книгъ и сочиненій агрономическихъ, тогда была отрѣзана послѣдняя возможность проникновенія русской литературы въ финскій народъ. И странная иронія судьбы, странная непослѣдовательность административной репрессіи! Когда въ Россіи почти все замолкло и когда Бутурлинскій комитетъ сковалъ страхомъ весь русскій литературный міръ,—въ Финляндіи появилось знаменитое твореніе Рунеберга «Разказы прапорщика Столя».

Вліяніе этихъ стихотвореній на всю читающую финляндскую публику, въ особенности на академическую молодежь, неизмѣримо и неоцѣнимо. Рунебергъ самъ какъ бы предчувствовалъ значеніе своего труда именно для этого круга читателей, когда онъ во вступительномъ стихотвореніи описываетъ то громадное впечатлѣніе, которое произвели разказы стараго прапор-

щика на беззаботно веселаго и гордаго своимъ научнымъ образованіемъ молодаго магистра. «Онъ былъ король; я — лишь студентъ».

Громадный успѣхъ этого поэтическаго творенія Рунеберга обусловленъ не только его высокопоэтическими качествами, но и политической подкладкой всѣхъ стихотвореній, а это послѣднее обстоятельство является какой то загадкой. Поэтъ воспѣлъ, а его слушатели (на первыхъ порахъ исключительно изъ среды образованныхъ классовъ) съ восхищеніемъ вспоминають, благодаря его пѣснямъ, геройскую борьбу финновъ противъ войскъ Александра I, котораго они, по свидѣтельству Г. М. Армфельта, не иначе называли какъ своимъ благодѣтелемъ, которому они обязаны всѣмъ своимъ счастьемъ и благоденствіемъ. Они радуются описанію пораженій войска, служить въ рядахъ котораго многіе изъ нихъ считали высокою честью. Они гордятся жертвами жизнью и кровью за Швецію, которая въ 1808 г. бросила Финляндію на произволъ судьбы, за короля, котораго ненавидѣли и презирали и котораго самъ Рунебергъ въ стихотвореніи «Король» предаль осмѣянію потомства. Война 1788—1790 г.г., богатая многими геройскими подвигами со стороны финновъ и шведовъ, не была объектомъ такихъ пламенныхъ описаній (одинъ только эпизодъ изъ этой войны остался въ памяти финскаго юношества, благодаря перу Топеліуса, сраженіе при Порросальми, и потому, что героемъ его былъ Дебельнъ, уже воспѣтый Рунебергомъ). По нашему мнѣнію восторженное преклоненіе передъ героями 1808—1809 г.г. имѣетъ своей причиной гордое сознаніе того, что финны могли дѣйствовать и безъ помощи шведовъ, а также и то, что и въ отношеніи презрѣннаго, неспособнаго, ненавистнаго короля Густава IV Адольфа они исполнили свой долгъ съ беззавѣтной вѣрностью. «Я видѣлъ народъ, сказано во вступительномъ стихотвореніи, который могъ все—но не могъ измѣнить своей чести» ¹⁾.

¹⁾ Въ составъ «Разказовъ прапорщика Сталя» вошли вполѣдствіи и извѣстныя пѣсни: «Vårt Land» (наша родина), и Бьернеборгскій маршъ. Первая пѣсня, сдѣлавшаяся какъ бы народнымъ гимномъ Финляндіи, не носитъ политическаго характера, за исключеніемъ послѣдняго стиха, въ которомъ говорится о лучшемъ будущемъ Финляндіи. За

Уже выше было замѣчено, что во второй половинѣ 40-хъ годовъ административное воздѣйствіе становилось все чувствительнѣе и сильнѣе. За укорененіемъ русскаго языка правительство слѣдило весьма энергично. Студенты не были довольны этими мѣропріятіями, да и профессора смотрѣли на нихъ не очень дружелюбно. Отношенія между студентами и русскими профессорами получали нѣкоторый оттѣнокъ враждебности. Въ 1845 г. Гротъ задумалъ ввести репетиціи по русской словесности для поощренія студентовъ и для лучшаго приготовленія ихъ къ экзаменамъ. Студенты къ этому новшеству отнеслись враждебно и рѣшили устроить демонстрацію. Они собрались въ его аудиторіи въ большомъ количествѣ. На вопросъ Грота, желаютъ ли они участвовать въ репетиціи, всѣ крикнули, нѣтъ, мы хотимъ только слушать. Гротъ уступилъ и началъ читать простую, обыкновенную лекцію. Студенты, послѣ звонка, не дождавшись окончанія лекціи, съ шумомъ оставили аудиторію. Черезъ нѣсколько дней, когда Гротъ, присутствуя на экзаменѣ своего помощника, профессора Барановскаго, въ качествѣ главнаго профессора, вмѣшался въ экзаменъ и съ своей стороны рѣшился поставить нѣсколько вопросовъ, студенты заявили, что они желаютъ и будутъ отвѣчать только на вопросы Барановскаго. Гроту вновь пришлось уступить. Демонстраціи не прекращались. Въ 1846 г. въ средѣ студентовъ обращалась сатирическая пѣснь, направленная противъ поѣздокъ стипендіатовъ въ Москву (*Vi fara till Moskva*). Въ 1847 г. студентъ Альквистъ (впослѣдствіи извѣстный профессоръ финскаго языка) на одномъ студенческомъ обѣдѣ коснулся довольно ѣдко «русскаго стипендіатства». Начальство потребовало отъ него взять свои выраженія назадъ; онъ отказался. Тогда его удалили изъ состава Саволаксъ-корельскаго отдѣленія. Студенты устроили

то Бьернеборгскому маршу политической характеръ присущъ въ весьма сильной степени. Здѣсь говорится о старомъ знамени Финляндіи, вспоминается о геройскихъ подвигахъ финскихъ войскъ подъ Нарвой, въ Польшѣ и т. д. «Да, восклицаетъ поэтъ, въ нашемъ знамени все еще есть полоска старыхъ цвѣтовъ Финляндіи». Эти мѣста по всей вѣроятности побудили графа Берга замѣтить, что Бьернеборгскій маршъ болѣе на мѣстѣ въ лагерѣ Гарибальди, чѣмъ среди финскихъ студентовъ (Письмо къ графу Армфельту 7 Августа 1860 г.).

въ его честь особый прощальный обѣдъ, во время котораго конечно не было недостатка въ рѣчахъ.

Гротъ, рассказываятъ Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ, перенесъ всѣ эти выраженія неудовольствія съ благороднымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ и не стремился къ какому либо возмездію.— Это тѣмъ болѣе достойно похвалы, что Гроту пришлось испытать нѣчто болѣе чувствительное, чѣмъ оппозицію на словахъ. Въ 1846 г. три раза были у него въ квартирѣ разбиты стекла, посредствомъ камней и петардъ ¹⁾.

1) Въ своихъ письмахъ онъ рассказываетъ слѣдующее:

(Письмо отъ ²/III 1846 г.). «Стекло было разбито у меня, какъ оказывается, тайнымъ врагомъ, который продолжаетъ преслѣдовать меня. Первый случай былъ 30 Января, въ то время, какъ я сидѣлъ въ театрѣ. Потомъ 5 Февраля вечеромъ, часу въ 8-мъ, когда я занимался въ своей комнатѣ, вдругъ за моимъ окномъ раздался ужасный залпъ, будто выстрѣлъ, и въ ту же минуту блеснулъ снизу вверхъ за рамою такой сильный свѣтъ, что онъ видѣнъ былъ сквозь внутренній ставень. О выбитомъ окнѣ я никому не говорилъ ни слова, но теперь отправился на другой день къ Теслеву и рассказалъ ему оба случая. Полиціймейстеръ, котораго онъ при мнѣ велѣлъ позвать, обѣщаль, что по вечерамъ мимо моихъ оконъ будетъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ходить патруль. Тогда же Теслевъ вмѣстѣ со мною прѣзжалъ ко мнѣ и осматривалъ помѣщеніе дома, чтобы посмотришь, нельзя ли гдѣ нибудь поставить часоваго, который бы, не будучи видѣнъ, могъ подстеречь злодѣя; но эта мѣра, какъ неудобная, была отвергнута. Я забылъ сказать, что когда послѣ я осмотрѣлъ наружную сторону окна, то оно оказалось вовсе неповрежденнымъ, и только въ серединѣ нижняго края рамы были слѣды пороха да копоть. Теслевъ и губернаторъ Армфельтъ, которому я тоже открылъ это подъ секретомъ, хотѣли было начать тайный розыскъ между студентами, изъ которыхъ я подозревалъ нѣкоторыхъ, но я просилъ оставить это, чтобы не производить неприятнаго шума, который былъ бы, вѣроятно, единственнымъ результатомъ розыска. Наконецъ 3-го дня, около 8 часовъ вечера, когда я одѣвался, чтобы идти со двора, вдругъ опять посыпались стекла съ ужаснымъ грохотомъ. Кучеръ мой тотчасъ выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ, какъ кто то сѣлъ на извозчика и ускакалъ. Оказалось, что не только въ моей комнатѣ разбито было одно стекло, но также одно въ прихожей (оба насквозь), да одно въ залѣ (только наружное). Ударъ былъ не камнемъ и не свѣжнымъ комомъ, потому что въ комнатѣ или на окнахъ не нашлось ничего подобнаго, а какимъ нибудь длиннымъ орудіемъ. Я тотчасъ же пошелъ къ Теслеву. Немало встревоженный, онъ послалъ за полиціймейстеромъ, котораго однако же не было дома. Вчера, въ пятницу, я опять былъ тамъ и говорилъ съ Клеркеромъ. Указаніе на извозчика, при хорошей полиціи могло бы быть очень важнымъ, но здѣсь, конечно, ничего не откроютъ. Послѣ полиціймейстеръ для проформы прѣзжалъ ко мнѣ. Я могъ бы требовать караула къ дому, но это опять надѣлаеть шуму. Сегодня объявляю Клеркеру, что если еще случится что подобное, то я подамъ правительству жалобу на здѣшнюю полицію. Изъ постороннихъ я рассказалъ все бывшее (за тайну) только профессору Рейну, да хозяйну дома Кронсу. Послѣдній обѣщаль сдѣлать ставни снаружи. Рейнъ предлагалъ черезъ ректора объявить студентамъ, что то и то было и что они не должны терпѣть въ своемъ кругу такого подлца; искать же его между ними было бы бесполезно и товарищи не выдали бы; они развѣ только сами отъ себя, тайно, велѣтъ ему удалиться. Но я не одобрилъ этого, потому что распространеніе такого слуха можетъ только и въ другихъ

Главной причиной болѣе частыхъ (сравнительно) студенческихъ исторій, столкновений профессоровъ со студентами, другъ съ другомъ и съ ректоромъ, была слабость Вице-Канцлера Теслева и отсутствіе должнаго такта у ректора Урзина. Нельзя не принять во вниманіе, что и политическая атмосфера, какъ во всей Европѣ, такъ и въ тихой отдаленной Финляндіи наканунѣ 1848 г. становилась напряженной. Націоналистическія тенденціи въ Финляндіи получали все большую энергію и правительство сначала благосклонно смотрѣло на агитацію Снелъмана и его друзей. Лишь бурный 1848 г. принесъ Западной Европѣ указаніе на то, что націонализмъ, орудіе обоюдоострое, и въ борьбѣ съ враждебными элементами легко можетъ перейти на сторону радикализма и демократіи.

Для характеристики академическаго міра второй половины

негодяхъ возбудить охоту попробовать то же. Врагъ долженъ быть злодѣй. Онъ выбираетъ такое время, когда я дома, чтобы испугать меня; къ несчастью, однакожъ, я не очень пугливъ. Происшествіе съ порохомъ было предпринято въ такой день, когда была ужаснѣйшая мятель съ дождемъ и ни собаки не было на улицѣ. Третьяго дня, напротивъ была чудная погода съ яркимъ мѣсячнымъ сіяніемъ; нѣсколько проходившихъ людей изъ простаго народа видѣли издали случившееся, почему оно, вѣроятно, скоро будетъ извѣстно въ городѣ.

(4/ш 1846 г.). Исторія о моихъ окнахъ распространилась по городу. Рейвъ приходилъ сказывать, что благомыслящіе студенты въ большемъ негодованіи на этотъ случай. Сегодня получилъ я анонимное, письмо съ подписью: студентъ. Онъ очень учтиво упрекаетъ меня, что я выразилъ подозрѣніе на цѣлое сословіе его товарищей, тогда какъ этого подозрѣнія ничѣмъ нельзя подтвердить,—впрочемъ увѣряетъ, что если дѣйствительно откроется между ними такой извергъ, то онъ немедленно будетъ удаленъ.

(9/ш 1846 г.). По оконломству ничего новаго нѣтъ. Виновнаго не нашли. Нѣсколько дней сряду, по вечерамъ, полицейскій приходилъ караулить у моихъ воротъ, но безъ успѣха. Постигшія меня неприятности имѣли и хорошую сторону: при этомъ выразилось, что всѣ вообще расположены ко мнѣ хорошо, и негодованіе ихъ на того, кто такъ подло нарушаетъ мое спокойствіе, по необходимости должно сближать ихъ со мною. Инспекторъ и кураторъ отдѣлений говорили съ студентами объ этихъ происшествіяхъ; общали усласть негодяя, какъ скоро онъ откроется. Впрочемъ, я готовлюсь къ новымъ нападеніямъ. Это долженъ быть упорный преслѣдователь—вѣроятно какой нибудь мстительный студентъ изъ тѣхъ, которымъ не удалось получить у меня свидѣтельства въ мнимыхъ знаніяхъ.

(19/ш 1846 г.). У Гейтлина (профессора) слышалъ я отъ одного студента, что его собраты много толковали о томъ, чтобы прислать ко мнѣ депутацію съ увѣреніемъ, что оконломство не должно приписываться имъ, потому что возбуждаетъ всеобщее негодованіе, однако же потомъ рѣшили, что такое объясненіе могло бы ихъ еще болѣе скомпрометировать.

40-хъ годовъ весьма цѣнны слѣдующія мѣста изъ записокъ и размышленій Грота, которыя мы приводимъ *in extenso*.

«Размышленія Грота по поводу всѣхъ бывшихъ враждебныхъ къ нему демонстрацій.

«Многіе приходили къ Гартману и, жалуясь на мою строгость, просили поговорить со мной. Они говорили, что мнѣ дѣла нѣтъ ни до чего другого, кромѣ русскаго языка, что я бы хотѣлъ, чтобы дѣти ихъ учились только этому, что въ исторіи я требую мелочныхъ подробностей. Гартманъ возражалъ многимъ, что невозможно, чтобы человѣкъ такой скромный, тихій, разсудительный, какъ я, могъ чѣмъ нибудь оскорбить молодежь. По его мнѣнію нельзя было выбрать никого, кто бы повидимому лучше меня могъ исполнить виды правительства.

И такъ, зло заключается либо въ общемъ духѣ и направленіи учащихся, либо въ какой нибудь ошибкѣ исполненія съ моей стороны.

Въ направленіи молодежи замѣчательно стремленіе къ финской національности, которая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ совсѣмъ перемѣнила общественный духъ.

Это направленіе чрезвычайно отчудило финновъ отъ Швеціи и даже расположило ихъ къ ней враждебно. Можетъ быть въ этомъ заключается источникъ неудовольствія на меня.

Если это неудовольствіе только прихоть, шалость, то легко устранить его. Но если финнизмъ владѣетъ умами сильнѣе, нежели предполагать можно, то бѣда Финляндіи.

Правительство смотритъ равнодушно и праздно на этотъ духъ, но оно должно бы овладѣть имъ и дать ему направленіе по своимъ видамъ.

Большое несчастіе, что нѣтъ на мѣстѣ никого, кто бы сосредоточивалъ и направлялъ мнѣнія молодыхъ людей.

Гартману не хочется разсуждать о средствахъ улучшенія хода дѣла; онъ бы хотѣлъ, кажется, проивести коренную перемѣну въ главныхъ основаніяхъ ученія русскому языку, въ духѣ требованій, и хотѣлъ бы подвергнуть дѣйствія преподавателей

высшему контролю. Исполнитель, по его мнѣнію, не въ состояніи руководить и образомъ мыслей по этому предмету.

При разсмотрѣніи бумагъ консисторскихъ онъ хочетъ, кажется, чтобы Сенатъ привелъ къ единству преподаваніе русскаго языка въ школахъ и въ университетѣ.

Теперь я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи касательно моего образа дѣйствія. Конечно, я не могу показать никакого послабленія. На экзаменахъ я долженъ по прежнему спрашивать. Какъ тутъ избѣгнуть непріятностей, когда мнѣ ктонибудь изъ студентовъ опять не захочетъ отвѣчать, или скажетъ, что я не въ правѣ спрашивать? А какъ поступить если будетъ безпорядокъ на лекціи?

Мнѣ кажется, я долженъ буду стараться дѣйствовать добромъ, убѣжденіемъ. Я долженъ буду выразить увѣренность, что во всемъ происшедшемъ вижу только нерасположеніе немногихъ, а что другіе конечно чувствуютъ законность моихъ дѣйствій и необходимость исполнять мои требованія. Когда въ чемънибудь недоволенъ мною, пусть откровенно и прилично сообщать мнѣ свои мысли и претензіи. Благоразумныя желанія я всегда буду стараться исполнить; но открыто говорю, что требую, чтобы у меня учились по мѣрѣ возможности—это предписываютъ мнѣ обязанности и убѣжденіе. Должны учиться по русски, во-первыхъ, потому, что правительство того хочетъ и много для того дѣлаетъ,—потому, что есть особая для того кафедра, и, во вторыхъ, потому, что русскій языкъ дѣйствительно нуженъ. Я требую особенно нѣкоторой доброй воли; но когда я ея не вижу, то не можетъ быть и снисхожденія.—Гартманъ подозрѣваетъ, не виновата ли переменна ректорства въ томъ, что случилось ¹⁾. По его мнѣнію, ничтожество Теслева на такомъ важномъ посту (Вице-Канцлера) очень невыгодное для Университета обстоятельство.

Надобно бы, кажется, сказать студентамъ: были недоразумѣнія, многіе хотѣли видѣть въ нихъ признакъ общаго духа

¹⁾ Ректоромъ былъ Лагусъ (1845—1848), его предшественникъ былъ Урсинъ (1839—1845).

оппозиціи противъ русскаго языка,—я смотрю совѣмъ съ другой точки зрѣнія: я вижу въ нихъ только недоразумѣніе частное, случайное и больше ничего. Я, при моемъ образѣ мыслей и добромъ расположеніи къ молодымъ людямъ, увѣренъ, что это недоразумѣніе не можетъ быть продолжительно, и что дѣло пойдетъ на ладъ.

Въ этомъ видѣ я долженъ покуда представлять дѣло и высшему начальству.

Урсинъ, кажется, радъ, что новое ректорство ознаменовалось беспорядками. Лагусъ говорилъ мнѣ: «Есть столько вещей, на которыя надо смотрѣть сквозь пальцы. Молодежь не знаетъ, что дѣлается. Если бы у меня самого даже стекла выбили, я бы остался совершенно спокоенъ и только велѣлъ бы поставить новыя».—Должно быть, что мнѣніе обо мнѣ въ два года чрезвычайно перемѣнилось. Лѣтомъ 1843 года адъютантъ Меншикова Нордманъ говорилъ мнѣ: «Всѣ здѣсь вами пока довольны, вы не слишкомъ круто поворачиваете ихъ, однакожъ дѣло идетъ».

Барановскій—главная вина бывшихъ непріятностей. Онъ своею небрежностью вынудилъ меня вести надъ его лекціями и экзаменами надзоръ, не согласный съ духомъ здѣшняго Университета.

Я долженъ буду, можетъ быть, болѣе сблизиться съ здѣшнимъ обществомъ, чтобы противодѣйствовать личнымъ вліяніемъ духу непріязни ко мнѣ.

Въ случаѣ непріятностей надобно будетъ щадить интересъ Университета и не тотчасъ давать всякому дѣлу оборотъ, который производить шумъ. За такое поведеніе Университетъ невольно почувствуетъ ко мнѣ благодарность».

Ректоръ Урсинъ, который уступилъ мѣсто профессору Лагусу (въ 1845 г.), не пользовался симпатіей и любовью студентовъ. Въ особенности послѣ столкновенія съ любимцемъ студентовъ Нурдстремомъ Урсинъ сдѣлался объектомъ насмѣшекъ и демонстрацій со стороны академической молодежи.

Про это столкновеніе, которое въ концѣ концовъ привело къ увольненію Нурдстрема, Гротъ рассказываетъ слѣдующее:

«Между профессорами мало дружбы: особенно замѣтно несогласіе между юристами Нурдстремомъ и Лагусомъ. Послѣдній, уже старѣй профессоръ, не любитъ въ первомъ стремленія къ улучшеніямъ дѣятельности его и разъ при всѣхъ упрекнулъ его въ революціонерствѣ. Нурдстремъ ученъ и добросовѣстенъ, но хочетъ невозможнаго, т. е. ненаружимаго во всемъ господства права, что возможно только въ идеѣ; оттого онъ часто и очень неосторожно порицалъ мѣры правительства, и всѣ смотрятъ на него, какъ на неблагоразумнаго оппозиціонера. Особливо въ концѣ термина онъ завязалъ было опасный споръ. Онъ сталъ предлагать въ консисторіи о назначеніи экстраординарнаго пособія литератору и сочинителю Снельману для удержанія его въ Университетѣ ¹⁾. Но какъ Снельманъ прежде былъ удаленъ отъ Университета за противодѣйствія начальству и жилъ года 3 за границей, много писалъ тамъ всякой всячины по шведски, то ректоръ Урсинъ не желалъ ходатайствовать о немъ и отказалъ въ предложеніи Нурдстрему. Нурдстремъ сталъ самъ предлагать его. Ректоръ два останавливалъ его, представляя, что это не можетъ подлежать разсмотрѣнію, потому что всѣ дѣла, по статутамъ, предлагаются къ докладу только ректоромъ. Въ третье засѣданіе Нурдстремъ объявилъ, что требуетъ рѣшенія всей консисторіи, самъ же онъ всталъ въ большомъ азартѣ и вышелъ, объявивъ, что требуетъ рѣшенія (utslag). Ректоръ, по выходѣ его, сказалъ, что считаетъ обязанностью держаться правилъ, которыя онъ изложилъ уже. Тогда нѣкоторые профессора пришли въ негодованіе, и двое (Рейнъ и Лилле) даже встали съ мѣстъ своихъ, однако же ничего не могли сказать. Въ слѣдующее засѣданіе (въ Маѣ мѣсяцѣ) ректоръ предложилъ на разрѣшеніе консисторіи: вносить ли это дѣло въ протоколъ или нѣтъ. Мнѣнія были раздѣлены; началось собраніе голосовъ. Я сказалъ, что должно внести. Это было противно мнѣнію ректора, который наканунѣ приходилъ ко мнѣ, чтобы

¹⁾ Снельманъ былъ доцентомъ философіи, но былъ принужденъ вслѣдствіе разныхъ столкновеній и (отчасти) за свои финноманскія идеи оставить университетъ и получилъ въ 1843 г. мѣсто директора высшаго элементарнаго училища въ Куопіо.

убѣдить и меня въ своемъ мнѣніи; но я, обдумавъ, нашелъ, что эта исторія можетъ инымъ путемъ дойти до Канцлера, и тогда отвѣчать будетъ консисторія, если скроютъ дѣло. Передъ самымъ засѣданіемъ я вызвалъ ректора въ канцелярію и сказалъ ему, что въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, какъ писалъ мнѣ Плетневъ, всякій профессоръ имѣетъ право предлагать дѣла. Ректоръ былъ второпяхъ, и разговоръ нашъ не успѣлъ развиться. Но послѣ я замѣтилъ, что ректоръ на меня дуется, черезъ нѣсколько дней я сходилъ къ нему, засталъ его работающимъ въ саду, извинился передъ нимъ и, кажется, примирилъ его. Во всемъ этомъ дѣлѣ онъ показалъ много твердости и благоразумія и поставилъ на своемъ: что одинъ ректоръ имѣетъ право предлагать дѣла къ слушанію, что, по его мнѣнію, необходимо въ Финляндіи для избѣжанія предложеній, которыя могли бы быть противны видамъ правительства. Дѣло это онъ называетъ: «hvis fraga för Universitetet» и потому желалъ бы, чтобы оно въ протоколъ не входило, опасаясь непріятныхъ послѣдствій. Его желаніе исполнилось: на каждой сторонѣ оказалось по восемь голосовъ, но перетянула та, на которой былъ ректоръ.

О вопросѣ объ учрежденіи 12 стипендій для поощренія финскаго языка, — мнѣнїе, предложенной Теслевымъ, согласно желанію Государя, чтобы шведскій языкъ былъ мало по малу вытѣсненъ хоть финскимъ: мое мнѣніе по этому дѣлу занесено въ протоколъ такъ, какъ я самъ письменно изложилъ его. Это право предоставлено всякому профессору, независимо отъ изустнаго отзыва при собраніи голосовъ ¹⁾».

1) Университетъ въ это время былъ объектомъ сильныхъ нападокъ со стороны прессы, въ особенности его не щадило рѣзкое перо Снелъмана. Уже въ сатирическомъ журналѣ «Spranska flugan» (Испанская муха) онъ упрекалъ Университетъ въ томъ, что онъ не содѣйствуетъ развитію научныхъ идей, а занимается буквѣдствомъ, публикуя пустышныя и педантичныя латинскія диссертации. Атаки его продолжались и въ его новомъ журналѣ «Сайма», въ которомъ Университетъ порицался за то, что Ленротъ (издатель и собиратель финскихъ рунъ и Калевала) не получилъ каѣдры, что Кастренъ не встрѣчалъ достаточной поддержки. Но главное его обвиненіе состояло въ томъ, что Университетъ слишкомъ мало заботится о просвѣщеніи націи; профессора не позаботились объ изданіи литературнаго журнала; они даже не стараются пользоваться газетами, какъ средствомъ для руководства общественнымъ мнѣніемъ. Вызовъ, брошенный Университету, нашелъ сочувственный откликъ въ средѣ журналистовъ. Въ газетахъ: «Abo Under-

Столкновеніе между либераломъ Нурдстремомъ и консервативнымъ ректоромъ стало извѣстно студентамъ и дало поводъ къ уличнымъ манифестаціямъ въ честь любимца.

Въ 1845 г. Нурдстремъ подалъ въ отставку. Консисторія ходатайствовала предъ Канцлеромъ о принятіи мѣръ къ сохраненію выдающагося ученаго. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, поговаривали о назначеніи его прокуроромъ Сената, но въ 1845 г. его прошеніе было уважено. Студенты устроили ему трогательные проводы,—въ его честь была сочинена особая кантата. Онъ перешелъ на службу въ Швецію.

Не разъ еще повторялись уличныя манифестаціи въ честь или для порицанія академическихъ дѣятелей. Когда въ 1849 г. на вакантную кафедру философіи былъ назначенъ не знаменитый Снелъманъ, а его конкурентъ, бездарный Аминовъ,—студенты передъ квартирой послѣдняго устроили кошачій концертъ. Власти относились къ этимъ юношескимъ продѣлкамъ довольно безучастно, не смотря на то, что времена становились безпокойными, и во главѣ Университета былъ уже поставленъ новый, энергичный Вице-Канцлеръ,—генералъ Норденстамъ, одинъ изъ героевъ Кавказ-

tättelser» и «Morgonblad» (въ 1845 г.) было откровенно сказано, что Университетъ пользуется весьма незначительнымъ уваженіемъ въ краѣ. Профессора были задѣты за живое. Пошли отвѣты съ упреками «молодой Финляндіи» въ желаніи выкинуть за бортъ стариковъ, а Нурдстремъ, считавшій себя почему то особенно оскорбленнымъ, назвалъ Снелъмана: «Примадонной публицистики, помѣстившейся на большомъ рынкѣ въ Куопіо». Снелъманъ отвѣтилъ статьей въ Саймъ, подъ заглавіемъ: «Значеніе Университета», въ которой онъ выставилъ положеніе, что Университетъ не долженъ ограничиваться научными работами, извѣстными въ тѣсномъ кругу, а долженъ воздѣйствовать на мысли и чувства всего народа, быть его руководителемъ по пути умственного, а потому и нравственнаго развитія.

Снелъманъ не требовалъ отъ Университета политической дѣятельности ни теперь, ни десять лѣтъ спустя, когда для Финляндіи наступила новая эра. Онъ старался убѣдить финляндцевъ въ томъ, что не преждевременное пли безтактное политиканство, не писанныя привилегіи обезпечиваютъ будущее финляндскаго народа, а усердный трудъ, обращенный на самосознаніе и развитіе народа. Въ этомъ отношеніи онъ сходилса съ своимъ антагонистомъ и врагомъ (въ многихъ отношеніяхъ) Л. Г. фонъ-Гартманомъ, который по разсказу Грота (письмо къ Плетневу отъ 24/1 1847 г.) сдѣлалъ замѣчаніе: «Настоящая конституція Финляндіи есть образованность и нравственность ея жителей. Пока у нея это есть, ее будутъ всегда уважать и дѣвять. Кромѣ этого ничто не ручается за охраненіе всего, чѣмъ она дорожить».

скихъ походовъ ¹⁾. Норденстамъ, которому впоследствии пришлось не разъ столкнуться съ академическими дѣятелями и молодежью, на первыхъ порахъ весьма понравился и профессорамъ и студентамъ. Во время Майскаго праздника 1848 г., когда впервые студенты запѣли знаменитую пѣснь Рунеберга «Vårt Land» подъ мелодію Паціуса,—когда доцентъ и поэтъ Сигнеусъ произнесъ пламенную рѣчь ²⁾, съ здравицей въ честь Финляндіи, Норденстамъ былъ предметомъ овацій и сердечно благодарилъ молодежь за благородный духъ и направленіе въ ихъ средѣ. Но вскорѣ послѣ этого, памятнаго донинѣ въ академической средѣ, праздника, для Университета наступили болѣе тяжелыя времена. На западѣ Европы революціонное движеніе принимало все болѣе острый характеръ, и русское правительство, опасаясь появленія революціоннаго духа въ средѣ студентовъ, принимало строгія репрессивныя мѣры противъ всякаго вольнодумства и либеральничанія. Избраніе и назначеніе ректоромъ любимаго всѣми Рейна не препятствовало развитію и усилению административнаго воздѣйствія. Строгіе цензурные циркуляры оказывали сильное давленіе на литературу; на улицахъ появились патрули, и надзоръ за студентами усилился, что, впрочемъ, какъ уже сказано выше, не мѣшало устройству кошачьихъ концертовъ. Репрессивныя мѣры были направлены и противъ того направленія, которое въ 40-хъ годахъ, благодаря стараніямъ Снелъмана, получало болѣе широкое распространеніе и нашло не мало приверженцевъ въ университетской средѣ: противъ финскаго національнаго стремленія, т. н. фенноманіи. Послѣ февральской революціи и фенноманія казалась подозрительной.

¹⁾ Норденстамъ заступилъ мѣсто Теслева только въ отношеніи Университета; на должность же помощника генераль-губернатора былъ назначенъ генераль П. Рокасовскій. Новый представитель высшей власти въ краѣ (Кн. Меншиковъ почти постоянно отсутствовалъ) старался по мѣрѣ силъ способствовать сближенію русскаго и финляндскаго общества въ Гельсингфорсѣ. Домъ генераль-губернатора во время управленія краемъ Рокасовскимъ игралъ значительную роль въ общественной жизни Гельсингфорса. Здѣсь, въ салонахъ Рокасовскаго, сходились весьма дружественно и русскіе и финляндцы; эпоха 20-хъ годовъ обѣщала воскреснуть на пользу сближенія культурныхъ слоевъ окраины съ центромъ. Но вскорѣ Крымская кампанія и продѣлки финляндскихъ эмигрантовъ вновь разстроили всѣ успѣхи на этомъ пути.

²⁾ Въ честь покойнаго Нервандера.

Ростъ національнаго самосознанія финновъ грозилъ нарушить, такъ думали государственные люди, общественный порядокъ и административную тишину. Забыто было, что Фенномація была лучшимъ средствомъ отвлечь въ особенности академическую молодежь отъ симпатій къ Швеціи. Мы увидимъ ниже, что результаты этой политики были весьма печальны. Проблески симпатіи къ Россіи, столь замѣтные въ 1840 г., исчезли. Александровскій Университетъ вновь отвернулся отъ русскихъ. Скорбно звучать слова Грота (Письмо къ Плетневу 7/IV 1848 г.): «Въ дремотѣ національнаго эгоизма, всѣ воображаютъ здѣсь, что ни одинъ изъ русскихъ Университетовъ никуда не годится, что все это школы да казармы, откуда нечѣмъ заимствоваться. Въ этой идеѣ никто однако не сознаетъ, что есть отношенія, въ которыхъ здѣшній Университетъ стоитъ гораздо ниже. Въ такомъ заблужденіи никто, и особливо иноземецъ, не въ состояніи разуверить этихъ господъ; напрасно и даже глупо было бы пробовать».

10 Августа 1850 года изданъ Канцлерскій рескриптъ на имя Университета, усилившій власть Вице-Канцлера въ ущербъ власти ректора и Консисторіи. Весь аппаратъ строгаго полицейскаго надзора былъ перенесенъ въ Гельсингфорсъ: инспекція, педеля, сторожа, патрули изъ пѣшихъ солдатъ и казаковъ. Консисторія протестовала противъ этихъ мѣръ, какъ нарушавшихъ уставъ Университета. Протестъ былъ оставленъ безъ послѣдствій. Когда (въ 1850 г.) нѣсколько студентовъ на шумѣли въ театрѣ, Вице-Канцлеръ, генераль Норденстамъ, удалил ихъ изъ Университета собственною властью. Новый протестъ Консисторіи и опять безъ послѣдствій. Несомнѣнно, что академическая молодежь своими безтактными выходками и скандалами вызвала эти репрессіи, но столь же несомнѣнно, что установившійся режимъ не только не успокоилъ ее, не только не ввелъ спокойствія въ Университетъ, но усугубилъ нервность его и подстрекнулъ молодежь къ новымъ скандаламъ. Количество удаленныхъ изъ Университета увеличивалось, учащались случаи перехода удаленныхъ, политически неблагонадежныхъ въ Швецію. Эмигранты группировались вокругъ такихъ крупныхъ недовольныхъ, какъ Нурд-

стремъ и Арвидсонъ, и вотъ въ Стокгольмѣ началось образованіе той колоніи эмигрантовъ, которая наполняла руссофобствующія газеты и журналы Швеціи и всего запада разказами объ угнетенной, страдающей Финляндіи и сумѣла навербовать себѣ корреспондентовъ въ Финляндіи, усердно передававшихъ въ Швецію почти всегда преувеличенные разказы о русскомъ гнетѣ и финляндской скорби. Студенческія исторіи 30-хъ и 40-хъ годовъ имѣли сравнительно невинный характеръ; «корпорація» студентовъ не участвовала въ нихъ; начальство имѣло даже въ серьезныхъ случаяхъ дѣло лишь съ продѣлками единичныхъ лицъ. Студенческія исторіи 50-хъ годовъ получаютъ характеръ политической, и студенты начинаютъ дѣйствовать корпоративно, и, что хуже всего, политическая фронда начинаетъ свивать себѣ гнѣздо въ средѣ профессоровъ.

Вся академическая атмосфера получила какой то аномальный отпечатокъ.

Независть къ первоначально любимому и уважаемому Вице-Канцлеру получила рѣзкое выраженіе, во время празднованія 25-лѣтія со дня назначенія Наслѣдника Цесаревича (впослѣдствіи Императора) Александра Николаевича Канцлеромъ. 11 Января 1851 г. Вице-Канцлеръ Норденстамъ устроилъ балъ у себя въ домѣ и пригласилъ 40 студентовъ въ качествѣ представителей студенческой корпораціи. Студенты рѣшили не послѣдовать приглашенію. Ихъ рѣшеніе дошло до свѣдѣнія ректора и стало извѣстнымъ въ городѣ. Ректоръ Рейнъ вызвалъ къ себѣ приглашенныхъ и старался убѣдить ихъ отказаться отъ рѣшенія, грозившаго непріятностями не только приглашеннымъ, но и всему Университету. Студенты отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. На балъ ни одинъ изъ нихъ не пошелъ; но для того, чтобы засвидѣтельствовать свою лойяльность и преданность Августѣйшему Канцлеру, а также Государю Императору и всему Царствующему Дому, студенты устроили обѣдъ въ паркѣ Кайсаньями, гдѣ были пропѣты стихи въ честь Канцлера. Вечеромъ во время иллюминаціи они передъ Университетомъ пропѣли «Vårt Land». Балъ Вице-Канцлера прошелъ вяло. Университетское начальство съ

трепетомъ ждало послѣдствій «асторіи». Высшія власти въ Петербургѣ были очень враждебно настроены противъ Университета, благодаря ряду мелкихъ столкновеній студентовъ съ инспекціей и съ солдатами. Какъ Вице-Канцлеръ, такъ и Ректоръ были вызваны въ Петербургъ и считали долгомъ своимъ (въ особенности Норденстамъ) просить о снисходительномъ отношеніи къ Университету, ибо поговаривали о закрытіи Университета на время или на всегда. Въ студенческихъ кружкахъ Гельсингфорса обсуждался вопросъ о поднесеніи адреса Августѣйшему Канцлеру съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Студенты, не явившіеся на балъ, были строго наказаны (номинально), но «дѣло» было признано настолько важнымъ, что Канцлеръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, лично пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Гротъ (письмо къ Плетневу отъ 3 Марта 1851 г.) рассказываетъ слѣдующее про этотъ важный эпизодъ въ исторіи Университета:

«Дня за два до возвращенія Ректора пришло официальное извѣщеніе о наказаніи 40 виновныхъ исключеніемъ на годъ изъ Университета; но прежде еще объявленія этого приговора Норденстамъ получилъ приказаніе ѣхать въ Фридрихсгамъ, куда Наслѣдникъ пріѣдетъ для инспекціи корпуса. Въ четвергъ послѣ обѣда Норденстамъ возвратился, а на слѣдующее утро городъ съ удивленіемъ узналъ, что въ здѣшнемъ дворцѣ съ 2-хъ часовъ ночи находится Его Высочество. Къ 11 часамъ весь Университетъ былъ собранъ въ своемъ зданіи,—профессора въ консисторіи, а студенты въ парадной залѣ. Прежде всего Наслѣдникъ прибылъ въ консисторію; послѣ представленія профессоровъ Его Высочество изволили вручить Кастрену бумагу о назначеніи его профессоромъ по новой кафедрѣ финскаго языка, потомъ произнесъ намъ на французскомъ языкѣ небольшую рѣчь, въ которой милостиво благодарилъ за юбилей и чувства, выраженные въ рѣчи Ильмони, потомъ перешелъ къ поступку студентовъ и изъявилъ желаніе, чтобы мы были впредь посредниками между Вице-Канцлеромъ и студентами, и надежду, что наши отношенія къ студентамъ будутъ имѣть вліяніе на отношенія студентовъ къ Вице-Канцлеру. По осмотрѣ

потомъ музеевъ, кабинетовъ и русской библіотеки, гдѣ Его Высочество, равно какъ и въ консисторіи, удостоилъ и меня нѣсколькихъ словъ, Канцлеръ отправился въ парадную залу. Здѣсь, когда пропѣтъ былъ народный гимнъ мужскими и женскими голосами на хорахъ съ музыкою, Его Высочество изволивъ внятнымъ голосомъ произнести студентамъ: «Господа! Я пріѣхалъ сюда единственно для того, чтобы видѣть Александровскій Университетъ; все, что до него касается, для меня дорого; онъ всегда былъ, есть и будетъ любимымъ мною Университетомъ. Я постоянно былъ доволенъ имъ, и еще недавно мнѣ пріятно было узнать о той преданности, съ какою онъ праздновалъ мой юбилей. Но въ то же время Я долженъ вамъ сказать, что Я съ большимъ прискорбіемъ услышалъ о поступкахъ вашихъ товарищей противъ Вице-Канцлера въ тотъ самый день. Молодость вообще склонна къ шалостямъ, но есть шалости болѣе или менѣе простительныя, и есть другія, которыя никакъ не могутъ быть терпимы. Къ сожалѣнію, случай сей принадлежитъ къ послѣднему разряду. По законамъ всѣ сорокъ человѣкъ виновныхъ должны быть непременно исключены изъ Университета. Но по предоставленной мнѣ власти, Я, по ходатайству Вице-Канцлера, на этотъ разъ объявляю имъ мое прощенье въ надеждѣ, что впредь ничего подобнаго не случится. Если послѣ этого будетъ какая нибудь непріятность въ этомъ же родѣ, то о томъ будетъ донесено Государю Императору, и виновные будутъ наказаны по всей строгости законовъ. Но Я надѣюсь, что вы болѣе не подадите мнѣ повода къ неудовольствію и прошу васъ помнить, что, будучи хорошими финляндцами, вы въ то же время подданные Всероссийскаго Императора ¹⁾». Выборгскій губернаторъ баронъ Котенъ, сопровождавшій Его Высочество въ качествѣ переводчика, долженъ былъ перевести эти слова на шведскій языкъ, но, къ сожалѣнію, выполнилъ это порученіе не совсѣмъ удовлетворительно и даже говорилъ невнятно. Потомъ опять раздалась музыка съ пѣніемъ, а по выходѣ Канцлера загремѣло нескончаемое ура. Онъ поѣхалъ

¹⁾ Эти слова Августѣйшій Канцлеръ Собственноручно внесъ какъ въ инструкцію Вице-Канцлеру въ 1844 г., такъ и въ проектъ устава 1852 . . . (ср. Канцлерскій Архивъ, дѣло объ инструкціи Вице-Канцлеру 1842—1848 гг.).

въ библіотеку, въ русскую церковь, въ госпитали, потомъ дѣлалъ смотръ войскамъ, посѣтилъ новую лютеранскую церковь, обсерваторію и возвратился во дворецъ, гдѣ былъ обѣдъ челоѣкъ на 15, въ числѣ которыхъ былъ и Ректоръ. За обѣдомъ послѣ тоста Его Величеству, Канцлеръ пилъ за благоденствіе Финляндіи и Университета, адресуясь съ этимъ тостомъ къ Рейну. Между тѣмъ передъ дворцомъ студенты пѣли Боже Царя Храни и финскую народную пѣснь. Послѣ гимна Его Высочество вышелъ на балконъ и сказалъ по шведски—«благодарю васъ», а послѣ пѣсни—«Богъ да благословитъ васъ» тоже по шведски.

. Вчера въ 5 часовъ послѣ обѣда ректоръ собралъ всѣхъ студентовъ и, прочитавъ имъ переводъ (рѣчи Наслѣдника), сказалъ имъ сердечное и сильное увѣщаніе вести себя благоразумно, удерживаться отъ сужденія мѣръ начальства, оказывать Вице-Канцлеру уваженіе и стараться заслужить милость Канцлера, готовясь быть преданными Престолу гражданами. Ему отвѣчали криками ура, и онъ тогда объявлялъ, что не можетъ лично принять этого отвѣта, а что они должны отправить по 2 студента отъ каждаго отдѣленія депутатами къ Вице-Канцлеру съ просьбою передать изъявленія ихъ преданности Канцлеру». Такъ кончилась исторія съ баломъ Норденштама. Виновные были прощены, и Университетъ былъ осчастливленъ новою царскою милостію, учрежденіемъ (хотя первоначально и неординарною) каѣдры финскаго языка ¹⁾. Въѣстѣ съ тѣмъ правительство всячески старалось поддержать и распространить изученіе русскаго языка, но, какъ явствуетъ изъ писемъ Грота, безъ особеннаго успѣха. Для распространенія свѣдѣній по русскому языку, русской литературѣ и русской исторіи не доставало педагогическихъ силъ.

¹⁾ Но, учреждая каѣдру финскаго языка, правительство въ то же время относилось весьма подозрительно и недовѣрчиво къ «фенноманіи», чему лучшей иллюстраціей служить извѣстный указъ 1850 г. о печатныхъ произведеніяхъ на финскомъ языкѣ.

Г Л А В А III.

Уставъ 1852 г. и развитие Университета съ 1852—1863 г.

Въ 40-хъ годахъ подверглись преобразованію среднія учебныя (или какъ въ Финляндіи говорятъ: элементарныя) заведенія, такъ какъ унаслѣдованныя отъ шведскихъ временъ школы (гимназіи, каедральныя и тривіальныя школы) успѣли на столько отстать отъ требованій времени, что дальнѣйшее ихъ сохраненіе на старыхъ началахъ стало невозможностью. Реформа въ сферѣ средняго образованія въ свою очередь выдвинула вопросъ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій университетскаго устава 1828 г., которыя, по мнѣнію Правительства, не были согласованы съ новыми началами педагогическаго строя. Къ этому присоединились и другія соображенія. Политическія условія конца 40-хъ годовъ вызвали охранительное теченіе въ правительственныхъ сферахъ. Развитие университетской жизни на началахъ западно-европейскихъ казалось небезопаснымъ. Участіе академической молодежи въ революціонныхъ движеніяхъ на западѣ, такъ казалось правительству, было отчасти обусловлено университетской автономіей, недостаточностью правительственнаго надзора и регламентаціи студенческихъ занятій. Университеты въ коренной Россіи и въ Прибалтійскомъ краѣ были подвергнуты значительнымъ стѣсненіямъ, которыя выразились какъ въ регламентаціи программъ преподаванія, такъ и въ усиленіи власти внутренней университетской полиціи.

Согласно представленію Августѣйшаго Канцлера Александровскаго Университета, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, Императоръ Николай I въ 1849 г. приказалъ приступить къ пересмотру устава 1828 г. и для этой цѣли въ Гельсингфорсѣ былъ учрежденъ Комитетъ, состоявшій: изъ предсѣдателя, графа Маннергейма, предсѣдателя Выборгскаго Гофгерихта, и членовъ: вице-канцлера Университета Генераль-

Маіора Норденстама, ректора Университета, профессора Рейна, профессора Лаурели, Ректора Абовской гимназіи, пробста Бергенгейма и Ассесора Выборгскаго Гофгерихта Бергбома (бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлопроизводителемъ Комитета). Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ разрѣшилъ Министру Статсъ-Секретарю Графу Армфельту участвовать въ совѣщаніяхъ Комитета, буде онъ будетъ находиться въ Гельсингфорсѣ ¹⁾.

Бергбомъ скоро вышелъ изъ состава Комитета и былъ замѣненъ пасторомъ Иммоласкаго прихода, Форсманомъ ²⁾.

Комитетъ запросилъ мнѣніе Университетской Консistorіи о различныхъ необходимыхъ по ея мнѣнію измѣненіяхъ въ уставѣ 1828 г. и воспользовался нѣкоторыми проектами измѣненій и дополненій къ уставу, которые были изготовлены въ теченіе 1840—1849 гг. какъ Консistorіей, такъ и Вице-Канцлеромъ Теслевымъ (какъ-то: проектъ положенія о студенческихъ отдѣленіяхъ 1841 г. и предположенія Теслева 1846 и 1847 гг. о расширеніи преподаванія финскаго языка, проектъ инструкціи Вице-Канцлеру).

14 Апрѣля 1851 г. Комитетъ представилъ Августѣйшему Канцлеру выработанный имъ проектъ измѣненій устава 1828 г. съ объяснительной запиской и меморіей (Проектъ и приложенные къ нему акты были составлены на шведскомъ языкѣ и переведены на русскій языкъ профессоромъ Я. К. Гротомъ). Въ меморіи, при которой препровождались къ Канцлеру проектъ Устава и объяснительная къ нему записка, Комитетъ слѣдующимъ образомъ выяснилъ свою точку зрѣнія при переработкѣ устава 1828 г.

«Со времени изданія 10-го Декабря 1828 г. нынѣ дѣйствующаго Устава Александровскаго Университета, въ устройствѣ элементарныхъ училищъ Финляндіи послѣдовало совершенное преобразование, а вслѣдствіе того и помянутый Уставъ требовалъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, соотвѣтственныхъ измѣненій. По всеподдан-

¹⁾ Комитету было Высочайше разрѣшено (въ 1850 г.) представить также проектъ о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ дѣйствовавшаго въ то время въ Финляндіи положенія для гимназій и училищъ, какія окажутся нужными вслѣдствіе предположеній Комитета на счетъ Университета.

²⁾ Объ изданіи Устава 1852 г. ср. дѣло Архива Ст.-Секретариата № 68—1852 г.

нѣйшему докладу о семъ Вашего Императорскаго Высочества Государь Императоръ 4 Іюня 1849 г. Высочайше повелѣть соизволилъ учредить особый Комитетъ, съ тѣмъ, чтобы оный, по пересмотрѣ университетскаго Устава, донесъ о потребныхъ въ семъ Уставѣ измѣненіяхъ. Во исполненіе таковой Высочайшей воли Комитетъ нынѣ имѣетъ счастье поднести Вашему Императорскому Высочеству вновь составленный имъ проектъ Устава, причемъ въ обязанность себѣ вмѣняетъ изъяснить, что онъ тщательно избѣгалъ отступленія отъ коренныхъ началъ устройства Университета, который такимъ образомъ и впредь долженъ составлять отдѣльное отъ остальныхъ частей управления Финляндіей учрежденіе подъ главнымъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества съ сохраненіемъ права вѣдать всеѣмъ, ему принадлежащимъ, равно какъ и ассигнованными на его потребности суммами.

Посему настоящій проектъ въ сущности заключаетъ въ себѣ нынѣ дѣйствующій Уставъ съ тѣми только измѣненіями, какія оказывались нужными во внутреннемъ устройствѣ Университета; другія предписанія согласно съ симъ приведены въ новый порядокъ, дабы все постановленія составляли въ связи одно правильное цѣлое. Причины таковыхъ измѣненій изложены Комитетомъ въ представленныхъ при проектѣ соображеніяхъ..»

Однако если сопоставить эти воззрѣнія Комитета на задачу и цѣль пересмотра устава 1828 г., съ окончательнымъ результатомъ этого пересмотра, то окажется, что дѣло не ограничилось нѣкоторыми частичными дополненіями и измѣненіями, но что появился новый уставъ, хотя и не безъ связи со старымъ, но новый по духу и по отношенію какъ къ профессорамъ, такъ и студентамъ. Въ двухъ документахъ: во всеподданнѣйшихъ докладахъ Августѣйшаго Канцлера отъ 27 Марта и 8 Іюня 1852 г. (Оба удостоились Высочайшаго утвержденія) были подробно изложены новые взгляды Правительства на Университетъ (ср. Приложение № 3).

Трижды пересмотрѣнный проектъ новаго устава наконецъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Въ общемъ организація Университета была мало измѣнена. Сохранились все органы универ-

ситетскаго управленія, за исключеніемъ университетскаго суда и студенческихъ отдѣленій, коихъ мѣсто въ отношеніи надзора за студентами заняли факультеты.

Что касается компетенціи Канцлера, то она осталась по существу неизмѣненной; статьи, опредѣляющія ее (§§ 21—27), только формулированы полнѣе въ виду нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ должностныхъ лицъ университетскаго управленія. Канцлеръ назначаетъ ректоромъ одного изъ 3 избранныхъ консисторіей въ кандидаты на эту должность, а одного изъ двухъ остальныхъ — проректоромъ; по представленіи Вице-Канцлера онъ назначаетъ декановъ факультетовъ, инспектора студентовъ, доцентовъ (по представленію Консисторіи; ординарнаго и экстраординарнаго профессоровъ русскаго языка и словесности онъ представляетъ безъ конкурса къ назначенію Государемъ Императоромъ). Канцлеру новымъ уставомъ предоставлено окончательно рѣшать такія дѣла по проступкамъ противъ благочинія, которыя превышаютъ власть ближайшаго университетскаго начальства и не подлежатъ производству въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Болѣе точно опредѣлена компетенція Вице-Канцлера. Если уставъ 1828 г. только вскользь говоритъ о Вице-Канцлерѣ, смотря на эту должность какъ бы на непостоянную, то уставъ 1852 г. ставитъ ее на должную высоту и придаетъ ей то значеніе, которое обусловлено фактическимъ обстоятельствомъ дѣль (постоянное отсутствіе въ Гельсингфорсѣ Канцлера). Въ уставъ введена была цѣликомъ инструкція Вице-Канцлеру 27 Января 1848 г.

Вице-Канцлеръ, который въ отсутствіи Канцлера есть главный на мѣстѣ Начальникъ Университета, имѣетъ попеченіе какъ о томъ, чтобы преподаватели основательно и усердно руководили образованіемъ юношества, такъ и о томъ, чтобы студенты прилежно занимались науками, соблюдая при томъ порядокъ, приличіе и благонравіе въ жизни. Посему онъ не только побуждаетъ кого слѣдуетъ объявлять, для надлежащаго взысканія, о проступкахъ студентовъ, но и вообще принимаетъ приличныя мѣры для споспѣшествованія благочинію при Университетѣ. Равнымъ образомъ онъ заботится, чтобы университетскіе чиновники и слу-

жители въ точности исполняли свои обязанности, чтобы дѣла, подлежащія разсмотрѣнію университетскихъ властей, рѣшаемы были безъ замедленія, и чтобы касательно Университета изданныя постановленія ненарушимо приводимы были въ дѣйствіе; *вообще Вице-Канцлеръ, сколько отъ него зависитъ, внушаетъ какъ преподавателямъ, такъ и студентамъ, что, будучи хорошими филианцами, они никогда не должны забывать, что они въ то же время суть подданные Императора Всероссійскаго*» 1).

Вице-Канцлеръ присутствуетъ въ засѣданіяхъ консисторіи, когда считаетъ это нужнымъ. Если онъ принимаетъ на себя предсѣдательство, то онъ и назначаетъ дѣла къ слушанію. При рѣшеніи дѣлъ онъ не голосуетъ, но, по его требованію, его замѣчанія должны быть занесены въ протоколь. Предъ каждымъ засѣданіемъ Ректоръ докладываетъ Вице-Канцлеру, какіе именно предметы предназначены къ обсужденію. О дѣлахъ же, предварительно Вице-Канцлеру не доложенныхъ, обсужденіе не допускается.

Контроль Вице-Канцлера распространяется и на дисциплинарныя дѣла. Вице-Канцлеръ, по соображенію заключающихся въ дѣлѣ обстоятельствъ, утверждаетъ или измѣняетъ приговоры Коммисіи благочинія, при чемъ, если Вице-Канцлеръ утвердитъ приговоръ, и не будетъ присуждено удаленіе изъ Университета навсегда, или если онъ смягчаетъ наказаніе, то приговоръ съ подписанною на немъ резолюціею Вице-Канцлера сообщается Ректору для приведенія онаго въ исполненіе. Если же мѣра наказанія будетъ усилена, или виновный присужденъ къ удаленію навсегда изъ Университета, то приговоръ Вице-Канцлера представляется на окончательное рѣшеніе Канцлера, къ которому въ семъ случаѣ при дѣлѣ препровождается и объясненіе осужденнаго, истребованное чрезъ Ректора.

Вице-Канцлеру предоставлена отчасти самостоятельная распорядительная власть, отчасти же онъ является органомъ содѣйствія Канцлеру при осуществленіи симъ послѣднимъ предоставленной ему распорядительной власти.

1) Слова, напечатанныя курсивомъ, внесены по Собственному почину Августѣйшаго Канцлера, впослѣдствіи Императора Александра II.

На утверждение Канцлера Вице-Канцлеръ представляет: Декановъ и Инспектора студентовъ, проекты положений и инструкцій и другихъ постановлений касательно Университета, составляемыхъ Консистоііею, а равно представленія и просьбы, требующія рѣшенія Канцлера, при семъ Вице-Канцлеръ излагаетъ и свое собственное по онымъ мнѣніе.

Собственною властью Вице-Канцлеръ замѣщаетъ должность Проректора въ случаѣ выбытія назначеннаго Канцлеромъ до истечения закономъ положеннаго срока (трехлѣтія), временно заступающаго мѣсто Ректора, когда его должность Проректоръ по законнымъ препятствіямъ исправлять не можетъ. Онъ утверждаетъ выбираемыхъ факультетами Кураторовъ и отрѣшаетъ ихъ отъ должности по своему усмотрѣнію, опредѣляетъ по представленію Ректора университетскихъ педелей; отъ него зависитъ увольненіе въ отпускъ университетскихъ чиновниковъ высшихъ и среднихъ классовъ; онъ имѣетъ надзоръ за защитой диссертаций и рѣшаетъ возникающіе при этомъ споры и сомнѣнія; онъ рѣшаетъ разные вопросы, относящіеся до хозяйственныхъ дѣлъ Университета (управленія типографіей, аптекой, изданія мѣсяцеслова, ремонта университетскихъ зданій, покупки книгъ для бібліотеки); онъ утверждаетъ представленія хозяйственнаго отдѣленія о назначеніи пенсій изъ университетской кассы вдовъ и сиротъ и о распредѣленіи пособій вдовамъ и дѣтямъ умершихъ профессоровъ.

Вице-Канцлеръ является цензоромъ программъ, издаваемыхъ по какому либо торжественному случаю.

На его рѣшеніе представляются вопросы о томъ, могутъ ли быть подвергнуты пріемному экзамену и приняты въ число студентовъ явившіеся изъ какого либо мѣста внѣ Финляндіи и желающіе вступить въ Университетъ, или опредѣлить, можетъ ли студентъ, подвергнувшійся удаленію изъ Университета и при возвращеніи своемъ непременно обязаный предъявить свидѣтельство о добропорядочномъ поведеніи, вновь быть принятъ на основаніи сего свидѣтельства.

Наконецъ Вице-Канцлеру предоставлено разбирать и рѣшать жалобы: 1) на опредѣленіе Консистоііи по предмету раздачи стипендій, если нѣтъ о томъ другаго предписанія; 2) на опредѣленія

Хозяйственнаго отдѣленія по такимъ дѣламъ, о пересмотрѣ коихъ просить дозволено, и 3) наконецъ, на опредѣленія Ректора касательно наложенія дисциплинарныхъ взысканій и его рѣшеній по дѣламъ о долгахъ студентовъ. По таковымъ жалобамъ не допускается просьбъ объ измѣненіи опредѣленій Вице-Канцлера. Вице-Канцлеръ, который, какъ видно изъ только что приведенныхъ постановленій устава 1852 г., получилъ значеніе попечителя Университета и посредника между имъ и Министромъ (Канцлеромъ), долженъ по общему правилу почти безотлучно находиться въ Гельсингфорсѣ. Изъ университетскаго города въ предѣлахъ Финляндіи онъ могъ отлучиться на недѣлю, не испрашивая особаго разрѣшенія, но о своемъ отсутствіи онъ долженъ каждый разъ извѣщать Канцлера; если же онъ пожелаетъ отлучиться на болѣе продолжительный срокъ или отправиться въ Россійскія губерніи, то онъ на это обязанъ испросить разрѣшеніе Канцлера.

Во время отсутствія Вице-Канцлера его обязанности отправляются Ректоромъ; въ случаѣ незамѣщенія должности Вице-Канцлера, болѣе важныя изъ его функцій переходятъ къ Канцлеру, а менѣе важныя—къ Консисторіи.

По мѣрѣ усиленія власти Вице-Канцлера и его вліянія на дѣла Университета, должно было умалиться значеніе третьей высшей единоличной должности Университета—ректорской.

Уже уставъ 1828 г. считалъ полезнымъ отказаться отъ стараго академическаго порядка, согласно которому должность ректора зависѣла окончательно отъ выбора членовъ университетской Консисторіи. Уставъ 1852 г. не только остался на почвѣ устава 1828 г., но даже усилилъ вліяніе Канцлера на замѣщеніе ректорской должности.

Проректора назначаетъ Канцлеръ на три года изъ числа кандидатовъ, избранныхъ Консисторіею, для замѣщенія Ректорской должности.

Ректоръ и Проректоръ, когда они назначены на три года, вступаютъ въ должность въ тотъ день, когда производится общая перепись студентамъ.

Въ началѣ cadaго учебнаго курса, немедленно по окон-

чаніи пріемныхъ экзаменовъ и никакъ не позднѣе 15 Сентября въ осеннемъ курсѣ и 1 Февраля въ курсѣ весеннемъ, Ректоръ обязанъ произвести перепись студентамъ, явившимся для слушанія въ Университетѣ лекцій. Не менѣе какъ за недѣлю предъ тѣмъ Ректоръ даетъ знать выставленнымъ у входа въ Университетъ объявленіемъ о днѣ и часѣ помянутаго акта, на которомъ всѣ безъ изыятія налицо находящіеся, какъ преподаватели, такъ и студенты, непременно должны присутствовать. Студенты собираются по факультетамъ и становятся при своихъ Деканахъ и Кураторахъ; по произнесеніи Ректоромъ приличной рѣчи съ кафедры Кураторы передаютъ Секретарю составленные ими учебныя вѣдомости, и если Вице-Канцлеръ или въ отсутствіи его Ректоръ того потребуетъ, то Секретарь по симъ вѣдомостямъ дѣлаетъ переключку студентамъ. Засимъ всѣ къ Университету принадлежащія лица отправляются въ городскую церковь, гдѣ по случаю открытія учебнаго курса совершается Божественная служба.

Ректору надлежитъ имѣть самый бдительный надзоръ надъ студентами и наблюдать какъ за нравственностью ихъ и поведеніемъ, такъ и за ученіемъ ихъ образованіемъ и успѣхами въ наукахъ. Если кто изъ нихъ будетъ замѣченъ въ нерадѣніи къ учебнымъ занятіямъ, въ дурномъ поведеніи или въ нарушеніи постановленій и порядка, то Ректоръ обязанъ изслѣдовать свойство вины и ежели найдетъ, что она по маловажности своей не подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ или Коммисіи благочинія, то самъ дѣлаетъ провинившемуся выговоръ въ присутствіи Декана того факультета, въ коемъ студентъ записанъ, или приказываетъ ему на четыре мѣсяца удалиться изъ Университета и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ предъявленнаго требованія, обязываетъ его загладить вину возмѣщеніемъ причиненнаго убытка или признаніемъ въ нанесенной обидѣ; на таковыя опредѣленія Ректора не принимается жалобъ. Если откроется вина болѣе важная или тотъ же студентъ нѣсколько разъ подастъ поводъ къ жалобамъ, то Ректоръ, смотря по роду дѣла, обращаетъ оное или въ Коммисію благочинія, или въ подлежащій судъ. Если вслѣдствіе сего или и по другому поводу на студента подана въ общее судебное

мѣсто жалоба, о чемъ оно въ послѣднемъ случаѣ немедленно должно увѣдомить Ректора, то онъ, смотря по обстоятельствамъ, поручаетъ повѣренному присутствовать при производствѣ дѣла, для охраненія правъ обвиняемаго. Если по содержанию слѣдственного протокола или по приговору, которые судъ обязанъ неотложно сообщить Ректору, сей послѣдній найдетъ подсудимаго виновнымъ въ безнравственномъ и порочномъ поведеніи, то Ректоръ вноситъ дѣло въ Комисію благочинія, для разсмотрѣнія, какому взысканію отъ университетской власти студентъ подлежать можетъ, независимо отъ приговора суда. Въ случаѣ нарушенія студентомъ общественнаго спокойствія, или же когда онъ пойманъ будетъ при самомъ совершеніи проступка, Ректоръ имѣетъ власть немедленно посадить виновнаго въ карцеръ и содержать его въ заключеніи, пока Комисія благочинія или другое судебное мѣсто не приступитъ къ разсмотрѣнію дѣла.

Ректоръ облеченъ исполнительною властью по Университету и приводитъ ее въ дѣйствіе чрезъ посредство состоящихъ въ вѣдѣніи его чиновниковъ. Посему онъ обязанъ не только по университетскому, но и по другимъ вѣдомствамъ оказывать все то содѣйствіе, какого отъ него законно требовать будутъ, а равно приводитъ въ исполненіе получившія законную силу опредѣленія, какъ относительно взысканій съ студентовъ, такъ и вообще по дѣламъ, производимымъ университетскими властями.

Для содѣйствія Ректору въ надзорѣ за порядкомъ состоитъ при Университетѣ Инспекторъ студентовъ. Ему подчинены шесть педелей, которые по службѣ пользуются тѣмъ же покровительствомъ, какимъ въ законѣ ограждены полицейскіе служители. При отправленіи своей должности они носятъ установленный для нихъ знакъ, и тогда имѣютъ во всякое время доступъ въ гостиницы и въ другія общественныя мѣста сего рода; сверхъ того имъ предоставляется право подтверждать присягою дѣлаемыя ими по должности показанія. Какъ Инспекторъ студентовъ, такъ и педели соотнобразуются съ Инструкціею, которую имѣютъ получить отъ Вице-Канцлера.

Главнымъ коллегіальнымъ органомъ университетскаго упра-

вленія и по уставу 1852 г. является Консistoriа, но организація ея подвергнута значительнымъ измѣненіямъ. Она или собирается въ полномъ составѣ всѣхъ профессоровъ или дѣйствуетъ какъ болѣе узкое рленш. По уставу 1852 г. Консistoriа состоитъ изъ Ректора, какъ предсѣдателя, и 12 профессоровъ, какъ членовъ оной, а именно въ ней засѣдаютъ по 2 профессора изъ Богословскаго, Юридическаго и Медицинскаго факультетовъ и по 3 изъ факультетовъ Историко-Филологическаго и Физико-Математическаго. Право вступленія въ Консistoriю опредѣляется старшинствомъ службы по факультету, такъ что занимающій въ семь послѣднемъ мѣсто выше другаго становится прежде его и членомъ Консistoriи, однако всѣ ординарные профессора обязаны участвовать не только въ избраніи Ректора, но и въ представленіи кандидатовъ на вакантныя учительскія мѣста, въ назначеніи пособій для ученой цѣли и вообще во всѣхъ дѣлахъ, собственно до ученыхъ предметовъ относящихся. Засѣданія Консistoriи назначаются Ректоромъ; онъ же докладываетъ дѣла, а Секретарь ведетъ протоколъ, въ который они записываются.

Сохранивъ право отвода и обязанность самоотвода для членовъ профессорской коллегіи, уставъ 1852 г. дополняетъ установленное уже въ 1828 г. правило постановленіемъ слѣдующаго рода: «профессоръ, если потребуетъ того, можетъ быть уволенъ отъ обязанности посредствомъ экзамена или иныхъ способовъ по службѣ оцѣнивать ученое достоинство того, съ кѣмъ онъ велъ печатно полемику по предмету какой либо науки, или кто такимъ же образомъ былъ его противникомъ». Это дополненіе мотивировано слѣдующимъ образомъ: «Литературные и ученые споры выходятъ иногда изъ предѣловъ спокойной и зрѣлой разсудительности, или становятся односторонними и пристрастными. Съ другой стороны можетъ случиться и то, что участвовавшій въ подобныхъ спорахъ, увлекаясь желаніемъ казаться непристрастнымъ, дастъ о литературныхъ заслугахъ своего противника отзывъ слишкомъ благопріятный. Посему Комитетъ признавалъ справедливымъ допустить, чтобы профессоръ, который съ кѣмъ либо велъ полемику, а потому не полагается на свое без-

пристрастіе въ сужденіи объ учености своего противника, имѣлъ право устранить себя отъ такового сужденія».

Консисторія имѣетъ компетенцію распорядительную, въ области дѣлъ хозяйственныхъ и учебныхъ, и часть юрисдикціи дисциплинарной.

Консисторія опредѣляетъ: при Университетѣ административныхъ чиновниковъ (Камерира, Нотаріуса, Амануенсовъ, т. е. помощниковъ секретаря Консисторіи, Амануенсовъ Библиотеки и Астрономической обсерваторіи, препаратора и консерватора зоологическаго музея, лаборанта химической лабораторіи, садовника и помощника его),

она избираетъ кандидатовъ на должность ректора, проректора, инспектора казначейства и прочихъ членовъ хозяйственнаго отдѣленія;

представляетъ кандидатовъ на вакантныя должности профессоровъ (за исключеніемъ профессора русскаго языка и словесности), секретаря, вице-библіотекаря, прозектора анатоміи, повѣреннаго, лекторовъ и учителей искусствъ;

замѣщаетъ такія при университетѣ должности, которыя ежегодно отправляются по очереди, а равно назначаетъ экзаменаторовъ для испытанія студентовъ на пріемныхъ экзаменахъ;

если по встрѣтившемуся препятствію, лекціи профессора остановятся, то по представленіи факультета Консисторія поручаетъ чтеніе ихъ другому лицу; вообще при открывшейся вакансіи между университетскими преподавателями, чиновниками и служителями, или въ случаѣ законныхъ препятствій къ исполненію ими своихъ должностей, она имѣетъ попеченіе, чтобы вакантныя должности исправляемы были другими;

она вслѣдствіе представленія факультетовъ ходатайствуетъ у Канцлера о назначеніи доцентами признанныхъ достойными того, послѣ выдержанныхъ установленнымъ порядкомъ испытаній и представляетъ Канцлеру о тѣхъ доцентахъ, коимъ по ихъ свѣдѣніямъ и ученымъ заслугамъ слѣдуетъ назначить пособіе изъ особо положенныхъ на эту цѣль суммъ;

рассматриваетъ и утверждаетъ составляемыя ежегодно факультетами программы лекцій.

Консistoriи поручено общее наблюдение за собственностью Университета и управленіемъ хозяйственными дѣлами его; вслѣдствіе отчета, который хозяйственное отдѣленіе имѣетъ отдавать ей по сему предмету, она принимаетъ мѣры, могущія оказаться нужными для предупрежденія злоупотребленій или вообще согласныя съ пользами Университета.

Аттестаты отъ Университета выдаются Консistorіей. Если во вѣренныя Канцлеру суммахъ откроется недочетъ, то для опредѣленія количества онаго Консistoriя обсуждаетъ дѣло въ первой инстанціи и заключенія ея вносятся на разсмотрѣніе и утвержденіе Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Финляндскаго Сената, причемъ недовольному заключеніемъ симъ предоставляется подать въ означенный Департаментъ жалобы съ соблюденіемъ предписаннаго вообще для жалобъ по такимъ дѣламъ срока.

Судебная компетенція Консistoriи опредѣлена уставомъ слѣдующимъ образомъ:

Консistoriи порученъ судъ относительно упущеній и проступковъ по службѣ назначенныхъ Высочайшими Грамотами должностныхъ лицъ Университета (т. е. профессоровъ), а равно прочихъ преподавателей или чиновниковъ, когда по важности дѣлъ Ректоръ не считаетъ себя въ правѣ рѣшать оныя на основаніи предоставленной ему дисциплинарной власти; всѣ жалобы на преподавателей, чиновниковъ или служителей въ нарушеніи должнаго къ начальству уваженія или причиненіи взаимной другъ другу обиды во время исправленія ими служебныхъ обязанностей, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ, которые судятся общими судами, и наконецъ по спорамъ, возникшимъ между упомянутыми въ предъидущемъ пунктѣ лицами, о жалованьи и другихъ сопряженныхъ съ должностью доходахъ и правахъ.

Для непосредственнаго управленія хозяйственными дѣлами университета (его недвижимымъ и движимымъ имуществомъ) уставъ 1852 г. учредилъ особый органъ: хозяйственное отдѣленіе Консistoriи).

Оно состоитъ согласно уставу изъ предсѣдателя (Ректора или его замѣстителя, Проректора), Инспектора университетскаго казначейства, Проректора и двухъ профессоровъ, избираемыхъ Консистооріей изъ числа постоянно засѣдающихъ въ ней профессоровъ на 3 года; Инспекторъ казначейства избирается на неопредѣленное время; Вице-Канцлеръ утверждаетъ выборы Инспектора казначейства. Если сей послѣдній получить званіе Ректора или Проректора, то онъ отъ должности Инспектора казначейства увольняется. Если Инспекторъ казначейства, пробывъ въ ней довольно долгое время, представить уважительныя причины для увольненія отъ оной, то Консистоорія удовлетворяетъ его просьбу. «Для постановленія заключеній хозяйственнаго отдѣленія достаточно присутствія предсѣдательствующаго и двухъ членовъ, если только мнѣнія ихъ согласны».

Уставъ 1852 г. сохранилъ спеціальнѣй органъ дисциплинарнаго суда надъ студентами, переименовавъ Коммисію для надзора за ученіемъ и благочиніемъ въ «Коммисію благочинія».

Коммисія благочинія состоитъ подъ предсѣдательствомъ Ректора или Проректора изъ декановъ всѣхъ пяти факультетовъ; должность секретаря исполняетъ по назначенію Ректора нотаріусъ или одинъ изъ амануенсовъ Консистооріи, функціи обвинителя возложены на университетскаго повѣреннаго. Приговоры Коммисіи благочинія по всѣмъ дѣламъ представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе Вице-Канцлера, на каковой конецъ протоколъ препровождается къ нему немедленно по объявленіи приговора ¹⁾.

¹⁾ Университетскій судъ упраздненъ по предложенію комитета. Въ объяснительной запискѣ комитета по этому поводу сказано: «Разсмотрѣніе дѣлъ по предъявленнымъ на студентовъ долговымъ претензіямъ предоставлено Ректору, какъ предписано и въ дѣйствующемъ уставѣ, но съ соблюденіемъ существующихъ въ I Главѣ VIII Отдѣла правилъ, которыми междупрочимъ отмѣнено всякое въ производствѣ дѣлъ различіе, смотря по тому, достигъ ли должникъ совершеннолѣтія или нѣтъ. Такъ какъ дѣла сіи не принадлежатъ къ разряду спорныхъ и потому не предвидится надобности обращать ихъ въ судебныя мѣста, то установленный главою XIV устава университетскаго судъ не можетъ уже быть нуженъ для этой цѣли. Находя его бесполезнымъ и вообще для рѣшенія гражданскихъ спорныхъ дѣлъ, комитетъ совершенно исключилъ изъ проекта сіе учрежденіе, которое и по указанію опыта представляется излишнимъ, ибо со времени изданія настоящаго устава университетскій судъ ни разу не былъ въ дѣйствіи. Комитетъ не нашелъ достаточной при-

Факультеты получили большее сравнительно съ прежнимъ значеніе, благодаря тому, что, какъ сказано выше, — отдѣленія были упразднены, какъ несоотвѣтствующія требованіямъ времени. Въмѣсто прежнихъ 4 факультетовъ—появилось 5, ибо философскій факультетъ раздѣленъ на два факультета: историко-филологическій и физико-математическій.

И въ уставѣ 1852 г. факультетъ выступаетъ въ двойной роли: 1) какъ органъ университетскаго управленія и 2) какъ ученое собраніе.

«Къ каждому факультету принадлежать, въ качествѣ членовъ, ординарные профессора по тѣмъ наукамъ, которыя въ факультетѣ преподаются, и предсѣдатель онаго есть деканъ факультета, коему назначается кураторъ въ помощники, какъ по части хозяйственнаго управленія, такъ и по части надзора за дисциплиною. Тотъ, кому поручено за ординарнаго профессора читать лекціи, присутствуетъ на это время въ засѣданіяхъ факультета съ правомъ голоса. Предсѣдательствующій назначаетъ засѣданія факультета и предлагаетъ дѣла къ слушанію. Когда факультетъ не дѣйствуетъ въ качествѣ университетскаго вѣдомства, но только въ видѣ ученаго собранія, тогда поступаютъ въ члены онаго университетскіе преподаватели, всѣ записанные въ факультетѣ студенты и лица, имѣющія ученые степени. Лица каждаго изъ сихъ послѣднихъ двухъ разрядовъ вносятъ въ началѣ всякаго учебнаго курса по 50 копѣекъ сер. въ факультетскую кассу».

Компетенція факультета какъ ученаго собранія не измѣнена, но учебныя функціи и порядокъ управленія дѣлами факультета измѣнены въ значительной степени.

Согласно уставу 1828 г. должность декана переходила по очереди отъ одного ординарнаго профессора къ другому. Уставъ 1852 г., слѣдуя общей тенденціи усилить вліяніе Правительства на

чины къ изытію спорныхъ дѣлъ, касающихся до студентовъ, отъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, такъ какъ ходъ сихъ дѣлъ можетъ зависѣть отъ однихъ законовъ, а не отъ особаго вліянія наставниковъ, и разсмотрѣніе оныхъ въ общемъ судѣ служить достаточнымъ ручательствомъ правильнаго ихъ рѣшенія».

дѣла Университета, причислилъ должность декана къ должностямъ, замѣщаемымъ по назначенію. Какъ уже сказано выше, деканы назначаются Канцлеромъ.

Вновь учрежденная должность факультетскаго куратора получила характеръ выборный. Всѣ ординарные профессора факультета избираютъ куратора и сей выборъ утверждается Вице-Канцлеромъ. За исключеніемъ университетскихъ профессоровъ, каждый, имѣющій ученое званіе, въ факультетѣ можетъ быть избранъ въ сію должность. Если кураторъ окажется неспособнымъ, то Вице-Канцлеръ имѣетъ право отрѣшить его отъ должности. Отъ каждаго обучающагося члена, записаннаго въ факультетѣ, кураторъ получаетъ за каждый учебный курсъ рубль сер., который вносится при началѣ такового курса.

Составъ факультетовъ измѣненъ и въ томъ отношеніи, что въ немъ, согласно уставу 1852 г., нѣтъ болѣе адъюнктовъ-профессоровъ. Эта отмѣна адъюнктура совершилась по почину комитета, не смотря на то, что Консисторія большинствомъ голосовъ постановила ходатайствовать о сохраненіи адъюнктовъ, какъ полезнаго въ смыслѣ разсадника профессоръ института. Комитетъ же мотивировалъ свое предложеніе слѣдующимъ образомъ:

«Давно уже утвердилось мнѣніе, что мѣста адъюнктовъ не соотвѣтствуютъ предполагавшейся при учрежденіи ихъ цѣли, которая главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы при открывающихся на каѳедры вакансіяхъ было кѣмъ замѣщать ихъ. Занимая штатныя должности, адъюнкты получили почти неоспоримое право быть преемниками выбывающихъ профессоровъ, а это совершенно устранило отъ совмѣстничества съ ними молодыхъ ученыхъ, такъ что въ адъюнктахъ не рѣдко останавливалось всякое рвеніе къ высшему усовершенствованію себя въ наукахъ. Посему находя, что сіи должности дѣйствительно составляютъ существенное препятствіе къ достиженію Университетомъ настоящей степени его развитія, комитетъ полагалъ упразднить оныя. Въ убѣжденіи, что свободное совмѣстничество, которое вслѣдствіе сего откроется, вѣрнѣе будетъ содѣйствовать къ приготовленію способныхъ людей на профессорскія мѣста, комитетъ для выцѣпаго въ томъ успѣха

считалъ нужнымъ установить особое пособіе лицамъ съ высшимъ ученымъ достоинствомъ, дабы они могли оставаться при Университетѣ. Увеличенное въ проектѣ число кафедръ доставить факультетамъ возможность распредѣлять предметы такимъ образомъ, чтобы всѣ они были преподаваемы. Сверхъ того для чтенія лекцій конечно всегда найдутся способные люди либо между доцентами, такъ какъ они за то будутъ получать особое денежное вознагражденіе, либо между тѣми учеными, которымъ производится будетъ помянутое пособіе».

Разсадникомъ профессуры осталась доцентура. Доценты и по уставу 1852 г. занимали мѣсто и имѣли значеніе нашихъ приватъ-доцентовъ.

Желающій поступить въ доценты при Университетѣ обязанъ въ видѣ испытанія издать разсужденіе по одному изъ предметовъ того факультета, по которому онъ ищетъ мѣста доцента. Если факультетъ, по надлежащемъ публичномъ преніи, одобритъ какъ содержаніе, такъ и защищеніе диссертациі, и если сверхъ того кто либо изъ членовъ факультета засвидѣтельствуетъ, что авторъ имѣетъ потребныя качества для исполненія должности преподавателя при Университетѣ, то факультетъ вноситъ свое опредѣленіе въ Консисторію, которая по разсмотрѣніи дѣла представляетъ Канцлеру о назначеніи предполагаемаго лица доцентомъ. Издавать диссертацию для полученія должности доцента можетъ только тотъ, кто уже пріобрѣлъ степень лиценціата того же факультета».

Что касается порядка засѣданій факультетовъ и ихъ функций, то уставъ 1852 г. постановилъ слѣдующее: Для составленія присутствія должно быть, кромѣ предсѣдательствующаго, еще два члена. Но въ болѣе важныхъ дѣлахъ должны участвовать всѣ члены факультета; сюда относится составленіе программъ лекцій и учебныхъ занятій, обсужденіе диссертаций, написанныхъ для полученія должности, объявленіе мнѣній по ученымъ предметамъ и другія дѣла сего рода. Въ случаѣ устранинія въ факультетскомъ засѣданіи одного или нѣсколькихъ членовъ отъ сужденія по дѣлу, факультетъ приглашаетъ своихъ доцентовъ и лиценціатовъ, сколько ихъ будетъ нужно, для составленія полного присутствія. Буде же между ними нѣтъ ни од-

ного, имѣющаго потребныя для того качества, то факультетъ доводитъ о семъ до свѣдѣнія Консistoriи, которая въ такомъ случаѣ назначаетъ въ оный временнаго члена изъ другаго факультета. Если всѣ члены факультета должны быть устранены отъ сужденія по какому либо дѣлу, то Консistoriя, по представленію факультета, назначаетъ къ засѣданію на сей случай экстраординарныхъ председателя и членовъ. Если при полномъ присутствіи, факультетъ имѣетъ надобность въ помощи экстраординарнаго члена при обсужденіи диссертаций или разсмотрѣніи другихъ ученыхъ предметовъ, то факультетъ представляетъ о томъ Консistoriю, которая согласно съ предложеніемъ онаго и назначаетъ къ присутствію въ семъ факультетѣ профессора другаго факультета. Призванный для участія въ производствѣ особаго дѣла по факультету не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе другихъ дѣлъ онаго.

Факультетъ обязанъ составлять и не позже какъ за мѣсяць до начала учебнаго года вносить въ Консistoriю, на разсмотрѣніе и утвержденіе, общую программу лекцій по факультету на предстоящій годъ: въ сей программѣ должно быть означено, по какимъ предметамъ каждый изъ преподавателей будетъ читать лекціи, какими учебными книгами онъ будетъ руководствоваться, или если не избрано опредѣленной книги, то слѣдуетъ подробнѣе изложить содержаніе лекцій, какіе главные отдѣлы наукъ въ теченіе года будутъ пройдены и сколько именно часовъ каждый изъ этихъ отдѣловъ приблизительно потребуетъ. При семъ лекціи должны быть располагаемы такимъ образомъ, чтобы предметы, въ тѣсной связи между собою находящіеся, преподавались въ послѣдовательномъ порядкѣ, и чтобы самыя лекціи сколько можно болѣе соответствовали тѣмъ учебнымъ курсамъ, какіе требуются для полученія ученой степени или для вступленія въ Государственную службу. По разсмотрѣніи и утвержденіи Консistoriею сихъ программъ лекцій, ректоръ составляетъ по нимъ въ сокращенномъ видѣ общее росписаніе лекцій, отдаетъ оное въ печать, а потомъ дѣлаетъ распоряженіе о раздачѣ по заведенному порядку не позже какъ за восемь дней до начала учебнаго года. Если кто либо изъ преподавателей не доволенъ рѣшеніемъ факультета по предмету

распределенія наукъ или вообще въ отношеніи къ лекціямъ, то онъ замѣчанія свои вноситъ въ Консисторію прежде разсмотрѣнія въ ней программы лекцій; но на рѣшеніе Консисторіи жалобъ уже не принимается.

Если каведра сдѣлается вакантною или преподаваніе науки остановится по другой какой либо причинѣ, то подлежащій факультетъ поручаетъ чтеніе лекцій временно доценту той же науки, получающему доцентское пособіе. За неимѣніемъ такихъ лицъ преподаваніе предмета ввѣряется профессору той науки, которая находится съ онымъ въ ближайшей связи, при чемъ факультетъ, по представленію сего профессора, опредѣляетъ, какія именно части родственныхъ наукъ должны быть излагаемы въ его лекціяхъ. Всякій разъ, когда факультетъ такимъ образомъ возлагаетъ на кого либо обязанность читать лекціи, онъ вноситъ предположеніе свое о томъ въ Консисторію, для надлежащаго распоряженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть по возможности соблюдаемы правила о составленіи программы лекціи.

Неоднократно намъ приходилось указывать на то, что факультеты какъ учено-педагогическія собранія, въ составъ которыхъ входили также и студенты, замѣняли собою (и въ ущербъ дѣлу) отдѣленія или землячества, исторически установившіяся. Ихъ компетенція въ этомъ отношеніи была слѣдующая (къ счастью для Университета, черезъ 16 лѣтъ отдѣленія были восстановлены):

«Факультеты собираются въ продолженіе учебнаго курса по началу публичныхъ лекцій, разъ въ недѣлю по вечерамъ, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ ученыхъ упражненій, преній, разговоровъ и чтеній приготовленныхъ трудовъ возбуждать охоту къ ученію. Въ собраніи предсѣдательствуетъ деканъ факультета, или въ случаѣ его отсутствія старшій по немъ въ факультетѣ профессоръ, и ему дозволяется брать изъ бібліотеки и изъ коллекцій университетскихъ книгъ предметы естественной исторіи и инструменты, могущіе понадобиться въ собраніи сего рода для ученыхъ занятій или опытовъ».

«Факультету надлежитъ имѣть надзоръ за нравствен-

ностью и образом жизни студентовъ, записанныхъ въ ономъ; а потому кураторъ обязанъ вести постоянную вѣдомость о всѣхъ членахъ факультета, въ которую они записываются по порядку вступленія ихъ въ факультетъ, и отмѣчать передъ каждымъ время пребыванія его въ Университетѣ, мѣсто, гдѣ онъ во время отсутствія изъ онаго находился, направленіе его учебныхъ занятій и все, что можетъ быть замѣчено о его прилежаніи и нравственности. Если кто либо изъ обучающихся въ факультетѣ не соблюдаетъ правилъ благопристойности или нарушаетъ общественный порядокъ, то факультетъ налагаетъ на него взысканіе дисциплинарное».

Составъ кафедръ увеличился, хотя не во всѣхъ факультетахъ:

Богословскій факультетъ состоитъ согласно уставу 1852 г. изъ 5 кафедръ, юридическій изъ 3, медицинскій изъ 4, историко-филологическій изъ 7, и физико-математическій изъ 7 ¹⁾.

Что касается лекцій, ихъ дѣленія на публичныя и частныя, платы за частныя лекціи и за письменныя упражненія, распредѣленія лекцій, продолжительности учебнаго года, полугодій, вакантнаго времени, то уставъ 1852 г. не ввелъ ничего существенно новаго.

Но что касается ввѣреннаго профессорамъ надзора за занятіями студентовъ, то уставъ значительно стѣснилъ академическую свободу.

Каждый ординарный профессоръ обязанъ читать публичныя лекціи не менѣе четырехъ часовъ въ недѣлю, исключая профессора астрономіи, который читаетъ только два часа въ недѣлю. Каждый профессоръ равнымъ образомъ читаетъ частныя лекціи по какому предмету пожелаетъ, испросивъ на то разрѣшеніе факультета и Консистеріи. Сверхъ часовъ, назначенныхъ на эти лекціи, профессоръ обязанъ разъ въ недѣлю, собравъ своихъ слушателей, обстоятельнѣе развивать предметъ, публично препода-

¹⁾ О распредѣленіи кафедръ по факультетамъ по уставу 1852 г. ср. Приложение № 4.

ваемых, и въ разговорахъ съ ними испытывать, какъ усвоили его тѣ, которые подлежатъ особому контролю, либо по предстоящему экзамену, либо для полученія или сохраненія стипендіи.

При этомъ ординарный профессоръ русскаго языка обращаетъ особенное вниманіе на упражненіе студентовъ въ извѣстномъ употребленіи языка, посредствомъ диспутовъ, для которыхъ онъ изъ числа студентовъ, обязанныхъ слушать русскія лекціи, назначаетъ респондентовъ и оппонентовъ. Экстраординарный профессоръ русскаго языка и словесности, вмѣсто публичныхъ лекцій, руководствуетъ студентовъ въ письменныхъ упражненіяхъ, поправляя, безъ особой платы, по одному сочиненію въ недѣлю каждаго изъ студентовъ, обязанныхъ учиться по русски. Публичныя лекціи онъ читаетъ только тогда, когда по соглашенію съ нимъ, ординарный профессоръ уступаетъ ему одну или нѣсколько изъ положенныхъ для русскаго языка четырехъ публичныхъ лекцій въ недѣлю.

Профессоръ ведетъ списокъ студентамъ, посѣщающимъ его публичныя лекціи, отмѣчая здѣсь день, когда каждый изъ этихъ студентовъ явился къ нему и присовокупляя касательно имѣющихъ стипендію или готовящихся къ испытанію при Университетѣ, исправно ли они ходили на лекціи, внимательно ли слушали ихъ и приобрѣли ли свѣдѣнія по преподаваемому предмету. Въ концѣ учебнаго курса, а равно по окончаніи курса лекцій по какому либо предмету, эти списки передаются подлежащему факультету, и профессоръ на основаніи своихъ отмѣтокъ выдаетъ бесплатно каждому желающему того студенту свидѣтельство о степени его прилежанія и оказанныхъ по предмету успѣхахъ. Если студентъ не посѣщаетъ лекцій, показанныхъ имъ при общей переписки, то о семъ подлежащій профессоръ доводитъ до свѣдѣнія факультета, который въ такомъ случаѣ доноситъ о томъ Ректору, который дѣлаетъ виновному выговоръ и предостерегаетъ его на будущее время.

Что касается порядка замѣщенія должностей при Университетѣ, то онъ мало измѣненъ уставомъ 1852 г. и въ главныхъ своихъ чертахъ сохранился донинѣ.

Высшія должности замѣщались Высочайшею властью, среднія—Канцлеромъ, низшія—Консисторіей.

Ординарные профессора, исключая профессора финскаго языка, библіотекаръ, состоящій на одинаковыхъ правахъ съ профессорами (но только не засѣдающій въ Консисторіи), и экстраординарный профессоръ русскаго языка назначаются Высочайшею властью, грамотами на должность¹⁾, секретарь, вице-библіотекаръ, прозекторъ анатоміи, повѣренный, лекторы и учителя искусствъ получали грамоты на должность отъ Канцлера. Всѣ эти должности замѣщались (и замѣщаются) всегда изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ Консисторіей (правила, постановленныя касательно профессорской должности, относятся и къ мѣсту библіотекаря). Что касается до должностей ординарнаго и экстраординарнаго профессора русскаго языка и словесности, то Консисторія кандидатскихъ списковъ не составляетъ, а только доводитъ о вакансіи до свѣдѣнія Канцлера. Инспекторъ студентовъ назначался Канцлеромъ.

Административные органы (какъ-то: камериръ, нотаріусъ, амануенсы Консисторіи и библіотека и т. д.) назначаются Консисторіей и снабжаются ею же и грамотами или конституторіалами. Самые низшіе служители (главный вахтмистръ, курьеры и вахтмистры) назначаются хозяйственнымъ отдѣленіемъ. Предъ назначеніемъ должностныхъ лицъ и служителей, состоящихъ при университетскихъ заведеніяхъ, требуется каждый разъ мнѣніе завѣдывающего заведеніями. На опредѣленіе Консисторіи и хозяйственнаго ея отдѣленія о замѣщеніи должностей воспрещается подавать жалобы.

Обеспечивая должное вліяніе Правительства на замѣщеніе должностей, играющихъ столь важное вліяніе при подготовкѣ будущихъ государственныхъ слугъ, уставъ 1852 г. предоставилъ надлежащее участіе въ замѣщеніи профессуры и ученой коллегіи, не впадая въ ошибку установленія полной свободы дѣйствія, благодаря которой легко устанавливается взглядъ на вакантную кафедру, какъ на *res juris privati*, передаваемую по наслѣдству тому или дру-

¹⁾ Профессоръ финскаго языка опредѣляется по уставу 1852 г. конституторіаломъ Канцлера.

Лишь въ послѣдствіи онъ приравненъ къ должностямъ, замѣщаемымъ грамотами.

гому любимцу или оставляемую въ распоряженіи факультета или Совѣта Университета, впредь до того времени, когда подающій надежды любимецъ и избранникъ пріобрѣтетъ установленный закономъ ученый цензъ.

Порядокъ замѣщенія каедръ слѣдующій: Какъ скоро откроется вакансія на одну изъ должностей учебныхъ замѣщаемыхъ изъ числа представленныхъ кандидатовъ, Консисторія публикуетъ о томъ три раза въ Финляндскихъ официальныхъ вѣдомостяхъ, съ назначеніемъ пятидесятишестидневнаго срока со дня открытія вакансіи (не считая однакоже сего самаго дня) для подачи въ Консисторію прошеній желающими поступить въ кандидаты, которыхъ она имѣетъ представить. Въ случаѣ открытія вакансіи на одну изъ означенныхъ административныхъ должностей, Консисторія или Хозяйственное Отдѣленіе назначаетъ, смотря по обстоятельствамъ, срокъ для подачи прошеній.

Если въ одно время имѣются вакансіи на двѣ каедры или на большее число ихъ по наукамъ, состоящимъ въ близкой между собою связи, то Консисторія опредѣляетъ, слѣдуетъ ли назначить преподавателей разомъ на всѣ сіи каедры, или одного послѣ другаго; затѣмъ Консисторія, согласно съ симъ опредѣленіемъ и по доведеніи онаго до свѣдѣнія Канцлера, публикуетъ о срокѣ для соисканія сихъ каедръ, и къ замѣщенію ихъ представляетъ кандидатовъ.

Поступить въ кандидаты на вакантную каедру можетъ вообще только тотъ, кто или при Александровскомъ Университетѣ выдержалъ экзаменъ лиценціата въ томъ факультетѣ и въ той наукѣ, къ которой каедра принадлежитъ, или въ другомъ Университетѣ выдержалъ удовлетворительныя испытанія для полученія степени доктора по однородному факультету, и сверхъ того въ срокъ, назначенный по усмотрѣнію Консисторіи, публично защищалъ диссертацию, написанную и одобренную порядкомъ, установленнымъ уставомъ. Всемилостивѣйше пожалованный въ званіе доктора Богословія имѣетъ право искать каедры по Богословскому факультету, съ тѣмъ, чтобы наравнѣ съ другими исполнилъ изложенное здѣсь постановленіе объ изданіи и защищеніи диссертации. Поступить въ кандидаты на должность Библіотекаря имѣютъ право

только тѣ, кои приобрѣли степень лиценціата въ одномъ изъ факультетовъ Университета, или степень доктора при другомъ Университетѣ, при чемъ они должны вышеупомянутымъ порядкомъ представить диссертацию, обсужденіе коей принадлежитъ историко-филологическому факультету.

Когда желающій занять вакантную кафедру не имѣетъ ни которой изъ означенныхъ степеней, то онъ можетъ однако-же быть помѣщенъ въ число кандидатовъ на сію кафедру, если по своимъ изданнымъ въ свѣтъ сочиненіямъ, относящимся къ наукѣ той кафедры, которую онъ ищетъ, приобрѣлъ извѣстность истинно-учеными свѣдѣніями, и если при томъ въ назначенный Консисто-рією срокъ исполнилъ предписанное въ предъидущемъ параграфѣ касательно изданія и защищенія диссертациі.

Отъ обязанности издать диссертацию для полученія вакантной кафедры освобождается тотъ, кто не болѣе какъ за три года до дня подачи просьбы о назначеніи его въ профессоры издалъ съ тою же цѣлію таковое разсужденіе, относящееся къ одной изъ наукъ вакантной кафедры и одобренное какъ факультетомъ, такъ и Консисто-рією.

При назначеніи кандидатовъ кафедры Консисто-рія посредствомъ собиранія голосовъ и по оказавшемуся большинству оныхъ опредѣляетъ сперва, имѣютъ ли соискатели надлежащія условія для поступленія въ кандидаты, и потомъ рѣшаетъ особо, въ какомъ порядкѣ они должны быть помѣщены въ представленіи; при чемъ въ уваженіе принимаются единственно доказанныя каждымъ свѣдѣнія по относящимся къ вакантному мѣсту наукамъ. Если членъ Консисто-ріи состоитъ съ кѣмъ либо изъ соискателей въ той степени родства и свойства, то онъ не имѣетъ права участвовать въ назначеніи кандидатовъ. Если онъ самъ пожелаетъ отказаться отъ такового участія, то и сіе ему дозволяется.

Въ кандидаты не можетъ быть назначаемо болѣе троихъ соискателей. Когда же въ предписанный срокъ и установленнымъ порядкомъ явилось не болѣе двухъ или даже одного просителя, то представленіе, не смотря на то, почитается полнымъ, если только сіи просители признаны будутъ достойными занять вакантное мѣсто.

Если каеэдра за неимѣніемъ искателей останется вакантною, то Консисгорія испрашиваетъ разрѣшенія Канцлера.

Изготовленное Консисгоріею представленіе о кандидатахъ на вакантную должность препровождается къ Канцлеру вмѣстѣ съ прошеніями соискателей и прочими принадлежащими къ онымъ бумагами. Когда должность относится къ разряду замѣщаемыхъ Высочайшею властію, то Канцлеръ представляетъ дѣло Государю Императору; если же замѣщеніе вакансіи зависитъ отъ Канцлера, то онъ по своему усмотрѣнію выдаетъ одному изъ представленныхъ грамоту или конституторіаль, и на распоряженіе Канцлера жалобъ не допускается.

Жалобы на избраніе Консисгоріею кандидатовъ какъ къ мѣстамъ, къ коимъ назначеніе зависитъ отъ Высочайшей власти, такъ и къ должностямъ, Канцлеромъ замѣщаемымъ, могутъ быть приносимы Канцлеру въ шестидесятидневный срокъ со дня, въ который послѣдовало избраніе, не считая сего самого дня. Канцлеръ разсматриваетъ жалобы, и, если признаетъ нужнымъ, измѣняетъ опредѣленіе Консисгоріи; на такое рѣшеніе Канцлера жалобы воспрещаются. Объ избранныхъ Консисгоріею кандидатахъ и времени, когда сіе избраніе произведено было, выставляется объявленіе у входа въ университетское зданіе. Какъ и въ русскихъ университетахъ, такъ и въ Александровскомъ вновь опредѣленный профессоръ читаетъ вступительную лекцію въ университетской актовъ залѣ; публика о семъ извѣщается изданною деканомъ факультета программю.

Обратимся къ постановленіямъ устава 1852 г., касающимся студентовъ.

Внѣшній обрядъ поступленія въ число студентовъ остался тотъ же, но съ тѣмъ различіемъ, что вслѣдствіе упраздненія «отдѣленій» прекратилась записка въ оныя и замѣнена запискою въ одинъ изъ факультетовъ. Въ студенты можно было поступать: 1) изъ другихъ университетовъ (безъ пріемнаго экзамена), 2) изъ среднихъ учебнымъ заведеній финскихъ и нефинскихъ, съ пріемнымъ экзаменомъ, 3) наконецъ могли поступать лица, получившія домашнее воспитаніе, также съ пріемными экзаменами. Упорядочены сроки

производства приѣмныхъ экзаменовъ, порядокъ производства ихъ, зачетъ балловъ и повышены требованія познаній у испытуемыхъ (въ особенности въ отношеніи лицъ, получившихъ частное воспитаніе).

Комитетъ приѣмныхъ экзаменовъ по уставу 1852 г. состоитъ изъ 5 доцентовъ, назначаеваемыхъ Консисторіею для каждаго учебнаго года изъ числа пользующихся доцентскими пособіями, и изъ декана историко-филологическаго или физико-математическаго факультета, который, предсѣдательствуя въ факультетѣ, не участвуетъ въ экзаменѣ, но наблюдаетъ за совершеніемъ онаго съ надлежащею строгостію. Порядокъ вступленія декановъ въ Комитетъ опредѣляется старшинствомъ въ званіи профессора и они между собою перемѣняютъ ежегодно предсѣдательство. Распредѣленіе между экзаменаторами предметовъ испытанія лежитъ на обязанности Комитета, который о такомъ сдѣланномъ имъ распредѣленіи каждый разъ доводитъ до свѣдѣнія Консисторіи. Для испытанія изъ русскаго языка лицъ, подлежащихъ оному, приглашается экстраординарный профессоръ сего языка и засѣдаетъ въ Комитетѣ. Приѣмные экзамены установлены два раза въ годъ, въ началѣ каждаго полугодичнаго учебнаго курса, и по мѣрѣ возможности оканчиваются всегда до производства общей переписи.

Въ случаѣ неодобренія испытанія молодаго человѣка, явившагося изъ гимназіи, предсѣдатель Комитета приѣмныхъ экзаменовъ извѣщаетъ о томъ ректора, который обязанъ поставить сіе на видъ подлежащаго училищнаго начальства, на тотъ конецъ, чтобы преподаваніе въ гимназіи могло быть надлежащимъ образомъ согласено съ требованіями Университета. Если будетъ замѣчено, что воспитанники одного и того же училища, казеннаго или частнаго, нерѣдко оказываются на приѣмныхъ экзаменахъ неимѣющими достаточныхъ познаній, то Комитетъ увѣдомляетъ о томъ Консисторію, которая доводитъ такое обстоятельство до свѣдѣнія Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Финляндскаго Сената, для зависящаго съ его стороны распоряженія.

Правила о постороннихъ слушателяхъ, объ условіяхъ ихъ

допущенія или удаленія изъ Университета (и въ извѣстныхъ случаяхъ изъ города) остались по существу неизмѣненными.

Въ началѣ каждаго учебнаго курса, немедленно по окончаніи экзаменовъ и не позже 15 Сентября (или 1 Февраля) студенты обязаны являться для слушанія лекцій. Ректоръ производитъ перепись, причемъ за недѣлю передъ тѣмъ объявляетъ о днѣ и часѣ, когда совершится актъ переписи. На этотъ актъ обязательно являются всѣ преподаватели и студенты. Послѣдніе собираются по факультетамъ и становятся при своихъ деканахъ и кураторахъ. Ректоръ произноситъ рѣчь, кураторы передаютъ секретарю составленные ими учебныя вѣдомости (въ которыя вносятся подробно данныя о жительствоу студентовъ, о лекціяхъ, которыя они пожелали слушать въ данное полугодіе и т. д.), если Вице-Канцлеръ или въ отсутствіе его ректоръ потребуетъ, то секретарь по симъ вѣдомостямъ дѣлаетъ переключку студентамъ.

Но уставъ 1852 г. не ограничился простымъ подтвержденіемъ строгостей устава 1828 г.; онъ ихъ усугубилъ въ значительной степени, въ особенности въ отношеніи обязанности слушать лекціи, въ отношеніи правъ заключать займы, права устраивать празднества и т. д.

Судебная власть Университета надъ его студентами ограничена еще болѣе, чѣмъ въ 1828 г.

Если за вину студента не опредѣлено въ главѣ о взысканіяхъ съ студентовъ по опредѣленію университетскихъ властей особаго наказанія, то на него должна быть подана жалоба въ надлежащее судебное мѣсто и онъ подлежитъ дѣйствию общихъ законовъ.

Уставъ 1852 г. смотритъ на студентовъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ въ гражданскомъ отношеніи, въ какомъ бы возрастѣ они ни находились. Поэтому долговныя претензіи къ студентамъ лишь тогда признаются имѣющими силу, если они основаны на долговыхъ обязательствахъ, выданныхъ съ вѣдома и согласія ректора. Если же студентъ, во время пребыванія въ Университетѣ, поручится въ платежѣ чужаго долга, то такое поручительство не имѣетъ законной силы.

Академической юрисдикці Университета подлежали лишь проступки студентовъ противъ университетской дисциплины и благочинія; что же касается нарушенія студентами общихъ законовъ и полицейскихъ предписаній, то участіе Университета въ разбирательствѣ дѣлъ этого рода ограничивалось предварительнымъ арестомъ виновнаго студента въ университетскомъ помѣщеніи и присутствіемъ при судебномъ разсмотрѣніи университетскаго повѣреннаго. Дисциплинарныя взысканія, налагаемыя Коммисіей благочинія на виновныхъ студентовъ, остались тѣ же, что и при уставѣ 1828 г., т. е., смотря по степени вины: замѣчаніе или выговоръ въ присутствіи Коммисіи, лишеніе стипендіи на опредѣленное болѣе или менѣе продолжительное время или навсегда; испрошеніе прощенія, заключеніе въ карцеръ на извѣстное время, «причемъ виновный остается на собственномъ содержаніи, или, если онъ не имѣетъ на то средствъ, получаетъ отъ Университета по 12 к. въ день»; и наконецъ, удаленіе или изгнаніе изъ Университета.

Однако уставъ 1852 г. внесъ одну весьма существенную поправку въ дисциплинарное производство Коммисіи благочинія, а именно: (какъ уже упомянуто выше при выясненіи функцій Вице-Канцлера) отъ Вице-Канцлера зависѣло утвержденіе или измѣненіе приговора Коммисіи благочинія въ смыслѣ увеличенія или смягченія наказанія. (Это правило было ему предоставлено временно, впредь до изданія новаго устава, уже Высочайшимъ рескриптомъ 23 Іюня 1850 г.).

Что касается порядка производства въ ученія степени, то уставъ 1852 г. мало измѣнилъ постановленія устава 1828 г. Измѣненія, имъ внесенныя, выражаются преимущественно въ введеніи болѣе практическихъ началъ и положеній въ систему испытаній. Сохранены частныя испытанія (tentamen) и публичныя экзамены.

Факультеты согласно ст. 153 могутъ возводить въ слѣдующія ученія степени: Историко-филологическій и Физико-математическій въ степени кандидата, магистра, лиценціата и доктора; Богословскій, Юридическій и Медицинскій въ степени кандидата, лиценціата и доктора. Никто не имѣетъ права искать степени магистра,

лиценціата и доктора въ Историко-филологическомъ или Физико-математическомъ факультетѣ, не получивъ напередъ степени кандидата въ томъ же факультетѣ. Для полученія какой бы то ни было степени въ Богословскомъ и Юридическомъ факультетахъ надлежитъ сперва выдержать кандидатскій экзаменъ въ Историко-филологическомъ факультетѣ, а для полученія какой-либо степени въ Медицинскомъ факультетѣ, должно напередъ пріобрѣсти степень кандидата въ Физико-математическомъ факультетѣ.

Какъ согласно уставу 1828 г., такъ и согласно уставу 1852 г. устному испытанію на ученую степень предшествуетъ два письменныхъ испытанія («pro exercitio» и «pro gradu»); но теперь, съ 1852 г., только первое испытаніе производится на латинскомъ языкѣ, а второе на шведскомъ и вообще на родномъ языкѣ (на заданную профессоромъ тему) для удостовѣренія не только въ умѣннй пишущаго владѣть языкомъ, но и въ свѣдѣніяхъ его по самому предмету.

Желающій пріобрѣсти степень кандидата въ Историко-филологическомъ факультетѣ долженъ выдержать экзаменъ изъ слѣдующихъ предметовъ непременно: а) всемірной исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи, географіи и статистики Россіи и Финляндіи, б) изъ латинскаго языка, словесности и древностей Римскихъ и с) эстетики, новѣйшей литературы и изъ нѣмецкаго и французскаго или нѣмецкаго и англійскаго языковъ; сверхъ того по собственному своему избранію, изъ предметовъ, преподаваемыхъ двумя изъ прочихъ профессоровъ факультета. Желающій же пріобрѣсти степень кандидата въ Физико-математическомъ факультетѣ долженъ выдержать экзаменъ въ слѣдующихъ предметахъ непременно: а) въ математикѣ; б) въ физикѣ, и с) въ химіи, а сверхъ сего по собственному же своему избранію въ предметахъ, преподаваемыхъ двумя изъ прочихъ профессоровъ факультета.

При испытаніи на степень кандидата въ Историко-филологическомъ или въ Физико-математическомъ факультетахъ, каждый экзаменаторъ по своему предмету означаетъ познанія проэкзаменованнаго отмѣткою: *approbatur*, *approbatur cum laude* или *laudatur*, изъ чего засимъ составляется общій отзывъ, публично объявляемый

проэкзаменованному и выражаемый названиями: *clarissimus*, *admodum dignus*, *maxime dignus* и *dignissimus*, которые присуждаются на слѣдующемъ основаніи: отмѣтка *approbatur* соотвѣтствуетъ одному баллу, *approbatur cum laude* двумъ и *laudatur* тремъ балламъ; тому, кто по расчету сему получить семь балловъ, дается названіе *clarissimus*, получившему восемь или девять *admodum dignus*, десять, одиннадцать или двѣнадцать *maxime dignus*, а выше двѣнадцати балловъ *dignissimus*. Но къ экзамену не допускается тотъ, кто своими познаніями хотя въ одномъ изъ предметовъ испытанія не заслужилъ отмѣтки *laudatur*.

Для приобрѣтенія степени лиценціата требуется основательное знаніе въ трехъ родственныхъ наукахъ того факультета, въ которомъ приобрѣтается ученая степень. Познанія доказываются диссертацией на тему, заданную факультетомъ и устнымъ экзаменомъ изъ 5 предметовъ. Магистерская степень и степень доктора суть только почетные титулы, даруемые торжественной промоціей.

Практическая тенденція устава 1852 г. высказалась въ томъ, что для полученія степени лиценціата въ факультетахъ богословскомъ, юридическомъ и медицинскомъ требовалось прохожденіе опредѣленнаго практическаго стажа, а именно:

При объявленіи намѣренія своего подвергнуться экзамену на степень лиценціата, кандидатъ Богословія долженъ доставить за свидѣтельствованіе подлежащаго епархіальнаго начальства въ томъ, что онъ, исполняя пасторскія обязанности не менѣ двухъ лѣтъ, готовился на практикѣ къ пасторской должности.

Предъ экзаменомъ на степень лиценціата правъ ищущій степени обязанъ представить удостовѣреніе въ томъ, что онъ употребилъ не менѣ двухъ лѣтъ на занятія въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ Финляндіи и въ Гофгерихтѣ для ознакомленія съ порядкомъ судопроизводства.

Для полученія степени лиценціата медицинскихъ наукъ нужно:

1) прослужить въ должности Амануэнса при клиникѣ не менѣ двухъ лѣтъ, употребивъ одинъ годъ на врачеваніе хирургическое, а другой на медицинское, съ слушаніемъ въ то же время лекцій по части повивальнаго искусства, и съ постояннымъ

посѣщеніемъ Городскаго Госпиталѣ, для ознакомленія съ обыкновенными болѣзнями, а особливо съ леченіемъ сифилитическихъ;

и 2) ознакомиться съ пользованіемъ умалишенныхъ трехмѣсячнымъ посѣщеніемъ дома, учрежденнаго для нихъ въ Гельсингфорсѣ.

Установившійся издавна торжественный обрядъ диспутовъ и промоцій сохранился не смотря на практическія вѣянїя времени. Диспуты могли быть или чисто учеными спорами безъ практическихъ цѣлей, или же могли имѣть цѣлью полученіе ученой степени или должности при Университетѣ. Диспуты перваго рода разрѣшаются Вице-Канцлеромъ и вести ихъ (или какъ выражается уставъ «право предсѣдать на диспутахъ, имѣя при себѣ респондента») предоставляется только профессорамъ или докторамъ и лиценціатамъ.

Что касается диспутовъ для полученія степени или должности то уставъ установилъ слѣдующее:

При изданіи диссертациі для полученія ученой степени или должности преподавателя, авторъ обязанъ объявить о своемъ намѣреніи Декану факультета и въ то же время представить свое разсужденіе на просмотръ цензора. Въ случаѣ одобренія онаго къ напечатанію, факультетъ изъ числа своихъ членовъ избираетъ оппонента для диспута и вмѣстѣ съ симъ поручаетъ Декану или другому члену факультета присутствовать на семъ актѣ.

Диссертациа, издаваемая для полученія степени лиценціата или мѣста преподавателя при Университетѣ, должна составлять не собраніе только отдѣльныхъ тезисовъ или афоризмовъ, но основательное и, сколько то возможно при ограниченномъ объемѣ диссертациі, полное разсужденіе по ученому предмету, тѣсно связанному съ кругомъ знаній, относящихся къ той должности или той степени, которой издатель диссертациі домогается. Диссертациа, издаваемая для полученія должности Библіотекаря или Вице-Библіотекаря, должна равнымъ образомъ относиться къ предмету, входящему въ область ученыхъ по сему дѣлу свѣдѣній и всеобщей исторіи наукъ. Разсужденіе ищущаго степени или мѣста при

Университетѣ должно быть написано на Латинскомъ или Шведскомъ языкѣ (до 60-хъ годовъ).

При публичномъ преніи употребляется тотъ языкъ, на которомъ написана диссертация, и защищать ее обязанъ главнымъ образомъ авторъ (sic), будетъ ли онъ на актѣ въ качествѣ предсѣдательствующаго или респондента.

Возраженія на диспутѣ предлагаются сперва назначеннымъ отъ факультета оппонентомъ, послѣ котораго дозволяется и другимъ дѣлать свои замѣчанія противъ диссертации, съ тѣмъ однако же, чтобъ весь актъ продолжался не долѣе шести часовъ.

Послѣ публичнаго пренія, бывший отъ имени факультета оппонентомъ обязанъ въ возможно скоромъ времени дать факультету письменный о диспутѣ отзывъ, въ которомъ должно быть изложено мнѣніе не только объ ученоемъ достоинствѣ диссертации и о томъ достигаетъ ли она цѣли, съ какою она издана, но и объ образѣ защищенія ея, при чемъ въ случаѣ неодобренія оной въ какомъ либо отношеніи, должны быть показаны причины и обстоятельства, послужившія къ тому основаніемъ. Если диссертация издана для полученія должности, то такое сужденіе факультета сообщается автору для представленія по оному въ опредѣленный срокъ своихъ объясненій, послѣ чего факультетъ рѣшаетъ, можетъ ли диссертация быть признана удовлетворительною или нѣтъ, и мнѣніе свое о томъ вноситъ въ Консисторію; когда же съ изданіемъ диссертации не соединялось исканіе должности, то окончательное сужденіе о диссертации произносится безъ истребованія объясненій автора. Дальнѣйшія предписанія касательно диспутовъ и публичныхъ по онымъ преній зависятъ отъ усмотрѣнія Консисторіи.

Диссертация, изданная для полученія должности или степени, не можетъ считаться удовлетворительною безъ одобренія оной факультетомъ, какъ по содержанію, такъ и относительно защищенія оной. Если диссертация издана для полученія должности, то для признанія оной удовлетворительною требуется, чтобы не только факультетъ одобрилъ ее изъясненнымъ порядкомъ, но и Консисторія отозвалась о ней одобрительно.

Какъ видно порядокъ диспута во многомъ сходенъ съ порядкомъ, принятымъ въ русскихъ университетахъ; но ст. 169 содержитъ въ себѣ правило, котораго не достаетъ русскому положенію о приобрѣтеніи ученыхъ степеней 1865 г., а именно: постановленіе, что сужденіе факультета о достоинствахъ диссертаци и оцѣнка имъ диспута сообщается автору для представленія по оному въ опредѣленный срокъ своихъ объясненій. Затѣмъ установлено правило, что диссертация можетъ быть написана вообще на одномъ изъ употребительныхъ въ Европѣ языковъ. Неоднократно въ Александровскомъ Университетѣ представлялись диссертации на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Постановленія о промоціи сохранились безъ измѣненій по существу; установлено лишь какъ общее правило, что промоція магистровъ бываетъ черезъ каждые 3 года.

Что касается учебныхъ заведеній при Университетѣ, то по уставу 1852 г. положены слѣдующія:

1) Библиотека, состоящая изъ 3 частей: а) общая библиотека, подъ управленіемъ Университетскаго Библиотекаря, б) ручная библиотека для студентовъ, въ которую вошла библиотека упраздненной Богословской Семинаріи, и в) библиотека Русской Словесности, въ завѣдываніи ординарнаго профессора Русскаго языка и Словесности;

2) Клиника съ принадлежащимъ къ ней собраніемъ хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ;

3) Анатомическій Театръ и Кабинетъ анатомическихъ препаратовъ;

4) Ботаническій садъ;

5) Зоологическій Музей;

6) Физическій Кабинетъ;

7) Химическая Лабораторія;

8) Минералогическій Кабинетъ;

9) Астрономическая Обсерваторія;

10) Собраніе монетъ, медалей и рѣдкостей;

11) Этнографическій Музей;

12) Гимнастическое и фехтовальное заведеніе;

13) Музыкальная Капелла;

14) Рисовальная зала.

Штатъ Университета былъ увеличенъ до 80.000—90.000 р. с. (приблизительно, ибо часть его доходовъ поступала въ натурѣ).

Профессора получали жалованья: старшіе—около 1.100 р., младшіе около 800 р., отчасти поземельнымъ оброкомъ, отчасти наличными деньгами; Ректору уплачивались кромѣ того столовые деньги въ размѣрѣ 886 р., Деканамъ по 300 р. вознагражденія, Инспекторъ казначейства получалъ 86 р., профессоръ, читавшій лекціи за Ректора, получалъ вознагражденія—86 р., Инспекторъ Студентовъ 300 р. Нѣкоторые изъ профессоровъ (Богословы) пользовались доходами отъ такъ называемыхъ аннексовыхъ пасторатовъ. Въ перечисленіе всѣхъ статей смѣты мы не войдемъ; укажемъ только на характерныя ассигнованія: на библіотеку было ассигновано всего 3.000 р. с., на клинику—6.252 р. с., на анатомическій театръ 460 р. с., на ботаническій садъ 943 р. с., на зоологическій музей 1.060 р. с., на химическую лабораторію 460 р. с., на остальные вспомогательныя учебныя заведенія—1.368 р. с.

Вице-Канцлеръ получалъ столовыхъ 1.715 р. с., на содержаніе канцеляріи—200 р., на разные расходы было ассигновано—4.000 р. с., на ремонтъ зданій—1.235 р. с., на печатаніе ученыхъ сочиненій всего только 286 р. с.; на обмундированіе служащихъ—468 р. с.

Наконецъ подъ рубрикой: стипендіи и пособія были показаны слѣдующія цифры:

На стипендіи 2.049 р. поземельными оброками.

На пособіе отправляющимся въ Русскіе университеты для изученія русскаго языка 5.000 р. с.
На пособіе молодымъ ученымъ 850 р. с.
На двѣ юридическія стипендіи 343 р. с.
Пособіе 10 Доцентамъ 3.000 р. с.
На пособіе уволеннымъ въ отставку лицамъ за исключеніемъ профессоровъ и библіотекаря 371 р. с.
Граціоннаго хлѣба (т. е. натурального пособія) . 100 бочекъ.

Кромѣ этихъ штатныхъ доходовъ Университетъ сохранилъ отчасти и спеціальныя средства, показанныя въ Уставѣ 1828 г.

Общая бібліотека получаетъ согласно Уставу 1852 г. (ст. 244) сверхъ суммъ, по штату на нее положенныхъ, слѣдующія представленныя ей пошрины: а) за пріемъ студентовъ, б) за промоціи, в) за производства по Университету и духовному вѣдомству Або-скаго Архіепископства и той части Куопіоской Эпархіи, которая прежде принадлежала къ Абоской Эпархіи, г) съ наслѣдства послѣ главныхъ пасторовъ какъ Архіепископства, такъ и означенной части Куопіоской Эпархіи, д) въ пользу бібліотеки поступаетъ сумма, ежегодно платимая Университету за право содержать типографію и е) проценты съ капиталовъ, пожертвованныхъ для бібліотеки частными лицами, а также проценты, получаемые съ одного изъ Бильмарковыхъ донаціонныхъ фондовъ, назначеннаго завѣщателемъ вообще для споспѣшествованія наукамъ.

Ручной студенческой бібліотекѣ сохраненъ доходъ прежней бібліотеки Богословской семинаріи, получавшійся съ вакантныхъ капелланскихъ мѣстъ въ Архіепископствѣ и той части Куопіоской Эпархіи, которая прежде принадлежала къ архіепископству.

Бібліотека Русской словесности спеціальныхъ средствъ не имѣла, а существовала на штатныя ассигнованныя ей суммы ¹⁾.

Загѣмъ Университетъ согласно уставу 1852 г. имѣетъ 6 спеціальныхъ фондовъ и такъ называемые донаціонные фонды.

Спеціальныя фонды слѣдующіе: 1) Ректорская касса (Fiscus Rectoris), которая образуется изъ сбора по одному рублю съ каждаго записываемаго въ студентскій списокъ студента, за исключеніемъ бѣдныхъ. Изъ ректорской кассы производятся временныя пособія служащимъ при Университетѣ лицамъ и покрываются другія служебныя издержки, которыя нельзя обратить на иной источникъ расходовъ. Касса эта состоитъ въ вѣдѣніи и распоряженіи Хозяйственнаго отдѣленія; счетъ суммамъ ея ведется особо; отчетъ въ употребленіи суммъ составляется Камериромъ.

¹⁾ Сумма эта впервые ассигнована въ 1841 г. (Высоч. Рескриптъ Канцлеру отъ 16 Апрѣля 1841 г.); изъ этой суммы въ силу рескрипта 19 Января 1894 г. уплачивается и содержаніе Амануэнса.

2) «Запасный капитал» составляется из сумм, поступающих в Университет от привилегии содержать типографию, издавать для употребления в Финляндии пространные и краткие месяцесловы на финском и шведском языках, иметь книжную лавку и аптеку. Пользование этими привилегиями Университет давал обыкновенно на откуп.

3) «Остаточная касса» составляется из ежегодных % назначенного для оной капитала. Капитал этот называется «окладным» и составляется следующим образом. Из всех окладов жалованья с вакантных мест и из положенной по штату ежегодной суммы на пенсии отставным университетским чиновникам и служащим, а равно из процентов на эти суммы определенный вычет поступает в кассу. Из остаточной кассы производятся как следующее ординарным профессорам и библиотекарю прибавочное жалованье, так и пенсии, назначаемые состоящим при Университете должностным лицам и служащим, за исключением профессоров и библиотекаря.

4) Касса вдовья-сиротская. Она составила (в 1830 г.) из капитала, заимствованного из остаточной кассы и пополняется следующим образом: 1) из окладов, ежегодно поступающих по правилам, установленным для других вдовьих и сиротских касс от участвующих в оной; 2) из некоторой части поступающих в остаточную кассу окладов жалованья с вакантных мест и 3) из пошлин, платимых за некоторые экзамены.

5) «Грациальный фонд» состоит из грациального или грационного хлеба. Под именем «грациального хлеба» назначено по ступочек хлеба в год на вспомоществование нуждающимся в таком пособии вдовам, несовершеннолетним и непристроенным детям умерших университетских ординарных профессоров и библиотекаря. На пополнение фонда обращаются и остатки грациального хлеба ¹⁾.

¹⁾ Вдовы ординарного профессора и библиотекаря получали в пособие не менее двенадцати и не более двадцати четырех бочек хлеба в год, а сын или дочь не менее пяти и не более десяти бочек. Дочери сохраняли се пособие до замужества, а сыновья до восемнадцатилетнего возраста или до получения стипендии, или же до вступления в

б) Строительный фондъ (или капиталъ). Изъ этого фонда покрываются всѣ издержки, потребныя не только на возведеніе новыхъ при Университетѣ зданій, но и на починку старыхъ, на содержаніе и ремонтъ которыхъ не назначено особыхъ средствъ. Этотъ фондъ пополняется: а) изъ суммъ, ассигнованныхъ по штату, б) изъ таможенныхъ пошлинъ (до конца 1868 г.) съ вывозимыхъ изъ Финляндіи дровъ, песка и смолы (это т. н. «Universitets tullskilling»), в) изъ арендныхъ денегъ съ пасторатовъ, по которымъ Университетъ имѣетъ право пользоваться доходами вакантныхъ пасторскихъ мѣстъ, до 6 Мая 1857 г.

Что касается донаціонныхъ фондовъ, пожертвованныхъ частными лицами, то они употреблялись согласно дарственнымъ записямъ жертвователей.

Въ отношеніи университетскихъ средствъ дѣйствовала и дѣйствуетъ система спеціализаціи фондовъ и раздробленія счетовъ.

§ 264 устава 1852 г. гласитъ:

«За исключеніемъ счета по Ректорской кассѣ, всѣ прочіе по означеннымъ здѣсь суммамъ и фондамъ счета вносятся въ общую отчетную книгу Университета, *каждому* изъ нихъ ведется *особый* счетъ и наблюдается вообще, чтобы, не сливаясь одинъ съ другимъ, они употреблялись лишь на тѣ предметы, которые для каждой суммы особо въ семъ уставѣ указаны».

Что касается стипендій, то онѣ выдавались на 4 года Консистеріей, при чемъ лица, желавшія получить стипендіи, должны были подвергнуться испытанію въ Комитетѣ приемныхъ экзаменовъ.

Изъ числа 12 стипендій, назначенныхъ для поощренія изучающихъ русскій языкъ, пять выдавались такимъ студентамъ изъ

какое либо званіе. Но если сынъ умершаго профессора одержимъ неизлечимою болѣзнію, то могъ получать пособіе изъ сего хлѣба и послѣ достиженія осмынадцатилѣтняго возраста.

Пенсіи или пособія изъ вдовой и сиротской кассы назначались вдовамъ и несовершеннолѣтнимъ или непристроеннымъ дѣтямъ умершихъ преподавателей, чиновниковъ и служителей.

Въ продолженіи времени, въ которое вдовы и непристроенныя дѣти умершихъ преподавателей, чиновниковъ и служителей Университета пользовались окладными ихъ доходами, они не были въ правѣ получать пособій ни изъ граціального хлѣба, ни изъ вдовой и сиротской кассы.

финляндскихъ уроженцевъ, которые при хорошемъ поведеніи вообще, независимо отъ ихъ познаній по другимъ предметамъ, оказали познанія въ русскомъ языкѣ лучшія, чѣмъ прочіе соискатели.

Сумма, назначенная по штату 1852 г. въ пособіе студентамъ, отправляющимся для изученія русскаго языка въ Россійскіе университеты, давалась и дается только финляндскимъ уроженцамъ, выдержавшимъ установленное для поступленія въ гражданскую службу испытаніе въ семь языкѣ; при раздачѣ таковыхъ стипендій опредѣляются, смотря по обстоятельствамъ, мѣры для наблюденія, чтобы получающій пособіе сего рода пользовался имъ сообразно съ цѣлюю.

Управленіе хозяйствомъ и денежными средствами Университета ввѣрено подъ руководствомъ и надзоромъ хозяйственнаго отдѣленія — Камериру. Камериръ (вносящій залогъ) обязанъ въ точности руководствоваться инструкціей, составленной хозяйственнымъ отдѣленіемъ и утвержденной Канцлеромъ.

Университетскою Канцелярією, какъ и по уставу 1828 г., править Ректоръ. При Канцеляріи состоятъ: Секретарь, Повѣренный, Нотаріусъ Университета и Амануансы Консистеріи (т. е. помощники секретаря), курьеры и вахтмистры. Функціи ихъ не измѣнились.

Уставъ 1852 г. дѣйствуетъ донинѣ, но въ теченіе почти полстолѣтія, истекшаго со времени его изданія, рядъ дополнительныхъ узаконеній во многомъ измѣнилъ тѣ начала организаціи, которыя только что изложены. Былъ данъ большій просторъ какъ профессорской коллегіи, такъ и студентамъ. Но это новое направленіе проявилось лишь послѣ 1863 года, когда новыя условія политическаго существованія стали отражаться на Университетѣ.

Содѣйствіе развитію Университета выразилось прежде всего въ увеличеніи числа кафедръ, въ дополненіи штата путемъ дополнительнаго ассигнованія суммъ на содержаніе преподавателей и учебныхъ пособій и на учрежденіе стипендій. Канцлерскій рескриптъ 16/28 Мая 1859 г. извѣстилъ Университетъ объ увеличеніи его штата на 17.302 р. с. (Дополнительный штатъ былъ названъ временнымъ впредь до пересмотра штата 1852 г. сообразно

требованіямъ времени). вмѣстѣ съ тѣмъ отпала устарѣвшая система расчета содержанія профессоровъ и чиновниковъ Университета поземельнымъ оброкомъ.

Казенныя стипендіи также увеличены числомъ и размѣромъ. Канцлерскій рескриптъ 6 Іюня 1859 г. извѣстилъ о Всемилоствѣйшемъ назначеніи 300 р. с. изъ канцелярскихъ суммъ на выдачу 3 стипендій студентамъ-медикамъ.

1 Марта 1855 г. издано новое постановленіе о путевыхъ стипендіяхъ для изученія русскаго языка. Число стипендій сокращено съ 10 до 4. Остатокъ, благодаря этому сокращенію образованный, назначенъ на вознагражденіе спеціальнаго учителя финскихъ стипендіатовъ въ Москвѣ и на выдачу стипендій для поощренія изученія русскаго языка въ Александровскомъ Университетѣ. Стипендіатамъ было предписано изучать русскій языкъ обязательно въ Москвѣ (ихъ руководителемъ былъ въ то время знаменитый Буслаевъ; его замѣнилъ Н. Р. Тихонравовъ, и наконецъ съ 1896 г. проф. Соколовъ). Премія должна была быть дана за лучшее научное сочиненіе на русскомъ языкѣ, писанное въ Александровскомъ Университетѣ. Однако, такъ какъ не было представлено ни одного сочиненія, то ассигнованная на премию сумма была назначена на выдачу мелкихъ пособій студентамъ, изучающимъ русскій языкъ.

Высочайшее объявленіе 19 Декабря 1859 г. внесло слѣдующія измѣненія въ постановленіе 1855 г.:

Ассигнованные на выдачу «русскихъ» стипендій 5.000 р. были разбиты на 6 стипендій, каждая по 750 р. Означенныя стипендіи могли быть выданы не только студентамъ, но и финляндскимъ чиновникамъ, которые окончили курсъ въ Александровскомъ Университетѣ и «пожелали бы изучить русскій языкъ или посвятить себя въ Россіи инымъ научнымъ и для ихъ дальнѣйшаго образованія нужнымъ занятіямъ». Стипендіаты не были обязаны изучать русскій языкъ въ Москвѣ, но могли находиться тамъ, гдѣ они сочтутъ наиболѣе полезнымъ для изученія русскаго языка. Оставшіеся въ запасъ 500 р. могли быть выдаваемы въ качествѣ пособія финляндскимъ студентамъ или чиновникамъ, доказавшимъ

особые успѣхи въ изученіи русскаго языка, а также тѣмъ изъ нихъ, кто для какой либо общепользующей цѣли предприметь путешествіе въ Имперію.

Рескриптомъ 27 Марта 1856 г. Вице-Канцлеръ увѣдомилъ Консисторію, что Его Величеству угодно было назначить 2.000 р. с. для выдачи пособій бѣднымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ. Пособія выдавались въ размѣрѣ 30—40 р. въ однѣ руки.

20 Апрѣля 1859 г. издано новое положеніе о путевой стипендіи для молодыхъ литераторовъ, желающихъ совершить путешествіе для научныхъ цѣлей и затѣмъ поступить въ число университетскихъ преподавателей. Означенная путевая стипендія должна выдаваться разъ въ 3 года въ размѣрѣ 1.171 р. 50 к., впоследствии 1.125 р.; половина выплачивалась при началѣ путешествія, остальная полгода спустя по представленіи свѣдѣній о путешествіи. По возвращеніи въ Финляндію стипендіатъ долженъ былъ дать отчетъ о путешествіи. Означенная стипендія была впоследствии (въ 1875—1893 г.) увеличена до 4.500 марокъ ¹⁾.

Для Александровской стипендіи, учрежденной въ 1842 г., было издано новое положеніе 26 Апрѣля 1859 г. Размѣръ стипендіи опредѣленъ въ 1.285 р. Она выдается готовящимся къ ученому званію, преимущественно тѣмъ, кто въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ русскій языкъ въ Россіи.

(Александровскими стипендіатами были между прочимъ: Сигнеусъ, Кастрень, Валинь, Лагусъ, Альквистъ, Доннеръ, Шюберсонъ, Форманъ, Густавсонъ, Седергьелмъ и др.).

Въ десятилѣтіе 1852—1862 г. увеличилось также число частныхъ стипендій.

Въ 1851—1860 г.г. капиталъ частныхъ стипендій увеличился на 53.000 м.; вся капитальная сумма стипендій равнялась въ 1850 г. 206.374 м. 84 п., а въ 1860 г. 289.801 м. 52 п.

Съ 50-хъ годовъ Университетъ принялъ на себя заботу о

¹⁾ Путевой стипендіей для молодыхъ литераторовъ пользовались такіе выдающіеся ученые какъ Нервандеръ, Валинь, Норденшельдъ (стипендія была ему назначена, но онъ былъ лишенъ ее за ту рѣчь, о которой мы поговоримъ ниже), Рейнь, (нынѣшній Вице-Канцлеръ), Пальменъ, Гоменъ, Вестермаркъ и другіе.

помѣщеніи капитала стипендій такимъ образомъ, чтобы $\frac{\%}{\%}$ съ капитала не уступали опредѣленной нормѣ, независимо отъ биржевыхъ конъюнктуръ и способа помѣщенія. Такимъ образомъ Университетъ принялъ на себя гарантію въ томъ, что капиталъ стипендій не сократится. Обыкновенно капиталъ давался въ ссуду подъ залогъ недвижимостей, городскихъ и сельскихъ, и стипендіатскимъ фондамъ гарантирована была прибыль въ 5% (за исключеніемъ нѣкоторыхъ фондовъ, по которымъ, согласно волѣ завѣщателя, начислялась прибыль въ 6%). Благодаря высокому ссудному $\%$ того времени, Университетъ выигрывалъ на выданныя ссуды по 5% , $5\frac{1}{2}\%$ — 6% , а иногда и больше. Выигрышъ отъ разницы между $\%$ въ пользу фонда стипендій и прибылью по ссудамъ поступаетъ въ ректорскую казну (*fiscus rectoris*). Впослѣдствіи, съ 1890 г., благодаря измѣнившимся конъюнктурамъ денежнаго рынка, доходъ отъ ссудныхъ операций сильно сократился, а доходъ ректорской казны упалъ. Университетскій камериръ получалъ и получаетъ $\frac{1}{20}\%$ съ доходовъ отъ стипендіатскихъ фондовъ въ качествѣ вознагражденія за труды по управленію фондами. Однимъ словомъ, — финансовыя средства Университета до 1890-хъ годовъ непрерывно возрастали. Отъ бѣдности и нищеты шведскихъ временъ остались только сказочныя преданія и тяжелыя воспоминанія «старѣйшихъ людей». Величественное зданіе на Сенатской площади, твореніе даровитаго архитектора Энгеля, съ пристройками (свѣтлое, просторное зданіе библіотеки, клиника, астрономическая обсерваторія, зданія ботаническаго сада и т. д.), стало украшеніемъ главнаго города края.

Десятилѣтіе 1852—1862 г.г. пранесло значительное расширеніе правъ профессорской коллегіи. 8-го Іюня 1858 г. издано Высочайшее объявленіе о томъ, что въ ректоры и профессеры могутъ быть избраны всѣ ординарные профессеры, которые занимали эту должность не менѣе 2-хъ лѣтъ. Слѣдовательно въ данномъ отношеніи совершился поворотъ къ началамъ 1828 г.

При разсмотрѣннн организациі факультетовъ и ихъ компетенціи въ качествѣ органовъ педагогическаго и дисциплинарнаго надзора за студентами (до 1852 г.), мы указали, что членами факультетовъ считались какъ профессора, доктора, лиценціаты и т. д., такъ и

студенты. Первые были членами полноправными (ledamot, какъ выражается шведскій текстъ устава 1852 г.), вторые — неполноправными (medlem). По предположеніямъ устава главный дисциплинарный надзоръ за студентами былъ ввѣренъ инспектору. Но не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ выяснилась необходимость усилить дисциплинарную власть факультетовъ. Рескриптъ Канцлера отъ 13/25 Марта 1856 г. передалъ дисциплинарный надзоръ и часть дисциплинарной юрисдикціи факультетамъ, которые осуществляли его порядкомъ, изложеннымъ въ постановленіи Консistorіи отъ 5 Апрѣля 1856 г. Уставъ 1852 г. ввелъ обязательное ношеніе формы для студентовъ, и еще 11/23 Февраля 1856 г. былъ изданъ Канцлерскій рескриптъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ формѣ, но вскорѣ (рескриптъ 5/17 Марта 1860 г.) Канцлеромъ разрѣшено студентамъ внѣ Университета носить партикулярное платье. Изъ правительственныхъ распоряженій, касающихся Университета въ періодъ 1852—1863 г.г., приведемъ наиболѣе главные: въ 1858 г., 25 Октября, было разрѣшено употреблять финскій языкъ на диспутахъ и при представленіи диссертаций. Языкъ 5/6 всего населенія въ Финляндіи получилъ права гражданства въ Университетѣ. Однако это разрѣшеніе 1858 г. повидимому вызвало какія то недоразумѣнія, ибо въ 1866 г. (11 Мая) издано Высочайшее объявленіе, которое объяснило, что финскій языкъ долженъ быть причисленъ къ числу новыхъ языковъ, на коихъ разрѣшено читать лекціи, и что во всякомъ случаѣ употребленіе его не запрещено!

18 Апрѣля 1859 г. даны новыя правила для учрежденной при Университетѣ академической читальни. Участники въ читальнѣ должны были платить ежегодный взносъ на содержаніе читальни. Студенты платили 1 р. 50 к., а преподаватели и чиновники 2 р. Читальней завѣдывалъ Комитетъ, члены котораго избирались на годичномъ собраніи участниковъ въ читальнѣ.

19 Іюня 1860 г. издано Высочайшее Постановленіе о соединеніи Гельсингфорской общественной больницы съ университетскимъ клиническимъ институтомъ (штатъ его увеличенъ до 12.888 р.).

Кромѣ постановленій, непосредственно имѣющихъ въ виду

Университетъ,—его дѣятельности касались постановленія, относившія къ строю учебнаго дѣла въ Финляндіи вообще ¹⁾).

Изданное одновременно съ уставомъ 1852 г. Высочайшее объявленіе о разныхъ правилахъ, долженствующихъ быть соблюдаемыми въ отношеніи новаго устава Александровскаго Университета въ Финляндіи (1 Октября 1852 г.), освободило Университетъ отъ обязанности производства экзаменовъ для полученія права поступленія на низшія мѣста гражданской службы и въ особенности на службу по камеральному вѣдомству. Такое право должно было быть впредь приобрѣтаемо окончаніемъ курса въ гимназіяхъ, въ которыя вводились спеціальные предметы преподаванія (минералогія, агрономія, законовѣдніе и т. д.). Этимъ способомъ хотѣли облегчить несостоятельнымъ лицамъ полученіе образованія, необходимаго для службы. Генераль - Губернаторъ Князь Меншиковъ (какъ видно изъ его записки по вопросу о реорганизаціи гимназій, Архивъ Статсъ-Секретаріата, дѣло 1856 г. № 1) видѣлъ въ такомъ переводѣ части обязанностей Университета на гимназіи многопо-

¹⁾ Высочайшее объявленіе 19 Февраля 1855 г. о введеніи разныхъ новыхъ предметовъ преподаванія въ нынѣшніе учебные курсы гимназій и объ измѣненномъ порядкѣ нѣкоторыхъ испытаній, установленныхъ для вступленія въ гражданскую службу по Финляндіи, и Высочайшій уставъ для гимназій и училищъ въ Финляндіи 7 Апрѣля 1856 г.

Высочайшее объявленіе 7 Апрѣля 1856 г. объ измѣненіи Высочайшаго объявленія отъ 19 Февраля 1855 г. касательно разныхъ испытаній, установленныхъ для вступленія въ гражданскую службу въ Финляндіи и на счетъ порядка производства нѣкоторыхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ сего края.

Высочайшее Постановленіе 7 Апрѣля 1856 г. объ образованіи въ Александровскомъ Университетѣ учителей для гимназій и училищъ.

Высочайшее Объявленіе отъ того же числа о мѣрахъ къ практическому образованію учителей элементарныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи и Высочайшее Постановленіе отъ 7 Апрѣля 1856 г. касательно подчиненія частныхъ учебныхъ заведеній надзору правительства.

Высочайшее Объявленіе 7 Апрѣля 1856 г. о предоставленіи кандидатамъ Богословія права исправлять установленныя въ уставѣ Александровскаго Университета въ Финляндіи, для полученія высшей степени богословія, пасторскія обязанности въ университетскомъ городѣ безъ различія епархій, къ коимъ они принадлежать.

Высочайшее Объявленіе 28 Февраля 1857 г. касательно вѣщихъ мѣръ по устройству элементарныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи.

Высочайшее Объявленіе 19 Апрѣля 1858 г. касательно общихъ началъ устройства народнаго образованія въ Великому Княжествѣ Финляндскомъ.

лезную «децентрализацию науки». Эти идеи, хотя нѣсколько модифицированныя, воплотились въ уставѣ для гимназій и училищъ въ Финляндіи 7 Апрѣля 1856 г. Согласно этому уставу въ Финляндіи имѣются и содержатся на издженіи Правительства общія элементарныя учебныя заведенія слѣдующихъ 5 разрядовъ:

1) Низшія элементарныя училища для обученія дѣтей необходимѣйшимъ для каждаго гражданина познаніямъ.

2) Высшія элементарныя училища для дѣтей, кои готовятся со временемъ поступить на государственную службу или избрать родъ жизни, требующій болѣе или менѣе ученаго образованія.

3) Гимназіи для приготовляющихся къ духовному званію, ученому и гражданскому званіямъ, подъ названіемъ гимназій для общаго образованія съ 3-мя классами, именуемыми, считая съ низшаго, первымъ, вторымъ и третьимъ. Въ первыхъ 2 классахъ назиданіе совокупное, а въ высшемъ классѣ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ раздѣляется на 4 параллельные курса для спеціальнаго образованія воспитанниковъ, смотря по тому поприщу, какое кто изъ нихъ намѣренъ избрать.

4) Гимназіи для образованія гражданскихъ чиновниковъ также 3-хъ классныя съ такимъ же ихъ счисленіемъ, какъ и въ общихъ гимназіяхъ.

5) Дѣвичьи училища о 4, 3 и 2 классахъ.

Готовить къ Университету, строго говоря, были предназначены лишь гимназіи перваго разряда.

Гимназіи втораго разряда имѣли узко-практическій характеръ. Онѣ готовили чиновниковъ, осуществляя «децентрализацию науки».

Въ гимназіяхъ для общаго образованія, готовившихъ къ Университету, преподавались: Законъ Божій, психологія и логика, а сверхъ того для желающихъ поступить въ Университетъ по юридическому факультету, естественное и государственное право, географія, исторія, статистика Европы и преимущественно Финляндіи и Россіи, математика и физика, ботаника и зоологія, латинскій языкъ, русскій языкъ, финскій, французскій и нѣмецкій языки, греческій языкъ, догматика, практическія упражненія въ русскомъ языкѣ, практи-

ческія упражненія въ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, тригонометрія, примѣненіе геометріи къ межеванію и механика, а также фізіологія, минералогія, химія и геогнозія для тѣхъ, кто намѣренъ продолжать курсъ ученія въ Университетѣ по физико-математическому факультету и для тѣхъ, кои по окончаніи гимназическаго курса намѣрены поступать на службу по землемѣрному и лѣсному вѣдомству; рисованіе съ руки, черченіе, пѣніе и гимнастика.

Въ гимназіяхъ для образованія гражданскаго преподавались слѣдующіе предметы:

Религія, психологія и логика, естественное и государственное право, географія, исторія, статистика, математика и физика, ботаника и зоологія, минералогія, химія и геогнозія, русскій языкъ финскій, французскій и нѣмецкій языки, рисованіе съ руки, черченіе и гимнастика; классическіе же языки не преподавались. «Дезцентрализація наукъ» повидимому къ добру не привела, черезъ 15 лѣтъ явился новый уставъ, перенесшій «науку» въ строгомъ смыслѣ вновь изъ стѣнъ гимназій въ Университетъ.

Вскорѣ послѣ введенія устава 1852 г. разыгралась драма восточной войны 1853—1856 гг.

2 Марта 1854 г. Государь Императоръ Николай I посѣтилъ Финляндію и финляндскій Университетъ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и другихъ своихъ сыновей.

При посѣщеніи Университета Государь обратился къ собравшемуся около него университетскому юношеству съ слѣдующими словами: «большія несчастія угрожаютъ всѣмъ намъ, но Я, увѣренъ, что вы не измѣните находящемуся въ опасности отечеству». Финляндцы дѣйствительно не измѣнили отечеству и Государю, къ великому разочарованію политическихъ фрондеровъ въ ихъ средѣ и къ еще большому неудовольствію эмигрантовъ въ Швеціи. Но было бы непростительнымъ игнорированіемъ историческихъ фактовъ утверждать, что въ средѣ университетскихъ дѣятелей и академической молодежи не было фанатиковъ вражды противъ Россіи, радовавшихся ея несчастію и мечтавшихъ объ использованіи этихъ несчастій въ цѣляхъ антирусскихъ.

На этомъ политическомъ фрондерствѣ и на агитаціи финскихъ эмигрантовъ мы должны остановиться подробнѣе, слѣдуя изложенію Рейна въ его замѣчательномъ сочиненіи «И. В. Снельманъ» (II, I стр. 27 и слѣд.). «Не слѣдуетъ отрицать, что въ одной группѣ молодыхъ людей, въ особенности въ средѣ академической молодежи, начало проявляться извѣстное фрондирующее направленіе. Нужно помнить, что ультралиберальное и антиправительственное направленіе мысли, которое развилось въ 1848 году, и внѣшнее проявленіе котораго удалось пріостановить, но далеко не уничтожить реакціи слѣдующихъ за 1848 г. годовъ, распространило свое вліяніе на всю Европу. Правительственная система, господствовавшая въ нашей странѣ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I, далеко не успѣла положить конецъ этому настроенію умовъ: напротивъ, она дала дальнѣйшую пищу этому оппозиціонному направленію, благодаря тому недовольству, которое было вызвано различными, административными распоряженіями какъ въ нашей странѣ вообще, такъ и въ особенности въ университетахъ. Ко всему этому прибавилась война и взволновала человѣческое воображеніе. Всѣ либералы, во всей Европѣ, съ полной симпатіей относились къ западнымъ державамъ, главнымъ образомъ потому, что они смотрѣли на олицетворенное въ Императорѣ Николаѣ русское самодержавіе какъ на опаснѣйшаго врага конституціонно-либеральныхъ идей и полагали, что побѣда Россіи нанесетъ вредъ этимъ идеямъ, пораженіе же Россіи будетъ факторомъ ихъ прогресса. Подъ вліяніемъ совокупности этихъ обстоятельствъ назрѣли политическія мечтанія довольно фантастическаго характера въ головахъ нѣкоторыхъ университетскихъ юношей, въ кружкахъ, близкихъ къ Университету, въ особенности же въ категоріи юношей въ общемъ весьма даровитыхъ, которые называли себя и назывались другими «безкровными». Въ этой средѣ замѣчалось сильное развитіе этихъ тенденцій. Это настроеніе получило выраженіе въ болтовнѣ, но болтовня была весьма громкая и интенсивная. По крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кругахъ Гельсингфорса она была настолько сильна, что могла пересилить тѣхъ, кто

рѣшался высказывать противоположное мнѣніе. Одинъ изъ крупныхъ представителей литературы края, Захарій Топеліусъ, потерпѣлъ весьма недостойное обращеніе со стороны этой партіи за то, что онъ въ своей газетѣ «Helsingfors tidningar» высказалъ мнѣніе, бывшее не по вкусу означенному направленію. Топеліусъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своихъ чувствахъ какъ человѣкъ и христіанинъ, видя со стороны западныхъ державъ поддержку Турціи, угнетавшей своихъ христіанскихъ подданныхъ. Въ качествѣ финляндскаго гражданина онъ не ждалъ отъ войны какой либо пользы для Финляндіи и неоднократно въ своей газетѣ указывалъ на обязанность финляндцевъ соблюдать неуклонную вѣрность. Его миролюбивый, спокойный характеръ былъ встревоженъ мыслью объ ужасахъ войны, которая на этотъ разъ подступала къ его родинѣ. По поводу дѣла при Витсандѣ 19 и 20 Мая 1854 г. онъ написалъ стихотвореніе «Первая капля крови», напечатанное въ его газетѣ. Стихотвореніе заключало въ себѣ жалобу на то, что во время прелестной весны чужеземцы вторгнулись и оросили его милую родину кровью. За эти грѣхи Топеліуса постигла опала со стороны фрондирующаго общественнаго мнѣнія («den fronderande opinionen»). Его газета была заклеимена названіемъ полуофициальной, состоящей подъ покровительствомъ правительства, на него самого обрушились рѣзкія инсинуаціи газеты «Morgonbladet», редактируемой А. Шауманомъ въ качествѣ органа этого «мнѣнія», насколько оно могло получить официальное выраженіе. Въ письмахъ изъ Финляндіи, которыя съ этого времени появлялись на столбцахъ шведской газеты «Aftonbladet», Топеліусъ обрисовывался въ еще болѣе темныхъ краскахъ. Такъ напр. въ № отъ 3 Іюля 1854 года содержится письмо, въ которомъ сказано, что Топеліусъ «бѣсится какъ полусумасшедшій противъ Турціи и Англичанъ», и что основой его дѣйствій является лакейство и заискиваніе. Настроеніе въ Гельсингфорсѣ въ отношеніи Топеліуса было таково, что многіе изъ его старыхъ знакомыхъ боялись поклониться ему на улицѣ»

«Извѣстно, что англійскій флотъ лѣтомъ 1854 г. занимался сожиганіемъ и грабежемъ частнаго имущества, какъ то: кора-

бельныхъ верфей, складовъ смолы, дровъ и т. д., опустошая различныя мѣста на побережьи Ботническаго залива. Большая часть населенія Финляндіи была возмущена этимъ поведеніемъ; въ особенности Остерботнійцы наполнились воинственнымъ духомъ. Жители Гамла Карлебю рѣшили присоединиться къ войскамъ и смѣлой защитой отбили атаку англичанъ. Но въ средѣ «Фронды» эти чувства нашли такой незначительный отголосокъ, что даже воинственная энергія жителей Гамла Карлебю вызвала только высокомерныя насмѣшки. Одинъ студентъ, который участвовалъ въ защитѣ нѣкоторыхъ изъ атакованныхъ англичанами мѣстностей, долженъ былъ вытерпѣть не мало оскорбленій. Вообще весьма неохотно внимали жалобамъ на англійскія обиды и нарушенія международнаго права; таковыя случаи нарушенія ступевывались по возможности газетой «Morgonblad» съ помощью общихъ смиренныхъ разсужденій о томъ, какъ всякой войнѣ сопутствуютъ бѣдствія и страданія частныхъ лицъ и т. д. Сія мудрствованія впрочемъ прекратились, когда къ удивленію и можетъ быть съ чувствомъ стыда узнали, что не только Times высказалась съ укоризной о разрушеніи частнаго имущества въ Брагестадѣ и Улеоборгѣ, что не принесло Англійи ни славы, ни пользы, но что даже въ англійскомъ парламентѣ высказано было рѣзкое порицаніе такого способа веденія войны.

Членъ парламента Мильнеръ Гибсонъ интерпеллировалъ министровъ, были ли суда и корабельные магазины, сожженные англичанами, частнымъ имуществомъ, или же они принадлежали къ числу заведеній русскаго флота. Первый лордъ адмиралтейства Ж. Грахэмъ далъ уклончивый отвѣтъ».

«Такимъ образомъ Фронда доходила до отсутствія патріотизма, ибо, каковы бы ни были субъективныя политическія симпатіи и антипатіи, на насъ (говоритъ Рейнъ), несомнѣнно, вслѣдствіе государственнаго праваго положенія нашего края, лежала обязанность считать врагомъ и сражаться съ державами, соединенными для борьбы съ Россіей. вмѣстѣ съ тѣмъ мы исполнили бы долгъ чести по отношенію къ намъ самимъ, если бы мы старались содѣйствовать отбитію вражескихъ атакъ на наше побережье и на

наше имущество, вмѣсто того, чтобы возложить эту заботу исключительно на русскія войска».

Только что описанное настроеніе въ извѣстныхъ кругахъ Финляндіи поддерживалось и питалось при помощи различныхъ шведскихъ газетъ, преимущественно газетой «Aftonbladet», которая съ самаго начала политическихъ осложненій приняла направленіе крайне враждебное въ отношеніи Россіи, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе начала взывать объ участіи Швеціи въ войнѣ. Цѣлью правительственной политики Швеціи должно было быть освобожденіе Финляндіи и соединеніе ея съ Швеціей.

«Aftonbladet» старалась воздѣйствовать на настроеніе умовъ путемъ описаній положенія дѣлъ въ Финляндіи. Она описывала то гнѣть и страданія, подъ игомъ которыхъ стонала Финляндія, то неудовольствіе финляндцевъ своимъ положеніемъ и страстное ожиданіе шведскихъ освободителей. Эти описанія содержались обыкновенно въ письмахъ, адресованныхъ изъ Умео или отъ финляндской границы, или изъ различныхъ мѣстъ въ Финляндіи.

Въ Швеціи рассчитывали на неудовольствіе въ Финляндіи какъ на одинъ изъ факторовъ въ политической игрѣ «*à la banque*», въ которую желали втолкнуть шведское правительство. Для того, чтобы нѣсколько противодѣйствовать этимъ воинственнымъ наклонностямъ, русское правительство сочло полезнымъ постараться черезъ посредство нѣкоторыхъ финляндцевъ, имѣвшихъ связи въ Швеціи, убѣдить Швецію, что въ Финляндіи нѣтъ нисколько склонности къ перевороту въ политическомъ положеніи края. Это щекотливое порученіе было ввѣрено черезъ посредство графа Армфельта профессору медицины Императорскаго Университета въ Гельсингфорсѣ Иммануилу Ильмони, который съ конца 1854 г. до начала 1855 г. для научныхъ цѣлей проживалъ въ Стокгольмѣ. Какъ онъ рассказываетъ въ одномъ письмѣ къ графу Армфельту, онъ не безуспѣшно старался у нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей дѣйствовать въ указанномъ направленіи. Въ Шведскомъ обществѣ не сомнѣвались въ томъ, что финляндцы готовы къ возстанію, и Ильмони старался вывести шведовъ изъ этого заблужденія. Въ этихъ своихъ стараніяхъ онъ встрѣтилъ поддержку со стороны своего друга

Израиля Вассера, проживавшаго въ Стокгольмѣ и пользовавшагося высокимъ уваженіемъ въ высшихъ сферахъ общества. Въ то же время Ильмони нашель другаго союзника, на котораго онъ не считывалъ: стараго, храбраго филеллина маіора Мирберга. Мирбергъ въ періодъ войны одно время жилъ у родственниковъ въ Финляндіи и имѣлъ возможность ближе познакомиться съ господствовавшими въ то время мнѣніями и настроеніями. Велѣдствіе этого онъ по возвращеніи въ Стокгольмъ, въ присутствіи короля и наследника, высказалъ свое убѣжденіе, что шведы въ Финляндіи будутъ плохо встрѣчены финляндскимъ народомъ, который искренно преданъ Государю Императору и Великому Князю. Въ шведской прессѣ шли очень оживленныя пренія о томъ, насколько Финляндія желала вновь сдѣлаться шведской; мнѣнія на этотъ счетъ раздѣлились. Въ особенности было обращено вниманіе со стороны сомнѣвающихся (въ шведскихъ симпатіяхъ въ Финляндіи) на существованіе финскихъ націоналистическихъ тенденцій, или т. н. фенноманіи, которая отклонила сердца финновъ отъ Швеціи. Въ *Aftonbladet* отъ 4 Октября 1854 г. было сказано, «русская политика сѣумѣла воспользоваться нелѣпыми крайностями фенноманіи въ средѣ молодаго поколѣнія для разрыва древней связи съ родной страной («*moderlandet*»)». Другой авторъ въ той же газетѣ (№ отъ 30 Января 1855 г.), который заявлялъ, что также нѣсколько знакомъ съ Финляндіей, утверждалъ напротивъ, что народъ въ сущности питаетъ симпатіи къ Швеціи; что несомнѣнно существуетъ бюрократія съ русскимъ направленіемъ, но она легко можетъ быть смята; тѣ же, кто думаетъ, что Финляндія благодаря соединенію съ Россіей стала самостоятельнымъ государствомъ и на вѣки вѣковъ останется таковымъ, составляютъ лишь небольшую партію молодыхъ политическихъ глупцовъ. *Summa summarum* Швеціи не должна оставаться нейтральной во время войны.

Во главѣ финляндской антирусской партіи въ Швеціи стоялъ финляндскій эмигрантъ Эмиль ф. Квантевъ, нѣкогда другъ Сигнеуса и Снелъмана. Освобожденіе Финляндіи отъ русскаго владычества и образованіе скандинавской уніи при участіи Финляндіи въ качествѣ самостоятельнаго государства, соединеннаго съ Швеціей на

началахъ личной уніи,—вотъ была его завѣтная мечта, служенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Панскандинавскія мечты Квантена нашли первоначально весьма мало сторонниковъ въ Финляндіи; но враждебное Россіи настроеніе умовъ получило новую пищу, когда осенью 1855 г. стало извѣстно, что Швеція серьезно задумываетъ примкнуть къ западнымъ державамъ, и что Генераль Канроберъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ съ особой миссіей. Это извѣстіе сильно взволновало фрондирующую молодежь Финляндіи.

Ясно, что это настроеніе умовъ не мало беспокоило представителя высшей власти въ краѣ, графа Берга. И. д. генераль-губернатора старался получить точныя свѣдѣнія о сношеніяхъ «фронды» съ шведскими политиками и финляндскими эмигрантами. Онъ прибѣгнулъ къ обычному средству, къ шпіонству, приобрѣвъ орудіе своихъ операцій въ лицѣ одного студента, Оскара Тамеландера. Ради наблюденія за авторами разныхъ брошюръ и корреспонденцій Тамеландеръ совершалъ неоднократно путешествія изъ Финляндіи въ Швецію, старался сблизиться съ Квантеномъ и приобрѣсти довѣріе членовъ партіи «безкровныхъ». Происки Тамеландера стали подозрительными для фрондеровъ, и нѣкоторые изъ нихъ были предупреждены о «миссіи» Тамеландера начальникомъ генераль-губернаторской канцеляріи, барономъ Валенъ (!). Тамеландеръ былъ накрытъ своими товарищами студентами и былъ принужденъ признаться въ своемъ порученіи.

Передадимъ дѣло опять словами Рейна:

«Товарищи разоблаченнаго преступника, студенты историко-филологическаго факультета, рѣшили просить своихъ профессоровъ, чтобы онъ за нравственную низость и безчестное поведеніе былъ исключенъ изъ Университета. Профессора факультета вошли съ представленіемъ въ консисторію о томъ, чтобы это желаніе было исполнено,—желаніе, къ которому примкнула и молодежь другихъ факультетовъ. Однако дѣло встрѣтило препятствія, ибо генераль Бергъ поддержалъ Тамеландера, объявивъ, что онъ въ качествѣ генераль-губернатора по необходимости долженъ получать свѣдѣнія о политическихъ тенденціяхъ въ краѣ тѣмъ или

инымъ путемъ¹⁾. А посему тѣ изъ академической молодежи, кто преслѣдоваль Тамеландера, подлежатъ наказанію. Послѣдствіемъ всего этого былъ острый конфликтъ между Бергомъ и Университетомъ. Старый честный генераль, Вице-канцлеръ баронъ Мункъ, извѣщенный о совершившемся скандалѣ, принялъ дѣло горячо къ сердцу. Изъ Фридрихсгама, гдѣ онъ въ то время находился, онъ немедленно отправилъ рѣзкое письмо къ Бергу, а послѣ пріѣзда въ Гельсингфорсъ онъ всталъ всецѣло на сторону молодежи, и въ этомъ отношеніи пользовался поддержкой всего Университета. Онъ писалъ къ графу Армфельту (отъ 18 Ноября), что онъ не «желаетъ быть въ зависимости отъ всякихъ фантазій генераль-губернатора на счетъ студентовъ, коихъ настроеніе, какъ и настроеніе всего края, лояльно, хотя и взволновано вслѣдствіе шпіонства. Корреспонденціи въ Швецію и изъ Швеціи не имѣютъ значенія». Тамеландеръ былъ подвергнутъ слѣдствію въ присутствіи ректора, кураторовъ и нѣсколькихъ студентовъ. «Теперь Тамеландеръ все отрицалъ. Ему было предписано, что онъ долженъ какъ можно скорѣе взять свое увольнительное свидѣтельство и выйти изъ Университета. Если онъ этого не исполнить, то должно быть начато законное слѣдствіе, и тогда многое всплыветъ на бѣлый свѣтъ, до чего я донинѣ старался не касаться. Мое отношеніе къ Бергу становится щекотливымъ, здѣсь ничего не подѣлаешь». Бергъ съ своей стороны въ письмѣ къ Армфельту изливаетъ свой гнѣвъ противъ Мунка и противъ ректора Габріеля Рейна за то, что они не желали слѣдовать его совѣту въ дѣлѣ съ Тамеландеромъ. Въ особенности онъ разгнѣванъ противъ Мунка». «Подъ предлогомъ не оскорблять нравственности путемъ дѣйствительнаго, но неудобнаго для знаменитыхъ надзора, онъ сдѣлался дѣятельнымъ орудіемъ преслѣдованія противъ студента О. Т., которому приписываютъ

¹⁾ Бергъ пишетъ: «En ma qualité de chef du pays je ne puis pas croiser les bras et laisser faire les coquins et les traîtres. Il est fort à regretter que je ne sois pas revêtu de pouvoirs plus étendus d'autant plus que je n'ai cessé de fournir par mes actions la preuve que je suis à la fois circonspecte et modéré (Письмо графа Берга къ графу

Армфельту $\frac{21 \text{ Октября}}{2 \text{ Ноября}}$ 1855 г. въ собраніи рукописей графа Армфельта въ Статсъ-Архивѣ).

достаточно смѣлости и честности для того, чтобы раскрывать зло и его сторонниковъ Мункъ желаетъ привлечь политическихъ агитаторовъ, приобрѣтая ихъ любовь, но они неизлѣчимы. Ихъ число не велико. Ихъ нужно устранить. Я считаю долгомъ предупредить о томъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя. Мы не можемъ допустить, чтобы дѣла въ Финляндіи продолжали идти, какъ теперъ». (Письмо къ Армфельту, отъ $\frac{3}{11}$ Ноября 1855 г.).

Государь Императоръ выразилъ желаніе лично повидать Мунка, который долженъ былъ прибыть въ Петербургъ въ одно время съ Генераль-Губернаторомъ. По поводу предстоящей поѣздки Мунка Бергъ писалъ къ Армфельту ($\frac{5}{17}$ Ноября): «Задайте ему хорошую головомойку и внушите ему, чтобы онъ лучше слушался того, что я ему говорю Не назначайте къ нему г. Снельмана въ секретари, пока мы не свидѣлись Миссія генерала Канробера сильно волнуетъ молодую университетскую Финляндію и еще нѣсколькихъ въ краѣ. Если миссія этого генерала не будетъ имѣть благоприятныхъ въ интересахъ враговъ результатовъ, все стихнетъ здѣсь на нѣкоторое время, но если ему посчастливится, то злая воля у протееже барона Мунка получить сильную поддержку».

Но случилось нѣчто неожиданное для Берга. Государь Императоръ Александръ II не одобрилъ дѣйствій Генераль-Губернатора, а напротивъ призналъ поведеніе Вице-Канцлера Мунка справедливымъ. Не Мункъ получилъ головомойку, а Бергъ. Однако Государь подчеркнул свою волю, чтобы впредь ничего важнаго не предпринимать въ Университетѣ безъ вѣдома Генераль-Губернатора. «Я самъ, сказалъ Императоръ графу Армфельту, при веденіи университетскихъ дѣлъ въ качествѣ Канцлера въ эпоху управленія Меншикова подчинялся этому правилу. Безъ согласія выходитъ мало добра и лишь безпорядки . . Въ дѣлахъ полицейскихъ Генераль-Губернаторъ дѣйствительно долженъ имѣть въ рукахъ всѣ нити управленія».

«Генераль Бергъ, по словамъ Рейна, въ этомъ дѣлѣ, благодаря способу, принятому имъ, оскорбилъ правовое чувство народа и поколебалъ свой авторитетъ непоправимымъ образомъ. Послѣд-

ствія были весьма невыгодны для него самого. Онъ сдѣлался какъ бы врагомъ Университета; его отношенія къ Университету все болѣе ухудшались; вмѣстѣ съ тѣмъ росла и его непопулярность, и въ результатѣ онъ лишился поста Генераль-Губернатора.—Но какъ бы ни были нравственно предосудительны средства, принятія Бергомъ для разоблаченія злонамѣренныхъ, корнемъ всего зла были все-таки тѣ глупцы и пустые фантазеры, которые ввели смуту въ финляндское общество».

Тревожное и нервно-оппозиціонное направленіе въ академическихъ сферахъ не улеглось; напротивъ 10-лѣтіе 1855—1865 г.г. было болѣе богато политическими выходками «университетскихъ», чѣмъ все предыдущее время. Еще не успѣли Бергъ и Мункъ пріѣхать въ Петербургъ для доклада Государю Императору, какъ новая «исторія» встревожила весь академическій міръ и на этотъ разъ сильно поколебала довѣріе къ университетской молодежи. То была т. н. исторія въ Телѣ (Töls-affairen). Рейнъ рассказываетъ слѣдующее: группа молодыхъ университетскихъ, большинство которыхъ принадлежало къ той категоріи, противъ которой ополчился Генераль-Губернаторъ, сообща праздновали день Св. Андрея, 30 Ноября, пышнымъ обѣдомъ въ загородномъ ресторанѣ, въ паркѣ Телѣ. Послѣ сильныхъ возліяній начались шутки, остроты, принявшія остро-политическій характеръ. Провозглашали тосты за здоровье Наихристіаннѣйшаго Величества Турецкаго султана и его союзниковъ: королевы Викторіи, Императора Французскаго, Сардинскаго короля и маршала Канробера ¹⁾; пущены были въ ходъ остроты на счетъ крымскихъ фруктовъ и французскихъ винъ, не пощадили и генерала Берга. Шутки и остроты были дерзки, но крайняя безтактность заключалась въ томъ, что приглашенъ былъ хоръ музыкантовъ финляндскаго флотскаго экипажа, и что музыкантовъ заставили играть тушь ко всѣмъ тостамъ. Капельмейстеръ счелъ долгомъ своимъ донести о случившемся по начальству. Рапортъ былъ посланъ генералу Бергу въ Петербургъ. «Ахъ, воскликнулъ онъ, прочитавъ рапортъ, въ которомъ были перечислены

¹⁾ Впослѣдствіи объясняли, что подъ Канроберомъ понимали кельнера, называвшагося въ шутку Каннъ-Робертъ.

участники «Das sind ja alles alte Bekannte». Издѣвательство надъ грозными и тяжелыми для Россіи событіями, да еще въ присутствіи русскихъ военныхъ музыкантовъ, не могло не разнѣвать русскаго генераль-губернатора. Въдъ въ этой исторіи участвовали лица, по отношенію къ которымъ великодушный Монархъ проявилъ только что отеческую снисходительность!

Въ письмѣ къ графу Армфельту отъ ^{24 Ноября}/_{6 Декабря} 1855 г. Бергъ писалъ: «Исторія въ Талѣ организована была нѣкоторыми возмутителями изъ университетскихъ, поощренныхъ отношеніемъ генерала Мунка къ дѣлу Тамеландера. Съ чѣмъ я и поздравляю Вице-Канцлера!» Бергъ считалъ необходимымъ удалить нѣсколькихъ лицъ не только изъ Университета, но и изъ Финляндіи; ихъ слѣдовало бы отправить на службу въ русскія войска. На этотъ разъ зашевелилось и университетское начальство. Собралась дисциплинарная коммисія Университета и присудила виновныхъ къ различнымъ наказаніямъ ¹⁾. Главный виновный, студентъ Веттергофъ, былъ присужденъ къ исключенію изъ Университета на 3 года; Канцлеръ увеличилъ для него наказаніе, приказавъ исключить его навсегда. И здѣсь снова проявилась безграничная милость и доброта Императора Александра II. По Его желанію наказаніе для Веттергофа было снова смягчено. Веттергофъ впрочемъ уже успѣлъ избѣгнуть всякаго наказанія, онъ удалился въ Швецію и примкнулъ къ партіи эмигрантовъ. Квантенъ получилъ новаго союзника.

Дѣло въ Талѣ вызвало не мало раздраженія и гнѣва въ самой Финляндіи. По словамъ Рейна «только крайняя политическая наивность» могла усмотрѣть въ этомъ дѣлѣ невинную юношескую шутку. Университету грозила сильная опасность со стороны всѣхъ власть имѣвшихъ, которые требовали примѣненія строгихъ мѣръ и реформы университетскаго строя. Съ особенной энергіей настаивалъ на реформахъ баронъ Гартманъ, который предлагалъ драконовскія мѣры.

Въ письмѣ къ Армфельту онъ между прочимъ писалъ: «Ce méchanisme (т. е. университетъ) quoique nouvellement renouvelé

¹⁾ Ср. Канцлерскій Архивъ; дѣло 1854—1855 г.г.

n'est plus en harmonie avec l'esprit du siècle, ni avec nos rapports politiques. Ne m'en accusez pas, on ne m'a jamais compris, c'est à dire qu'on n'a jamais voulu me comprendre... Depuis des années j'ai soutenu la thèse que la vieille carcasse ne valait rien. L'organisation à laquelle je visais l'année 1848 quand il en fut premièrement question à St.-Pétersbourg, était réellement celle qui est survenue après. Je hais toutes demi-mesures et toutes démarches à batons rompus; cependant refaire dans ce moment serait une véritable folie. Il n'ya en conséquent qu'un seul remède: entendez vous bien cela, mon digne ami, c'est d'enfermer toute la loi dans une seule tête» (!).

Но диктаторскія тенденціи барона Гартмана не нашли сочувственнаго отголоска въ С.-Петербургѣ. Государь Императоръ Александръ II вѣрилъ въ лояльность любимаго имъ Университета. Онъ не только далъ кѣедрѣ патріоту и выдающемуся ученому Снельману, который считался столь опаснымъ въ эпоху Меншикова, не только не согласился на репрессивныя мѣры по отношенію къ Университету, но, напротивъ, усугубилъ свои къ нему милости ¹⁾.

Допущены были нѣкоторыя облегченія въ отношеніи обязан-

1) Военныя событія отразились также и на занятіяхъ студентовъ въ Университетѣ. Созданъ былъ новый т. ск. военный факультетъ. По представленію Генералъ-Губернатора и съ согласія Военнаго Министра 12 Декабря 1855 г. было постановлено «для поощренія студентовъ Александровскаго университета въ Финляндіи во время настоящаго военнаго положенія, къ поступленію на военную службу, въ Университетѣ будетъ организованъ курсъ военныхъ наукъ (на шведскомъ языкѣ) и особый курсъ для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ». Обученіе происходило на счетъ средствъ финляндской казны. Послѣ 4-хъ мѣсячнаго курса долженъ былъ быть произведенъ экзаменъ, послѣ чего прослушавшіе курсъ, если они раньше окончательно прошли научный курсъ, могли непосредственно поступать въ армію въ качествѣ офицеровъ; тѣ же, кто не окончилъ научнаго курса, поступали въ качествѣ унтеръ-офицеровъ съ правомъ производства въ офицеры: дворяне послѣ шести-мѣсячной службы, а не дворяне послѣ годичной. Принятые на этихъ условіяхъ на службу зачислялись сперва на полгода въ финскія поселенныя войска, дабы они въ началѣ своей военной карьеры легче привыкали къ своимъ занятіямъ, находясь въ средѣ земляковъ, а затѣмъ перечислялись въ полки по ихъ же выбору.

Небольшое количество лицъ дѣйствительно проходило этотъ новый курсъ, окончивъ сперва курсъ камеральныхъ наукъ. Военныя лекціи и экзерциціи производились въ астрономической обсерваторіи, что по разсказу Шаумана, дало поводъ къ остротѣ: «Sic itur ad astra». Вскорѣ, однако, за окончаніемъ войны, прекратилъ свою жизнь и новый факультетъ.

ности носить мундиръ, расширено было право студенческаго самоуправления въ отношеніи дисциплинарномъ; ассигнованы были средства для выдачи пособій неимущимъ студентамъ; Консistoriи было предложено войти съ представленіемъ относительно измѣненій въ уставѣ.

Милостивое снисхожденіе къ нуждамъ Университета и гуманное, истинно отеческое отношеніе къ недостаткамъ университетской жизни, выразилось съ особенною силою во время пребыванія Императора въ Гельсингфорсѣ 22—23 Марта 1856 г. Послѣ представленія профессоровъ и студентовъ, Государь объявилъ, что впредь студенты преимущественно сами должны наблюдать за поведеніемъ своихъ товарищей. Ректоръ Университета рѣшился высказать свое мнѣніе, что болѣе либеральная политика въ отношеніи Университета принесетъ хорошіе плоды. Милостиво выслушалъ его Монархъ и отвѣтилъ: «Das ist auch meine Ansicht». Осчастливленные студенты привѣтствовали своего великаго благодѣтеля факельнымъ шествіемъ и пѣніемъ гимна. Послѣ отъѣзда державнаго гостя, студенты устроили другой праздникъ въ честь своего маститаго Вице-Канцлера, барона Мунка, который, какъ видно изъ предъидущаго, одолѣлъ своего противника — Генераль-Губернатора.

Оказалось, что товарищескій надзоръ — лучшее средство для поддержанія дисциплины въ средѣ студентовъ. Дикія выходки студентовъ, случаи буйнаго пьянства, черезъ нѣсколько лѣтъ почти прекратились, за то усилились научныя стремленія. Жизнь Университета потекла бы мирно, фронда скоро бы потеряла почву подъ ногами, если бы не существовало непримиримой, хотя маленькой котеріи, подстрекаемой друзьями по ту сторону Ботническаго залива. Противники же, враги Университета не переставали жаловаться на политическое направленіе Университета; но они кромѣ того подвергали сомнѣнію и научное значеніе его и научное достоинство его представителей. Бергъ мечталъ объ обновленіи ученаго состава привлеченіемъ нѣмецкихъ ученыхъ изъ Берлина или изъ Дерпта. Планъ Берга не осуществился; каеедры въ Гельсингфорсѣ остались въ рукахъ финляндцевъ.

Но новая туча повисла надъ Университетомъ. Черезъ мѣру усердные патріоты въ средѣ профессоровъ чуть чуть не навлекли на него новую и серьезную бѣду.

Наступилъ свѣтлый день священнаго коронованія державнаго бывшаго Канцлера. Университетъ отпраздновалъ сей день академическимъ торжествомъ. Были произнесены рѣчи; говорилъ Ректоръ Рейнъ, говорилъ главную рѣчь профессоръ богословія Шауманъ. Рейнъ только слегка коснулся политическихъ надеждъ Финляндскаго народа ¹⁾, но Шауманъ открыто и сильно высказалъ надежду на скорый созывъ сейма; онъ говорилъ какъ бы отъ имени народа. Рѣчь была напечатана и произвела сильное впечатлѣніе въ публикѣ. Когда Графъ Армфельтъ и Графъ Бергъ задумали пріостановить выпускъ въ свѣтъ рѣчи, оказалось, что было поздно. Она облетѣла всю Финляндію. Пришлось довести о дѣлѣ до свѣдѣнія Императора. Государь былъ не мало огорченъ. Помѣтка Александра II на донесеніи о рѣчи (она была переведена на русскій языкъ) гласила между прочимъ слѣдующее: Государь замѣчаетъ, что онъ съ вниманіемъ прочиталъ рѣчь, что въ ней содержится много хорошаго, но и много неумѣстнаго, чего не слѣдуетъ терпѣть ни въ какомъ случаѣ. Кто далъ Шауману право выступать въ качествѣ выразителя желаній всего Финскаго народа? За его неумѣстныя слова ему слѣдуетъ сдѣлать строгое внушеніе отъ имени Государя; что же касается университетскаго начальства, т. е. Вице-Канцлера и Ректора, то и имъ слѣдуетъ сдѣлать выговоръ. Впредь всѣ такого рода рѣчи, не касающіяся университетскихъ дѣлъ въ строгомъ смыслѣ слова, не должны

¹⁾ По установленному обычаю ректоръ Рейнъ приглашалъ почетныхъ гостей на праздникъ Университета особой программой. Эта программа содержала въ себѣ очеркъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія Финляндіи въ царствованіе Николая I, противопоставляя бѣдность и застои Финляндіи въ эпоху шведскаго владычества сравнительно успѣшному прогрессу съ 1809 г. Программа содержитъ въ себѣ довольно ѣдкія и мѣткія замѣчанія по адресу либеральныхъ партій въ Швеціи, въ особенности ея либеральныхъ газетъ.

Въ сборникѣ Квантена (*Finska Forhållanden I*) напечатана злобная статья по поводу этой программы подъ заглавіемъ «Официальные голоса изъ Финляндіи». Въ этой статьѣ Рейнъ, искренно любимый и уважаемый всѣми въ Финляндіи, былъ осмѣянъ и оскорбленъ самымъ рѣзкимъ образомъ.

быть допускаемы ни въ какомъ случаѣ. И Графу Бергу и Графу Армфельту Государь выразилъ свое неудовольствіе за то, что они не приняли мѣръ къ изъятію рѣчи изъ обращенія, и что они такъ поздно донесли о ней Государю.

По приказанію Государя Графъ Армфельтъ написалъ письмо Барону Мункъ съ строгими замѣчаніями на счетъ отношенія университетскихъ властей къ рѣчи Шаумана. «Что одинъ изъ преподавателей Университета въ помѣщеніи, которое должно было бы быть посвящено исключительно службѣ въ интересахъ науки, открыто высказалъ и провозгласилъ надежды на будущій рикдагъ, что онъ, забывая и преступая указанный ему кругъ дѣятельности, позволилъ себѣ въ означенномъ случаѣ указать на мѣропріятія, кои по его идеѣ Монархомъ должны быть приняты для блага страны; что ближайшее начальство Университета до такой степени могло проглядѣть истинную цѣль упомянутого установленія, что оно рѣшилось допустить произнесеніе рѣчи съ такимъ направленіемъ на публичномъ университетскомъ актѣ, а затѣмъ и напечатаніе ея; все это тѣмъ болѣе вызвало скорбное удивленіе Монарха и его сожалѣніе, чѣмъ съ большею милостію и неограниченнымъ довѣріемъ Его Величество относился къ высшему учебному заведенію Финляндіи». Вице-Канцлеру, Ректору и Шауману было сдѣлано официальное внушеніе.

Легко представить себѣ гнѣвъ Графа Берга противъ академическаго политиканства, но и Графъ Армфельтъ и Баронъ Шернвалль-Валленъ не щадили на словахъ «народнаго трибуна», Шаумана и политиканствующій Университетъ. Армфельтъ высказалъ, и весьма справедливо, упрекъ финляндцамъ, что при всѣхъ ихъ хорошихъ качествахъ, имъ недостаетъ политическаго такта, что они не видятъ дальше своего собственнаго носа и не думаютъ о завтрашнемъ днѣ ¹⁾.

Враги Университета были въ восторгѣ и съ легкой руки свалили отвѣтственность, которой подлежалъ Шауманъ, на весь

¹⁾ «Такимъ образомъ, говорилъ Армфельтъ, со всѣмъ нашимъ патриотизмомъ мы пойдемъ къ чорту (à tous les diables!)».

Университетъ, хотя большинство его профессоровъ были лица самыя смирныя, которыя еще не столь давно обвинялись Снельманомъ въ полномъ отсутствіи симпатій къ интересамъ общественнымъ.

Нервное, возбужденное агитаціей фронды и подпольной литературой изъ Швеціи, настроеніе молодежи приводило все къ новымъ вспышкамъ близорукой и безтактной оппозиціи противъ правительства. Въ 1858 г. рѣшили собрать средства для постройки и устройства студентческаго дома «Studenthuset» и съ этой цѣлью былъ организованъ рядъ любительскихъ спектаклей. Была представлена сатирическая пьеса «Драматическое то и се», авторомъ которой былъ студентъ, членъ «Фронды» или «безкровныхъ». Пьеса была наполнена намеками и выходками по адресу противниковъ эмиграціи. Ректоръ Рейнъ разрѣшилъ представленіе пьесы, но поставилъ условіемъ, чтобы она еще разъ была просмотрѣна нѣкоторыми старшими студентами вмѣстѣ съ авторомъ, и чтобы было устранено все политически непристойное. Студенты обѣщали все исполнить, однако ихъ цензура не была достаточно строга. При первомъ же представленіи произошли скандалы. Въ пьесѣ встрѣчались мѣста съ выраженіями симпатій къ «безкровнымъ», а ихъ противники: Снельманъ и Сигнеусъ были осмѣяны. Благонамѣренные студенты подняли шумъ. Въ пьесѣ кромѣ того Финляндія была названа бѣдной и угнетенной страной.

Большая часть публики была въ негодованіи. Дѣло дошло до свѣдѣнія высшихъ властей. Нелѣпное мальчишество опять грозило навлечь опасность на Университетъ. Армфельтъ писалъ Мунку, что вся эта исторія воочію доказываетъ слабость и отсутствіе энергии у университетскаго начальства. Ректору слѣдовало бы подать въ отставку, а Вице-Канцлеръ долженъ былъ дать объясненіе о томъ, что онъ предпринялъ для предупрежденія такого рода дѣлъ. Изъ Петербурга пріѣхалъ баронъ Шернвалль-Валленъ. Ректоръ Рейнъ дѣйствительно былъ уволенъ и Мункъ подалъ прошеніе объ увольненіи, но по личному желанію Государя остался на службѣ. Авторъ пьесы былъ удаленъ изъ Университета на 3 мѣсяца. Бергъ и его сторонники требовали принятія строжай-

шихъ мѣръ противъ Университета. Армфельтъ, искренно желавшій блага Университету, былъ въ щекотливомъ положеніи и горько жаловался на то, что въ Гельсингфорсѣ не хотятъ понять, что Университетъ имѣетъ враговъ, неустанно за нимъ слѣдящихъ и стремящихся всячески дискредитировать его въ глазахъ Государя. Армфельтъ нападалъ на Берга, который дѣйствительно пустилъ въ ходъ все пружины, чтобы уничтожить Университетъ и своего врага Вице-Канцлера Мунка. — Въ защиту Университета выступилъ Снелъманъ, котораго нельзя было упрекнуть въ симпатіи къ Фрондѣ.

Умное и энергичное письмо Снелъмана къ Армфельту приведено у Рейна:

«Ваше Сіятельство. Слухъ, что Баронъ Мункъ проситъ объ увольненіи его отъ должности Вице-Канцлера, больно отзывается въ сердцахъ каждаго друга Университета въ виду непрерывнаго угнетенія, подъ которымъ Университетъ страдаетъ. Я едва осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Сіятельство внемлете моему мало-значащему слову. Но такъ какъ Ваше Сіятельство раньше имѣли милость позволить мнѣ письменно обратиться къ Вамъ, то я считаю своимъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представить Вашему Сіятельству по мѣрѣ возможности объясненія по дѣлу. Съ того момента, когда Баронъ Мункъ вступилъ въ должность, академическая молодежь во внѣшнемъ своемъ поведеніи ни одного раза не навлекла на себя вниманія инкорректностью. Что ей было вмѣнено въ вину, то не были дѣйствія, то были слова въ тостахъ, слова при представленіяхъ. Въ теченіе почти 3 лѣтъ, да 3 лѣтъ, были лишь 3 случая, когда были высказаны слова предосудительныя. За это множество неслыханныхъ преступленій Университетъ изъ года въ годъ держится въ волненіи путемъ угрозы перевода, упраздненія; официальные увѣренія въ вѣрности и преданности подносились по командѣ; преподаватели при открытыхъ дверяхъ выслушивали строжайшія внушенія, Ректоръ, въ особенности, получилъ выговоръ и былъ удаленъ.

Предлагается той же участи подвергнуть и Вице-Канцлера. За эти преступленія нѣсколькихъ отмѣнныхъ негодяевъ среди моло-

дежи всё студенты превращались въ личности, опасныя для всего государства, подвергнуты аресту, поставлены подъ надзоръ полиціи, и т. д.

Упомянутыя слова несомнѣнно доказали, что въ средѣ молодежи господствуетъ извѣстный оппозиціонный духъ. Таковой духъ кроется повсюду въ молодежи; въ наше время вся образованная молодежь проникнута политическимъ либерализмомъ въ той или иной формѣ. Здѣсь же этотъ духъ подстрекается тщательно мѣрами администраціи. Для здѣшней молодежи свобода печати есть свобода вообще; цензурная неволя есть неволя вообще. И это цензурное стѣсненіе было въ это время до того сильно, что трудно подыскать равныя ему примѣры. И въ теченіе упомянутыхъ 3 лѣтъ цензура подчасъ дѣйствовала насильственнѣйшимъ образомъ. Скорбь, вызванная цензурою, легче выступала наружу, такъ какъ наступила вообще болѣе либеральная эпоха, хотя и не для Университета, для котораго послѣднее трехлѣтіе принадлежитъ скорѣе къ числу самыхъ тяжелыхъ. Способъ, коимъ наказывались проступки, какъ будто былъ рассчитанъ на то, чтобы льстить самолюбію молодежи.

Какими, дѣйствительно, важными лицами стали эти господа, если одно слово ихъ способно беспокоить администрацію, ввергать въ немилость начальство и профессоровъ, унижить ихъ, низложить ихъ, между тѣмъ какъ эти господа сами становились политическими знаменитостями и мучениками! Вотъ въ чемъ заключается настоящее несчастье! Нѣсколько словъ въ пошлой комедіи, наказанныхъ выговоромъ или нѣсколькими днями карцера, только какъ глушья и неприличныя слова, давно бы преданы были забвенію. А теперь они войдутъ въ исторію Университета! И какое же значеніе они, въ сущности, имѣютъ? Тѣ юноши, которые произнесеніе этихъ словъ считаютъ геройскими подвигами, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ превратятся въ такихъ же пасторовъ и ассесоровъ, жадно гоняющихся за жалованьемъ, титулами и орденами, точь въ точь каковыми ихъ отцы были раньше. И ради ихъ поддерживается агитація, которая въ состояніи привести въ отчаяніе каждаго мыслящаго члена Университета! Единственно правильный

путь къ спасенію юношества, а именно воздѣйствіе на убѣжденіе, теперь закрытьъ.

Вотъ на это положеніе вещей я считалъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства. Одно увольненіе Ректора Рейна послужить при наступленіи осени поводомъ къ новымъ волненіямъ. Если къ этому присоединится увольненіе Барона Мунка, то Ваше Сіятельство можете быть увѣрены въ томъ, что демонстраціи не заставятъ себя ждать. И такъ дѣло пойдетъ дальше, пока Университетъ, какъ цѣлое, его власти и преподаватели будутъ считаться отвѣтственными за каждую выдумку, за каждое слово каждаго мальчишки среди 400 студентовъ»

Смѣлое и откровенное слово Снелъмана дошло до Государя и имѣло хорошія послѣдствія. Мальчишество не было поставлено въ счетъ всему Университету.

Однако неудовольствіе Университетомъ въ правящихъ сферахъ успѣло дойти до такихъ размѣровъ, что былъ возбужденъ вопросъ какъ о раздробленіи Университета на нѣсколько специальныхъ школъ (факультетовъ, по французскому образцу), такъ и о переводѣ его изъ Гельсингфорса въ одинъ изъ меньшихъ городовъ края. Рейнъ, въ цитированномъ сочиненіи, рассказываетъ, что и Государь Императоръ сочувствовалъ этой мысли. Идея нашла не мало сторонниковъ въ средѣ мѣстныхъ представителей власти. Старый врагъ Университета, Баронъ Л. Г. Ф. Гартманъ, стоялъ всецѣло за это предположеніе. Онъ предлагалъ возвратить Университетъ въ Або, дабы онъ, въ случаѣ перевода во внутрь Финляндіи не попалъ въ руки феяномановъ. За переводъ стояли также и умѣренные Армфельтъ и Шернвалль, полагая, что удаленіе въ небольшой городъ прекратитъ политиканство университетскихъ сферъ, грозившее большой бѣдой для научной жизни. Университетъ однако остался въ Гельсингфорсѣ. Главный протестъ былъ высказанъ Бергомъ, который считалъ крайне необходимымъ оставить Университетъ въ Гельсингфорсѣ, дабы Генераль-Губернаторъ могъ легче за нимъ наблюдать. Уже выше было замѣчено, что онъ надѣялся добиться подчиненія Университета непосредственно надзору Генераль-Губернатора. Но противники Университета не успокоились. Въ административныхъ сфе-

рахъ былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ, по крайней мѣрѣ, торжественныхъ «промоцій», ибо эти академическія торжества были часто (въ 1857 и въ особенности въ 1860 г.) поводомъ къ различнымъ политическимъ демонстраціямъ. Несомнѣнно, что старая язва всѣхъ университетовъ, манія величія у профессоровъ и желаніе давать съ кафедръ предначертанія для политическихъ дѣйствій правительства, давали себя чувствовать съ особенной силой въ рѣчахъ на актахъ и въ различныхъ актовыхъ программахъ. Какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ Статсъ-Секретаріата, предлагалось замѣнить періодическія промоціи съ ихъ стариннымъ церемоніаломъ выдачею (ежегодно) докторскихъ и магистерскихъ дипломовъ. Но Государь Императоръ не соизволилъ на отмѣну промоцій, и, нужно сказать, промоціи сами по себѣ не заключаютъ въ себѣ опаснаго элемента, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ громадное нравственное вліяніе и на молодежь, и на публику ¹⁾.

¹⁾ Что касается промоцій 1857 и 1860 г.г., давшихъ поводъ къ возбужденію вопроса объ упраздненіи этихъ университетскихъ торжествъ, то онѣ несомнѣнно были поводомъ къ демонстраціямъ, которыя во всякомъ случаѣ не были признакомъ политическаго такта. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ. На промоцію 1857 г. прѣехали депутаты отъ шведскихъ университетовъ, которые, какъ и слѣдовало ожидать, были предметомъ восторженныхъ овацій въ особенности со стороны фрондирующей молодежи. Въ главной гостиницѣ города, въ «Societetshus», былъ данъ прощальный обѣдъ гостямъ, и вотъ главный ораторъ во время праздника, Э. Норденшельдъ (впоследствии знаменитый путешественникъ и ученый), только что произведенный въ степени магистра и доктора, провозгласилъ тостъ въ честь гостей. Норденшельдъ говорилъ про будущее Финляндіи; про мрачное будущее Финляндіи. «Вѣдь всегда человѣкъ рисуется грядущее розовыми красками надежды. Большой, которому осталось жить лишь нѣсколько дней, надѣется получить здоровье на много лѣтъ; рабъ, который насколько можетъ онъ вспомнить, переходилъ какъ товаръ изъ рукъ въ руки, мечтаетъ о своей свободѣ. Развѣ и мы не можемъ дать просторъ нашей надеждѣ, дабы она нарисовала нѣсколько свѣтлыхъ штриховъ на темномъ небосклонѣ нашего будущаго? Да, мы можемъ это сдѣлать, мы можемъ, ибо за послѣднее время въ насъ проснулось могучее непоборимое сознание нашего права на свободу, такъ какъ связь, порванная безъ малаго 50 лѣтъ тому назадъ, вновь возстанавливается, и мы такимъ образомъ въ борьбѣ, которую предстоитъ намъ вести съ мракомъ, можемъ быть увѣрены, что намъ не придется стоять на аренѣ борьбы безъ помощи». Ораторъ заключилъ рѣчь цитатами изъ стиховъ эмигранта Веттергофа. Рѣчь, какъ видно, неумѣстная. Единственное, что можно привести въ качестве смягчающаго вину обстоятельства, это то, что она была произнесена послѣ немалыхъ возліяній. Финскій поэтъ и патриотъ, честный и благородный Сигнеусъ не могъ оставить рѣчи безъ отвѣта. Онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что въ Швеціи безнаказанно раздавались голоса, провозгласившія, что Финляндія находится въ рабствѣ у Россіи, что единственное спасеніе ея—это возвращеніе въ лоно Швеціи. Въ мастерской, блестящей рѣчи Сигнеусъ опровергъ нападки шведовъ и указалъ на возможность развитія финскаго народа, не какъ раба, а какъ свободной націи.

Годы, предшествовавшие приступу къ созыву сейма, были, не смотря на строгое отношеніе Генераль-Губернатора къ печати,

Всякій, у кого разсудокъ не былъ помраченъ иллюзіями и софизмами «Фронды», сознавалъ, что говорить о рабствѣ финновъ въ царствованіе Александра II, было или сознательною ложью, или нахальствомъ. Однако пыкій Норденшельдъ не вытерпѣлъ, вскочилъ и закричалъ: «онъ говорить не отъ нашего имени». Норденшельду пришлось удалиться изъ Финляндіи, онъ переѣхалъ въ Швецію. Императоръ Александръ II былъ сильно огорченъ этимъ происшествіемъ. Графъ Армфельтъ отправился въ Гельсингфорсъ, созвалъ профессоровъ и упрекнулъ ихъ въ томъ, что они не сумѣли пренятьствовать проявленію преувеличенныхъ скандинавскихъ симпатій молодежи. По мнѣнію графа, профессора относились слишкомъ пассивно по отношенію къ зловредной лигѣ, организующей постоянно новыя выходы и демонстраціи. Не слѣдовало рисковать такой игрой. Въ особенности Армфельтъ указалъ на неизмѣримый вредъ, который приноситъ политическая корреспонденція въ шведскихъ газетахъ. Профессора защищались и признавали себя невиновными, и дѣйствительно они не были повинны въ этой безсознательной агитаціи, которая велась изъ Швеціи и, притихнувъ нѣсколько послѣ Парижскаго мира, снова закипѣла, подстрекая недовольныхъ въ Финляндіи и вкореняя пессимизмъ и недовѣріе въ сердцахъ молодежи.

Послѣ Армфельта пріѣхалъ и юный Канцлеръ Университета Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ и въ свою очередь произнесъ строгую рѣчь по адресу профессоровъ.

Промоція 1860 г. дала поводъ къ демонстраціи противъ Берга, который сдѣлался особенно ненавистнымъ, благодаря своимъ суровымъ мѣропріятіямъ противъ печати.

Къ участію въ торжествахъ пріѣхали изъ Стокгольма два бывшихъ финляндца, историографъ войны 1808—1809 г. Монгоммери и знаменитый историкъ-юристъ Нурдстремъ. Конечно они были приняты восторженно, но оваціи не выходили изъ рамокъ политическаго такта. Промоція сошла благополучно. Наступила очередь бала, который обыкновенно дается промовентами. Но вопреки обычаю промовенты не пригласили Генераль-Губернатора, въ которомъ они видѣли олицетвореніе полицейскаго произвола. Когда Бергъ узналъ про это, онъ далъ знать о происшествіи въ Петербургъ. Изъ Петербурга пришло въ отвѣтъ запрещеніе бала. Но общество, въ особенности дамы, для которыхъ балъ промовентовъ былъ самымъ важнымъ событіемъ всѣхъ торжествъ, ни за что не рѣшилось отказаться отъ бального веселья, Гельсингфорское общество, съ Графомъ Крейцъ во главѣ, рѣшило дать отъ себя балъ промовентамъ въ гостиницѣ Societetshuset, vis à vis Генераль-Губернаторскому дому. Бергъ былъ въ себя отъ гнѣва. Онъ послѣдшилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о революціонныхъ тенденціяхъ Университета и всего Гельсингфорса. Но его успѣлъ предупредить Вице-Канцлеръ Мункъ; въ Петербургѣ Бергъ встрѣтилъ довольно холодный пріемъ. Балъ не имѣлъ послѣдствій для Университета. Бергъ приписалъ это снисходительное отношеніе интригѣ Армфельта и съ этого момента разладъ между обоими сановниками сталъ открытымъ и острымъ. Какъ извѣстно, верхъ одержалъ Армфельтъ. Въ сборникѣ, изданномъ Э. Квантеномъ въ Стокгольмѣ въ 1857 г., подъ заглавіемъ: «Finska förhållanden», часть II, стр. 5, авторъ одного изъ весьма шумѣвшихъ въ свое время писемъ въ газету Aftonbladet (псевдонимъ: «Agricola») подробно изображаетъ прощальное торжество въ честь упсальскихъ студентовъ, во время котораго были произнесены рѣчи Э. А. Норденшельда и проф. Ф. Сигнеуса. Онъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересную характеристику политическаго значенія финляндскаго студенчества въ ту эпоху разочарованій (въ ожидавшихся конечныхъ результатахъ Восточной войны) и надеждъ (на будущее Фин-

годами общественнаго движенія и лихорадочной дѣятельности на различныхъ поприщахъ. Въ сферѣ хозяйственной дѣятельности, въ области заботъ о развитіи путей сообщенія, урегулированія различныхъ отраслей народнаго хозяйства, устройства кредитныхъ установленій и т. д. Графъ Бергъ проявлялъ не малую энергію и всякое начинаніе встрѣчалось имъ сочувственно, развѣ умѣли падить его самолюбіе и считаться съ его стремленіемъ стоять повсюду на первомъ планѣ. Но что касается дѣятельности умственной, движенія въ литературѣ, стремленій поднять народный духъ, поддержать финское національное самосознаніе, то Генераль-Губернаторъ игралъ роль тормазы, а дѣятелемъ выступалъ кружокъ лицъ, вышедшихъ изъ Университета и близко къ нему стоящихъ. Съ момента вступленія въ Университетъ Снелъмана фенноманское движеніе воспрянуло съ новой силой и націоналистическое направленіе, поддержанное учениками Снелъмана, получаетъ съ конца 50-хъ годовъ болѣе рѣзкій и рѣшительный характеръ. Старофенноманская партія, какъ начали называть дѣятелей въ пользу развитія финской литературы и языка въ эпоху 1830—55 гг., старалась доказать права финновъ на самостоятельное національное бытіе, не переставая относиться съ уваженіемъ, даже съ любовью, къ Швеціи и къ шведской культурѣ. Новые фенноманы ¹⁾ носятъ на

ляндін). «Вы знаете, пишетъ Agricola своему корреспонденту, положеніе и значеніе, занимаемое Университетомъ въ нашемъ краѣ. Академическій гражданинъ, студентъ, у насъ является не только лицомъ штудировавшимъ или штудирующимъ, нѣтъ, онъ нѣчто иное, нѣчто большее. Мы не имѣемъ свободы чтенія (цензура книг!), мы не имѣемъ свободы печати, мы не имѣемъ свободы собраній. Финляндскій студентъ, замѣняя ихъ, есть точный передатчикъ идей; его мнѣнія всегда имѣли большое вліяніе въ широкихъ кружкахъ. Онъ является электрической проволокой, которая мгновенно схватываетъ и сообщаетъ о вліяніяхъ времени, о чувствахъ народнаго сердца, какъ тогда, когда ему наносится новый ударъ и новая рана, такъ и тогда, когда новая идея выступаетъ и заставляетъ сіе сердце бить свѣжимъ, оживленнымъ боемъ. Онъ до сихъ поръ никогда не злоупотреблялъ предоставленнымъ ему положеніемъ; онъ всегда исполнялъ свою миссію съ чистою совѣстью и мужественнымъ сердцемъ. Вотъ почему Финляндія и любить своихъ студентовъ, вотъ почему никто въ ней не находится (развѣ онъ не впалъ въ полную дряблость), кто бы не признавалъ, что Университетъ стоитъ во главѣ лучшей части общественнаго мнѣнія края, кто бы не желалъ, чтобы онъ (Университетъ), какъ зѣница ока, былъ оберегаемъ отъ всякаго зла и несчастія. Вы видите поэтому, что членъ Университета въ Финляндіи есть, по общему правилу, выразитель интимѣйшихъ, тончайшихъ чувствъ націи.

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать ново-фенномановъ 1855—1863 г.г. съ такъ называемыми младофенноманами нашихъ дней.

себѣ уже характеръ прямо антишведскій. Въ концѣ 50-хъ годовъ впервые слышны были голоса, которые ратовали противъ шведской культуры, противъ всего шведскаго, какъ силы, угнетающей финскую культуру. Требовалось уже устраненіе всего шведскаго во что бы то ни стало; весь шведскій элементъ долженъ былъ быть устраненъ изъ предѣловъ «Суоми». Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это шведофобствующее направленіе было отвѣтомъ на тѣ высоко-мѣрные отзывы эмигрантовъ и шведовъ, которые признавали возможность существованія культуры въ Финляндіи лишь подъ условіемъ возвращенія ея подъ знамена Швеціи. Новофенноманское движеніе росло и думается намъ, что оно подогрѣвалось (конечно не по желанію агитаторовъ) новыми подвигами агитаторской литературы по ту сторону Ботническаго залива. И, странное противорѣчіе, одновременно и параллельно съ проявленіемъ фенноманіи съ ея антишведской тенденціей шло другое движеніе, которое охватило все образованное общество: «культъ ветерановъ», сборъ въ пользу оставшихся въ живыхъ участниковъ въ кампаніи 1808—1809 гг. Подогрѣтое стихами Рунеберга стремленіе, воскресить въ памяти финляндцевъ подвиги войны 1808—1809 г., вскорѣ привело къ постановкѣ памятниковъ и устройству торжествъ на поляхъ сраженій при Лаппо, Алаво, Револакскѣ, Сикаіоки и даже на поляхъ сраженій 1790 г. Съ искреннимъ энтузіазмомъ пѣли Бьернеборгскій маршъ словами Топелюса и Рунеберга, повторяли рассказы прапорщика Столя. А между тѣмъ въ 1857—1859 гг. появилось сочиненіе Форсмана (Yrjö-Koskinen'a) «Дубинная война» (Nuija-sota), переведенная вскорѣ на шведскій языкъ подъ заглавіемъ «Дубинная война и общественное состояніе Финляндіи въ концѣ 16-го столѣтія», сочиненіе, въ которомъ изложено первое движеніе, грозившее отторгнуть Финляндію отъ Швеціи. Авторъ занялъ кафедру въ Университетѣ. Какой же характеръ приняло, въ виду всѣхъ этихъ движеній, отношеніе академическихъ сферъ къ Россіи и русскому культурному развитію?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ нелегкій.

Несомнѣнно, что пробужденіе Россіи къ новой жизни, что все умственное и нравственное броженіе, охватившее верхніе

слон русскаго общества послѣ окончанія крымской войны, было предметомъ живѣйшаго интереса и въ Финляндіи. Академическая молодежь и кружокъ журналистовъ, который стоялъ столь близко къ Университету, слѣдилъ за всѣмъ, что происходило за Сестрой-рѣкой съ напряженнымъ вниманіемъ. О всѣхъ «русскихъ происшествіяхъ» докладывалъ и извѣщалъ Финляндію одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ публицистовъ, Робертъ Лагерборгъ, бывшій офицеръ, который въ особенности слѣдилъ за русскими журналами, игравшими, какъ извѣстно, крупную роль во всемъ движеніи «Молодой Россіи». Но русская литература, и публицистика и беллетристика, какъ всѣмъ извѣстно, въ концѣ 50-хъ годовъ и въ 60-хъ годахъ приняла на себя роль обвинительной власти противъ грѣховъ и недостатковъ стараго режима. Обличеніе было ея задачей. Безпощадно, насколько дозволяла цензура, раскрывались язвы въ общественномъ тѣлѣ Россіи. Обличительная энергія не признавала ни единаго здороваго мѣста въ русскомъ тѣлѣ; всѣ слои жизни общественной, казалось, были отравлены крѣпостничествомъ. Если въ Россіи, въ средѣ этого броженія, пугались отрицательнаго отношенія къ всему былому, и недоумѣвали куда занесетъ Россію эта волна обвиненій, отрицаній и требованій новаго, то какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ крестовый походъ противъ всего прошлаго, унаслѣдованнаго, на посторонняго, на финляндскаго зрителя, который привыкъ смотрѣть на Россію, какъ на нѣчто непоколебимосильное, хотя и нѣсколько дикое? Какое впечатлѣніе должна была произвести напр. на финляндцевъ, статья въ Морскомъ Журналѣ, объ «официальной лжи», статьи и повѣсти Современника, Отечественныхъ Записокъ и др. журналовъ? Съ какимъ удивленіемъ финляндцы смотрѣли на усилія Молодой Россіи и ея Глашатаевъ Писарева, Добролюбова, Чернышевскаго, развѣнчать тѣхъ, кого учили уважать русскіе профессора въ Александровскомъ Университетѣ, и Жуковскаго и Пушкина и даже Бѣлинскаго? Всякое знакомство съ новой русской литературой и съ великимъ предвѣстникомъ обличителей, Гоголемъ, отнимало у нихъ мало по малу уваженіе къ Россіи. Слезы, скрытыя подъ смѣхомъ Гоголя, и теплая любовь къ отечеству и человѣчеству, скрытыя подъ

язвительными нападками обличителей, оставались для них незамѣтными и заслонялись громадной картиной разложенія нравовъ и глубокой испорченности! И вотъ Молодая Россія перешла отъ слова къ дѣлу.

Самоотверженная, неусыпная и неутомимая дѣятельность лицъ, проводившихъ въ жизнь великую реформу 19 Февраля 1861 г., осталась для наблюдателя издали незамѣченной, но вѣсти о студенческихъ исторiяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, о столкновенияхъ съ крестьянами, о пожарахъ въ Петербургѣ, доходили до Финляндiи. Какъ малы и ничтожны должны были казаться имъ ихъ мальчишескія демонстраціи, ихъ тосты и единичныя столкновения съ полиціей! На это зрѣлище за Сестрой-рѣвкой смотрѣли кто съ испугомъ, кто съ злорадствомъ, а всѣ съ самодовольнымъ чувствомъ «Благодаримъ тебя, Боже, что мы не таковы!»

Пробужденіе либерализма въ Россіи было привѣтствовано съ радостью большинствомъ политическихъ дѣятелей въ Финляндiи. Казалось несомнѣннымъ, что либеральныя тенденціи должны были отразиться и на судьбахъ Финляндiи и повлечь собою возстановленіе «конституціонныхъ началъ». Но подымались голоса, которые предчувствовали, что всякое внезапно пробудившееся либеральное движеніе есть мечъ обоюдоострый, въ особенности въ эпоху, когда бокъ о бокъ съ либерализмомъ началъ проявлять свою силу другой элементъ, націонализмъ. Снелманъ, самый выдающійся изъ «университетскихъ», пишетъ въ своихъ мемуарахъ (I. Väg till Senaten, Путь къ Сенату): «Новое царствованіе возбудило въ краѣ надежды на различнаго рода «свободу». Что касается меня, то я былъ опечаленъ извѣстіемъ о смерти Императора Николая. Для меня было ясно, что только сильная царская рука могла насъ охранять, и что съ появленіемъ свободныхъ установленій въ Имперіи для насъ опасность должна была усилиться. Мы бы получили достаточно свободы, но свободу отправить нашихъ депутатовъ въ какое нибудь національное собраніе въ Москву. Ибо исторiя доказываетъ, что всѣ могущественные народы по необходимости стремятся ассимилировать подручныя имъ чужіе элементы и включить ихъ въ государственное единство».

Въ началѣ 60-хъ годовъ неясные слухи о готовившемся созывѣ сейма стали проникать въ публику. Поговаривали о созывѣ сейма на шведскихъ началахъ; поговаривали также о томъ, что будто затѣяли реформу сословнаго представительства, о томъ, что будетъ октроирована новая «конституція». Всѣ общественные дѣятели, какъ тѣ, кто служилъ родинѣ или партіи перомъ журналиста, такъ и тѣ, кто стоялъ болѣе или менѣе близко къ кормилу правленія, всѣ готовились играть роль въ грядущей конституціонной эрѣ.

Ясно, что въ такое время Университетъ съ его учеными силами и съ ихъ сателлитами, молодыми магистрами и кандидатами, долженъ былъ выступить на первый планъ.

Публика уже давно забыла, что такое въ сущности сеймъ, какова его компетенція, каковы его отношенія къ верховной власти. Шведскій риксдагъ не могъ служить образцомъ; его строй и значеніе значительно измѣнились со времени введенія формы правленія 1809 г.; дореформенные шведскіе риксдаги, а тѣмъ болѣе древніе финляндскіе ландтаги были покрыты антикварною плѣснью. Въ этотъ музей древностей нельзя было войти безъ свѣточа науки. Отъ юристовъ и историковъ ждали просвѣщенія. Наука должна была возстановить прерванную цѣпь конституціонной жизни. Болѣе легкій трудъ давать правительству политическіе совѣты, какъ быть, и что дѣлать, — готовы были взять на себя представители прессы, молодые редакторы и еще болѣе молодые сотрудники. Слѣдовало ждать совѣтовъ и изъ Швеціи.

Въ этомъ напряженномъ настроеніи финляндское общество получило извѣстіе о томъ, что Государь Императоръ манифестомъ отъ 10 Апрѣля 1861 г. приказалъ созвать «комисію изъ выборныхъ представителей отъ сословій для обсужденія нѣкоторыхъ нетерпящихъ отлагательства законодательныхъ вопросовъ».

Извѣстіе о манифестѣ вызвало сильное волненіе, ибо публика полагала, что учреждаемый комитетъ окончательно замѣнитъ собою сеймъ. Государю Императору благоугодно было въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комитета Гриненберга объявить, что задачей комитета будетъ: не замѣнять сеймъ, а выяснить нужды края въ отношеніи предполагаемыхъ законодательныхъ работъ.

Всѣмъ благоразумнымъ казалось, что слѣдовало успокоиться. «Но, говоритъ Снелъманъ, для нашихъ великихъ либераловъ со вчерашняго дня дѣло казалось неоконченнымъ. Прежде всего нужно было устроить демонстрацію, ибо въ противномъ случаѣ нельзя было показать своего либерализма. Вопросъ о созывѣ сейма доказывалъ готовность правительства выступить на путь реформы. Для демонстрантовъ это было недостаточно. Они рѣшили, что коммисія должна объявить себя некомпетентною и отказаться отъ всякихъ разсужденій. Эмиссары разсылались по всей странѣ для возбужденія къ тому избирателей. Были сходки въ Гельсингфорсѣ, въ Або, въ имѣнiяхъ въ приходѣ Кимито и т. д.»¹⁾

Въ этомъ движеніи Университетъ стоялъ пока въ сторонѣ. Но волненіе усиливалось, и къ нему присоединились и студенты.

Рейнъ рассказываетъ слѣдующее (1. с. стр. 316): Въ Понедѣльникъ 22 Марта около 5^{1/2} часовъ вечера на эспланадѣ собралась масса народа, состоящая изъ студентовъ, школьничковъ и подмастерьевъ, для того, чтобы съ пѣснями и криками ура привѣтствовать 5 сенаторовъ и прокурора²⁾. Въ шествіи, во главѣ котораго шелъ докторъ Карль Квистъ, въ сопровожденіи Эрнста Линдера, примкнула масса любопытныхъ обоюго пола, такъ что число участвовавшихъ дошло до нѣсколькихъ сотенъ. Послѣ пѣнія, которымъ руководилъ магистръ Г. М. Цедерварфъ, личность очень извѣстная и популярная въ студенческой средѣ, прокричали: Да здравствуютъ основные законы. Губернаторъ С. Х. Антелль, будучи предупрежденъ о происшествіи, приказалъ полиціи слѣдовать за толпой, наблюдать за ней, но не раздражать ее какимъ бы то ни было образомъ. Видѣли также, какъ два казака слѣдовали въ хвостѣ, и слышно было, какъ одинъ объяснялъ другому дѣло словами: это бунтъ. Гнѣвъ Графа Берга, несмотря на всѣ

¹⁾ Уже до появленія успокоительнаго Высочайшаго рескрипта на имя Сенатора Грипенберга въ Гельсингфорсѣ были тайныя сходки для составленія адреса. Подписи къ нему собирались посланцами, разбѣзжавшими по всему краю. Но адресъ не былъ отправленъ, ибо раньше его отсылки появился рескриптъ.

²⁾ Которые рѣшились указать Государю на то, что созывъ коммисіи есть нарушеніе основныхъ законовъ. Въ числѣ этихъ сенаторовъ былъ и Вице-Кандлеръ Университета.

успокоенія со стороны Губернатора Антелля, не зная границъ. Во всемъ онъ видѣлъ продѣлки какихъ то тайныхъ подстрекателей и результатъ нелѣпой и гнусной оппозиціи нѣкоторыхъ сенаторовъ. Конечно и Университетъ, который, какъ цѣлое, ничуть не былъ виноватъ, былъ обвиненъ въ томъ, что студенты были распущены. Но и спокойный и умѣренный Графъ Армфельтъ былъ въ негодованіи. Въ письмѣ къ Мунку отъ 15/27 Апрѣля 1861 г. онъ пишетъ: «неблагонамѣренные спѣшили бросить камнями въ правительство, внушая вѣру въ стремленіе нарушить основные законы, опрокинуть которые они же первые готовы, если бы того потребовали ихъ собственные интересы. Дураки, а ихъ къ несчастію много на свѣтѣ, впоследствии ничего не сдѣлали, какъ только повторяли то, что изобрѣли нѣсколько безчестныхъ агитаторовъ». Нелѣпая демонстрація 22 Апрѣля впрочемъ имѣла для Университета одно хорошее послѣдствіе: въ средѣ студентовъ усилилась партія, рѣшившаяся всѣми силами противо-дѣйствовать демонстраціямъ и подстрекательству, которыя безпрестанно ставили Университетъ въ неловкое и опасное положеніе. Профессора же, стоявшіе совсѣмъ вдали отъ всѣхъ этихъ глупостей, выражали явно свою антипатію къ агитаторамъ. Нѣкоторые, какъ Снельманъ, не щадили никого и не скупились на рѣзкія слова. Въ особенности эмигранты-подстрекатели стали объектомъ борьбы Снельмана и его единомышленниковъ.

Выше было сказано, что подготовительныя къ созыву сейма работы потребовали содѣйствія ученыхъ силъ Университета. Финляндскія власти обратились къ бывшему профессору Нурдстрему съ просьбою выработать записку о порядкахъ созыва и дѣятельности шведскихъ риксдаговъ до 1809 г. Нурдстремъ исполнилъ работу и прислалъ ее прокурору Сената, Кноррингу. Затѣмъ онъ же составилъ проектъ сеймоваго устава, легшій въ основаніе работъ комитета, выработавшаго сеймовый уставъ, принятый сеймомъ и утвержденный Государемъ въ 1869 г.

Профессоръ Пальмень (впоследствии прокуроръ и баронъ) уже въ 1859 г. издалъ «Юридическое руководство для просвѣщенія согражданъ», въ которомъ онъ коснулся и правоваго положенія

Финляндіи, объявляя ее тогда еще провинціей Россіи; въ 1861 г., наканунѣ начала работъ т. н. Январской коммисіи, появилась его весьма извѣстная работа: «Основные законы Финляндіи съ относящимися къ нимъ государственными актами» (вскорѣ переведенная на финскій языкъ), работа, не потерявшая своего значенія донынѣ ¹⁾).

Профессоръ государственнаго права Росенборгъ весною 1863 г. открылъ курсъ лекцій объ организаціи шведскихъ риксдаговъ и издалъ ихъ въ формѣ книги въ томъ же году.

Доцентъ Вараненъ въ 1862 г. публиковалъ диссертацию: «Сеймъ въ Гельсингфорсѣ въ 1616 г. и тогдашнее состояніе Финляндіи», какъ бы напоминая финляндцамъ объ исторической основѣ ихъ сейма, независимо отъ шведскаго риксдага.

Рейнъ (историкъ и статистикъ) публиковалъ составленный имъ по официальному порученію обзоръ управленія Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ съ 1855 г. до начала 1862 г. Наибольше сильное впечатлѣніе производили не эти болѣе или менѣе сухіе труды, а пылкія, энергичныя статьи Снельмана въ его журналѣ «Litteraturblad». Здѣсь онъ раздавалъ удары и направо и налево, не щадя враговъ, но не церемонясь и съ друзьями. Онъ велъ въ особенности жестокую борьбу съ финляндской эмиграціей въ Швеціи, съ этой заграничной, но предназначенной для Финляндіи, подстрекательной литературой, которая грозила вселить въ финляндскую молодежь или безразсудный, отчаянный пессимизмъ или революціонный духъ, погубившій Польшу.

Оттуда, изъ Швеціи, шли подстрекательства требовать отъ Императора Александра II радикальныхъ расширеній прерогативъ будущаго сейма. Эти требованія политиковъ за рубежомъ побудили Снельмана отвѣтить рядомъ рѣзкихъ статей, въ которыхъ онъ между прочимъ поставилъ и ѣдкій вопросъ: «Ну что же, зачѣмъ

¹⁾ Менѣе извѣстны, но столь же важны двѣ изъ его остальныхъ работъ: 1) Исторія новаго свода законовъ, въ Юридическомъ Альбомѣ 1862 г., и 2) Историко-юридическое объясненіе слова «lag» (законъ) въ §§ 40—43 формы правленія 1772 г. И впоследствии, во время сейма 1863 г. и гораздо позже, уже будучи сенаторомъ, онъ въ газетѣ Helsingfors Dagblad помѣщалъ статьи, имѣвшія животрепещущее значеніе: о правѣ петиціи, о реформѣ административныхъ установленій и т. п.

же не требовать отъ Государя дать Финляндіи президента съ трехлѣтнимъ избирательнымъ срокомъ?» Статья «Финляндская эмиграція» до нельзя рѣзкая, но прозорливая и глубокая, противостоитъ, какъ яркій свѣточъ политическаго ума, мальчишескимъ фразамъ и пошлостямъ эмигрантовъ и ихъ друзей въ Гельсингфорсѣ. Она привела его къ полемикѣ съ газетой «Helsingfors tidningar», редакторомъ которой былъ А. Шауманъ, полемикѣ, которая взволновала все общество Гельсингфорса. Снельманъ вышелъ побѣдителемъ; за него стояли и наиболѣе вліятельные изъ профессоровъ. Шауманъ долженъ былъ сложить съ себя редакторское званіе, но нашлись люди, которые побѣжденному защитнику подпольной литературы эмигрантовъ устроили шумныя оваціи.

Но «Litteraturblad» Снельмана содержалъ не только полемическія статьи, содѣйствовавшія отрезвленію академической молодежи отъ тумана, напущеннаго эмиграціей и «безкровными»,—въ немъ появился рядъ статей, посвященныхъ обсужденію экономическихъ потребностей Финляндіи. Появились и юридическія изслѣдованія, какъ напр. статья, въ которой Снельманъ старался выяснитъ и рѣшить спорный вопросъ о томъ, отмѣнена ли Форма Правленія 1772 г. Актомъ соединенія и безопасности 1789 г., вопросъ который былъ рѣшенъ въ діаметрально-противоположномъ смыслѣ авторомъ, а за нимъ и финляндскими юристами новаго времени, и Государемъ Императоромъ Александромъ II и Его ближайшими совѣтниками Гр. Армфельтомъ и Бар. Шернвалль-Валленомъ. Первые считали законодательный Актъ 1789 г. только какъ бы дополненіемъ Формы Правленія, а Императоръ (какъ видно изъ одной Собственноручной помѣтки въ 1862 г.)¹⁾ закономъ, замѣнив-

¹⁾ Помѣтка Императора Александра II на поляхъ доклада Финл. Комитета 1862. (Архивъ Статсъ-Секретаріата, Всепод. доклады 1862 г. № 425—439). По поводу ссылки на Форму Правленія 1772 г. Императоръ Александръ II Собственноручно начерталъ слѣдующее: «Съ этимъ заключеніемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 Августа 1772 г. *отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г.* Слѣдовательно сей послѣдній законъ *одинъ теперь обязательенъ* и долженъ непремѣнно служить руководствомъ и *впередъ*».

(Слова, напечатанныя курсивомъ,—подчеркнуты Собственноручно Его Величествомъ).

Въ первомъ проектѣ Сеймоваго положенія 1869 года всѣ ссылки на Форму Правленія 1772 г. зачеркнуты рукою Императора.

шимъ Форму Правленія 1772 г. И какъ ни странно—несмотря на недопускающія сомнѣнія слова Монарха, и послѣ 1862 г. изданы акты съ ссылками на Форму Правленія, какъ бы на дѣйствующій законъ.

Когда Консисторія Александровскаго Университета приступила къ избранію депутата въ т. п. Январскую комиссію, то (согласно предложенію профессора Эрштрема) она внесла въ избирательный протоколь оговорку въ томъ смыслѣ, что комиссія не замѣняетъ собою сейма, что она лишь специальный подготовительный комитетъ, что депутаты только какъ члены комитета подаютъ свое мнѣніе и голоса, а не въ качествѣ представителей народа и т. д.

Представителемъ отъ Университета въ комиссіи былъ профессоръ Арпе (по кафедрѣ химіи); но изъ профессоровъ участвовалъ въ комиссіи еще богословъ профессоръ Шауманъ.

Арпе при началѣ засѣданій прочелъ «резервацію», подчеркивая, что комиссія не имѣетъ права говорить отъ имени всего народа или сословій, а должна лишь какъ совѣщательный органъ подавать мнѣніе о томъ, какія дѣла входятъ въ компетенцію сейма, какія могутъ быть рѣшены административнымъ порядкомъ.

Нельзя не признать, что представители Университета выступали въ засѣданіяхъ комиссіи въ высшей степени тактично, и предложеніе шовинистовъ объявить, что комиссія незаконна и никакой компетенціи имѣть не можетъ, встрѣтило самаго сильнаго противника въ лицѣ Арпе. Комиссія благополучно окончила свои работы.

Въ то время настроеніе университетскихъ кружковъ измѣнилось къ лучшему. Тотъ, котораго Университетъ считалъ своимъ сильнѣйшимъ врагомъ,—Графъ Бергъ, былъ уволенъ отъ должности Генераль-Губернатора. Его распря съ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Графомъ Армфельтомъ достигла такой силы, что или тотъ, или другой долженъ былъ уступить. Устоялъ Армфельтъ, а сошелъ со сцены Бергъ. Это извѣстіе вызвало ликованія въ Гельсингфорсѣ ¹⁾.

¹⁾ Другой врагъ Берга, Вице-Канцлеръ Университета Баронъ Мункъ былъ произведенъ въ Генераль отъ Инфантеріи и получилъ орденъ Св. Александра Невскаго.

Пріѣхалъ новый Генераль-Губернаторъ, Баронъ Рокасовскій, уже извѣстный Финляндіи и весьма любимый гельсингфорскимъ обществомъ. Онъ привезъ извѣстіе о томъ, что Государь рѣшилъ созвать сеймъ. Радость въ Гельсингфорсѣ была безпримѣрная. Во всѣхъ окнахъ была зажжена иллюминація. Группа молодыхъ людей, среди которыхъ были и студенты, рѣшила произвести демонстрацію и устроила кошачій концертъ предъ жилищами цензоровъ. Цензура была самымъ ненавистнымъ для молодежи учрежденіемъ.

Для Университета наступили болѣе спокойныя времена. Конечно бывали случаи, что юношеская необдуманность и безтактность давала себя чувствовать, бывали случаи, что и профессора выходили изъ рамокъ объективныхъ научныхъ изслѣдованій, но по крайней мѣрѣ острыя столкновенія «божественныхъ музъ» (по выраженію Барона Гартмана) съ предержавшими властями прекратились, и внутренняя дисциплина въ Университетѣ одержала верхъ надъ различными фрондами. Началось съ того, что въ средѣ молодыхъ доцентовъ, магистровъ и студентовъ проявилось стремленіе укротить «безкровныхъ» и заставить ихъ отказаться отъ нелѣпыхъ попытокъ вызвать и поддерживать броженіе и волненіе въ умахъ молодежи. Польская смута 1862—1863 г.г. оживила надежды эмигрантовъ на крестовый походъ противъ Россіи, и эти упованія нашли отголосокъ и въ Финляндіи, но друзья Квантена скоро потерпѣли полное фіаско.

Правительство рѣшилось привлечь наиболѣе выдающіяся университетскія силы къ участию въ управленіи. Съ согласія Государя Императора Графъ Армфельтъ старался привлечь къ занятію сенаторскихъ кресель сперва Нурдстрема (эмигранта), а затѣмъ, послѣ его отказа, Снельмана. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній послѣдній принялъ сенаторскую должность и прекратилъ свою научную и, на нѣкоторое время, публицистическую дѣятельность. Но еще въ послѣднія минуты первой эпохи своей публицистической карьеры онъ, столь благотворно дѣйствовавшій на умъ молодежи, сослужилъ службу въ смыслѣ трезваго освѣ-

щенія новыхъ политическихъ условій жизни и существованія Финляндіи. Его журналъ «Litteraturblad» въ 1862 г. содержитъ въ высшей степени замѣчательныя статьи, не потерявшія своего значенія и нынѣ. Одна изъ этихъ статей посвящена финляндской прессѣ. Снельманъ строго осуждаетъ прессу за ея безтактныя и для Россіи оскорбительныя выходки, которыя вредятъ преимущественно Финляндіи, ибо онѣ ставятъ высшихъ сановниковъ, заботящихся объ интересахъ Финляндіи, въ весьма тяжелое положеніе. По мнѣнію Снельмана, финляндская пресса вообще не является выразительницей тѣхъ общественныхъ мнѣній, которыя достойны уваженія. Въ одной изъ другихъ статей, посвященныхъ прессѣ, Снельманъ обратился къ газетамъ на финскомъ языкѣ съ совѣтомъ встать на сторону правительства, ибо естественныя и справедливыя требованія финскаго народа находятъ защиту и покровительство со стороны правительства, большая же часть высшаго, шведскаго, общества относится несочувственно къ финскому народу. Однако, конечно, финскимъ газетамъ не слѣдуетъ стать непосредственно официальными или офиціозными органами или присвоить себѣ демократическія тенденціи, направленныя противъ высшихъ классовъ.

Когда наступилъ 1863 г., годъ созыва сейма, когда наступила пора доказать, что представители финляндскаго народа понимаютъ и въ состояніи зрѣло обсудить истинныя интересы финскаго народа, Снельманъ выступилъ со статьей «О гражданской и политической свободѣ», въ которой онъ доказалъ, что до 1809 г. не могло быть и рѣчи о какихъ либо специально финскихъ интересахъ. Лишь съ момента обособленія Финляндіи отъ Швеціи, когда сельское хозяйство края, его промышленность и торговля, народное просвѣщеніе, его наука, литература и искусство развились сообразно естественнымъ своеобразнымъ условіямъ Финляндіи, всѣ эти различныя стороны народной жизни получили специально финскую окраску, вышли изъ сферы какъ національнаго шведскаго, такъ и національнаго русскаго развитія, благодаря чему и начало развиваться финское народное самосознаніе.

Въ статьѣ «О сеймѣ» Снельманъ жалуется на слѣпое, без-

умное и близорукое политиканство, за которымъ гонятся финляндцы вмѣсто того, чтобы заниматься болѣе важными вопросами, назрѣвшими въ соціальной жизни. Какъ бы предчувствуя тѣ излишки политиканствующаго, «конституціоннаго» рвенія, которые дѣйствительно проявились на сеймѣ 1863—1864 г.г., Снелъманъ высказывалъ надежду на то, что большинство на сеймѣ будетъ столь разумно, что пойметъ, что бываютъ различныя эпохи въ исторіи народа, и что только умѣренность въ вождѣльнїяхъ обезпечиваетъ ихъ осуществленіе. Голосъ Снелъмана хотя и не былъ безусловно голосомъ вопіющаго въ пустыни, однако для многихъ изъ политическихъ дѣятелей онъ прозвучалъ безслѣдно. 1863 г., принесшій Финляндіи сеймъ, ознаменовался также правительственною мѣрою, которая засвидѣтельствовала, что значеніе Россіи въ Великомъ Княжествѣ пошло на убыль. 9 Февраля 1863 г. издано Высочайшее постановленіе, въ силу котораго русскій языкъ пересталъ быть обязательнымъ предметомъ обученія въ школахъ. Учиться или не учиться русскому языку было предоставлено на волю ученикамъ. Ясно, что большинство учениковъ предпочло не учиться. Съ тѣмъ вмѣстѣ пало и значеніе каѳедры русской словесности въ Университетѣ. Уже была упразднена экстраординарная профессура русскаго языка, осталась лишь одна ординатура. За то была учреждена каѳедра Сѣверной, Русской и Финляндской исторіи, и ее занялъ извѣстный поэтъ Топеліусъ. Эта реформа (въ отношеніи русскаго языка) произошла по инициативѣ профессора Барановскаго, далеко уступавшаго своему предшественнику Гроту въ отношеніи энергій и умѣнія поставить русскую каѳедру на должную высоту. Консервативная партія въ Финляндіи, съ Барономъ Гартманомъ во главѣ, отнеслась къ этой мѣрѣ безъ симпатіи. Гартманъ предлагалъ усилить требованія знанія русскаго языка. Въ одной запискѣ, предназначенной для Берга, онъ указалъ правительству на необходимость «*revendiquer en entiers et sans réserve l'influence administrative de la langue où le Gouvernement place et doit placer sa force concentrique*».

Но самое главное: Императоръ Александръ II на первомъ предложеніи Сената считать преподаваніе русскаго языка не-

обязательнымъ написалъ Собственноручно: «никакъ не могу согласиться». Однако, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ,— правительство уступило ¹⁾).

«Университетскіе» конечно радовались; они постоянно были озабочены тѣмъ, что время, пожертвованное учениками на изученіе русскаго языка, будетъ ущербомъ для изученія другихъ предметовъ. Къ этому примѣшивалась и боязнь (высказанная уже 20 лѣтъ тому назадъ), что вторженіе русскаго языка будетъ вредно дѣйствовать на развитіе старой финляндской культуры.....

Мнѣніе Университета несомнѣнно высказано было Снельманомъ въ статьѣ въ «Litteraturblad» 1863 г. Онъ писалъ: «Весьма выгодно для края, если онъ знаетъ, что въ особенности высшія финляндскія должностныя лица должны быть знакомы съ русскимъ языкомъ. Но было бы несправедливымъ, если бы вообще всѣ будущіе финляндскіе чиновники были принуждены учиться по русски и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ученики въ школахъ съ этой цѣлью были бы принуждены посвятить хотя бы часть своего учебнаго времени изученію этого языка».

Устраненіе обязательности изученія русскаго языка впрочемъ привело не только къ тому, что средніе и низшіе чиновники не познали русскаго языка, но что и высшіе низвели свое съ нимъ знакомство до минимума.

¹⁾ Такія уступки Государь сдѣлалъ и по вопросу напр. о мѣрахъ и вѣсахъ. На первомъ предложеніи ввести въ Финляндіи особую систему мѣръ и вѣсовъ Его Величество начерталъ Собственноручно: «Я рѣшительно на все это *несогласенъ*. Мѣры и вѣсы должны оставаться *одинаковы во всей Имперіи*» (Арх. Ст. Секр.).

Г Л А В А IV.

Александровскій Университетъ и «новая эра».

1863 г. принесъ Финляндіи удовлетвореніе давнишнихъ желаній. Императоръ Александръ II созвалъ сеймъ.

Въ числѣ депутатовъ первыхъ 3 сословій, дворянскаго, духовнаго и гражданскаго, были и члены университетской корпораціи. Въ дворянскомъ сословіи засѣдали по праву рожденія или въ качествѣ уполномоченныхъ другихъ дворянъ 8 «университетскихъ» въ томъ числѣ: Ректоръ профессоръ Арпе, бывшій Ректоръ профессоръ Габріель Рейнъ, профессоръ Брунеръ, профессоръ Виллебрандъ. Занялъ одно изъ мѣстъ въ рыцарскомъ сословіи и молодой еще кандидатъ правъ Монгоммери, будущій профессоръ и Прокуроръ Сената. Въ составъ духовнаго сословія вошли: профессоръ Гейтлинъ, профессоръ Шауманъ (ораторъ во время коронаціоннаго акта), профессоръ Боргъ. Университетъ, какъ учрежденіе, не имѣлъ непремѣнныхъ представителей на сеймѣ до изданія сеймоваго Устава 1869 г. (Согласно сеймовому Уставу Университетъ представленъ нынѣ въ духовномъ сословіи 2 членами, ординарными профессорами).

По мѣрѣ развитія сеймоваго представительства значеніе «университетскихъ» въ средѣ депутатовъ все болѣе и болѣе возрастало, про причинамъ понятнымъ и естественнымъ. Реформаторская дѣятельность, охватившая все болѣе широкія стороны общественной жизни Финляндіи, усиливала требованія на научно-подготовленныхъ дѣятелей при оцѣнкѣ правительственныхъ «пропозицій» и при обсужденіи различныхъ петицій, вносимыхъ все въ большемъ

количество въ сословія. Нельзя сказать, чтобы теоретики профессора, или магистры и доктора, не занимавшіе кафедръ, но оставшіеся въ тѣсной связи съ университетскимъ кружкомъ, заслоняли собою практиковъ. Во время первыхъ сеймовъ (1863—1864 г.г., 1867 и 1872 г.г.) практики играли первую роль. Насущные вопросы общественной жизни, назрѣвшіе въ теченіе полулѣтняго господства боязни всякихъ новшествъ, заставили практиковъ-дѣльцовъ въ области сельскаго хозяйства, торговли, промышленности, дворянъ-землевладѣльцевъ, купцовъ, фабрикантовъ и даже молчаливыхъ, мало общительныхъ крестьянъ-собственниковъ къ энергической защитѣ своихъ интересовъ. Нельзя не признать, что доктринерство, коимъ блистали иногда рѣчи тѣхъ или иныхъ депутатовъ, блѣднѣло передъ практическимъ смысломъ, который, не мудрствуя лукаво, билъ вѣрно въ больныя мѣста финляндскаго общественнаго строя, насколько вѣрность взгляда не затуманивалась сословнымъ и класснымъ эгоизмомъ. Лишь тамъ, гдѣ рѣчь заходила о политическомъ положеніи Финляндіи, объ ея отношеніи къ Россіи,—доктринерство, мало считавшееся съ реальными силами и обстоятельствами, витавшее въ сферѣ несбыточныхъ политическихъ мечтаній,—оттѣсняло на задній планъ трезвую оцѣнку вѣяній времени. Этотъ политическій оптимизмъ и идеализмъ твердо вѣрилъ въ возможность втиснуть навсегда стремленіе громадной силы Россіи къ господству надъ своими территориальными пріобрѣтеніями—въ рамки шведскихъ основныхъ законовъ, коихъ смыслъ и духъ долженъ былъ быть обязательно и аутентично истолкованъ только финляндскими земскими чинами и только финляндской публицистикой. Всякое отклоненіе отъ истолкованныхъ «второю государственною властью» (такъ финляндскіе депутаты и публицисты называли сеймъ) нормъ шведскихъ основныхъ законовъ клеймилось обвиненіемъ въ нарушеніи права, въ оскорбленіи святости законовъ; всякое же расширение привилегій «второй государственной власти» въ ущербъ правамъ монарха пріивѣтствовалось какъ естественное расширение конституціонной правомѣрности. Два десятилѣтія спустя подоспѣло понятіе и слово «эволюція» и почти безостановочное, быстро прогресси-

рующее вторженіе сейма въ сферу административнаго законодательства, безспорно когда то принадлежавшаго шведскимъ монархамъ,—оправдывалось ссылкой на естественную «эволюцію» конституціонныхъ началъ, зерно которыхъ покоилось въ священныхъ хартіяхъ революціонера на престолѣ Густава III, или въ земскихъ уложеніяхъ Фолькунгеровъ и Христофора Баварскаго. Доктрина не подумала о возможности встрѣчной «эволюціи», исходной точкой которой являлось право политической необходимости. Но этотъ доктринаризмъ на первыхъ порахъ нашелъ наиболѣе энергичныхъ сторонниковъ не въ средѣ университетскихъ профессоровъ, а въ средѣ политиковъ,—практиковъ, дворянъ южно-финляндскихъ губерній и молодыхъ публицистовъ, предпочитавшихъ тернистую карьеру журналиста академической кафедрѣ. Лишь впоследствии, когда высокодаровитые профессора юридического и историко-филологическаго факультетовъ Монгоммери, Мехелинъ, Форсманъ, Германсонъ, Вреде, и историки и филологи Форсманъ (Ирье-Коскиненъ), Альквистъ, Даніельсонъ начали играть преобладающую роль въ политической жизни Финляндіи, лишь тогда центромъ политической доктрины о незыблемыхъ правахъ Финляндіи на возможно большую автономію и обособленность отъ «Имперіи» стали университетскія сферы. Тѣ же безтактныя выходки противъ Россіи, которыя вполнѣ основательно уже съ 1863 г. бросили тѣнь на дѣятельность сейма и заставили правительство усумниться въ лойяльности финляндцевъ,—пренія о допустимости въ дворянское сословіе 3 членовъ рыцарскаго дома, состоявшихъ на службѣ «чужаго монарха» (Брунъ, Шанцъ и Уггла), требованія расширенія финансово-бюджетныхъ правъ сейма, требованіе (высказанное въ прессѣ) нейтральнаго флага, агитація въ пользу постановки памятниковъ на поляхъ сраженій при Лаппо и Поросальми—исходили отъ дворянъ въ родѣ Борна, Маннергейма, Сильверсвана, Кнорринга, Аминова, Э. Линдера и др. и пылкой молодежи, увлекшейся медовыми мѣсяцами финляндскаго конституціонализма. Университетскіе дѣятели въ средѣ депутатовъ, Шауманъ, Арппе, Виллебрантъ, Гейтлинъ, Беккеръ, были людьми консервативнаго склада мыслей, которые, не тормозя общественнаго

развитія и стремленій къ большей экономической и социальной свободѣ, не увлекались иллюзіями и знали исторію и ея уроки ¹⁾. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что профессора перестали играть роль въ общественной жизни Финляндіи. Напротивъ, въ 1863 г. былъ первый (послѣ Калоніуса) случай призыва профессора на высокой административный постъ. Снельманъ, гонимый въ эпоху Меншикова и Гартмана,—считавшійся политическо-неблагонадежнымъ редакторъ заперценныхъ газетъ, заподозрѣнный въ демократическихъ тенденціяхъ, Снельманъ былъ назначенъ Сенаторомъ и скоро занялъ кресло начальника финансовой экспедиціи. Появленіе профессора-фенномана въ Сенатѣ было крупнымъ политическимъ событіемъ. Фенноманы подняли голову; финскій языкъ стучался въ двери судебныхъ коллегій и административныхъ вѣдомствъ.

Борьба національностей началась; финляндцы начали группироваться въ лагерь свекомановъ и лагерь фенномановъ. Въ спорѣ о языкахъ Университету пришлось играть немаловажную роль. Уже въ 1862 г., когда былъ учрежденъ комитетъ для обсужденія вопроса о примѣненіи финляндскаго языка въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, къ участию въ его работахъ въ качествѣ членовъ были приглашены профессора: І. Э. Пальмень, Э. Ленротъ и У. Клеве (профессоръ педагогики и дидактики). Въ общемъ интеллигенція не относилась сочувственно къ требованію народа о допущеніи финскаго языка къ употребленію въ судилищахъ и административныхъ учрежденіяхъ. Но Университетъ сталъ на сторону народа. Въ засѣданіи отъ 28 Февраля 1863 г. университетская Консисторія съ 12 голосами противъ 5 постановила ходатайствовать о томъ, чтобы установленъ былъ опредѣленный срокъ времени, по истеченіи котораго финскій языкъ долженъ былъ быть

1) Въ одномъ вопросѣ профессора шли рука объ руку со всѣми либералами, а именно въ вопросѣ о дарованіи закона о печати. Свобода слова, что и естественно, нашла краснорѣчивыхъ защитниковъ въ университетской корпораціи. Впрочемъ, когда нѣкоторое время спустя бывший ректоръ Аппе былъ назначенъ начальникомъ управленія по дѣламъ печати,—онъ оказался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ цензоровъ.

примѣняемъ въ качествѣ служебнаго языка и чтобы было организовано надлежащее преподаваніе финскаго языка въ школахъ и Университетѣ ¹⁾.

«Сеймъ 1863—1864 гг., говоритъ Бергъ въ извѣстномъ сочиненіи «*Vår styrelse och våra landtdagar*» (Наше управление и наши сеймы), является поворотнымъ пунктомъ въ образѣ мыслей общества Финляндіи. То довѣріе, которое ранѣе тщетно проповѣдывалось І. В. Снельманомъ и нѣкоторыми одинаково съ нимъ мыслившими, и которое преимущественно было основано на знакомствѣ съ благосклоннымъ настроеніемъ монарха, въ теченіе слѣдовавшихъ за сеймомъ лѣтъ пускало постепенно корни въ болѣе широкихъ кружкахъ общества. Еще во время сейма въ средѣ самого народнаго представительства высказывалось подчасъ недоувѣріе относительно дальнѣйшаго конституціоннаго развитія края. Но послѣ того, какъ общество было свидѣтелемъ окончанія монетной реформы, изданія закона о печати, серьезнаго приступа къ реформѣ въ системѣ административныхъ учреждений и т. п., — настроеніе народа измѣнилось къ лучшему. Сознаніе, что все таки кое что можетъ быть достигнуто путемъ добросовѣстнаго труда въ области общественной дѣятельности, измѣнило характеръ работъ и содѣйствовало тому, что неизбѣжныя разочарованія и ошибки отзывались меньшею болью. Возможность національнаго существованія для финскаго народа подъ покровительствомъ Русскаго Государя была признана и на этомъ предположеніи построены были планы дальнѣйшихъ трудовъ въ пользу нашего внутренняго раз-

¹⁾ Свекоманы, которые съ особеннымъ усердіемъ указываютъ на необходимость господства справедливости надъ силою, выслушали въ 1873 г. слѣдующее замѣчаніе Снельмана: «Ни одинъ общественный классъ ни въ одной странѣ не уступаетъ власти своей безъ принужденія. Способность говорить и писать по шведски была силой въ нашемъ краѣ и таковой осталась. Большая способность къ чтенію и приобрѣтенію этимъ путемъ знаній означало всегда большое могущество. Для финскаго простонародія каждый, кто говорилъ по шведски, становился *lo ipso* самъ баринкомъ. Финнъ для своего чтенія имѣлъ лишь библію и псалтырь. Когда не обучали писать по фински, ни одинъ судъ, ни одно административное учрежденіе не принимало финскаго документа, тѣмъ менѣе они выпускали финскую бумагу, — за исключеніемъ впрочемъ окладныхъ листовъ для взиманія казенныхъ податей; ибо привилегіей платить за шведскую образованность и содержать ее финнъ пользовался, между тѣмъ какъ шведскіе бароны были болѣе или менѣе свободны отъ податей».

витія. Но здѣсь сказалось, что точки зрѣнія были различны, и что различны были взгляды относительно цѣлей, къ достиженію которыхъ прежде всего слѣдовало стремиться. Поводы къ образованію партій были даны. Но группировка партій первоначально была очень неопредѣленная. Либеральная партія, подъ знаменемъ которой до того времени собирались друзья прогресса, ставила на первый планъ вопросъ объ упроченіи свободныхъ учреждений и полагала, что развитіе языка и національной своеобразности будетъ наилучшимъ образомъ обеспечено именно этими учреждениями. Фенноманы стремились отдѣлить дѣло финско-національное отъ либерализма. Значеніе этого либерализма они умаляли заимствованными изъ нѣмецкой литературы доктринерскими фразами, имѣвшими цѣлью доказать, что либеральное міровоззрѣніе должно быть признано пережитымъ воззрѣніемъ. Они съ успѣхомъ организовали партію, коей единственною цѣлью было обеспечить свободу для стремленія въ пользу финскаго языка, ввести финскій языкъ въ его права въ области законодательства, управления, школьнаго воспитанія, общественной жизни, однимъ словомъ во всѣ слои общественнаго строя. По мѣрѣ того, какъ усовершенствовалась внутренняя организація партіи, она (партія) начала все непріязненнѣе выступать противъ либераловъ, коихъ вліяніе на образъ мыслей общества ей было неудобно. Однако ни одна изъ партій не могла быть разсма- триваема какъ партія правительственная или партія оппозиціонная, по той очень естественной причинѣ, что составъ сената не давалъ возможности приписывать ему какую либо партійную окраску. То преобладающее вліяніе, которое въ эпоху Л. Г. ф. Гартмана превратило начальника финансовой экспедиціи въ «primus inter pares» уже Лангеншельдъ имѣлъ лишь въ ограниченной степени, а І. В. Снельманъ потерялъ его окончательно. Какъ ни желали фенноманы выступить въ качествѣ правительственной партіи, — они были лишены этой возможности, ибо І. В. Снельманъ часто принадлежалъ къ меньшинству въ управленіи. Иногда случалось, что фенноманы тогда именно вели наиболѣе сильную оппозицію противъ правительства, когда они высказывали собственные взгляды Снельмана».

Что Университетъ не могъ оставаться въ сторонѣ отъ разгорающейся борьбы національностей,—было ясно. Большинство его профессоровъ и, на первыхъ порахъ, большинство студентовъ не принадлежали къ партіи фенномановъ. Старые профессора держались или строго консервативныхъ взглядовъ (въ особенности богословы) или умѣренно либеральныхъ. Академическая молодежь, студенты (въ особенности изъ южной и югозападной Финляндіи), новоиспеченные магистры, начинающіе свое поприще доценты принадлежали къ числу либераловъ. Фенноманія нашла сторонниковъ въ кружкахъ студентовъ и молодыхъ ученыхъ, группировавшихся нѣкогда въ націяхъ (отдѣленіяхъ) Остерботнійцевъ, Саволаксъ-Кареловъ и Тавастовъ, въ тѣхъ землячествахъ, въ коихъ записывались земляки Снелльмана, Ленрота и ихъ друзей. Однако мало по малу и въ Университетѣ получали значеніе фенноманы, благодаря тому, что просвѣщеніе и образованность начали проникать въ обширныя народныя сферы, въ дальніе мелкіе города и въ избы крестьянъ. Школьная реформа, дѣло Уно Сигнеуса, сдѣлалась важнымъ рычагомъ въ дѣлѣ распространенія фенноманіи и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла громадное значеніе и для Университета. Исполдволь начала совершаться его демократизація, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло его значеніе для всего финскаго народа. Высшее учебное заведеніе, ставшее вѣнцомъ системы народнаго просвѣщенія, перестало считаться роскошью. Академическій гражданинъ пріобрѣталъ все бѣльшую популярность въ народной средѣ. Корпорация студентовъ пополнялась все чаще и чаще не только сыновьями дворянъ, чиновниковъ, пасторовъ или богатыхъ купцовъ; возрасталъ также и контингентъ крестьянскихъ сыновей, поступавшихъ въ Университетъ. Пропастъ между образованными и простонародьемъ начала заполняться. Недолго, и въ средѣ студентовъ и молодыхъ ученыхъ укоренилось убѣжденіе, что на нихъ лежитъ обязанность по мѣрѣ силъ и познаній уже на университетской скамьѣ и въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время заботиться о просвѣщеніи народа на правахъ вольныхъ пионеровъ науки. Народные Университеты и образовательные курсы, читаемые студентами въ хуто-

рахъ и деревняхъ, были плодами школьной реформы и націоналізації Университета ¹⁾.

¹⁾ Въ Комитетъ 1861 г., въ которомъ обсуждался составленный Сигнеусомъ проектъ организаціи народныхъ школъ, членами были между прочимъ и профессора: Ф. Л. Шауманъ, Э. Ленротъ, Т. Т. Ренваль, М. Акіандеръ и Г. Клеве.

Основныя положенія проекта Сигнеуса, которыя въ концѣ концовъ и легли въ основаніе современнаго строя народной школы Финляндіи, хотя ихъ осуществленіе на первыхъ порахъ встрѣтило массу затрудненій даже въ средѣ университетскихъ дѣятелей, были слѣдующія:

1) успѣшное развитіе народной школы зависитъ прежде всего отъ личности учителей, а потому прежде всего слѣдуетъ озаботиться объ образованіи хорошо и серьезно подготовленнаго учительскаго персонала и предоставить такому такое положеніе въ обществѣ, чтобы онъ не только въ экономическомъ отношеніи, но и въ отношеніи общественного положенія былъ гарантированъ противъ униженій.

2) для процвѣтанія народной школы необходимо установленіе тщательнаго контроля при посредствѣ знающихъ дѣло лицъ и пробужденіе живаго интереса къ школѣ со стороны общества, въ особенности общинъ.

3) народная школа должна быть разсматриваема какъ основная школа для всего общества; ея задача заключается въ содѣйствіи гармоническому развитію всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ способностей подрастающаго поколѣнія, образованію набожныхъ, разумныхъ и практически пригодныхъ гражданъ для государства, а посему народная школа должна быть постоянной, а не амбулаторной школой грамотности.

4) нужно приложить преимущественное стараніе къ просвѣщенію и воспитанію подрастающаго женскаго населенія, ибо семейный очагъ, домъ, есть колыбель истинной нравственности въ обществѣ; поэтому обезпеченіе христіанскаго домашняго воспитанія дѣтей должно быть одной изъ главнѣйшихъ цѣлей при упорядоченіи народнаго образованія въ краѣ; женскій же доль — матери — вотъ основа, на которой покоится вся суть домашняго воспитанія. Посему слѣдуетъ обратить тщательнѣйшее вниманіе на образованіе хорошихъ матерей и воспитательницъ дѣтей.

5) преподаваніе должно быть построено въ народной школѣ такъ, чтобы свѣдѣнія, приобретаемые ребенкомъ, не оставались только механическимъ обремененіемъ памяти, но чтобы ученикъ сразу приучался къ умѣнью прилагать свои познанія къ собственному труду. Посему въ народной школѣ должна примѣняться метода образованія для труда при помощи труда, и на развитіе практической ловкости рукъ и умѣнія практическаго примѣненія познаній должно обращать столько же вниманія, сколько на развитіе серьезнаго характера.

6) наконецъ для цѣлесообразнаго упорядоченія народной школы ни государство, ни община не должны падать денежныхъ средствъ. Нѣтъ жертвъ слишкомъ великихъ для достиженія этой цѣли.

Какъ ни угнетающей является въ дѣйствительности наша бѣдность, столь часто оплакиваемая, она не должна насъ утрачивать въ дѣлѣ организаціи народныхъ школъ, а напротивъ она должна служить важнѣйшимъ стимуломъ, принуждающимъ насъ къ крайнимъ напряженіямъ силъ, дабы мы поставили на должную высоту учрежденіе, могущее сдѣлаться могущественнѣйшимъ рычагомъ къ спасенію насъ отъ жалкой нищеты. Если и признать, что не однимъ, а многими факторами объясняется наша бѣдность, всетаки нужно признать, что главнѣйшими причинами ея являются невѣжество, малая предприимчивость, неуклюжесть и лѣнь, непростительная трата времени и господствующее у насъ безмѣрное несогласіе крайней роскоши и жажды наслажденій съ одной сто-

Фенноманское движеніе, пускавшее все глубже и глубже корни и получавшее свѣжую пищу благодаря приобщенію

роны и недостатка въ трудовой энергіи и производительности съ другой. Для того, чтобы ослабить вліяніе совокупности этихъ факторовъ нашей бѣдности, должно преобразовать наше школьное дѣло вообще и въ особенности порядокъ подготовки учителей, должно устроить народныя школы, дѣлесообразныя и соответствующія требованіямъ времени, а для достиженія этой цѣли край долженъ напрягать всѣ свои силы. Можно смѣло утверждать, что никакія денежныя затраты не возвратятся такъ скоро и съ такою лихою, какъ затрата на устройство дѣлесообразныхъ народныхъ школъ.

Всѣ другія мѣропріятія, направленные на увеличеніе общественнаго благосостоянія въ краѣ, являются лишь болѣе или менѣе палліативными мѣрами, проявляющими свое дѣйствіе весьма вяло, пока истинный источникъ народнаго благосостоянія, трудовая способность народа и трудовая его энергія, въ связи съ нравственнымъ и религіознымъ характеромъ его, не разовьются. Можно смѣло, утверждать, что все это не можетъ быть достигнуто путемъ мѣропріятій и образовательныхъ учреждений, имѣющихся нынѣ налицо въ нашемъ краѣ.

Цѣль, намѣченная Сигнеусомъ, была достигнута. Высочайшее постановленіе 11 Мая 1866 г. объ устройствѣ народныхъ школъ во всѣхъ своихъ существенныхъ основаніяхъ было построено на началахъ проекта Сигнеуса. Результаты были самые благоприятные. Въ 1866 г. народныя школы имѣлись лишь въ 20 общинахъ; 25 лѣтъ спустя изъ 505 общинъ края лишь 111 не имѣли постоянныхъ народныхъ школъ; общее число школъ уже въ 1885 г. достигло 633 въ сельскихъ общинахъ и 202 въ городскихъ. Въ періодъ 1863—1880 г.г. учреждены 4 учительскія семинарія. До 1861 г. въ росписяхъ доходовъ и расходовъ финляндской казны мы бы тщетно искали статьи: «народная школа». Когда народная школа въ Финляндіи отпраздновала свой юбилей (въ 1891 г.), казна расходовала на народныя школы сумму около 1.000.000 м., а общины около 1.500.000. Въ 1885 г. имѣлось въ краѣ въ 835 народныхъ школахъ 1009 преподавателей и 49.874 учениковъ. Широкая струя просвѣтительнаго свѣта проникла въ отдаленнѣйшія вѣси Финляндіи. Потребность въ школахъ все болѣе и болѣе возрастала. На каждый сеймъ крестьяне являлись съ петиціями о дарованіи новыхъ школъ, имъ вторили болѣе или менѣе энергично всѣ остальные сословія. Къ учебному году 1897—1898 г. количество народныхъ училищъ въ сельскихъ общинахъ равнялось 1510 съ 1706 преподавателями и 40.729 учащихся. Въ городскихъ общинахъ повсюду существовали народныя школы, только 13 сельскихъ общинъ не имѣли постоянного училища. Въ городскихъ школахъ и среднихъ училищахъ обучали 794 преподавателей и училось 26.166 дѣтей. Существованіе твердой основы народнаго просвѣщенія было обезпечено; правительство въ то же время принялось за среднее звено цѣпи образовательныхъ учреждений, за среднюю школу. Уставъ для гимназій и училищъ 6 Ноября 1843 г. уже въ 1856 г. 7 Апрѣля замѣненъ новымъ. Въ 60-хъ годахъ послѣдовалъ рядъ узаконеній, во многомъ измѣнившихъ школьный строй 1843—1856 г.г. сообразно съ требованіями времени. 30 Января 1862 г. издано Высочайшее объявленіе, въ силу котораго изъ курса гимназій и элементарныхъ школъ исключены нѣкоторые предметы; должность Ректора (директора) замѣщалась по выбору (на 3 года) учительской корпораціей. Преподаватели получали право въ 3 года разъ собираться на общіе учительскіе сѣзды подъ предсѣдательствомъ профессора педагогики при Александровскомъ Университетѣ. Въ 1864 г. въ Гельсингфорсѣ учреждена нормальная (шведская) школа для подготовки учителей подъ надзоромъ профессора педагогики; въ 1871 г. учреждена такая же нормальная финская школа въ Тавастгусѣ. Высочайшее объявленіе 30 Ноября

массы финскаго народа къ благамъ просвѣщенія, проявлялось и въ научныхъ сочиненіяхъ, въ особенности въ истори-

1871 г. возстановило обязательность преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, устранившее въ 1863 г. Мѣстный надзоръ за средними учебными заведеніями былъ порученъ особымъ школьнымъ совѣтамъ (scolråd) въ составѣ 3—5 членовъ, назначенныхъ на 3 года главнымъ управленіемъ училищнаго вѣдомства изъ числа лицъ, избранныхъ общиною, въ которой находится данная школа.

Въ 1872 г. (8 Августа) изданъ новый школьный уставъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ дѣйствующій донынѣ. Означенный уставъ раздѣлялъ среднія (мужскія) учебныя заведенія на лицеи, готовившіе къ Университету, и реальныя училища, имѣвшія цѣлью быть продолженіемъ курса народныхъ училищъ и подготовительными учебными заведеніями для техническихъ училищъ. Въ 1883 г. эти реальныя школы преобразованы въ 2-хъ и 3-хъ классныя элементарныя школы, а лицеи раздѣлены на классическіе лицеи съ преподаваніемъ латинскаго и греческаго языковъ, и реальныя лицеи, въ которыхъ классическіе языки замѣнены однимъ изъ новыхъ языковъ, съ расширеніемъ курса математики, естественныхъ наукъ и рисованія. Всѣ лицеи были восьмиклассные—2 изъ классическихкихъ лицеевъ названы нормальными (одинъ съ шведскимъ языкомъ преподаванія, другой—съ финскимъ), для практическаго приготовленія учителей подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ Университета. Русскій языкъ остался обязательнымъ предметомъ преподаванія (за исключеніемъ двухклассныхъ элементарныхъ школъ). Въ одномъ отношеніи уставъ 1872 г. оказался реакціоннымъ. Ректорская должность (директора) перестала быть должностію выборвшею; Ректора назначаются по уставу 1872 г. Сенатомъ по представленію главнаго управленія училищнаго вѣдомства. Элементарныя школы, имѣвшія 2—4 класса, соответствовали курсу низшихъ классовъ лицеевъ и играли роль нашихъ прогимназій. Замѣна реальныхъ школъ элементарными просуществовала недолго; нынѣ элементарныя школы снова преобразуются въ реальныя и городскія школы. Правительство считаетъ полезнымъ передать ихъ постепенно въ вѣдѣніе частныхъ лицъ или городовъ, назначая лицамъ и учрежденіямъ, ихъ принявшимъ, казенную субсидію (въ размѣрѣ 3.000 марокъ въ годъ на каждый классъ).

Предметы преподаванія въ классическихкихъ лицееяхъ слѣдующіе: Законъ Божій, языки: шведскій, финскій, русскій, нѣмецкій, французскій, латинскій и греческій (7 языковъ! благодаря чему курсъ становится весьма и весьма обременительнымъ), исторія, географія, математика, физика, естественная исторія, логика, чистописаніе, пѣніе и гимнастика.

Прежде въ большинствѣ лицеевъ преподаваніе велось на шведскомъ языкѣ; но по мѣрѣ роста фенноманскаго движенія, въ особенности когда во главѣ духовной экспедиціи Сената (такъ сказать финляндскаго Министерства народнаго просвѣщенія) стоялъ фенноманъ Ирѣ-Коскинень, число лицеевъ съ финскимъ языкомъ преподаванія быстро стало возрастать и нынѣ финскіе лицеи количественно опередили шведскіе. Впрочемъ во всѣхъ лицееяхъ другой мѣстный языкъ всегда изучается основательно; для практики въ старшихъ классахъ преподаются нѣкоторые предметы на другомъ мѣстномъ языкѣ.

Въ реальныхъ лицееяхъ преподаются: Законъ Божій, языки: шведскій, финскій, русскій, нѣмецкій, французскій и англійскій, географія, геометрія, математика, физика, логика, естественная исторія, чистописаніе, рисованіе, пѣніе и гимнастика. Въ двухъ реальныхъ лицееяхъ Гельсингфорса проходится русскій языкъ по особой широкой программѣ; эти лицеи носятъ названіе, реальныя лицеи съ пространнымъ курсомъ русскаго языка. Какъ классическіе, такъ и реальныя лицеи имѣютъ право выпускать своихъ воспитанниковъ въ Университетъ.

ческих трудах. Финские историки перестали смотреть на финскую историю сквозь призму шведских исторических предраз-

Что касается женского образования, получившего и для Университета важное значение, после того как женщины получили доступ в университетские аудитории, то и в этой области устав 1872 г. сделал значительный шаг вперед сравнительно с уставами 1843—1856 г.г. Женские средние школы по уставу 1872 г. пятиклассные (кроме школы в Гельсингфорсе, которая была учреждена в качестве семиклассной). Первоначально во всех казенных женских школах преподавание велось на шведском языке. Впоследствии в 1885 г. появились и казенные финские женские школы.

Сближению между мужским и женским полом в отношении образования содействовало не только правительство, но и частная предприимчивость, которой в области дела и народного просвещения в Финляндии открыто широкое поприще.

Старейшим частным училищем был частный лицей в Гельсингфорсе (он учрежден в 1831 г.) и известная в свое время школа Бема в Выборге с преподаванием на немецком языке, основанная в 1853 г. В 1888 г. существовали уже 54 частных школы. Частные же школы были инициаторами в опыте совместного обучения мальчиков и девочек. Так наз. Samskolar, школы совместного обучения, прививаются все больше и больше. В этих школах как к мальчикам, так и к девочкам предъявляются одинаковые требования, и те и другие готовятся к университетскому экзамену. Результаты были вполне удовлетворительными и Университет не имел повода жаловаться на своих питомцев, поступающих из этих школ.

В 1888 г. в Финляндии имелось казенных средних учебных заведений:

Нормальных лицеев 2.

Классических 12.

Реальных лицеев 4 (из них 3 неполных).

Реальных школ 3.

Элементарных школ:

пятиклассных 1.

четырёхклассных 9.

трехклассных 3.

двухклассных 9.

Женских школ 12.

В 1897—1898 г.г. насчитывалось:

Правительственных лицеев:

полных 21 (8 шведских и 12 финских и 1 шведско-финский).

неполных 2 (финские).

Элементарных, реальных и средних училищ:

шведских 5.

финских 3.

Женских и приготовительных училищ:

шведских 6.

финских 7.

К числу учебных заведений, готовящих молодых людей для поступления в Университет, принадлежат с 1863 г. и Финляндский Кадетский Корпус в Фридрихсгаме. 6 Мая 1863 г. издано Высочайшее объявление о преобразовании Кадетского Корпуса, и 22 Марта 1865 г. он получил новый устав, который с дополнениями от 8 Декабря 1886 г. и 28 Июня 1888 г. действует доныне. Финляндский кадетский корпус имеет задачей не только подготовить офицеров для всех родов оружия, но и доставлять

судковъ. Въ первой главѣ намъ пришлось вскользь упомянуть о сочиненіи профессора Форсмана (Ирье-Коскинена). Авторъ, занявъ въ 1861 г. кафедру общей исторіи (а съ 1871 г. кафедру исторіи Финляндіи, Россіи и сѣверныхъ народовъ), обогатилъ финляндскую филологическую и историческую литературу рядомъ высокоталантливыхъ изслѣдованій. Съ 1869 г. начала появляться его «Исторія финскаго народа», переведенная на шведскій и нѣмецкій языки (въ 1873—1874 г.г.). Это сочиненіе имѣло не только теоретическое, но и большое политическое значеніе. Историческое міровоззрѣніе Коскинена вызвало сильное негодованіе въ средѣ свекомановъ. Они чувствовали, какая опасность грозила ихъ господству въ Финляндіи въ случаѣ проникновенія этихъ историческихъ взглядовъ въ среду академической молодежи и въ массу народную. Коскиненъ остался для нихъ *bête noire* до сегодняшняго дня. Недавній процессъ противъ маститаго ученаго и политическаго дѣятеля, возбужденный шовинистами Лилле, Кастрѣнъ и др., раскрылъ всю глубину ненависти къ Коскинену. Зато ученые фенноманы горячо привѣтствовали шедевръ историка-фенномана. Снелъманъ, 6 Апрѣля 1873 г. въ день своихъ именинъ (съ 1863 г. студенты Университета стали ежегодно въ этотъ день «Vilhelmsdagen» привѣтствовать убѣленнаго сѣдинами борца за національное возрожденіе финновъ тостами и рѣчами), обратился къ студентамъ съ рѣчью, въ которой онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ значеніе труда Коскинена: «Въ эти дни одинъ изъ тѣхъ, кто болѣе всѣхъ любитъ родину, одарилъ ее подаркомъ, который поистинѣ можетъ быть названъ даромъ утѣшенія. Я говорю про только что вышедшую

финляндскимъ юношамъ общее образованіе. Сообразно съ этимъ двоякимъ назначеніемъ корпуса и преподаваніе раздѣлено на 2 курса: общій курсъ, раздѣленный на 4 класса, и спеціальный курсъ съ 3 классами (въ спеціальномъ курсѣ преподаются военныя науки). Преподаваніе ведется на шведскомъ и финскихъ языкахъ, по назначенію Директора съ утвержденія Военнаго Министра. Въ спеціальныхъ классахъ нѣкоторые предметы преподаются на русскомъ языкѣ.

Согласно §§ 15 и 16 Высочайшаго объявленія 1863 г. 6 Мая оканчивающіе общій курсъ корпуса имѣютъ право поступать въ Университетъ по выдержаніи студенческаго пріемнаго экзамена. Окончившіе и спеціальный курсъ могутъ поступать въ Университетъ для слушанія лекцій, не подвергаясь вступительному экзамену, ср. также §§ 68 и 69 Устава 1865 г.

3-ю часть сочиненія профессора Форсмана (Ирье-Коскинен): «Исторія финскаго народа». Вотъ трудъ, который многому можетъ научить молодежь, хотя и старые многому могутъ отъ него поучиться,—я по крайней мѣрѣ научился многому. Примкнуть къ міровоззрѣнію, господствующему въ этой книгѣ, есть дѣло достойное не только для юношества, но и для зрѣлыхъ людей. Здѣсь мы встрѣчаемся съ мужественнымъ, возвышеннымъ взглядомъ на историческія перемѣны. Для такого народа какъ финскій народъ— есть если не униженіе, то по крайней мѣрѣ слабость считать себя обязаннымъ благодарностью по отношенію къ побѣдителю. Такого рода чувство по отношенію къ нашей бывшей метрополи старались укоренить въ этомъ краѣ. Исторія нигдѣ не учитъ, что какой бы то ни было народъ оказалъ другому благодаренія даромъ. Каждый народъ на земномъ шарѣ имѣетъ право думать о собственномъ благѣ; каждое государство имѣетъ право заботиться о собственномъ могуществѣ, о самоохраненіи. Неразумень тотъ, кто думаетъ, что отношеніе Швеціи къ Финляндіи могло быть инымъ. Для насъ необходимо въ виду современнаго нашего положенія и нашего будущаго не смотрѣть на наше прошлое иначе, какъ съ этой точки зрѣнія. Это нисколько не препятствуетъ признанію, что мы, благодаря положенію нашей родины въ составѣ прежней нашей метрополи, приняли отъ нея благо цивилизаціи, и признанію, что то было для насъ счастіемъ, безграничнымъ счастіемъ, что мы такимъ образомъ были подчинены народу, въ средѣ котораго гражданская свобода уже во времена язычества нашла себѣ пріютъ. Указанная выше точка зрѣнія не препятствуетъ намъ взирать на этотъ народъ съ чувствомъ благосклонности и сожалѣнія, точно такъ же, какъ и шведскій народъ, въ особенности послѣ отдѣленія отъ насъ, смотрѣлъ и смотритъ на насъ съ чувствомъ сожалѣнія. Такъ же, какъ мы смотрѣли на наше историческое прошлое, точно также мы должны смотрѣть на нашу современную судьбу. Мы должны съ любовью смотрѣть на истинно доброе, унаслѣдованное отъ минувшаго времени, должны на оное смотрѣть какъ на наше драгоценнѣйшее сокровище. Но мы не должны считать себя до такой степени постоянно связанными отношеніями, въ коихъ мы нахо-

дились, когда нашъ край былъ подвластной Швеціи страной, или вѣрнѣе и проще, шведской провинціей. И въ этомъ отношеніи данный трудъ, мною названный, достаточно поучителенъ, ибо въ немъ изслѣдуется, какъ то и требуется, историческая судьба, благодаря которой Финляндія отдѣлилась отъ Швеціи, въ качествѣ истиннаго историческаго развитія судьбы нашего народа. То, что совершенно ново въ этой работѣ, это выясненіе того, какъ это отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи было подготовлено долгимъ, медленнымъ процессомъ въ теченіе вѣковъ, а не путемъ простыхъ внѣшнихъ фактовъ, подготовлено и въ умахъ, въ различіи міровоззрѣнія по сю и по другую сторону Ботническаго залива. Можно сказать, что убѣжденіе въ необходимости отдѣленія по сю сторону залива было болѣе живо, нежели убѣжденіе въ немъ у правившихъ и руководившихъ Швеціей. Эта подготовленность спокойнаго ожиданія, когда пробьетъ часъ отдѣленія, и встрѣтитъ грядущую судьбу мужественно и постараться отыскать новыя опоры для цѣльности существованія страны, была у насъ гораздо сильнѣе. Для человѣчества весьма важно познать, благодаря урокамъ исторіи вообще и своего народа въ частности, что ничего не совершается случайно. Тоже имѣетъ значеніе для насъ финновъ, а именно сознаніе, что то событіе, которое имѣло и имѣетъ столь важное значеніе для нашего народа, не было случайнымъ результатомъ напоминаній Наполеона, адресованныхъ къ Императору Александру I, его указаній о географической близости Финляндіи къ Россіи, — эти напоминанія въ исторіи играли столь же незначительную роль, какъ извѣстный «стаканъ воды» ¹⁾. Причины были болѣе глубокія. Онѣ коренились въ событіяхъ предыдущихъ историческихъ эпохъ, онѣ коренились въ міровоззрѣніи, въ развитіи и направленіи мыслей въ средѣ народа, котораго они касались. Лишь становясь на такую точку зрѣнія при изученіи исторіи, народъ можетъ высказывать надежды на будущее.

¹⁾ Снельманъ имѣлъ въ виду историческій анекдотъ о стаканѣ воды, игравшемъ роль въ измѣненіи отношеній Англійской Королевы Анны къ Герцогу Мальбру и его политикѣ.

У каждаго, въ сердцѣ котораго укоренилось убѣжденіе, что настоящая судьба родины имѣетъ глубокое основаніе въ прошломъ, растетъ сила и ревностная энергія совершить нѣчто положительное, не видѣтъ въ прошломъ повода къ исключительно отрицательному и враждебному отношенію къ грядущимъ временамъ. Посему каждый другъ родины долженъ избѣгать этого отрицательнаго отношенія и долженъ стремиться создать новое, участвовать въ созданіи новаго, поскольку онъ можетъ и поскольку его общественное положеніе къ тому обязываетъ. Я не желаю оскорблять чувства гг. студентовъ или вызывать боль въ ихъ сердцахъ. Однако мнѣ хорошо извѣстно: два теченія проходятъ сквозь академическую молодежь. Одно изъ нихъ положительное, оно желаетъ творить новое, т. е. смотрѣтъ впередъ спокойно; другое лишь отрицательное и пассивное. Вотъ такое отрицательное отношеніе въ народѣ и создаетъ его несчастье и ввергаетъ его въ погибель. Лишь мужественная стойкая дѣятельность въ пользу новаго спасаетъ народъ и ведетъ его впередъ».

Отъ признанія исторической необходимости присоединенія Финляндіи къ Россіи въ сущности не далеко было бы и до признанія правъ Россіи на эту окраину, купленную вѣковой борьбою, правъ не только на охрану Финляндіи и покровительство ей, но и правъ на пользованіе ея силами въ интересахъ всего Государства. Однако такой послѣдовательности не видно у финскихъ историковъ и юристовъ. Послѣ сейма 1863—1864 г.г., послѣ того какъ на всѣхъ областяхъ финляндской народной жизни закипѣла неусыпная дѣятельность, направленная на пробужденіе дремлющихъ силъ, послѣ того какъ сеймъ (въ 1869 г.) получилъ новый уставъ и въ немъ какъ бы подтвержденіе его правъ на участіе въ законодательствѣ, послѣ того какъ монетная и кредитная система Финляндіи вполне отдѣлились отъ русской денежной системы, послѣ того какъ все народное хозяйство Финляндіи подъ вліяніемъ таможенной политики, идущей въ разрѣзъ съ таможенной политикой Имперіи, обособилось отъ народнаго хозяйства остальныхъ частей Россіи, когда приступили къ созданію особаго финскаго войска,— ученіе объ особомъ финляндскомъ государствѣ распространилось

во всѣхъ слояхъ финляндскаго мыслящаго и читающаго общества. Юристы, сидѣвшіе на кафедрахъ Университета, сочли своей обязанностью приступить къ теоретическому анализу природы связи, существующей между Финляндіей и Россіей. Ученіе о государственности Финляндіи вовсе не имѣетъ исключительнымъ источникомъ сочиненія Мехелина, Монгоммери, Германсона, т. е. дѣятелей 1880-хъ и 1890-хъ годовъ. Уже ихъ предшественники Пальмень, Росенборгъ, Эрштремъ въ своихъ лекціяхъ проводили тотъ же взглядъ и ихъ ученики, сотрудники въ газетахъ и журналахъ, появившихся въ новую эру, всячески поддерживали эту теорію, не встрѣчая никакой оппозиціи, ни въ Финляндіи, ни въ Россіи, гдѣ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ рѣдко кто слѣдилъ за финляндской литературой и научной публицистикой. Что сеймовые депутаты дворянскаго, духовнаго, отчасти и городскаго сословія не отказывались отъ поддержки этихъ взглядовъ ясно и естественно, ибо всякій шагъ на пути къ дальнѣйшему обособленію Финляндіи отъ Россіи вель къ расширенію вліянія «второй государственной власти», какъ принято называть сеймъ въ подражаніе шведской публицистикѣ. Шведская публицистика и юриспруденція въ 60-ые годы развивались быстро, шведская литература публичнаго и частнаго права возрастала и качественно и количественно и шла въ параллель съ широкою законодательною дѣятельностью, начавшейся послѣ воцаренія Карла XV и реформаторской дѣятельности Л. де Гера и его товарищей по министерству. Науманъ, Рюдинъ, Сведелусъ и рядъ ихъ учениковъ изслѣдовали исторію и догму шведскаго права; число общихъ курсовъ шведскаго права и монографій по отдѣльнымъ вопросамъ росло изъ года въ годъ. Каждый изъ этихъ трудовъ давалъ толчокъ юридической мысли въ Финляндіи. Различные законодательные акты Швеціи въ области экономическаго и административнаго законодательства служили образцомъ для финляндскихъ юристовъ въ Сенатѣ и сеймѣ. Русская юриспруденція или касалась Финляндіи вскользь, ограничиваясь страничкой, много двумя страничками, или молчала вовсе, а шведское право, котораго институты дѣйствовали въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга, которое осталось не

безъ вліянія на русское право (въ эпоху ПЕТРА I) и которое сыграло роль и въ развитіи права прибалтійскихъ губерній, оставалось для русскихъ юристовъ terra incognita ¹⁾.

Оживленіе финляндской юриспруденціи выразилось въ учрежденіи «юридическаго общества». Высочайшимъ объявленіемъ 11 Февраля 1862 г. разрѣшено учрежденіе юридическаго общества съ цѣлью доставить законовѣдамъ и вообще согражданамъ, интересующимся юриспруденціей и судопроизводствомъ, возможность публично обмѣниваться мнѣніями и опытомъ въ означенныхъ матеріяхъ. Центральное отдѣленіе основано въ Гельсингфорсѣ; филиальныя отдѣленія въ Або, Ваза и Выборгѣ. Общество управляется правленіемъ, состоящимъ изъ предсѣдателя, 4 членовъ и 2 сунлеантовъ, избираемыхъ ежегодно въ общемъ собраніи. Протоколы общества и различные рефераты и статьи членовъ печатаются въ органѣ общества «Журналъ Юридическаго Общества въ Финляндіи» («Juridiska Föreningens i Finland tidskrift»). Это периодическое изданіе является необходимымъ пособіемъ для каждаго изучающаго развитіе юридическихъ институтовъ финляндскаго права. Здѣсь появились многочисленныя статьи всѣхъ лучшихъ представителей финляндской юриспруденціи, профессоровъ Пальмена, I. Форсмана, Мехелина, Монгоммери, Германсона, Серлахиуса, Вреде, Чюдениуса и работы членовъ магистратуры и другихъ практиковъ-юристовъ. Учредителемъ общества былъ преимущественно I. Ф. Пальмень (профессоръ, впоследствии Сенаторъ и Прокуроръ).

Историческая наука въ Александровскомъ Университетѣ ожила уже съ 1811 года послѣ сравнительнаго застоя въ 18 столѣтіи (до 40-хъ годовъ впрочемъ только два историческія

¹⁾ Еще въ 1890 г., когда авторъ сихъ строкъ издалъ I томъ своего сочиненія «Государственное Хозяйство Швеціи», ему пришлось выслушать насмѣшливые вопросы отъ русскихъ юристовъ, къ чему онъ посвятилъ свои занятія смиренной Швеціи? какое значеніе имѣеть Швеція и ея политическая литература для Россіи? Разумно ли тратить силы и время и истреблять ворохъ бумаги на ознакомленіе русскихъ писателей съ политической жизнью полузабытой учительницы ПЕТРА I? Лѣтъ черезъ 10 точка зрѣнія измѣнилась.

сочиненія имѣли крупное значеніе: упомянутое въ первой главѣ знаменитое сочиненіе Нордстрема: *Bidrag till svenska samhällets författnings historia* и трудъ Лагуса, «Исторія Абовскаго Гофгерихта (1834)». По стопамъ Нордстрема, Лагуса и Арвидсона и молодые финскіе ученые принялись за изученіе матеріаловъ, касающихся исторіи Финляндіи въ архивахъ Россіи, Швеціи, Даніи. Гренбландъ изслѣдовалъ исторію Финляндіи въ эпоху «Уніи» (Швеціи съ Даніей), и въ эпоху борьбы короля Сигизмунда съ Герцогомъ Карломъ Зедерманландскимъ; Колланъ: эпоху Густава Вазы; Тигерстедъ: эпоху королевы Христины и генераль-губернатора Браге; Бумансонъ: правленіе герцога Югана; Г. Рейнъ, уступавшій въ учености какъ Нордстрему, такъ и Лагусу, былъ первымъ читавшимъ полный курсъ финляндской исторіи, но его упрекали въ недостаточномъ изученіи архивовъ, что невыгодно отразилось на его сочиненіяхъ: «Епископъ Оома и его время (1838 г.)» «Война въ Финляндіи въ 1788—1789 и 1790 г.г.» (1860 г.) и Лекціи по исторіи Финляндіи 1870—1771 г.г. (изданы послѣ его смерти). Какъ уже сказано выше каедре исторіи послѣ увольненія Рейна раздѣлена на двѣ: 1) каедру всеобщей исторіи и 2) каедру исторіи Финляндіи, Россіи и Сѣверныхъ народовъ. Эти каедры заняли Форсманъ (Ирье-Коскиненъ) и Захарій Топелусъ. Историческая литература Финляндіи продолжала развиваться подъ вліяніемъ политическихъ и патріотическихъ тенденцій, господствовавшихъ въ краѣ съ 1863 г. Топелусъ не оставилъ по себѣ крупныхъ историческихъ трудовъ, но его рассказы для юношества, въ которыхъ онъ излагалъ всѣ наиболѣе замѣчательныя событія въ исторіи Финляндіи, имѣли громадное вліяніе на молодое поколѣніе, укореняя въ нихъ специфически финляндскій патріотизмъ и любовь къ героямъ мѣстной исторіи; его знаменитый циклъ романовъ: «Рассказы фельдшера» въ свою очередь подогрѣвали патріотическія чувства взрослыхъ, въ памяти которыхъ воскресала картина шведскаго величія минувшаго времени, за которое немало пролито финской крови. Къ сожалѣнію прошлое Финляндіи въ отношеніи Россіи было таково, что политическое изложеніе эпохъ борьбы русскихъ и финновъ могло только содѣйствовать возбужденію

холодныхъ чувствъ къ Россіи. Послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи финнамъ не пришлось покрыть себя общемо съ русскими войсками славой, которая могла бы затмить въ памяти народа воспоминанія о подвигахъ сподвижниковъ Густава Адольфа, Карла XII и Густава III и родныхъ героевъ войны 1808—1809 г.г. И для финляндскаго гимназиста, и для студента, и для зрѣлаго гражданина имена Стольганска, Горна, Армфельта, Дебельна, Сандельса, Дункера и др. остались навсегда дорогими именами, близкими сердцу. Участіе финскаго стрѣлковаго баталіона въ Польской кампаніи 1831 г., защита Балтійскаго побережья въ 1854—1855 г.г. и участіе въ походѣ 1877—1878 г.г. блѣднѣли передъ окруженными ореоломъ романтическаго геройства подвигами при Порросальми, Свенксундѣ, Сикайоки, Револакѣ, Иденсальми ¹⁾.

Шюбергсонъ въ своемъ очеркѣ «Изученіе исторіи въ Абовскомъ Университетѣ» (Abo Universitets lärdomo historia, III. Historien) говоритъ про современную исторіографію Финляндіи: «Портанъ и его ученики старались въ своихъ изслѣдованіяхъ выяснитъ, какимъ образомъ удалось финскому народу основать и распространить духовную и матеріальную культуру въ мѣстахъ, мало приспособленныхъ къ воспріятію сѣмени цивилизаціи и къ доведенію посѣяннаго до созрѣванія. Съ тѣхъ поръ матеріаль, предоставленный въ распоряженіе изслѣдователей, увеличился многократно. Выдающіеся факты чисто политическаго характера были освѣщены свѣточемъ научнаго изслѣдованія; событія съ рѣшающимъ значеніемъ совершились въ нашей политической жизни. Однако одно остается и впредь внѣ сомнѣнія: въ главныхъ ея чертахъ наша исторіографія остается исторіографіей культуры. Главною обязанностью своей наши изслѣдователи считаютъ собирать массу мелкихъ, на первый взглядъ кажущихся незначительными объяснительныхъ фактовъ, и сопоставлять ихъ такимъ образомъ, чтобы

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ противоположность финскимъ поэтамъ и беллетристамъ русскіе литераторы мало или почти совсѣмъ не касаются славныхъ подвиговъ русскихъ въ соотвѣтствующія эпохи. Петровскіе походы въ Финляндію, морскія сраженія 1788—1790 г.г. и полная героизма и сказочныхъ подвиговъ война 1808—1809 г.г. мало извѣстны русскому юношеству.

они дали намъ картину труда нашихъ предковъ, борьбы, ими выдержанной съ препятствіями, дабы иллюстрировать скрытое развитіе, не менѣе важное и достойное для созерцателя, нежели шумная борьба политической жизни и ея пестрыя перемѣны. Что сей своеобразный характеръ этого развитія все ярче и полнѣе выступить наружу, на то мы можемъ надѣяться тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе трудъ изслѣдованія судебъ родины и въ болѣе широкихъ кружкахъ чѣмъ когда либо (и внѣ Университета) встрѣчается съ участіемъ и любовью».

Эта характеристика финляндской исторіографіи не совсѣмъ точна. Едва ли въ трудахъ финляндскихъ историковъ преобладаетъ «культурная исторія» надъ «политической» исторіей. По крайней мѣрѣ извѣстнѣйшіе изъ новѣйшихъ историковъ Финляндіи, представители исторической науки на кафедрахъ Университета кромѣ Коскинена: Тигерстедтъ ¹⁾, Даніельсонъ и Шюбергсонъ удѣлили политикѣ столько же мѣста, сколько культурѣ, если не больше.

¹⁾ Тигерстедтъ обогатилъ финляндскую литературу между прочимъ слѣдующими сочиненіями: въ 1846 г.—(диссертация): «Administratio Fenniae Petri Brahe commitis, Gubernatoris Generalis et in Fennia primum commorantis»; въ 1847 г. (диссертация) Adumbratio status urbium Fennicarum 1638—1640; Finland och Finnarne före landets underkufvande af Svenskarne (Финляндія и финны до покоренія края Шведами), 1849—1851 Handlingar görande Finlands historia kring medlet af 17 århundradet 1849—1850; (Акты, относящіеся до исторіи Финляндіи въ серединѣ 17 ст.); Bref från general guvernören och lands höfdingar i Finland förnemligast under Drottning Kristinas tid. 1869. (Письма и грамоты генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ Финляндіи преимущественно въ царствованіе королевы Христины). Въ эту первую пору своей дѣятельности Тигерстедтъ дѣйствительно посвящалъ свои работы преимущественно исторіи культуры, но въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, въ эпоху оживленія политики въ сеймѣ, прессѣ и въ обществахъ и т. п., и Тигерстедтъ обратился къ изслѣдованію актовъ и эпохъ съ болѣе актуальнымъ интересомъ, сосредоточивъ свои работы преимущественно на личности и дѣятельности извѣстнаго Г. М. Спренгтпортена въ эпоху 1788—1790 г.г. и 1808—1809 г.г.

Что касается Даніельсона, то первыя его сочиненія (диссертации) не касались вопросовъ финляндской исторіи, но въ 1888 г. и въ 1890 г.г. появились двѣ его работы, относившіяся непосредственно къ жгучему вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи «Die nordische Frage in den Jahren 1746—1747. Mit einer Darstellung russisch-schwedisch finnischer Beziehungen», его извѣстный отвѣтъ на сочиненіе Ордина «Покореніе Финляндіи»,—«Finlands förening med Ryska riket», переведенный на русскій, вѣмецкій и финскій языки, и наконецъ «О внутренней самостоятельности Финляндіи.»

Шюбергсонъ, одинъ изъ плодотвѣннѣйшихъ историковъ Финляндіи, слова котораго мы цитировали выше, наряду съ множествомъ мелкихъ историческихъ и критическихъ статей, напечаталъ въ 2 томахъ Исторію Финляндіи (Finlands historia 1887—1889 г.г.). Эта работа составлена имъ по порученію Сената и увѣнчана премією Фуругедьма. Кромѣ

И представители исторических наук соединялись въ общества, дабы совмѣстнымъ обсужденіемъ научныхъ вопросовъ поощрять научную работу. Всѣ историческія, филологическія и другія ученія общества возникали или по инициативѣ, или при дѣятельномъ участіи профессоровъ Университета, продолжающихъ играть въ нихъ первую роль. Въ работахъ этихъ обществъ участвовали и участвуютъ студенты докладами или въ качествѣ сторонъ въ преніяхъ, и нужно признать: въ Финляндіи, насколько мнѣ извѣстно, не было случаевъ закрытія или смерти ученыхъ обществъ, благодаря лѣни или малому участию въ работахъ ихъ членовъ ¹⁾.

того Шюбергсонъ въ 1890 г. напечаталъ Учебникъ финляндской исторіи для высшихъ классовъ лицеевъ и женскихъ учебныхъ заведеній (*Lärobok i Finlands historia för lyceerna och fruntimmers skolornas högre klassen*). Изъ другихъ историческихъ сочиненій Шюбергсона, касающихся политическихъ судьбъ Финляндіи, замѣчательны статьи (въ журналѣ «*Finsk Tidskrift*») «Государственное правовое положеніе Финляндіи въ средніе вѣка». «Проекты рѣшенія вопроса о финскомъ языкѣ въ 30-хъ годахъ»; Густавъ Маурицъ Армфельдтъ въ послѣдній періодъ его жизни и «Г. М. Спренгтпортень и М. Сперанскій», и сборникъ его рѣчей «Изъ конституціонной жизни Финляндіи» (*Ur Finlands Konstitutionella historia*). Сочиненія Шюбергсона имѣютъ отпечатокъ свекоманскій, но тонъ ихъ умѣренный и къ шовинистамъ его причислять нельзя. Конечно нельзя и ждать отъ финляндца, воспитаннаго во взглядахъ, укоренившихся въ финляндской и отчасти русской литературѣ, возрѣній Ордина и Еленева. Какъ Шюбергсонъ, такъ и Коскиненъ и Даниельсонъ смотря на политическую судьбу Финляндіи съ точки зрѣнія *ria desideria* финляндскихъ политиковъ. Ординъ и Еленевъ конструируютъ исторію 1808—1809 г.г. съ точки зрѣнія русскихъ политическихъ интересовъ 1890—1900 г.г. Намъ же думается, что событія 1808—1809 г.г. могутъ быть объяснены только при помощи понятій и возрѣній той же эпохи; политическая же судьба Финляндіи въ будущемъ не можетъ зависѣть ни отъ политическихъ понятій минувшихъ эпохъ, ни отъ минувшихъ условій и минувшихъ политическихъ конъюнктуръ, ни отъ древнихъ политическихъ актовъ и толкованія (всегда субъективнаго) того или иного въ нихъ слова, ни отъ анализа душевныхъ или умственныхъ качествъ отошедшихъ въ вѣчность монарховъ и ихъ совѣтниковъ,—а лишь отъ политическихъ интересовъ каждой эпохи. Всякія политическія обязательства принимаются съ молчаливой оговоркой *rebus sic stantibus*. Лишь самообманъ и политическая сентиментальность видятъ въ этой можетъ быть очень грустной, но несомнѣнно реальной истинѣ посягательство на вѣчно абсолютно священное, неприкосновенное. Если бы подвергнуто критикѣ съ точки зрѣнія справедливости и нравственности всѣ событія новой исторіи, то гдѣ же найденъ будетъ тотъ *status quo ante*, не запятанный нарушеніемъ болѣе раннихъ обязательствъ? Каждая политическая партія, каждое публицистическое направленіе признаютъ абсолютную святость политическихъ обязательствъ лишь до момента, пока судъ той же партіи и того же направленія не признаетъ сіи обязательства устарѣвшими и вредными.

¹⁾ Наболѣе важныя ученія общества Финляндіи слѣдующія: «Финское научное общество» (*Finska Vetenskaps societeten*), учрежденное въ 1838 г. и состоящее изъ 3 отдѣленій: математическо-физическаго, естественно-историческаго и историко-филологиче-

Въ то время, когда отдѣльные члены и представители Университета по мѣрѣ своихъ силъ, своего вліянія и своихъ политическихъ и публицистическихъ способностей погрузились въ дѣла внутренней политики, въ сеймѣ, въ его комитетахъ, въ различныхъ комиссіяхъ, въ періодической печати, или принимая уча-

скаго. Общество завѣдуетъ Университетской астрономической обсерваторіей (съ 1880 г.) и метеорологической центральной станціей (съ 1882 г.) и получаетъ отъ казны субсидію. Оно издаетъ слѣдующіе труды: «Acta societatis scientiarum Fennicae», «Ofversigt afförhandlingarne, Bidrag till Finlands naturkännedom, etnografi och statistik».

Общество для изученія фауны и флоры Финляндіи (Sällskapet pro Fauna et Flora Fennica), учрежденное въ 1821 г., собравшее значительную естественно-историческую коллекцію, въ 1858 г. поступившую въ вѣдѣніе Университета. Оно издаетъ: «Notiser ur sällskapet pro Fauna et Flora Fennica handlingar. Acta societatis pro fauna et flora Fennicae.—Meddelanden af societatis pro fauna et flora fennica».

Финское историческое общество (Finska historiska samfundet), выдѣлившееся въ 1875 г. изъ состава историческаго отдѣленія Финскаго литературнаго общества. Оно издаетъ (на финскомъ языкѣ) журналъ: «Historiallinen Arkisto».

Финляндское географическое общество (Sällskapet för Finlands Geografi), учрежденное въ 1888 г., издающее журналъ «Fennia». Финское-Угское общество, учрежденное въ 1883 г. по почину профессора Доннера для лингвистическаго, этнографическаго и историческаго изслѣдованія финско-угрскаго племени. Оно издаетъ журналъ «Journal de la société Finno Ougrienne».

Финское литературное общество, учрежденное въ 1831 г., состоящее изъ 3 отдѣленій: историческаго, беллетристическаго и лингвистическаго. Оно издаетъ журналъ «Suomi». Это общество играло въ высшей степени важную роль въ исторіи постепенной эмансипаціи финскаго народа отъ шведской опеки. Оно обладаетъ значительными средствами, пожертвованными преимущественно частными лицами, свой книжный складъ, бібліотеку, собраніе рукописей и собственный домъ.

Его такъ сказать литературнымъ антагонистомъ является шведское литературное общество въ Финляндіи (Svenska litteratursällskapet i Finland), учрежденное въ 1885 г. въ разгаръ борьбы свекомановъ и фенномановъ, имѣющее цѣлью содѣйствовать изслѣдованію процесса укорененія и развитія шведской культуры въ Финляндіи, содѣйствовать изученію шведскаго языка и литературнымъ трудамъ на шведскомъ языкѣ. Оно издаетъ повременное изданіе подъ названіемъ «Skrifter utgifna af Svenska Literatur sällskapet». (Въ этомъ изданіи появились весьма цѣнные матеріалы и изслѣдованія какъ по исторіи Финляндіи вообще, такъ и по исторіи Университета, какъ то: 3 тома студенческихъ списковъ Абовскаго Университета, Исторія наукъ и ихъ преподаваніе въ Абовскомъ Университетѣ, пока въ 5 томахъ, Письма Г. Портава къ Калониусу, Протоколы Боргосскаго сейма 1809 г., изслѣдованія Лейнберга о происхожденіи, развитіи и развѣтвленіи финляндскихъ территориальныхъ общинъ до 1885 г. и т. д.).

Кромѣ этихъ наиболее извѣстныхъ ученыхъ обществъ въ Финляндіи существуютъ еще слѣдующія: Педагогическое общество (учрежденное въ 1863 г., Финляндское медицинское общество, учрежденное въ 1835 г., Общество 12-ти (Föreningen duodecim), медицинское, учрежденное въ 1881 г., Общество народнаго просвѣщенія, учрежденное въ 1872 г., Финское общество древностей, учрежденное въ 1870 г. (2-ое), Географическое общество (Geografiska för eningen), учрежденное въ 1888 г.

стіе въ различныхъ сѣздахъ и собраніяхъ, Университетъ постепенно освобождался отъ административной опеки 40-хъ и 50-хъ годовъ, то благодаря поддержкѣ своихъ властей, то въ спокойной, но упорной борьбѣ съ ними.

До 1865 г. постъ Вице-Канцлера занималъ горячо любимый студентами и глубокоуважаемый профессорами Баронъ Мункъ. При немъ, а также при его преемникѣ, Генералѣ Индреніусѣ (впослѣдствіи Баронѣ Индреніусѣ), герцо 9 кавказскихъ кампаній, между Вице-Канцлеромъ и Университетомъ господствовала полная гармонія и взаимное довѣріе. Барону Индреніусу Университетъ обязанъ возстановленіемъ отдѣленій (землячествъ), въ 1868 г. Въ подробной запискѣ онъ изложилъ свой взглядъ на значеніе такихъ студенческихъ организацій, пользу, ими приносимую и Университету вообще, и студентамъ въ особенности. Его ходатайство было уважено и землячества вновь появились при Университетѣ (о ихъ организаціи съ 1868 г. ср. ниже). Къ общему сожалѣнію всѣхъ университетскихъ Индреніусъ уже въ 1869 г. покинулъ свой постъ, уступивъ мѣсто тоже генералу, но иного направленія, барону Казиміру Котену. Котенъ былъ яримъ противникомъ всѣхъ научно-политическихъ стремленій финновъ и не меньшимъ врагомъ началъ академическаго самоуправленія. Съ момента его вступленія вновь начались столкновенія между Университетомъ и Вице-Канцлеромъ. Занимая въ одно и то же время должность Начальника Главнаго Управленія Училищнаго вѣдомства и Вице-Канцлера Университета, онъ всячески старался противоудѣйствовать расширенію правъ финскаго языка, какъ въ школахъ, такъ и въ Университетѣ.

По его почину финскій языкъ былъ исключенъ изъ числа обязательныхъ предметовъ при кандидатскомъ испытаніи. Фенноманы были для него «*cette affreuse canaille*». Онъ стремился къ тому, чтобы путемъ реорганизаціи всего училищнаго строя обезпечить и на будущее время господство шведскихъ высшихъ классовъ въ Финляндіи; финскій народъ долженъ былъ остаться подъ опекой высшихъ шведскихъ классовъ; эти классы по его мнѣнію были предназначены къ господству въ Финляндіи, но ихъ

значеніе и задача, въ глазахъ Котена, были еще шире. Одаренный выдающимися, по мнѣнію Котена, способностями и имѣющій великое культурное значеніе шведскій господскій классъ долженъ былъ занять подобающее ему вліятельное мѣсто въ русской чиновной аристократіи, играть роль посредника между Россіей и Скандинавіей, которымъ суждено по мнѣнію Котена объединиться союзомъ. Но для этого финляндскіе шведы должны пріобрѣсти основательное знакомство съ русскимъ языкомъ; лишь знающіе русскій языкъ могутъ имѣть претензіи на занятіе болѣе важныхъ должностей въ Финляндіи; въ случаѣ недостаточнаго своего знакомства съ русскимъ языкомъ финляндскіе шведы должны уступить свое мѣсто въ финляндской административной іерархіи русскимъ, знакомымъ съ шведскимъ языкомъ. Подготовить такихъ будущихъ объединителей Россіи и Скандинавіи—есть важнѣйшая политическая задача и гимназическаго и университетскаго просвѣщенія въ Финляндіи. Ядромъ этого цѣлесообразнаго политическаго просвѣщенія должна была быть, по мнѣнію Котена, основанная въ 1870 г. графомъ Адлербергомъ русская Александровская гимназія въ Гельсингфорсѣ. Нельзя не признать, что идеи Котена были смѣлы. Ясно, что для политика съ такимъ направленіемъ широкая университетская автономія и распространеніе этой автономіи на студенческіе кружки было дѣломъ крайне антипатичнымъ. Онъ старался вмѣшиваться какъ можно больше въ университетскія дѣла. Землячества, по его мнѣнію, слѣдовало вновь упразднить. Консistorію, которую онъ называлъ «клубомъ», нужно было преобразовать въ смыслѣ большаго подчиненія ея Вице-Канцлеру.

Въ 1870 и 1871 г.г. тишина и спокойное теченіе университетской жизни были нарушены манифестаціями студентовъ противъ учрежденія, до нельзя ненавистнаго финляндцамъ,—цензуры, и ея дѣятелей, цензоровъ. Въ Архивѣ Статсъ-Секретаріата ¹⁾ хранятся документы, касающіеся этихъ «безпорядковъ». Нюландскій Губернаторъ прислалъ на имя Генераль-Губернатора Графа Адлерберга слѣдующее донесеніе:

¹⁾ Всеподданнѣйшій докладъ 1870 г. № 71.

«Въ дополненіе телеграммы отъ $\frac{18 \text{ Февраля}}{2 \text{ Марта}}$, посланной Гельсингфорскимъ Полиціймейстеромъ къ Вашему Сіятельству о происшествіи, случившемся $\frac{17 \text{ Февраля}}{1 \text{ Марта}}$ 1870 г. въ Гельсингфорсѣ, честь имѣю донести, что въ 5-мъ часу пополудни собралось до 100 студентовъ на крыльцѣ университетскаго зданія и значительная толпа гуляющихъ по случаю масляницы на площади Сенатской смотрѣть карнавальское катаніе лицеистовъ. По оставшемся безъ особыхъ происшествій катаніи, къ 6 часу студенты, сопровождаемые любопытною толпою зрителей, направились къ редакціи газеты «Дагбладтъ», гдѣ пропѣли нѣсколько пѣсень, въ томъ числѣ «Vårtland» и прокричали: да здравствуетъ «независимая печать». Оттуда они отправились къ редакціи газеты Суометаръ и Гуфвудстагсбладъ, гдѣ повторилось то же самое, съ тою разницей, что у редакціи Суометаръ они пропѣли финскую пѣсню. Послѣ этого собрались тоже студенты въ ресторацію новаго театра, гдѣ въ теченіе вечера нѣкто шведскій подданный говорилъ рѣчь, при семъ въ копіи прилагаемую, осуждающую всѣ за границу законности выходящіе поступки и производящую замѣтное впечатлѣніе на присутствующихъ. Считаю долгомъ прибавить, что по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ студенты имѣли въ виду своимъ поступкомъ показать неудовольствіе Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Арппе, какъ предсѣдателю Главнаго Управленія по дѣламъ печати».

Вице-Канцлеръ Баронъ Котенъ писалъ къ графу Адлербергу по этому поводу слѣдующее:

«Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur de faire part à Votre Excellence de ce que j'ai fait à la suite des démonstrations du mardi passé. Ce jour-là toute la ville était sur pied pour voir les farces du carnaval et parmi la foule qui s'arrêtait devant trois bureaux de la presse soi disant libre, il y avait aussi der étudiants, qui chantaient «Vårt Land» et criaient des Vivats pour la presse libre. Rien n'eut été plus facile, que de les faire subir quelque petites peines correctionnelles, dont l'effet eut été peu sensible et sans effet. J'ai donc cru mieux faire de convoquer les curateurs de toutes les sections, que j'ai engagé de rassembler les sec-

tions afin de leur dire de ma part, que non seulement que je désapprouvai que les étudiants se mêlent à des démonstrations quelconques, mais qu'à l'avenir je rendrais les sections responsables de semblables désordres, qui ne seraient être renouvelés, si les étudiants raisonnables usaient de leur influence sur leurs camarades inconsidérés. A force de leur faire comprendre, qu'il était de leur intérêt de prévenir les démonstrations, qui pourraient avoir des suites désagréables pour tous, comme par exemple la dissolution des sections, la clôture de l'Université etc. et que pour ma part j'inclinerai toujours pour les mesures qui produisent les meilleurs effets, que les punitions partielles de quelques étourdis,—j'ai offert que chaque section s'est prononcé contre les démonstrations en se donnant le mot, de ne pas les tolérer.

Mes rapports avec les étudiants sont francs et bons et ils savent très bien que jamais je n'excuserai ce que n'est pas excusable. Le recteur et plusieurs professeurs m'ont remercié de ce que les choses se sont passées ainsi».

7 Mars 1870».

Въ 1871 г. впрочемъ повторилась такая же исторія. Студенты устроили манифестацію передъ окнами редактора официальной газеты «Finlands allmänna tidning», профессора русскаго языка Нордквиста, въ качествѣ представителя «не свободной печати». Эти происшествія имѣли слѣдующія послѣдствія. Высочайшимъ Повелѣніемъ отъ 21 Апрѣля 1871 г. учреждена новая коммисія для пересмотра устава Университета подъ предсѣдательствомъ Барона Котена, изъ Членовъ: Сенаторовъ—Антель и Пальмень, Нюландскаго Губернатора Тиллена, Д. С. Сов. Арппе, Ректора Университета Линделева и профессора Лагуса.

Уставъ 1852 г. не былъ замѣненъ новымъ уставомъ; онъ подвергся только значительнымъ отчасти крупнымъ, отчасти мелкимъ измѣненіямъ. Но права студентовъ были ограничены. 30 Мая 1871 г. издано Высочайшее объявленіе о различныхъ ограниченіяхъ правъ и привилегій, дарованныхъ студентамъ Императорскаго Александровскаго Университета (ограниченія касались преимущественно корпоративныхъ правъ студентовъ). Строгий и взы-

скательный Вице-Канцлеръ въ 1873 г. былъ уволенъ отъ должности вслѣдствіе столкновенія съ Генераль-Губернаторомъ Графомъ Адлербергомъ. Его замѣнилъ не генераль, какъ то бывало съ 1821—1873 г., а дѣятель гражданского вѣдомства: бывший профессоръ, прокуроръ и сенаторъ Баронъ І. Ф. Пальмень, оставшійся во главѣ Университета почти четверть столѣтія.

Тенденціи, проводимыя Котеномъ въ отношеніи какъ училищнаго вѣдомства, такъ въ отношеніи Университета, взволновали всю Финляндію. Земскіе чины, собравшіеся на сеймъ 1872 г., подали петицію Государю Императору о томъ, чтобы болѣе важныя измѣненія въ уставѣ Университета, которыя, какъ то доказано уставомъ 1852 г., касались и правъ, присвоенныхъ гражданамъ общимъ закономъ, въ томъ числѣ уложеніемъ 1734 г., не издавались административнымъ порядкомъ, какъ въ 1852 г., а съ согласія и по выслушаніи земскихъ чиновъ.

Петиціонная коммисія сейма (Besvärskottet), на заключеніе которой была передана петиція земскихъ чиновъ (духовнаго сословія), заявила, что какъ уставъ 1828 г., такъ и уставъ 1852 г., были изданы административнымъ порядкомъ, но отчасти по тому, что въ то время законный органъ, при посредствѣ котораго народъ могъ бы выразить свое желаніе, былъ погруженъ въ долготѣнній сонъ. Послѣ того же, какъ новый сеймовый уставъ обезпечилъ періодическій созывъ земскихъ чиновъ, правительство уже болѣе не принуждено брать на себя исключительно отвѣтственность и всю тяжесть законодательныхъ мѣръ по такимъ деликатнымъ, глубоко вторгающимся въ общественную жизнь вопросамъ, касающимся важнѣйшихъ культурныхъ интересовъ народа. «Наши основные законы проникнуты идеей о согласномъ дѣйствиіи монарха и земскихъ чиновъ для обезпеченія блага страны»; если не буква, то духъ основныхъ законовъ нарушается, если эта совмѣстность въ дѣйствіяхъ устраняется. Кромѣ указанной въ § 75 сеймоваго устава возможности сеймоваго участія въ дѣлахъ, которыя нарочно не указаны, какъ входящія въ компетенцію сейма въ пользу признанія права сейма на выслушаніе его мнѣнія при изданіи законовъ, касающихся Университета, можно сослаться

и на привилегіи духовенства, какъ на нормы, возведенныя на степень основныхъ законовъ.

Къ сему нужно прибавить, что участіе сейма неизбежно, коль скоро штудирующая молодежь подвергается какимъ бы то ни было постановленіямъ, отклоняющимся отъ общихъ законовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, коммисія поддержала петицію, и всѣ земскіе чины приняли оную единогласно безъ преній. Что касается Сената, то мнѣнія въ немъ раздѣлились. Часть Сенаторовъ полагала, что только та часть законовъ объ Университетѣ требуетъ содѣйствія земскихъ чиновъ, которая касается или привилегій духовенства 1723 г., или заключаетъ въ себѣ отступленіе отъ общихъ законовъ; нѣкоторые Сенаторы полагали возможнымъ допустить участіе сейма въ законодательствѣ объ Университетѣ съ голосомъ совѣщательнымъ, наконецъ часть Сенаторовъ объявила, что законы объ Университетѣ входятъ въ кругъ Монаршей прерогативы, и что сейму до нихъ дѣла нѣтъ. Какъ видно изъ отношенія Статсъ-Секретаріата отъ 14/26 Декабря 1873 г., Его Императорское Величество отклонилъ петицію сейма. Сіе Высочайшее рѣшеніе было опубликовано въ официальныхъ газетахъ 14 Января 1874 г.

Требованіе допущенія сейма къ участію въ законодательствѣ, касающемся Университета, насколько намъ извѣстно, не возобновлялось, но все болѣе возростающій интересъ къ просвѣщенію получилъ свое выраженіе и въ томъ, что земскіе чины все чаще приступали къ обсужденію вопросовъ о нуждахъ Университета, коль скоро въ одно изъ сословій, конечно чаще всего въ сословіе духовное, вносились петиціи, касавшіяся Университета. При обсужденіи такихъ вопросовъ большую роль конечно играли засѣдавшіе въ сеймѣ профессора¹⁾. Но и въ вопросахъ политическихъ

¹⁾ Такъ въ сеймѣ 1872 г. была внесена петиція отъ имени города Гельсингфорса объ учрежденіи кафедръ шведскаго языка и древне-скандинавскаго языка. Однимъ изъ защитниковъ петиціи былъ извѣстный впоследствии профессоръ Мехелинъ; онъ участвовалъ впервые въ сеймовыхъ работахъ въ 1867 г. въ качествѣ секретаря статной коммисіи и коммисіи временныхъ налоговъ. Въ 1872 г. онъ былъ уже депутатомъ въ городскомъ

«кабинетные ученые» принимали дѣятельное участіе. Если взять списокъ депутатовъ сейма 1877—1878 г. и слѣдующихъ сеймовъ и списокъ членовъ различныхъ сеймовыхъ комиссій, то мы увидимъ, что университетскіе дѣятели, вошедшіе въ составъ курій сейма, принимали самое близкое участіе въ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ работахъ, или въ качествѣ предсѣдателей или членовъ комиссій, или въ качествѣ ихъ секретарей (если они не были избраны въ качествѣ депутатовъ). Работа въ этихъ комиссіяхъ для профессоровъ-юристовъ и для ихъ учениковъ, молодыхъ кандидатовъ и магистровъ, была школой практики.

Участіемъ теоретиковъ отчасти объясняется подчасъ доктринерскій тонъ, но въ большинствѣ случаевъ и дѣйствительно научное содержаніе заключеній сеймовыхъ комиссій. Нѣкоторыя изъ этихъ заключеній представляютъ собою цѣлыя монографіи по финансовому праву, административному праву, гражданскому праву.

сословіи отъ города Гельсингфорса. Петиція была уважена въ 1876 г. Тотъ же сеймъ разсматривалъ петицію городовъ Улеборга, Нюстада и Торнео объ упраздненіи взимаемой въ пользу Университета таможенной пошлины съ вывоза досокъ, бревенъ, смолы и дегтя. Пошлина эта, какъ указано въ главѣ I, была установлена въ 1802 г., а 1862 г. она была подтверждена ко взиманію до конца 1878 г. Доходъ Университета отъ этой пошлины равнялся 110.000 м. ежегодно; изъ нихъ 64.000 м. поступали въ фондъ для новыхъ построекъ университетскихъ; а остатокъ, каждый разъ съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, расходовался на поддержку наукъ и преподаванія. Уже давно эта пошлина была предметомъ жалобъ со стороны торговцевъ означенными выше вывозными продуктами. Петиція городского сословія не нашла поддержки у другихъ сословій, однако горожане обратились съ своей петиціей непосредственно къ Высочайшей власти. Консисторія въ свою очередь ходатайствовала о сохраненіи за Университетомъ правъ на взиманіе этой таможенной пошлины. Правительство рѣшило упразднить ее и замѣнить ее особой вывозной таможенной пошлиной, поступающей въ статный фондъ, Университету же выдавать съ тѣхъ поръ соответствующее вознагражденіе изъ казны. Сейму 1877—1878 г. г. подана была петиція объ увеличеніи средствъ Университета на содержаніе молодыхъ ученыхъ; сейму 1885 г. петиція объ учрежденіи кафедры гигиены, о допущеніи женщинъ въ Университетъ для занятія науками, наравнѣ съ мужчинами; такая же петиція была подана сейму 1888 г. О рѣшеніи этихъ возбужденныхъ въ сеймѣ вопросовъ мы поговоримъ ниже, когда коснемся измѣненій въ организаціи Университета съ 1863—1900 г. Замѣтимъ здѣсь только, что допущеніе женщинъ въ Университетъ осуществилось не безъ жаркой борьбы съ «консервативными взглядами». Сеймъ 1888 г. обсуждалъ также вопросъ о системѣ подготовки молодыхъ юристовъ для практической дѣятельности. Правительство, удерживая за собой право рѣшенія всѣхъ университетскихъ вопросовъ, встаетъ не стѣсняло сеймъ въ свободѣ обсужденія нуждъ высшаго образованія въ краѣ.

Возраставшее политическое значеніе ученыхъ силъ страны побудило правительство привлечь ихъ къ участию въ управленіи краемъ. Намъ уже пришлось упомянуть о случаяхъ такого перехода финляндскихъ ученыхъ съ кафедръ на кресла сенаторовъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей. Знаменитый публицистъ и ученый Снельманъ былъ пять лѣтъ Сенаторомъ, стоя во главѣ финансовой экспедиціи. Бывшій ректоръ Арппе былъ назначенъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Профессора Богословскаго факультета издавна занимали епископскія кафедры. Но то все были единичные случаи. Въ 1882 году же сразу вошли въ составъ высшаго мѣстнаго органа управленія 3 профессора, притомъ люди съ политическимъ вѣсомъ и съ опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ. То были профессора: Мехелинъ, Монгоммери и Ирѣ-Коскиненъ. Мехелинъ былъ назначенъ Сенаторомъ и помощникомъ начальника финансовой экспедиціи, впоследствии же онъ занялъ постъ начальника экспедиціи торговли и промышленности; Монгоммери былъ назначенъ прокуроромъ Сената (въ 1891 г. онъ назначенъ президентомъ Вазаскаго гофгерихта); Ирѣ-Коскиненъ былъ назначенъ Сенаторомъ-начальникомъ камерной экспедиціи (съ 1885 г. начальникомъ духовной экспедиціи). Это назначеніе трехъ лицъ, бывшихъ одновременно и наиболѣе извѣстными въ Финляндіи учеными и политиками, было встрѣчено въ Финляндіи очень симпатично. Въ этой мѣрѣ видѣли вліяніе «парламентаризма», вытѣснившаго бюрократизмъ съ его тенденціей замѣщать сенаторскія кресла членами не большаго круга семействъ: родственниками наиболѣе вліятельныхъ чиновниковъ¹⁾. Впечатленіе это усилилось, когда въ 1886 г. на постъ Вице-Предсѣдателя Хозяйственнаго Департамента Сената былъ назначенъ баронъ С. В. Ф. Триоль, не прошедшій никакого административнаго стажа. Мехелинъ и Монгоммери были представителями умѣренно свекоманскихъ тенденцій, выразившихся въ извѣстной, появившейся въ 1880 г. на столбцахъ газеты «Dagblad» программѣ либеральной

¹⁾ А. Шуаманъ въ своемъ интересномъ сборникѣ «Nu och förr» помѣстилъ статью, въ которой онъ съ ядкой ироніей указалъ на этотъ практиковавшійся въ Сенатѣ nepотизмъ.

партіи. Подъ эту программу подписались, кромѣ Мехелина и Монгоммери, профессоры Пиппингшельдъ, Рунебергъ, Зеланъ, Вальгрень. Эта партія объявила въ своей программѣ, что главной задачей, къ исполненію которой должно стремиться, нужно признать укорененіе началъ «конституціонныхъ» и либеральныхъ учреждений,—что споръ о языкахъ имѣеть сравнительно второстепенное значеніе. Эта программа, разгнѣвавшая вполнѣ основательно русское правительство, въ то же время возбудила негодованіе и въ лагерѣ фенномановъ. Снельманъ отвѣтилъ на программу рядомъ рѣзкихъ статей, въ которыхъ онъ упрекнулъ либеральную партію въ эгоизмъ и въ политической близорукости, не сумѣвшей оцѣнить значенія національнаго элемента въ развитіи страны. Онъ заключилъ свою полемику статьей «къ испуганнымъ». «Если, говоритъ онъ, какое либо стремленіе въ мірѣ заслуживаетъ быть названнымъ либеральнымъ, такъ это то, которое имѣеть цѣлью освободить 2 милліона людей отъ цѣпей мрака. Откуда появится этотъ образованный финскій общественный классъ, который выступаетъ съ грознымъ обликомъ въ отдаленномъ будущемъ? Я отвѣчаю спокойно и съ глубокимъ убѣжденіемъ: ядро его должно образоваться изъ дѣтей и потомковъ нынѣшняго образованнаго шведскаго класса и я полагаю, что если это случится, то это будетъ незамѣнимымъ счастьемъ для края. Но это должно совершиться безусловно: къ тому доведетъ сила обстоятельствъ. И для меня составляетъ радость въ послѣдній день года признать и высказать эту мысль для успокоенія испуганныхъ. Эти грядущія поколѣнія должны передать финскому народу образованность, унаслѣдованную отъ пращуровъ, однако въ формѣ, могущей приобщить къ наслажденію ею и народъ, и которая симъ народомъ будетъ признана національною. Тотъ общественный классъ, который благодаря историческимъ обстоятельствамъ получилъ въ наслѣдство всю власть въ этомъ краѣ, будетъ тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало быть всегда, но чѣмъ онъ не былъ,—естественнымъ руководителемъ финскаго народа; онъ долженъ приобрести то, что ему до того времени недоставало: вѣрную опору въ признательности милліоновъ. Не слѣдуетъ забывать, что національной самобытности

мелкихъ народовъ угрожаютъ многія опасности. Избѣгнуть ли Финляндія тяжелыхъ дней? Исторія не подаетъ на то надеждъ. Но да не наступятъ эти дни прежде, чѣмъ совершится великое преобразованіе (Снелъманъ говоритъ про объединеніе финляндскихъ финновъ и шведовъ въ одну націю), прежде чѣмъ ихъ встрѣтитъ единая нація. Сильный и живой духъ можетъ быть придавленъ, но не сломленъ, и изумленное потомство увидитъ его возрожденіе, увидитъ, какъ воскресшій изъ земли духъ проявится въ новой формѣ, духъ новый и тѣмъ не менѣе неизмѣнный, творческій въ жизни народовъ въ теченіе столѣтій».

Статьи Снелъмана нанесли либеральной партіи сильное пораженіе, но въ то же время оскорбили значительныя по объему и значенію группы населенія. Съ конца 70-хъ и съ начала 80-хъ годовъ борьба между свекоманами и фенноманами принимала все болѣе острый характеръ и борьба партій раздвоила и академическую молодежь на 2 лагера. Студенческія землячества (отдѣленія) не остались въ сторонѣ отъ событій дня.

На общихъ студенческихъ собраніяхъ («allmänna studentmöte») дѣло доходило до весьма горячихъ споровъ. Большинство въ землячествахъ было фенноманское, за исключеніемъ землячества Нюландскаго, которое выступило защитникомъ свекоманскихъ тенденцій, поддерживая ихъ собираніемъ шведскихъ народныхъ пѣсень, сказокъ, преданій, публикуемыхъ въ Альбомѣ, издаваемомъ періодически этой богатѣйшей изъ финскихъ студенческихъ корпорацій. На изданіе этого Альбома правительство смотрѣло не очень дружелюбно; въ дѣлахъ Архива Статсъ-Секретаріата, въ 70-хъ годахъ существовала, какъ видно изъ реестра, секретная переписка между Министромъ Статсъ-Секретаремъ Графомъ Армфельтомъ и Генераль-Губернаторомъ Графомъ Адлербергомъ о приостановкѣ изданія Альбома Нюландскаго отдѣленія. Вражда партій доросла до такой степени жгучести, что одинъ изъ свекомановъ, молодой магистръ (въ 80-хъ годахъ), даже посягнувъ на жизнь профессора Я. Форсмана, брата извѣстнаго Ирье-Коскинена. Вожаки партій были часто предметами овацій и демонстрацій со стороны студентовъ, которые съ середины 70-хъ годовъ (какъ

увидимъ ниже) снова пользовались болѣе широкой свободой собраній и сходокъ.

Поводомъ къ болѣе или менѣе шумнымъ манифестаціямъ были и различные патріотическіе праздники, дни рожденія Рунеберга, Портана, Снелъмана, 400-лѣтіе основанія крѣпости Олофсборгъ (Нишлотъ), а въ 80-хъ годахъ открытіе и освященіе памятниковъ на мѣстѣ побѣдъ финской арміи въ 1808—1809 гг. 1).

1) 400-лѣтіе Олофсборга въ 1875 г. было поводомъ къ устройству праздника въ Нишлотѣ, въ которомъ участвовали какъ нѣкоторые профессора университета, такъ и представители студенчества. Главнымъ ораторомъ выступилъ проф. Альквистъ. Этотъ же праздникъ былъ поводомъ къ жаркой полемикѣ между Альквистомъ и Ирѣ-Коскинею. Альквистъ въ своей рѣчи говорилъ весьма холодно, отчасти даже враждебно про Россію и отрицалъ всякій долгъ благодарности Финляндіи по отношенію къ Россіи. Ирѣ-Коскиненъ напротивъ настаивалъ на томъ, что Финляндія своимъ благосостояніемъ не въ малой степени обязана Россіи и ея покровительству. «Человѣкъ, говорилъ Альквистъ, не можетъ впередъ знать своей судьбы, и мы поэтому не знаемъ, что будущее время дастъ нашей Финляндіи. Однако, озиряясь вокругъ на настоящее наше положеніе, мы всетаки можемъ высказать твердую надежду, что будущее наше не будетъ темнымъ, мрачнымъ. Все конечно покоится въ рукахъ Божіихъ. Но во многихъ отношеніяхъ будущее зависитъ и отъ насъ самихъ. Величайшее препятствіе, величайшій врагъ таится въ груди человѣка; тамъ гнѣздится червь человѣческаго эгоизма, пожирающій все благородныя стремленія, тамъ скрывается многоголовая гидра народной вражды. Убьемъ это чудовище въ нашемъ народѣ; задавимъ его отпрыски! Тогда мы можемъ твердо надѣяться, что, если опять столѣтіе канетъ въ вѣчность и если наши внуки опять будутъ праздновать праздникъ Олофсборга, полутысячелѣтіе этого замка,—мы будемъ гораздо счастливѣе и сильнѣе и радостнѣе, чѣмъ теперь; праздничная рѣчь прозвучитъ краше теперешней, и тогда пѣснь про отечество зазвучитъ и выше и сильнѣе, чѣмъ звучитъ наше пѣнопѣніе».

Неоднократно въ рѣчахъ, обращенныхъ къ публикѣ, въ особенности къ молодежи, встрѣчаются эти указанія на свѣтлое будущее Финляндіи, на грядущіе дни, которые оправдаютъ надежды патріотовъ. Часто цитировались стихи Рунеберга «Än kommer dag ännu äg ej allt förgi» (Еще наступитъ день, пока еще не все кончено). На русское правительство, въ то время относившееся къ Финляндіи уже ни въ какомъ случаѣ не враждебно, эти упованія на нѣчто крупное, что должно было совершиться, что не существовало въ либеральное царствованіе Александра II, производили весьма тяжелое впечатлѣніе, усугублявшееся тѣми патріотическими словами, которыя расточались при освященіи памятниковъ на поляхъ сраженій 1808—1809 гг. Въ этихъ праздникахъ молодежь принимала всегда дѣятельное участіе.

Замѣчательно то, что Императоръ Александръ II не давалъ разрѣшенія на постановку памятниковъ при Лапо и Ютасъ: Графъ Армфельтъ по поводу ходатайствъ о разрѣшеніи поставить памятники на этихъ мѣстахъ, представилъ Государю Императору Александру II всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что означенныя сраженія имѣли весьма ничтожное значеніе и что въ особенности село Ютасъ получило имя лишь благодаря стихамъ Рунеберга. Государь объявилъ Графу Армфельту свою волю о томъ, что вообще нужно содѣйствовать тому, чтобы воспоминанія о кровавыхъ столкновеніяхъ между русскими и финнами изгладились, а не поддерживались постановкой памятниковъ, дающей поводъ въ различныхъ рѣчахъ.

Произнесеніе рѣчей вообще не выходило изъ моды, даже послѣ появленія сравнительно весьма большаго количества газетъ и журналовъ. Во всѣхъ студенческихъ праздникахъ и собраніяхъ, и промоціяхъ, при записи и перепискѣ студентовъ въ началѣ учебнаго года, рѣчи лились безостановочно и обильно. Сдержанная, молчаливая натура финновъ въ такія минуты вдохновенія какъ бы измѣняла себѣ. Всѣ эти рѣчи конечно не оставались безъ вліянія на публику, но съ другой стороны привычка къ рѣчамъ постепенно низводила ихъ на ступень обыденныхъ явленій.

Въ первые моменты послѣ искусно произнесенныхъ рѣчей слушатели оглашали свой энтузіазмъ возгласами: *elaköön*, и 7 или 9 кратнымъ ура, воодушевлялись красивыми фразами и изящными построеніями оратора, а потомъ впечатлѣніе (въ большинствѣ случаевъ) быстро улетучивалось.

Обычныя и частыя рѣчи академическихъ и неакадемическихъ ораторовъ въ Финляндіи въ сущности имѣютъ весьма небольшое значеніе. Конечно бывали случаи, что рѣчь какого либо знаменитаго согражданина оставляла неизгладимыя черты въ памяти молодежи и давала направленіе ихъ дѣятельности и мысли. Такова была напр. рѣчь Снельмана, произнесенная въ день его именинъ въ 1875 г., рѣчь, въ которой онъ указалъ студентамъ на необходимость дѣятельно заботиться о просвѣщеніи народной массы и лично по возможности вносить свою трудовую лепту въ просвѣтительную работу. Эта рѣчь Снельмана по нашему мнѣнію есть исходная точка стремленія студентовъ, выразившагося въ устройствѣ студентами въ вакаціонное время общеобразовательныхъ курсовъ въ деревняхъ, въ участіи ихъ въ преподаваніи въ такъ называемыхъ народныхъ университетахъ и т. д. (на эту же тему Снельманъ говорилъ и во время Майскаго праздника 13 Мая 1876 г. ¹⁾).

¹⁾ Рѣчь Снельмана 1875 г. напечатана въ IX томѣ его сочиненій (изд. Рейна). . . «Я живу, говорилъ онъ, такъ уединенно въ настоящее время, что я только по рассказамъ знаю про то, что совершается въ мірѣ. Небольше я знаю и про измѣненія, совершившіяся во внутренней жизни Университета, — я знаю только то, что публикуется. Но всегда ваше побезное посѣщеніе, господа, напоминаетъ мнѣ про великую разницу между настоящимъ

Благодаря этой настойчивой проповѣди объ обязанности студента уже на университетской скамьѣ думать объ общемъ благѣ,

временемъ и тѣмъ временемъ, когда я, будучи студентомъ, жилъ университетскою жизнью. Отчасти эта разница обусловлена тѣмъ, что въ то время Университетъ находился въ Або. Когда его перенесли въ Гельсингфорсъ, то на это, благодаря многимъ соображеніямъ, смотрѣли недружелюбно. Какъ профессора Университета, такъ и студенты чувствовали себя первоначально здѣсь какъ на чужой почвѣ, какъ потерянные, лишенные того, что столица края въ другихъ случаяхъ могла имъ предоставить. Мало по малу все это измѣнилось, и я убѣжденъ въ томъ, что мало людей найдется, кто не признаетъ, что нахождение Университета въ Гельсингфорсъ есть счастье и выигрышь. Несомнѣнно съ другой стороны, что это нахождение Университета въ столицѣ связано съ неудобствами, однако эти неудобства въ большинствѣ случаевъ парализуются тѣмъ, что столица Финляндіи всетаки очень маленькій городъ. Но всетаки неудобства остаются. Этотъ городъ, напр., на сколько мнѣ извѣстно, въ числѣ европейскихъ городовъ есть тотъ, въ которомъ люди имѣютъ больше всего времени и денегъ, чтобы предаваться удовольствіямъ, если мы сопоставимъ его населенность съ количествомъ удовольствій. Къ числу этихъ удовольствій я не желаю причислить дѣйствительныя наслажденія искусствомъ, ни наслажденія театромъ, ни наслажденія музыкой. Можно сказать, каковы бы то ни были всѣ эти удовольствія, всегда они, если не предметъ увлеченія, то всетаки предметъ интереса. Всѣ эти удовольствія, кончая танцами на канатѣ, танцами собакъ и какими бы то ни было танцами, не лишены радующихъ обожателей и зрителей впечатлѣній. Такая страсть къ развлеченіямъ и такое стремленіе къ зрѣлищамъ и удовольствіямъ не являются хорошимъ примѣромъ для академической молодежи; вліяніе ихъ не хорошее, ибо оно влечетъ за собою то, что многіе болѣе или менѣе погружаются въ этотъ омутъ, нравы многихъ развращаются, много драгоценнаго времени тратится на пустое. А по сему желательно, чтобы академическая молодежь въ своей обыденной жизни нѣсколько отдалаясь отъ столичныхъ жителей, чтобы мы жили своей особой жизнью; этимъ путемъ много вредныхъ вліяній было бы устранено. И многое еще находится въ столицѣ Финляндіи, что не можетъ служить предметомъ радости и что можетъ имѣть вредное вліяніе на мысль и духъ молодежи». (Снелъманъ указываетъ на то, что въ Гельсингфорсъ въ то время, 1875 г., не было ни одной финской школы, которая давала бы народной массѣ болѣе высокое образованіе, выходящее за предѣлы программы народной школы). Господство чужаго шведскаго культурнаго элемента, по мнѣнію Снелъмана, вліяетъ неблагоприятно на развитіе высшаго образованія въ Финляндіи.

«Оказывается, продолжаетъ онъ, что многія другія условія, которыя въ столицѣ должны бы были повліять благоприятно на университетъ, въ Гельсингфорсъ не имѣли этого вліянія. Эта столица, хотя мала какъ городъ, хотя столица лишь маленькой страны, представляетъ собою центральный пунктъ для общихъ начинаній и стремленій, исходный пунктъ этихъ начинаній и стремленій, и пунктъ, гдѣ они стекаются въ одно единое.

Имѣть такой примѣръ передъ глазами и выгодно и оживляюще для молодежи, которой этимъ путемъ напоминаетъ о томъ, что въ будущемъ будетъ для него обязанностью. Молодежь учится думать о томъ, что слѣдуетъ совершить для блага родины, что ей самой надо совершить, если она вступить на арену общественной дѣятельности. Вліяніе окружающей среды подняло общую жизнь Университета, и я не желаю бы усумниться въ томъ, что эта среда глубже и крѣпче укоренила сознание обязанности, прежде всего лежащей на молодежи: обязанности достойно готовиться къ будущему».

«Опытъ доказалъ, что даже не весьма отрадныя условія, указанныя мною, не могли въ связи съ ихъ вреднымъ вліяніемъ воздѣйствовать удручающимъ образомъ на энергію и стремленія академической молодежи. Напротивъ, Университетъ, который, благодаря

потрудиться для него, не удаляться отъ дѣятельныхъ сторонъ общественной жизни,—студенты Александровскаго Университета

своему присутствію въ столицѣ, не въ малой степени содѣйствуетъ благопріятному вліянію, которое можетъ имѣть столица на весь край,—Университетъ, даже устранилъ отчасти не очень то достойный фактъ, что столица Финляндіи не имѣетъ образовательныхъ учреждений для дѣтей финскаго народа. Ибо Университетъ поддержалъ сознание въ томъ, что ему надлежитъ содѣйствовать распространенію свѣта просвѣщенія въ народной массѣ. Въ Университетѣ, я убѣжденъ въ томъ, развилось и крѣпко укоренилось убѣжденіе, что ни одинъ народъ не можетъ быть доведенъ до просвѣщенія, если онъ не имѣетъ національной литературы».

Снелъманъ далѣе энергично настаиваетъ на томъ, что обязанностью Университета и профессоровъ его, вообще всякаго стоящаго на высотѣ научнаго призванія челоѵка, является выработка учебниковъ для народа и вообще созданіе популярной, доступной народу литературы.

«А посему радостно думать, что въ Университетѣ, въ средѣ университетской молодежи, удалось проявиться и восторжествовать убѣжденію, что необходимымъ предположеніемъ къ распространенію образования въ народной массѣ является наличность національной науки и національной литературы, дабы нашлись какъ подготовительныя работы, такъ и личности, могущія встать во главѣ труда для содѣйствія народному просвѣщенію. Благодаря тому, что Университетъ уже въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ продолжалъ доказывать, что нѣтъ недостатка въ искренно любящихъ труженикахъ въ этой средѣ, онъ (Университетъ) возвысилъ значеніе столицы для края и придалъ ей значеніе центра всѣхъ научныхъ стремленій въ средѣ финскаго народа».

Во время майскаго праздника, устроеннаго студентами 13 Мая 1876 г., къ которому были приглашены въ качествѣ почетныхъ гостей, кромѣ Снелъмана, еще Ленротъ, Рунебергъ и Сигнеустъ, Снелъманъ снова коснулся прогресса въ развитіи студенчества и сказалъ: «Тѣ, кто подобно мнѣ, видѣлъ студенческую жизнь въ нашей странѣ 50 лѣтъ тому назадъ и видятъ себя окруженнымъ этою жизнью съ современнымъ ея характеромъ, лишь тѣ могутъ понять какой крупный шагъ впередъ сдѣлало это развитіе. Я не хочу ближе касаться тѣхъ времени, съ ихъ крупными недостатками; скажу только одно: такъ какъ теперь, жизнь тогда не текла! Мы не видѣли собранія такого множества молодыхъ людей; собранія такого рода какъ теперь! Мы не видѣли ихъ въ такомъ обществѣ, какъ теперь. Мы не видѣли тогда, какъ теперь, студентовъ нашего времени заключать братства съ рабочими, стремиться оживлять ихъ собранія, обращаться къ народу для распространенія въ его средѣ знаній, студентами уже усвоенныхъ, дабы въ народѣ возбудить стремленіе къ знанію и образованію».

Такія упованія на будущую патріотическую дѣятельность академической молодежи высказывали почти всѣ ораторы, къ ней обращавшіеся. Но необходимо и безъ любезной лести. Когда поэтъ Топеліусъ, будучи ректоромъ Университета, говорилъ привѣтственную рѣчь къ вновь поступившимъ въ Университетъ студентамъ (въ 1875 г.), онъ сказалъ слѣдующее: «Воля студента благородна, его рѣшенія искренни. Онъ желаетъ быть челоѵкомъ честнымъ, челоѵкомъ сильнымъ, челоѵкомъ непоколебимой любви къ отечеству; онъ желаетъ до смерти бороться за свое убѣжденіе въ добрѣ. Къ достиженію этой цѣли нѣтъ инаго пути, какъ трудъ, безъ труда нѣтъ чести, нѣтъ силы, нѣтъ любви къ отечеству. Лишь долготѣнній, пожизненный, строгій, настойчивый трудъ завоевываетъ міръ. Воинъ можетъ пасть подъ знаменемъ и достигаетъ въ это одно мгновеніе доблестной цѣли своей жизни. Студенту это не суждено, какъ не суждено земледѣйцу превратить въ одно мгновеніе дикую пустыню въ плодосную ниву. Великое дѣло умереть за свое

искали всюду возможность какъ можно раньше приложить свой трудъ къ дѣламъ общепользнымъ. Студентовъ мы встрѣчаемъ не только въ качествѣ наставниковъ-гувернеровъ въ частныхъ домахъ; они идутъ въ помощники къ народнымъ учителямъ, сами организуютъ небольшіе общеобразовательные курсы, участвуютъ въ журналистикѣ въ качествѣ секретарей редакцій, сотрудниковъ, даже редакторовъ газетъ и журналовъ, нерѣдко даже исправляютъ общественныя должности (во время лѣтнихъ ваканцій исправляютъ временно обязанности городскихъ фохтовъ, секретарей городскихъ ратушъ и т. д. ¹⁾). Что профессора не стоятъ далеко отъ общественной жизни, было уже сказано. Едва ли существуетъ какая либо сфера общественной жизни Финляндіи, гдѣ бы мы не встрѣтились съ участіемъ и сотрудничествомъ профессоровъ. Въ сеймѣ, въ управленіи Финляндскимъ банкомъ, въ правленіи другихъ крупныхъ банковъ, въ журналистикѣ, въ различныхъ обществахъ и союзахъ, всюду работаютъ члены академической корпораціи. Конечно это участіе проникнуто вѣрой въ свѣтлое будущее Финляндіи, въ ея культурную самобытность. Въ этихъ сферахъ укоренилось убѣжденіе, что ихъ обязанностью является служба интересамъ Финляндіи и только Финляндіи, и развивая культуру Финляндіи, вносить свою лепту въ культурную работу всего человѣчества.

отечество, еще болѣе великое дѣло—жить для него. Ничего въ насъ самихъ, ничего изъ насъ самихъ, но безконечно многое въ союзѣ съ другими, въ сотрудничествѣ съ другими для общихъ цѣлей, въ честномъ стремленіи, на сколько то зависитъ отъ насъ, двинуть впередъ трудъ вѣковъ».

¹⁾ Каульбарсъ въ своей книжкѣ «Краткое обозрѣніе Великаго Княжества Финляндскаго» (на стр. 167) говоритъ: «Сами финляндцы часто жалуются на переполненіе своего университета, въ который поступаютъ довольно много лицъ низшаго сословія, что связано съ тѣмъ важнымъ неудобствомъ, что эти молодые люди, получивъ высшее и солидное образованіе, далеко неохотно возвращаются къ сельскимъ работамъ своихъ родителей. Съ другой стороны, сама Финляндія не имѣетъ возможности приютить всѣхъ этихъ людей въ своей администраціи и въ концѣ концовъ выходитъ, что студентъ, съ успѣхомъ окончившій университетъ, даже принимаетъ должность простаго Ленсмана въ Лапландіи, только чтобы хотя гдѣ либо приютиться». Не недоразумѣніе ли это! Въ Финляндіи еще до нынѣ встрѣчаются должности судейскія, не замѣщенные университетскими. Замѣщеніе же должности ленсмана университетскимъ явленіе болѣе желательное, чѣмъ нежелательное.

Широкая общественная предприимчивость членовъ Университета обусловлена тѣмъ, что измѣненія, послѣдовавшія въ уставѣ 1852 г., содѣйствовали освобожденію какъ профессоровъ, такъ и студентовъ отъ излишней административной опеки.

Къ ознакомленію съ этими измѣненіями мы теперь и перейдемъ.

Организація Университета, его властей и составныхъ частей осталась въ общихъ чертахъ неизмѣненной и послѣ 1863 г. (о томъ, что отдѣленія были восстановлены, мы уже упомянули). Компетенція должности Канцлера, стоявшаго во главѣ Университета и бывшаго всегда представителемъ его интересовъ передъ Государемъ Императоромъ и блюстителемъ пожалованныхъ ему правъ и преимуществъ,—не измѣнялась до 1891 г. Съ 1891 г. начинается постепенное расширеніе ея. Канцлеръ становится послѣдней инстанціей въ дѣлахъ и по вопросамъ, до того времени восходившимъ до Высочайшей власти. Въ силу Высочайшихъ постановленій отъ 7 Апрѣля 1891 г., 17 Августа 1893 г. и 20 Августа 1896 г. (о дополненіяхъ къ уставу 1852 г. или объ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ его статей) Канцлеру предоставлена диспенсиная власть, т. е. право разрѣшать отступленія отъ постановленій устава по мелкимъ вопросамъ (какъ то разрѣшать лицамъ, уже состоящимъ на службѣ, подвергаться публичнымъ испытаніямъ, разрѣшать отступленія отъ порядка экзаменаціоннаго, разрѣшать отерочку конкурсовъ на соисканіе профессуръ, измѣнять срокъ для начала лекцій, допускать къ чтенію частныхъ специальныхъ лекцій въ Университетѣ лицъ, не состоящихъ на службѣ по его вѣдомству). Но самое важное расширеніе власти Канцлера послѣдовало въ силу Высочайшаго Постановленія 20 Августа 1896 г., въ которомъ сказано: «Всѣ ординарные профессоры и библіотекарь, а также экстраординарные профессоры должны впредь быть назначены Канцлеромъ Университета или исправляющимъ должность Канцлера и должны получить отъ него грамоту на должность. То же самое правило относится къ увольненію ихъ отъ должности и къ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства. Если же по сему поводу возникаетъ вопросъ о пенсіи, то испрашивается

заключеніе Сената и, лишь въ случаѣ разногласія между Канцлеромъ Университета и Сенатомъ, дѣло повергается на окончательное рѣшеніе Его Величества. Тотъ же порядокъ соблюдается по отношенію къ прошеніямъ вдовъ и сиротъ профессоровъ о назначеніи граціонныхъ годовъ».

Но, расширяя власть Канцлера въ отношеніи замѣщенія профессорскихъ должностей, законодатель не расширилъ его дисциплинарной власти надъ профессорами и не опредѣлилъ ее въ точности. Въ этомъ отношеніи продолжаютъ дѣйствовать весьма неясныя постановленія устава 1852 г., поддающіяся весьма широкому толкованію. Непосредственный надзоръ за служебной дѣятельностью профессоровъ ввѣренъ, какъ мы указали во II главѣ, Вице-Канцлеру (ст. 28 устава 1852 г.), но такъ какъ Вице-Канцлеръ только замѣститель Канцлера на мѣстѣ, то высшій надзоръ несомнѣнно принадлежитъ Канцлеру. Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести возложенная на высшія власти Университета обязанность наблюдать за тѣмъ, «чтобы какъ преподаватели, такъ и студенты исполняли свои вѣрнопоподданнческія обязанности по отношенію къ Государю Императору въ качествѣ честныхъ финляндцевъ» въ уставѣ не сказано, а дальнѣйшія узаконенія, послѣдовавшія послѣ 1852 г., не внесли ясности въ эту *lex imperfecta*.

Что касается должности Вице-Канцлера, то нужно замѣтить, что законодатель, не измѣняя существенныхъ началъ ея компетенціи, установленныхъ въ 1852 г., съ 1863 г. постепенно расширяетъ распорядительную власть этого должностнаго лица. Вице-Канцлеръ утверждаетъ куратора отдѣленія (Рескриптъ Канцлера 26 Марта 1868 г.), утверждаетъ правила внутренняго управленія отдѣленій (Рескриптъ Вице-Канцлера 8 Мая 1868 г.), раздаетъ пособія бѣднымъ студентамъ изъ суммъ, Высочайше назначенныхъ (Рескриптъ Канцлера 18 Февраля 1870 г.), провѣряетъ и утверждаетъ постановленія Дисциплинарной Комисіи (Дисциплинарный регламентъ 9 Іюня 1873 г.), назначаетъ предсѣдателя и его замѣстителя при общихъ студенческихъ собраніяхъ (Регламенты 19 Января и 30 Сентября 1880 г.), утверждаетъ въ должности избраннаго Консисторіей Инспектора Казначейства (Высоч.

Объявл. 6 Марта 1889 г.), разрѣшаетъ пріемъ въ Университетъ женщинъ (Рескриптъ Канцлера 29 Ноября 1890 г.), утверждаетъ измѣненіе въ правилахъ объ общемъ студенческомъ собраніи и т. д.

Консисторія, т. е. Совѣтъ Университета, подвергалась въ своей организаціи, компетенціи и порядкѣ дѣйствій нѣкоторымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе изданія Высочайшаго Постановленія 9 Іюня 1873 г. Въ общемъ Консисторія сохранила свою компетенцію, — она донинѣ имѣетъ въ своихъ рукахъ общее управленіе имуществомъ Университета, а также завѣдываніе всѣми хозяйственными дѣлами Университета чрезъ посредство специальныхъ органовъ. Ей ввѣрена судебная власть въ дѣлахъ о служебныхъ проступкахъ преподавателей и чиновниковъ Университета и по спорамъ о жалованьи и иныхъ доходахъ по службѣ. Но въ подробностяхъ компетенція ея нѣсколько измѣнилась.

Высочайшее Постановленіе 9 Іюня 1873 г. опредѣлило организацію Консисторіи слѣдующимъ образомъ: Консисторія состоитъ изъ ректора въ качествѣ предсѣдателя и 12 профессоровъ въ качествѣ членовъ, а именно: по 2 профессора факультетовъ богословскаго, юридическаго и медицинскаго и по 3 профессора изъ каждаго отдѣленія философскаго факультета¹⁾. Очередь поступления профессоровъ въ Консисторію опредѣляется старшинствомъ службы ихъ въ факультетѣ.

Эти 13 членовъ составляютъ и понынѣ, такъ сказать, Консисторію въ узкомъ смыслѣ слова, то, что въ германскихъ университетахъ называется Сенатомъ Университета. Кромѣ того существуетъ еще «plenum» Консисторіи, т. е. полное собраніе всѣхъ ординарныхъ профессоровъ для избранія ректора и проректора, для составленія кандидатскаго списка для замѣщенія преподавательскихъ вакансій, для рѣшенія вопросовъ о назначеніи экстраординарныхъ профессоровъ и о выдачѣ пособія литераторамъ. Консисторія созывается ректоромъ, который и докладываетъ дѣла. Протоколъ ведется секретаремъ.

¹⁾ Съ 1902 г. въ философскомъ факультетѣ состоитъ еще 3-е отдѣленіе: агрокультурно-химическое, но въ постановленіи объ его учрежденіи ничего не сказано о представительствѣ его въ консисторіи.

Всѣ члены консисторіи обязаны посѣщать правильно ея засѣданія, если не имѣютъ законныхъ препятствій къ участию въ засѣданіи. О такомъ законномъ препятствіи невялюющійся сообщаетъ ректору для занесенія въ протоколъ. Консисторія признается компетентной (полносудной), если налицо ректоръ и 6 членовъ, т. е. не подлежащихъ отводу; всѣ дѣла, требующія утвержденія Государя Императора и Канцлера, сообщаются отсутствующимъ членамъ, проживающимъ въ городѣ и коимъ законныя причины не препятствуютъ заниматься дѣлами. Заключение ихъ вносится въ протоколъ и принимается во вниманіе при голосованіи.

Дѣло, касающееся чисто научнаго вопроса или преподаванія, или испытанія на ученую степень или на право преподаванія въ Университетѣ, не должно быть принято Консисторіей на окончательное обсужденіе прежде, чѣмъ выскажетъ свое мнѣніе соответствующій факультетъ или отдѣленіе факультета. Диссертация (на ученую степень или на профессуру) обсуждается по существу исключительно соответствующимъ факультетомъ или отдѣленіемъ факультета, который (или которое) представляетъ свое заключеніе Консисторіи и, буде имѣется налицо нѣсколько соискателей, обсуждаетъ ихъ сравнительныя достоинства. На факультеты же возложены слѣдующія обязанности:

Ежегодно, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, факультеты обязаны составить планъ лекцій на будущій годъ и представить его на обсужденіе Консисторіи. Изъ факультетскихъ плановъ составляется общій лекціонный каталогъ, который печатается и распределяется по распоряженію ректора до конца Мая.

Каждый преподаватель обязанъ организовать и вести свое преподаваніе въ согласіи съ установленнымъ планомъ такимъ образомъ, какъ онъ считаетъ необходимымъ для доставленія слушателямъ основательнаго знакомства съ наукой и истиннаго просвѣщенія. Онъ долженъ читать лекціи такъ, чтобы то, что онъ преподаетъ слушателямъ, не противорѣчило вѣрѣ, законамъ отечества и началамъ нравственности. Кромѣ того преподаватели обязаны тщательно наблюдать и за нравственнымъ поведеніемъ молодежи, порученной имъ и ихъ преподаванію.

Объ измѣненіяхъ въ компетенціи и въ порядкѣ дѣятельности хозяйственнаго отдѣленія Консисторіи (Ekonomie divisionen) мы поговоримъ ниже при разсмотрѣніи управленія хозяйственными дѣлами Университета.

Ректоръ сохранилъ свои функціи и положеніе и послѣ 1863 г.; законоположенія, относящіяся до его должности, касались лишь подробностей его отношенія къ различнымъ составнымъ частямъ Университета.

Высочайшимъ объявленіемъ 8 Іюня 1858 г. уже былъ измѣненъ порядокъ избранія ректора: въ ректоры могли быть съ тѣхъ поръ избраны всѣ ординарные профессоры, которые состояли въ сей должности не менѣе 2 лѣтъ (а не только постоянные члены Консисторіи).

Что касается организаціи студентовъ, то она измѣнилась съ 60-хъ годовъ въ смыслѣ возстановленія началъ, господствовавшихъ до 1852 г.

По почину Вице-Канцлера Генерала Барона Идреніуса въ 1868 г. студенческія отдѣленія возстановлены. Въ 1868 г. издано 3 распоряженія о возстановленіи студенческаго корпораціоннаго самоуправленія, которое въ существѣ своемъ (послѣ непродолжительнаго въ 1871 г. движенія въ сторону тенденцій 1852 г.) сохранилось донинѣ. Органами студенческаго самоуправления являются съ тѣхъ поръ: отдѣленія студентовъ (Studentafdelningar) и общее собраніе студентовъ (Allmänt möte).

Въ силу Высочайшаго повелѣнія $\frac{29 \text{ Февраля}}{12 \text{ Марта}}$ 1868 г. студенты вновь, какъ и до 1852 г., сгруппированы въ отдѣленія (на началахъ землячества). Каждое отдѣленіе стоитъ подъ ближайшимъ надзоромъ одного изъ профессоровъ въ качествѣ инспектора и одного доцента или лиценціата въ качествѣ куратора. Кураторъ въ качествѣ помощника инспектора завѣдываетъ хозяйственными дѣлами отдѣленія, является блюстителемъ порядка въ отдѣленіи и ведетъ протоколъ въ собраніи отдѣленія.

Инспектора отдѣленій назначаются Канцлеромъ Университета, на 3 академическіе года, по представленію Вице-Канцлера. Кураторъ

каждаго отдѣленія избирается на 3 года студентами даннаго отдѣленія и утверждается въ должности Вице-Канцлеромъ по представленію Консисторіи. Въ случаѣ несогласія Консисторіи или Вице-Канцлера съ выборомъ отдѣленія, назначается новый выборъ въ томъ же отдѣленіи.

Очередныя собранія отдѣленій бывають разъ въ недѣлю.

Консисторіи предоставлено опредѣлить число отдѣленій, условія вступленія въ оныя и установить и вести общій надзоръ за ними, все это съ разрѣшенія Вице-Канцлера. Консисторіи же съ утвержденія Вице-Канцлера разрѣшено вносить въ постановленія объ отдѣленіяхъ измѣненія, требуемыя временемъ или обстоятельствами, обращая тщательное вниманіе на то, чтобы поддерживалась любовь къ порядку, прилежаніе въ занятіяхъ и уваженіе къ правиламъ нравственности, а также надлежащее приличіе и благопристойность въ средѣ академической молодежи ¹⁾.

Вслѣдствіе этого постановленія Консисторія составила особыя правила о раздѣленіи студентовъ на отдѣленія и объ условіяхъ поступленія въ оныя. Правила эти были утверждены Вице-Канцлеромъ 8 Мая 1868 года.

Всего установлено 6 отдѣленій: Нюландское, Тавастландское, Западно-финское, Эстерботническое, Саволакь-Карельское и Выборгское. Эти 6 отдѣленій обнимають собою 6 округовъ, на которые Финляндія раздѣлена въ отношеніи распредѣленія студентовъ, а именно: Нюландское отдѣленіе обнимаетъ собою всю Нюландскую губернію (за исключеніемъ 2 приходовъ); Тавастландское отдѣленіе обнимаетъ собою всю Тавастгусскую губернію, часть Нюландской, С.-Михельской и Вазаской губерній; Западно-финское отдѣленіе обнимаетъ собою всю Або-Бьернеборгскую губернію съ Оландскимъ архипелагомъ. Эстерботническое отдѣленіе обнимаетъ собою

¹⁾ Должность факультетскихъ кураторовъ, установленная уставомъ 1852 г., была упразднена. Деканамъ было предоставлено назначить младшаго доцента факультета къ веденію протокола безъ особаго за то вознагражденія, но съ правомъ взимать въ свою пользу установленныя закономъ канцелярскія пошлины за выдачу копій съ протоколовъ и свидѣтельствъ объ экзаменахъ. Деканы съ 1868 г. назначаются Канцлеромъ на 3 года, считая съ Сентября по Сентябрь.

всю Улеборгскую губернію и почти всю Вазаскую губернію; Саволаксь-Карельское отдѣленіе—всю Куопіоскую губернію и часть С.-Михельской, Выборгское отдѣленіе—Выборгскую губернію.

Каждый студентъ долженъ быть записанъ въ одно изъ этихъ отдѣленій. Приписка его къ тому или другому отдѣленію зависитъ по общему правилу отъ принадлежности къ одному изъ округовъ того прихода или того города, гдѣ данный студентъ родился или гдѣ онъ имѣетъ мѣстожителство. Однако ему предоставлено также право записаться въ отдѣленіе, въ которое былъ записанъ отецъ или въ которое онъ желаетъ приписаться по причинамъ, признаннымъ уважительными какъ со стороны Ректора, такъ и Инспектора. Къ этимъ причинамъ и поводамъ причисляются прежде всего родственныя узы и мѣстоположеніе училища, въ которомъ онъ окончилъ курсъ съ правомъ поступленія въ Университетъ.

Поступающіе въ Университетъ иностранцы имѣютъ право избрать себѣ отдѣленіе по своему усмотрѣнію.

Приписка къ одному изъ отдѣленій есть *conditio sine qua non* записи въ число студентовъ Университета.

До внесенія студента въ «матрикулъ» (списокъ студентовъ) отдѣленіе, въ которое онъ желаетъ поступить, должно дать соглашеніе на его пріемъ.

Внутренній порядокъ дѣятельности каждаго отдѣленія опредѣляется специальными правилами, которыя вырабатываются отдѣленіями, представляются на заключеніе Консистеріи и утверждаются Вице-Канцлеромъ.

Одновременно съ изданіемъ постановленій о возстановленіи отдѣленій ¹⁴/₂₆ Марта 1868 г. издано Постановленіе объ общемъ собраніи студентовъ (*alltmänt student möte*).

Если студенты желаютъ собраться въ общее собраніе, на общую сходку, то они обязаны каждый разъ особо испросить на то чрезъ Ректора разрѣшеніе Вице-Канцлера и указать предметъ совѣщанія, время и мѣсто его.

Для руководства предстоящимъ и разрѣшеннымъ собраніемъ студенты избираютъ предсѣдателя изъ числа доцентовъ или лиценціатовъ. Выборъ съ заключеніемъ Консистеріи представляется на

утверждение Вице-Канцлера, который въ случаѣ неутвержденія назначаетъ новые выборы. Предсѣдатель собранія избирается на одинъ годъ; если собранія нѣтъ, то онъ не имѣетъ никакой власти или компетенціи. Для веденія протокола во время общаго собранія Предсѣдатель каждый разъ избираетъ по своему усмотрѣнію одного изъ студентовъ; одинъ экземпляръ протокола немедленно доставляется Ректору. Подробныя правила для студенческихъ собраній составляются Консистоіей съ утвержденія Вице-Канцлера. Отъ этихъ же органовъ зависитъ и измѣненіе ихъ въ зависимости отъ требованій обстоятельствъ и времени.

Мѣстомъ собраній всего студенческаго корпуса (Student Korpsen), а также отдѣленій (за исключеніемъ Нюландскаго) ¹⁾ служить такъ называемый Студенческій домъ (Studenthus). На постройку этого дома, какъ уже указано было выше, съ 1858 г. собирались средства путемъ сбора по подпискѣ, театральныхъ представленій и т. д. Въ 1868 г. (⁴/₁₆ Марта) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на постройку каменнаго дома на углу Александровской и Восточно-Генриковской улицъ. Домъ сей долженъ былъ служить и удобнымъ помѣщеніемъ какъ для литературныхъ, музыкальныхъ вечеровъ и торжественныхъ собраній, устраиваемыхъ всѣмъ студенческимъ корпусомъ въ совокупности, такъ и для собраній студенческихъ отдѣленій и факультетовъ.

Въ 1871 г., когда общій органъ студенческаго самоуправления, общее собраніе, было уничтожено, завѣдываніе домомъ поручено было особой делегациі студенчества (о делегациі ср. ниже). Хозяйственное управленіе домомъ было ввѣрено особому эконому. Въ 1880 г. для завѣдыванія домомъ и вообще хозяйственными дѣлами студенческаго корпуса былъ учрежденъ особый административный комитетъ (Förvaltnings Komité). Въ рукахъ этого комитета до нынѣ находится завѣдываніе домомъ.

Студенческій корпусъ вообще, а также каждое изъ отдѣленій студентовъ имѣетъ свое имущество, составившееся изъ взносовъ членовъ, пожертвованій, доходовъ отъ студенческаго дома и т. д.

¹⁾ Нюландское отдѣленіе имѣетъ собственный домъ.

Студенческой корпусъ имѣть общую студенческую библиотечку, съ читальною, которая помѣщается въ особомъ зданіи.

Возстановленіе въ 1868 г. отдѣленій вызвало въ кружкахъ, близкихъ къ Университету, большой энтузіазмъ. Молодыя дамы стали вышивать знамена для отдѣленій и для всего студенческаго корпуса, которыя должны были развиваться надъ студенческою молодежью во время празднествъ, украшая ихъ собраніе. Но правительство отнеслось къ этимъ эмблемамъ не очень сочувственно. 30 Мая 1869 г. Вице-Канцлеръ писалъ къ проректору слѣдующее: «Министръ Статсъ-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго телеграммой отъ 29 Мая сообщилъ мнѣ, что Его Императорское Величество, Государь Императоръ, Который вообще не одобряетъ употребленіе студентами знаменъ (ибо знамена, имѣя въ виду ихъ значеніе и пожалованіе ихъ исключительно Монархомъ, приличествуютъ лишь войскамъ, въ случаѣ же употребленія внѣ этого своего назначенія, что имѣло мѣсто теперь, получаютъ чуждую ихъ существу задачу служить удовольствію юношества), Всемиловивѣйше повелѣлъ, чтобы знамена, оставаясь таковыми въ полномъ значеніи слова, были употребляемы исключительно войсками. Но впрочемъ, такъ какъ Его Величество въ данномъ случаѣ приписываетъ происхожденіе означенныхъ, дамами пожертвованныхъ, знаменъ недоразумѣнію въ отношеніи значенія этихъ исключительно военныхъ знаменъ, и такъ какъ Его Величество не желаетъ обидѣть пожертвовавшихъ эти украшенія, и такъ какъ Его Величество столь же не желаетъ внезапнымъ приказомъ о возвратѣ ихъ поставить въ неловкое положеніе молодыхъ людей, ихъ принявшихъ, то Его Величество Всемиловивѣйше на этотъ разъ разрѣшилъ употребленіе ихъ во время торжества промоціи въ этомъ году, а также при открытіи памятника, сооруженнаго на могилѣ покойнаго Канцеляріи Совѣтника профессора Рейна, но повелѣлъ, чтобы, по окончаніи сихъ торжествъ, знамена, не подобающія Университету, были съ соблюденіемъ полнѣйшей вѣжливости возвращены дамамъ, и чтобы знамена, подъ отвѣтственностью мѣстнаго управленія и студентовъ, не встрѣчались ни въ какомъ случаѣ впредь въ средѣ студентовъ».

Въ 1885 г. Государь Императоръ Александръ III разрѣшилъ употребленіе знаменъ студенческихъ отдѣленій, общаго студенческаго корпуса и знамени нѣвческаго общества (Рескриптъ Канцлера отъ $\frac{4}{16}$ Юля 1885 г.).

Ввѣренное студенческимъ отдѣленіямъ самоуправленіе упрочилось въ двухъ слѣдующихъ за 1868 г. годахъ. 13 Іюня 1870 г. издано Высочайшее объявленіе объ упраздненіи должности инспектора студентовъ, а 10 Января 1870 г. Вице-Канцлеръ утвердилъ составленныя съ согласія Консistorіи правила о внутреннемъ порядкѣ студенческихъ отдѣленій.

Согласно этимъ правиламъ члены отдѣленія въ общемъ собраніи избираютъ въ кураторы срокомъ на 3 года одного изъ доцентовъ или лиценціатовъ. Выборъ представляется на заключеніе Консistorіи и на утвержденіе Вице-Канцлера. Выборъ совершается закрытыми билетами; избраннымъ считается получившій наибольшее количество голосовъ.

Если одно и то же количество голосовъ подано въ пользу 2-хъ или нѣсколькихъ лицъ, то назначается новый выборъ; если и тогда повторится равное раздѣленіе голосовъ, то дѣло рѣшается жеребьемъ. Въ случаѣ неодобренія выбора Консistorіей и неутвержденія его Вице-Канцлеромъ, тоже назначается новый выборъ и представляется установленнымъ порядкомъ на одобреніе и утвержденіе.

Обязанности куратора слѣдующія: онъ имѣетъ надзоръ за порядкомъ въ отдѣленіи, ведетъ краткій протоколъ собранія и завѣдуетъ хозяйствомъ отдѣленія, соблюдая все, что могло бы быть предписано или установлено по соглашенію членовъ отдѣленія. Онъ же отвѣчаетъ за вредъ и убытокъ, могущій произойти для отдѣленія, благодаря упущеніямъ въ управленіи, а посему онъ ведетъ правильные годовые счета доходамъ и расходамъ отдѣленія. Буде пожелаетъ отдѣленіе, чтобы протоколъ велся подробнѣе и буде посему кураторъ будетъ нуждаться въ помощи, или если ему нужна будетъ помощь въ завѣдываніи экономическими дѣлами отдѣленія, то имѣетъ отдѣленіе изъ своихъ членовъ назначить одного или нѣсколькихъ съ одобренія куратора. Однако всетаки кураторъ

отвѣчаетъ за вѣрность протокола и скрѣпляетъ выписки изъ онаго, выдаваемыя отдѣленіемъ. Онъ же отвѣчаетъ за кассу отдѣленія, разъ отдѣленію не угодно будетъ, чтобы она завѣдывалась помощникомъ подъ его же собственною отвѣтственностью.

Куратору надлежитъ вести текущій списокъ всѣмъ членамъ отдѣленія; въ сей списокъ члены вносятся по очереди поступления въ отдѣленіе; въ семъ списокѣ куратора отмѣчается для каждаго студента время, въ теченіе котораго онъ находился въ Университетѣ, мѣсто, въ которомъ онъ находился во время отсутствія изъ Университета, краткія показанія о направленіи его занятій и все то, что можетъ быть отмѣчено въ отношеніи его прилежанія и поведенія.

Къ общей семестральной записи студентовъ кураторъ имѣетъ по формуляру, данному ректоромъ, составить учебный списокъ (Studieförteckning), содержащій въ себѣ имена всѣхъ студентовъ отдѣленій, находящихся налицо въ теченіе даннаго семестра въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поступили въ Университетъ съ указаніемъ мѣстожительства каждаго въ городѣ. Если студентъ въ Университетѣ готовится къ какой либо профессіи, то слѣдуетъ указать къ какой именно, затѣмъ показываются лекціи и занятія, коимъ онъ желаетъ себя посвятить въ теченіе семестра. Если онъ намѣренъ въ теченіе семестра подвергнуться какому либо испытанію, то показывается какому именно и въ какой срокъ, и въ списокъ вообще вносится все, что можетъ быть предписано къ внесенію. Въ день семестральной записи обязанъ явиться кураторъ съ своимъ отдѣленіемъ и передать по указанію списокъ секретарю Университета.

Въ отсутствіе инспектора кураторъ предсѣдательствуетъ въ собраніи отдѣленія и руководитъ его совѣщаніями, а если какъ инспекторъ, такъ и кураторъ не имѣютъ возможности явиться въ засѣданіе отдѣленія, то Ректоръ Университета по сдѣланному о томъ заявленію назначаетъ другое подходящее лицо изъ числа членовъ отдѣленія для временнаго исполненія обязанностей куратора.

Если освобождается должность куратора (до окончанія

3 лѣтъ), то отдѣленію предоставлено, съ согласія Консистеріи и Вице-Канцлера, впредь до времени избрать временно исправляющаго должность куратора. Избраннымъ быть можетъ каждый членъ отдѣленія, имѣющій ученую степень. Избраніе исправляющаго должность куратора совершается, одобряется и утверждается порядкомъ, установленнымъ для выборовъ куратора.

За свидѣтельства и выписки изъ протоколовъ, выдаваемые кураторомъ, онъ получаетъ канцелярскую пошлину, которая на этотъ случай можетъ быть установлена. Въ его пользу поступаетъ также и та пошлина за внесеніе въ списокъ (*inskriftings afgift*) въ размѣрѣ 4 марокъ за каждый семестръ, которую обязанъ вносить каждый въ Университетѣ находящійся членъ отдѣленія въ пользу его въ началѣ семестра. Изъ этого своего дохода кураторъ впрочемъ обязанъ уступать въ качествѣ пособія на содержаніе должностныхъ лицъ студенческой библіотеки извѣстную сумму.

Членомъ отдѣленія почитается каждый обучающійся въ Университетѣ, какъ имѣющій степень, такъ и не имѣющій ея, принятый въ отдѣленіе и продолжающій быть записаннымъ въ спискахъ Университета. Желаящій поступить въ число студентовъ, объявляетъ о томъ ректору, который, если онъ удовлетворяетъ всѣмъ закономъ установленнымъ требованіямъ, указываетъ ему то отдѣленіе, въ которое онъ можетъ записаться на основаніи правилъ 1868 г.

Получивъ указаніе отъ ректора, поступающій объявляетъ о своемъ желаніи инспектору или въ случаѣ его отсутствія куратору даннаго отдѣленія. Инспекторъ или кураторъ докладываютъ о его желаніи отдѣленію, которое, смотря по его нравственнымъ качествамъ, или соглашается на его пріемъ, или отказываетъ. Во всякомъ случаѣ кураторъ даетъ ему письменное свидѣтельство о постановленіи отдѣленія, съ указаніемъ причинъ къ отказу, если въ пріемѣ отказано. Въ матрикулѣ Университета (студенческій списокъ) не должно быть внесено лицо прежде, чѣмъ соответствующее отдѣленіе согласилось на его пріемъ. По внесеніи сту-

дента въ университетскій матрикуль, онъ вносится также и въ списокъ отдѣленія.

Каждый членъ отдѣленія обязанъ увѣдомлять Инспектора и куратора о своемъ приѣздѣ въ университетскій городъ, или о своемъ отъѣздѣ изъ него и о своемъ въ немъ мѣстожительствѣ, а именно въ теченіе 2 дней послѣ приѣзда или перемѣны жительства.

На общей семестральной переписи и переключкѣ студентовъ, на которую должно явиться каждое отдѣленіе въ полномъ своемъ составѣ, каждый изъ членовъ отдѣленій объявляетъ куратору о лекціяхъ и занятіяхъ, коимъ онъ желаетъ себя посвятить въ теченіе семестра.

Въ теченіе семестра отдѣленіе, безъ особеннаго приглашенія, собирается въ очередное засѣданіе еженедѣльно разъ, въ день и въ мѣстѣ, опредѣляемымъ по соглашенію Инспектора съ членами отдѣленія. Въ случаѣ нужды Инспекторъ или кураторъ могутъ созвать чрезвычайное засѣданіе. Въ засѣданіяхъ отдѣленія обсуждаются вопросы, могущіе содѣйствовать успѣхамъ членовъ въ отношеніи познаній и нравственности, а также тѣ дѣла, которыя касаются приѣма и увольненія членовъ отдѣленія, ихъ поведенія, хозяйства отдѣленія и всего тому подобнаго, что могло бы касаться отдѣленія. Если требуется по какому либо вопросу постановленіе собранія членовъ отдѣленія, то какъ кураторъ, такъ и каждый членъ отдѣленія долженъ подать голосъ: то мнѣніе, за которое подано большинство голосовъ, признается постановленіемъ отдѣленія, *однако это постановленіе не имѣетъ силы, если Инспекторъ откажетъ въ своемъ согласіи.*⁹ Отдѣленіе наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы каждый членъ отдѣленія соблюдалъ правила нравственнаго и приличнаго поведенія. Если будетъ поводъ къ замѣчанію и если дѣло не подлежитъ сужденію Ректора и Дисциплинарной Коммисіи, то отдѣленіе имѣетъ право, смотря по существу проступка, присудить виновнаго члена или къ *внушенію* и *предостереженію*, объявляемому предсѣдателемъ, или къ удаленію (*relegatio*) изъ Университета не болѣе чѣмъ на 2 года. Если членъ отдѣленія откажетъ въ явкѣ на засѣданіе, или если подвергнутый взыскацію членъ отдѣленія откажется подчиниться приговору, или если Инспекторъ полагаетъ,

что проступокъ долженъ имѣть другія послѣдствія, то о дѣлѣ докладывается Ректору. Если о проступкѣ доложено прежде всего Ректору, то Ректоръ, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ право передать дѣло на обсужденіе отдѣленія. Если обсужденію отдѣленія подлежитъ указанное только что дисциплинарное дѣло, то отдѣленіе можетъ рѣшать, слѣдуетъ ли рассмотреть его въ полномъ собраніи отдѣленія или передать на рѣшеніе комитета, дѣйствующаго на правахъ отдѣленія и избраннаго изъ его среды.

Для покрытія необходимыхъ расходовъ отдѣленія, оно можетъ установить сборъ съ своихъ членовъ въ пользу своей кассы, но съ тѣмъ, чтобы члены не были обременены черезъ-чуръ этими сборами.

Для провѣрки экономическаго управленія отдѣленія, оно можетъ ежегодно или чаще, если поводъ къ тому будетъ, назначать изъ своей среды ревизоровъ. Если кто либо изъ членовъ отдѣленія желаетъ изъ его состава выйти или по другимъ причинамъ нуждается въ свидѣтельствѣ, то онъ о томъ объявляетъ Инспектору и куратору. Въ своемъ засѣданіи отдѣленіе постановляетъ свое сужденіе о немъ и свидѣтельствуется, смотря по обстоятельствамъ, его прілежаніе отмѣтками: отлично, похвально, удовлетворительно или неудовлетворительно; его поведеніе свидѣтельствуется словами: хорошо и испытано (*godt och stadgadt*) или просто хорошо, если онъ какимъ либо необдуманнѣмъ поступкомъ доказалъ недостаточную зрѣлость, но въ остальномъ вель себя хорошо, или менѣе пристойно, если была причина къ неудовольствію безъ обвиненія передъ отдѣленіемъ, или предосудительно, если онъ за совершенный имъ проступокъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и подвергнутъ взысканію и не исправился. О сужденіи отдѣленія кураторъ выдаетъ ему (просящему свидѣтельство) письменный аттестатъ. Если на желающемъ получить свидѣтельство лежитъ долгъ въ пользу кассы отдѣленія, то отдѣленіе можетъ ему отказать въ выдачѣ свидѣтельства до уплаты имъ долга. Если университетское начальство желаетъ ознакомиться съ протоколомъ отдѣленія, то ему нельзя въ этомъ отказать. Членъ отдѣленія имѣетъ право на полученіе выписки изъ протокола по

дѣлу, которое его лично касается. Ни протоколь отдѣленія, ни выписка изъ протокола, ни актъ, относящійся къ протоколу, не можетъ быть напечатанъ безъ согласія на то Университетской Консистеріи.

Все что въ прочихъ отношеніяхъ касается отдѣленія, то оно можетъ само опредѣлить и упорядочить съ согласія Инспектора; но его постановленіе не должно противорѣчить закону и этимъ правиламъ, повелѣнію начальства и добрымъ нравамъ. Постановленіе отдѣленія о приѣмѣ члена или о наложеніи на него взысканія обжалованію не подлежитъ. Если имѣется неудовольствіе постановленіемъ отдѣленія по какому либо иному дѣлу, то можетъ быть подана письменная жалоба Консистеріи не позже 15 дней послѣ состоявшагося постановленія или увѣдомленія о немъ.

По возстановленіи отдѣленій, имъ возвращены были переданные въ университетскую кассу фонды, имъ принадлежавшіе до 1 Октября 1852 г. Фонды эти имѣютъ назначеніе служить кассами вспомошествованія и ссудъ членамъ отдѣленія (Student länefonden ¹⁾).

Къ 1871 г. произошли нѣкоторые уличные безпорядки въ Гельсингфорсѣ, въ коихъ участвовали къ сожалѣнію и студенты. Правительство сочло необходимымъ ограничить вольности студентовъ, только что имъ дарованныя.

30 Мая 1871 г. издано Высочайшее Объявленіе о разныхъ ограниченіяхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ студентамъ Александровскаго Университета въ Финляндіи.

Право студентовъ выступать въ качествѣ общаго обнимающаго всѣхъ студентовъ «корпуса» отмѣнено; общія студенческія собранія запрещены. Для завѣдыванія хозяйственными дѣлами всего студенчества (домомъ, библіотекой, кассой и т. д.) учреждена особая делегация, состоящая изъ опредѣленнаго количества членовъ, избранныхъ отдѣленіями на годъ. О каждомъ собраніи делегатовъ

¹⁾ Рескриптъ Канцлера отъ 9 Января 1869 г.

долженъ былъ увѣдомляться Ректоръ съ сообщеніемъ ему предметовъ обсуждения. Ректоръ имѣлъ право устанавливать контроль за засѣданіемъ делегатовъ и требовать сообщенія протокола и актовъ. Вице-Канцлеру было предоставлено право по представленію Ректора преподавать точныя правила о порядкѣ дѣятельности делегаціи. вмѣстѣ съ тѣмъ надзирающая за отдѣленіями власть перенесена отъ Консисторіи на Ректора. Дѣла, касавшіяся отдѣленій, и до того рѣшавшіяся Вице-Канцлеромъ и Консисторіей, должны были впредь быть переданы съ заключеніемъ Ректора на окончательное рѣшеніе Вице-Канцлера. Вице-Канцлеръ и Ректоръ получали право посѣщать собранія отдѣленія, если они сочтутъ необходимымъ. По сему на отдѣленія возложена обязанность своевременно извѣщать Вице-Канцлера и Ректора о назначенныхъ засѣданіяхъ и о предметахъ занятій и обсужденій. Вице-Канцлеру, а въ его отсутствіи Ректору, предоставлено право запрещать и распускать собранія отдѣленій, если они заблуждаются. На отвѣтственность отдѣленій возложено и вмѣнено имъ въ обязанность строгое наказаніе (съ донесеніемъ Вице-Канцлеру и Ректору) членовъ отдѣленій, кои уличены въ устройствѣ сходовъ, внѣ установленныхъ закономъ собраній отдѣленій, и въ обсужденіи предметовъ, не подлежащихъ обсужденію отдѣленій и противорѣчащихъ порядку и добрымъ нравамъ.

Эти ограниченія дѣйствовали 9 лѣтъ. 14 Января 1880 г. издано Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Высочайшаго Объявленія отъ 30 Мая 1871 г. о разныхъ ограниченіяхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ студентамъ Александровскаго Университета въ Финляндіи.

Въ силу этого постановленія студентамъ Александровскаго Университета разрѣшается собираться въ качествѣ «корпуса» на общее собраніе въ теченіе учебнаго года для обсуждения и рѣшенія вопросовъ, касающихся общихъ всѣмъ студентамъ дѣлъ, какъ то вопросовъ, касающихся ихъ дома, библіотеки, коллекцій и денежныхъ средствъ и вообще всего того, что могло бы содѣйствовать доброму порядку, согласно научнымъ занятіямъ и образованію

студентовъ. Собранія эти не допускаются во второй половинѣ Мая за исключеніемъ случаевъ чрезвычайныхъ.

Для устройства общаго студенческаго собранія требуется разрѣшеніе Ректора, съ указаніемъ времени и мѣста собранія и программы совѣщаній. Ректору предоставлено опредѣлить порядокъ обсуждения дѣлъ, онъ можетъ присутствовать въ собраніи и можетъ распустить оное. Ему же предоставлено право созывать собраніе студентовъ безъ предварительной о томъ просьбы студентовъ (въ случаѣ отсутствія Ректора эти функціи исполняетъ проректоръ).

Для руководства этими общими собраніями студенты избираютъ 3 лицъ изъ числа доцентовъ Университета или студентовъ, имѣющихъ ученія степени. Изъ нихъ Вице-Канцлеръ по представленію Ректора назначаетъ одного предсѣдателя и одного вице-предсѣдателя.

Предсѣдатель (или вице-предсѣдатель) готовится дѣла къ слушанію и руководитъ собраніемъ; подробный протоколъ собранія немедленно передается Ректору, который имѣетъ право приостановить постановленіе собранія, если онъ сочтетъ необходимымъ. Если Ректоръ сочтетъ полезнымъ, чтобы часть вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе общаго собранія, была обсуждаема и рѣшаема менѣе многочисленнымъ собраніемъ, то общее собраніе избираетъ изъ числа студентовъ (какъ имѣющихъ ученую степень, такъ и неимѣющихъ) Комитетъ изъ 12 лицъ (tolfmannna päänd), который подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя общаго собранія постановляетъ и рѣшаетъ отъ имени всего студенческаго корпуса и предлагаетъ дѣла на утвержденіе Ректора.

Для веденія текущихъ дѣлъ студенты на общемъ собраніи имѣютъ избрать административный комитетъ изъ 12 лицъ; изъ нихъ Ректоръ назначаетъ 7 ординарными членами комитета и 5 суплеантами. Комитетъ избираетъ самъ изъ среды своихъ членовъ предсѣдателя и въ качествѣ его помощниковъ: эконома и бібліотекаря. Въ этотъ комитетъ предсѣдатель и вице-предсѣдатель общаго собранія не могутъ быть избраны. Комитетъ предъ каждымъ своимъ засѣданіемъ представляетъ Ректору программу

своихъ занятій и представляетъ ему по его требованію и протоколъ.

Что касается внутренняго распорядка общихъ собраній, порядка выборовъ и вообще необходимыхъ для правильнаго дѣйствія этого органа студенческаго самоуправленія инструкцій, то онѣ согласно объявленію отъ 14 Января 1880 г. должны были быть составлены особымъ комитетомъ, состоящимъ изъ представителей всѣхъ студенческихъ отдѣленій, порядкомъ, предписаннымъ Вице-Канцлеромъ. Проектъ инструкции или регламента поступаетъ съ заключеніемъ Ректора на утвержденіе Вице-Канцлеромъ. Указаннымъ порядкомъ и были составлены регламенты (или инструкции общаго студенческаго собранія) 30 Сентября 1880 г., 20 Февраля 1890 г., дополненія къ нему 28 Декабря 1891 года, 30 Марта 1895 г. и 12 Февраля 1896 г.

Регламентъ 20 Февраля 1890 г. (съ указанными выше дополненіями) опредѣляетъ порядокъ дѣятельности общаго студенческаго собранія слѣдующимъ образомъ: Членомъ общаго студенческаго собранія (или союза) является каждый внесенный въ студенческой матрикулъ студентъ Университета, не исключенный по той или другой причинѣ. Студенческой корпусъ собирается въ общее собраніе въ теченіе учебнаго года для обсужденія и рѣшенія общихъ всѣмъ студентамъ дѣлъ и вопросовъ; общее собраніе студентовъ не допускается во второй половинѣ Мая, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Общее собраніе студентовъ созывается его предсѣдателемъ въ томъ случаѣ, если положеніе дѣлъ студентовъ того потребуетъ или если по крайней мѣрѣ 40 членовъ корпуса письменно о томъ попросятъ предсѣдателя съ указаніемъ предметовъ обсужденія. Разрѣшеніе на созывъ собранія дается Ректоромъ. Приглашеніе на собраніе (за исключеніемъ неотлагательныхъ дѣлъ и чрезвычайныхъ обстоятельствъ) объявляется на шведскомъ и финскомъ языкахъ за 3 дня до начала засѣданія путемъ публикаціи въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ Гельсингфорса и путемъ вывѣшиванія объявленія въ студенческомъ домѣ. Въ немъ указываются подлежащіе обсужденію вопросы. Собраніе дѣйствительно,

если при открытіи его налицо по крайней мѣрѣ 100 членовъ, имѣющихъ право голоса; однако допускается и собраніе съ меньшимъ числомъ членовъ, если никто не протестуетъ. Право участвовать активно въ собраніи, высказывать мнѣнія, подавать голосъ и участвовать въ выборахъ, въ порядкѣ, установленномъ предсѣдателемъ, имѣетъ каждый студентъ съ начала осенняго семестра по истеченіи года со времени его записи въ матрикулъ Университета. Голосованіе совершается путемъ вставанія съ мѣста; если большинство голосовъ этимъ путемъ не можетъ быть опредѣлено, то допускается и другой порядокъ счета голосовъ. При равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя.

Выборъ совершается путемъ подачи закрытыхъ бюллетеней, которые подаются по очереди (согласно студенческому списку) вызываемыми студентами. Каждый участвующій въ выборахъ подаетъ голосъ лично; бюллетени отсутствующихъ не допускаются. Въ случаѣ равенства голосовъ, поданныхъ въ пользу того или другаго лица, — рѣшается жребій. Въ дѣлахъ корпуса и его собранія употребляются и шведскій и финскій языки; во время засѣданія употребляется языкъ, признанный наиболѣе удобнымъ предсѣдателемъ и комитетомъ. Протоколъ ведется на обоихъ языкахъ; но заявленія и рѣчи вносятся въ протоколъ на томъ языкѣ, на какомъ они были поданы и сказаны. Для провѣрки протокола вмѣстѣ съ предсѣдателемъ избираются 4 члена собранія. День провѣрки протокола объявляется заранѣе; каждый членъ собранія можетъ присутствовать при провѣркѣ протокола и можетъ дѣлать замѣчанія на вносимое въ протоколъ, если найдетъ оное неправильнымъ. Отъ провѣрочнаго комитета зависитъ внести предлагаемыя поправки или нѣтъ; недовольный его рѣшеніемъ можетъ занести свое мнѣніе въ приложеніе къ протоколу. Протестъ противъ постановленія общаго собранія вносится въ протоколъ. Въ протоколъ можетъ быть также внесено несогласіе съ постановленіемъ члена собранія, отсутствовавшаго при постановленіи. Въ собраніи не должны быть допускаемы оскорбительныя выраженія или поступки предосудительнаго характера. Нарушающій сіе правило призывается къ порядку предсѣдателемъ, если онъ не ис-

правится, то послѣ 3-го призыва къ порядку председатель можетъ лишить его права голоса. Если кто либо изъ членовъ окажется виновнымъ въ такихъ проступкахъ во многихъ засѣданіяхъ, то председатель о семъ объявляетъ общему собранію, которое можетъ его лишить права голоса въ собраніи на полгода. Если проявится болѣе серьезный беспорядокъ, то председатель послѣ троекратнаго звонка, не приведшаго къ возстановленію порядка, закрываетъ собраніе на болѣе или менѣе продолжительное время. Должностными лицами студенческаго корпуса прежде всего являются: председатель общаго собранія и вице-председатель, которые назначаются указаннымъ выше способомъ и порядкомъ. Избраніе кандидатовъ на этотъ постъ совершается въ общемъ собраніи между 15 Марта и 15 Апрелья. Каждый изъ кандидатовъ на эти должности долженъ владѣть и шведскимъ и финскимъ языкомъ. Председатель имѣетъ слѣдующія обязанности: Онъ испрашиваетъ у Ректора разрѣшеніе на созывъ общаго собранія; онъ подготавливаетъ дѣла къ слушанію, требуя отъ административнаго комитета необходимые объясненія и матеріалы; въ собраніи онъ докладываетъ дѣла по установленной имъ же очереди; онъ руководитъ преніями, формулируетъ на обоихъ языкахъ рѣшенія собранія и объявляетъ о результатахъ выборовъ и голосованія, онъ наблюдаетъ за сохраненіемъ порядка во время собраній, наблюдаетъ за веденіемъ протокола, участвуетъ въ его провѣркѣ и отъ имени студенческаго корпуса (союза) подписываетъ исходящія бумаги.

Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ обязанъ въ точности исполнять всѣ постановленія относительно студенческаго корпуса.

Въ отсутствіи председателя его замѣщаетъ вице-председатель.

Председатель нанимаетъ на каждый учебный годъ секретаря. Секретарь подъ надзоромъ председателя и при содѣйствіи одного или нѣсколькихъ «нотаріевъ» ведетъ протоколы, скрѣпляетъ выписки изъ протокола и всѣ другія отъ корпуса исходящія отношенія и бумаги. При перемѣнѣ секретарей совершается ревизія дѣлопроизводства ревизорами, избираемыми т. н. административнымъ комитетомъ.

Текущія дѣла студенческаго корпуса (союза) вѣдаются

административнымъ комитетомъ, чины котораго избираются въ общемъ собраніи, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Комитетъ имѣеть слѣдующія обязанности: онъ вѣдаетъ домъ и все вообще имущество студенческаго корпуса, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы счетоводство по суммамъ, принадлежащимъ корпусу, велось точно и правильно, составляетъ бюджетъ доходовъ и расходовъ корпуса и наблюдаетъ за точнымъ его соблюденіемъ, нанимаетъ буфетчика и прислугу студенческаго дома, принимаетъ мѣры къ замѣщенію должностей эконома и бібліотекаря и наблюдаетъ за порядкомъ въ студенческомъ домѣ.

Постановленія комитета доводятся до свѣдѣнія студентовъ путемъ вывѣшиванія ихъ въ студенческомъ домѣ. Недовольные постановленіемъ имѣють право въ теченіе 7 дней подать жалобу предсѣдателю общаго собранія. Если отъ пріостановки исполненія постановленія комитета можетъ произойти вредъ и убытокъ, то комитетъ, не смотря на жалобу, приводитъ въ исполненіе постановленіе подъ своею отвѣтственностью.

Подъ надзоромъ комитета и указаннымъ имъ порядкомъ домомъ и имуществомъ вообще завѣдуетъ эконокъ; онъ же ведетъ счетоводство и хранитъ архивъ, въ который каждый членъ корпуса имѣеть свободный доступъ разъ въ недѣлю. Соискатели мѣста эконома обязаны представить залогъ или поручительство. Кандидаты на мѣсто эконома, предложенные комитетомъ, баллотируются общимъ собраніемъ между 1 и 15 Ноября.

При замѣщеніи должности эконома новымъ лицомъ совершается комитетомъ въ присутствіи предсѣдателя и вице-предсѣдателя собранія осмотръ инвентаря и имущества вообще, порученнаго эконому. Недочеты отмѣчаются въ инвентарномъ протоколѣ; если виновникомъ недочета оказывается эконокъ, то онъ долженъ возмѣстить ущербъ. Споры о возмѣщеніи убытковъ между комитетомъ и уходящимъ экономомъ рѣшаются 3 третейскими судьями, избранными спорящими сторонами.

Должность бібліотекаря и завѣдывающаго студенческой читальней замѣщаются выборомъ общаго собранія; директоръ пѣвческаго (академическаго) общества избирается членами обще-

ства, и лишь въ случаѣ назначенія обществу субсидій отъ общаго корпуса студентовъ, онъ отчитывается передъ административнымъ комитетомъ.

Расходы студенческаго корпуса (союза) покрываются доходами отъ студенческаго дома и инаго корпусу принадлежащаго имущества и сборами съ членовъ, установленными общимъ собраніемъ. Административный комитетъ имѣетъ ежегодно установить бюджетъ доходовъ и расходовъ на наступающій календарный годъ. Проектъ бюджета представляется членамъ для ознакомленія въ теченіе 14 дней до Ноябрьскаго засѣданія общаго собранія.

По установленіи бюджета новые расходы въ него не могутъ быть вносимы. Чрезвычайный сборъ назначается общимъ собраніемъ лишь въ случаѣ согласія на то $\frac{2}{3}$ голосовъ на общемъ собраніи. Каждый членъ студенческаго корпуса, находящійся въ Университетѣ на лицо во время учебнаго года, обязанъ уплачивать обыкновенный и чрезвычайный сборы, установленные студенческимъ корпусомъ. Студенты, состоящіе одновременно и слушателями Политехническаго Института въ Финляндіи и принадлежащіе къ обществу политехниковъ, а также студенты, прибывшіе въ Гельсингфорсъ послѣ 1 Ноября или 15 Мая, или раньше этихъ сроковъ выѣхавшіе, уплачиваютъ лишь $\frac{1}{2}$ установленнаго сбора. Остающіеся въ Гельсингфорсъ лишь 14 дней или еще болѣе короткое время, свободны отъ внесенія сборовъ, но разъ они участвовали въ совѣщаніяхъ корпуса или сдали экзаменъ въ теченіе этихъ 14 дней, то они уплачиваютъ половину сбора. Установленные со студентовъ сборы взимаются кураторами отдѣлений въ два срока въ теченіе каждаго семестра. Кураторы отвѣчаютъ за взысканные сборы передъ административнымъ комитетомъ. Въ Ноябрьскомъ собраніи студенческой корпусъ избираетъ 3 ревизоровъ (и 2 къ нимъ суплеантовъ); отчетъ о ревизіи доходовъ и расходовъ представляется ими комитету, а комитетъ сообщаетъ отчетъ общему собранію въ Февральскомъ засѣданіи.

Студенческой корпусъ опредѣляетъ, кто изъ его должностныхъ лицъ имѣетъ получить содержаніе и въ какомъ размѣрѣ. Необходи-

димья для этихъ должностныхъ лицъ инструкціи составляются корпусомъ съ утверженія Ректора. Предложенія измѣненій въ регламентъ корпуса допускаются къ обсужденію только въ весеннемъ засѣданіи, когда происходятъ выборы предсѣдателя, или въ осеннемъ засѣданіи, когда устанавливается бюджетъ. При обсужденіи предложенія должны быть на лицо не менѣе $\frac{2}{3}$ членовъ корпуса. Измѣненія въ регламентъ требуютъ утверженія Вице-Канцлера.

Какъ видно изъ предыдущихъ строкъ, корпусъ студентовъ состоитъ изъ полноправныхъ членовъ, имѣющихъ голосъ, и неполноправныхъ, голоса не имѣющихъ. Первыми являются болѣе старшіе студенты, состоящіе въ спискахъ Университета болѣе года; во вторую категорію входятъ болѣе молодые, новички, менѣе зрѣлые, легче поддающіеся увлеченію и страсти къ шуму, манифестаціямъ и т. п. юношескимъ выходкамъ. Вполнѣ разумно регламентъ лишаетъ ихъ голоса въ собраніи. Но была еще одна категорія не вполнѣ равноправныхъ студентовъ, — это студенты женщины. Вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ Университетѣ возникъ въ 1870 г., когда Коммерціи Совѣтникъ Чечулинъ обратился къ Канцлеру Университета съ просьбою о допущеніи его дочери къ испытанію для поступленія въ Университетъ, наравнѣ съ молодыми людьми. Въ отвѣтъ на это прошеніе Государю Императору угодно было не только разрѣшить доступъ г-жѣ Чечулиной къ приѣмному студенческому экзамену, къ записи въ студенты и слушанію лекцій наравнѣ съ студентами, подъ особымъ наблюденіемъ Ректора, но и приказать Сенату представить свое заключеніе о допущеніи женщинъ вообще къ слушанію лекцій въ Александровскомъ Университетѣ (Отношеніе Министра-Статсъ-Секретаря отъ ¹¹/₂₃ Апрѣля 1870 г.). Сенатъ представилъ свое заключеніе по выслушаніи мнѣнія Консисторіи, и согласно ея предложенію Сенатъ предлагалъ допустить женщинъ наравнѣ съ мужчинами къ слушанію лекцій въ Университетѣ, съ одинаковыми правами и обязанностями, но съ тѣмъ, чтобы женщины не были обязаны приписаться къ одному изъ студенческихъ отдѣленій, а занимались науками подъ спеціальнымъ надзоромъ Ректора; далѣе, чтобы жен-

щины-студенты не пользовались стипендіями и пособіями, спеціально назначенными для мужчинъ и не готовились къ службѣ, на которую женщины не допускаются, и наконецъ, чтобы женщины путемъ выпускнаго изъ Университета экзамена не приобрѣтали болѣе широкихъ правъ на вступленіе въ службу, чѣмъ тѣ, кои уже установлены общими законами и учрежденіями. Отношеніемъ Статсъ-Секретаріата отъ 10/22 Апрѣля 1871 г. доведено до свѣдѣнія Сената, что Его Императорскому Величеству не угодно допустить женщинъ къ поступленію въ Университетъ на правахъ студентовъ, но что Государь лишь разрѣшилъ тѣмъ женщинамъ, которыя желаютъ посвятить себя лекарскому искусству, слушать лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Въ этомъ смыслѣ изданъ Рескриптъ 1 Мая 1871 г. Въ 1879 г. Сенатъ вновь представилъ на Высочайшее Имя ходатайство равное по содержанію съ ходатайствомъ 1870 г. (ходатайство исходило отъ университетскихъ властей), но съ той оговоркой, чтобы право поступленія въ Университетъ было предоставлено только женщинамъ финскаго происхожденія. И въ 1882 г. еще Высочайшая Власть не разрѣшила принципиально вопроса о допущеніи женщинъ въ число студентовъ; Канцлеръ рескриптомъ отъ 6 Ноября 1882 г. увѣдомилъ Вице-Канцлера, что для допущенія женщинъ въ Университетъ должно быть каждый разъ испрошено особое Высочайшее разрѣшеніе. Въ 1890 г. (Рескриптъ Канцлера отъ 17/9 Ноября 1890 г.) право разрѣшить поступленіе женщинъ въ число студентовъ Университета предоставлено Вице-Канцлеру. Равноправность женщинъ въ этой области признана Высочайшимъ Повелѣніемъ 11 Іюля 1901 года.

Въ 1897 г. (Рескриптъ Канцлера отъ 4 Августа 1897 г.) женщинамъ-студентамъ разрѣшено и вмѣнено въ обязанность зачисленіе въ студенческія отдѣленія наравнѣ съ мужчинами, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ дисциплинарныхъ проступковъ, совершенныхъ женщинами, разсмотрѣніе дѣла, по постановленію Инспектора и Куратора, могло происходить не въ полномъ собраніи отдѣленія, а лишь въ особомъ комитетѣ, состоящемъ исключительно изъ женщинъ-студентовъ. Согласно постановленію Консисторіи 20 Декабря 1889 г. женщины-студенты были освобождены отъ

обязанности вносить сборъ въ кассу отдѣлений; они уплачивали лишь общій сборъ въ пользу кассы студенческаго корпуса. Послѣ введенія ихъ въ составъ отдѣлений они несутъ все обязанности наравнѣ съ студентами мужскаго пола.

Не смотря на расширеніе правъ студенческаго самоуправленія сохраняется весьма строгій начальственный надзоръ за ними. 9 Іюня 1873 г. изданъ Высочайше утвержденный учебный и дисциплинарный уставъ для студентовъ Александровскаго Университета единовременно съ Высочайшимъ Объявленіемъ о томъ, «что впредь до времени слѣдуетъ наблюдать относительно контроля надъ науками студентовъ Александровскаго Университета въ Финляндіи».

Основные начала дисциплинарныхъ правилъ 1852 года сохранились и въ новомъ уставѣ 1873 г. Студенты обязаны являться къ началу учебнаго года, ко дню записи и провѣрки студентовъ и должны Куратору своего отдѣленія указать лекціи и научныя занятія, которыя каждый изъ нихъ желаетъ посѣщать въ теченіе семестра; далѣе каждый студентъ обязанъ явиться къ преподавателю, у котораго онъ желаетъ заниматься, для полученія отъ него совѣта и разъясненія на счетъ порядка и способа своихъ научныхъ занятій. Затѣмъ студенты должны посѣтить торжественное богослуженіе въ церкви, коимъ открывается учебный годъ. Каждый студентъ обязанъ записаться по крайней мѣрѣ на лекціи двухъ профессоровъ и посѣщать ихъ «съ прилежаніемъ, почтеніемъ и вниманіемъ». Перемѣна лекцій въ теченіе учебнаго года допускается послѣ увѣдомленія о томъ профессора и ректорской канцеляріи. Если въ виду усиленныхъ домашнихъ научныхъ занятій ихъ или по другимъ уважительнымъ причинамъ студентъ пожелаетъ быть освобожденъ отъ обязанности посѣщенія лекцій, то онъ о томъ долженъ объявить Декану для представленія факультету или Секціи факультета, которые на основаніи добросовѣстнаго обсуждения могутъ разрѣшать эту вольность или отказать въ ней. Дисциплинарный уставъ 1873 года предписываетъ каждому студенту имѣть составленную по опредѣленной формѣ книжку (Studiibok), въ которую вносится его имя, годъ рожденія, день записи въ списки студен-

товъ Университета, отдѣленія и факультета, въ которыхъ студентъ записанъ. При явкѣ къ университетскому преподавателю студентъ предъявляетъ ему свою книжку и профессоръ отмѣчаетъ въ ней свое имя, предметъ преподаванія и день заявленія. За 3 дня до конца семестра студентъ предъявляетъ снова книгу преподавателю для отмѣтки того, что предписывается уставомъ (т. е. свидѣтельство о посѣщеніи лекцій и занятій). Профессоръ имѣетъ право пригласить студентовъ для спеціальнаго colloquium'a и студенты обязаны къ нему явиться.

По внесеніи въ студенческую книжку отмѣтокъ профессора, студентъ обязанъ передать ее декану своего факультета, который вноситъ отмѣтки въ общій матрикуль; послѣ этого книжка возвращается студенту.

Предъявленіе книжки также обязательно передъ каждымъ экзаменомъ; экзаменаціонныя отмѣтки вносятся въ контрольную студенческую книжку.

Дисциплинарный уставъ 1873 г. сохранилъ дисциплинарныя взысканія, установленныя уставомъ 1852 г., порядокъ ихъ положенія, правила благопристойнаго поведенія, предписанныя студентамъ (между прочимъ правила объ участіи студентовъ въ обществахъ, торжествахъ, празднествахъ, собраніяхъ и т. д.). Измѣненію подверглось отношеніе Вице-Канцлера къ рѣшенію Дисциплинарной Коммисіи (Коммисіи Благочинія).

Рѣшеніе Коммисіи согласно § 36 устава 1873 г. представляется каждый разъ на заключеніе Вице-Канцлера, коему немедленно сообщается протоколъ засѣданія Коммисіи. Если рѣшеніе Коммисіи имъ утверждается и если виновный не приговоренъ къ вѣчному изгнанію изъ Университета, или если Вице-Канцлеръ смягчаетъ приговоръ, то рѣшеніе Коммисіи съ отмѣткою Вице-Канцлера сообщается Ректору для приведенія въ исполненіе, а если Вице-Канцлеръ увеличилъ наказаніе, то оптрафованному предоставлено просить Канцлера объ измѣненіи наказанія. Это прошеніе съ приложеніемъ протокола Дисциплинарной Коммисіи и рѣшенія Вице-Канцлера подается въ теченіе 15 дней послѣ врученія приговора виновному, — Ректору; затѣмъ все дѣло передается

Вице-Канцлеру и съ его заключеніемъ поступаетъ на окончательное рѣшеніе Канцлера. Рѣшеніе Канцлера обжалованію не подлежитъ, однако приговоренный къ исключенію изъ Университета навсегда можетъ черезъ Ректора подать прошеніе о помилованіи на Высочайшее Имя.

Обратимся къ преподаванію, экзаменамъ, диспутамъ и порядку пріобрѣтенія ученыхъ степеней.

Выше было указано, что въ 1863 г. финскій языкъ получилъ право гражданства въ стѣнахъ Университета. Рядъ дальнѣйшихъ узаконеній ¹⁾ разрѣшилъ его употребленіе на диспутахъ, въ диссертацияхъ, въ программахъ и на засѣданіяхъ.

Въ то же время знаніе финскаго языка стало обязательнымъ для преподавателей Университета; сперва для профессоровъ факультета богословскаго, затѣмъ юридическаго, наконецъ всѣхъ факультетовъ вообще ²⁾.

Условія пріобрѣтенія профессуры и доцентуры подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ съ 1890 г. Главное изъ этихъ нововведеній заключалось въ томъ, что назначеніе ординарныхъ профессоровъ зависитъ нынѣ (съ 20 Августа 1896 г.) не отъ Высочайшей власти, а отъ Канцлера.

Что же касается доцентовъ, то послѣ изданія нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ узаконеній, касающихся ихъ, издано въ 1895 г. (20 Іюня) общее постановленіе о доцентахъ.

Если кто желаетъ занять въ Университетѣ должность доцента по какой либо наукѣ, то онъ долженъ въ качествѣ диссертации издать разсужденіе по вопросу, касающемуся данной отрасли науки. Если соотвѣтствующій факультетъ или его отдѣленіе, послѣ надлежащаго установленнаго диспута, признаетъ, что авторъ доказалъ основательныя познанія и способность къ самостоятельному научному изслѣдованію, а также, что онъ вполне удовлетворительно защитилъ свою диссертацию и если затѣмъ факультетъ или отдѣ-

¹⁾ 30 Мая 1871 г., 19 Іюня 1886 г., 6 Сентября 1877 г. и 19 Февраля 1895 г.

²⁾ Постановленіе 20 Февраля 1865 г., 16 Іюня 1876 г. и 19 Января 1886 г., 29 Января 1890 г., 10 Января 1894 г., 13 Сентября 1894 г. и 8 Сентября 1898 г.

леніе (факультета) на основаніи голосовъ, поданныхъ отдѣльными членами, засвидѣтельствуесть, что авторъ обладаетъ тѣми качествами, которыя необходимы для занятія преподавательскаго мѣста въ Университетѣ, то о томъ факультетъ заявляетъ Консисторіи. Консисторія по обсужденіи мнѣнія факультета и убѣдясь въ томъ, что ищущій доцентуры исполнилъ все, что закономъ установлено для поступленія въ число университетскихъ преподавателей, — дѣлаесть представленіе Канцлеру о назначеніи кандидата доцентомъ. Представить диссертацию на доцентуру можетъ лишь лицо, пріобрѣвшее степень доктора по факультету, въ составъ котораго онъ желаетъ поступить. Исключеніе допускается для лица, доказавшаго научными работами свои познанія по той спеціальности, по которой онъ желаетъ сдѣлаться доцентомъ. Далѣе факультету предоставлено право допустить къ доцентурѣ безъ доцентской диссертациі ученаго, который уже своими лиценціатской и докторской диссертациями и иными факультету представленными работами доказалъ свои научныя способности и познанія. Доценты и донынѣ не получаютъ штатнаго содержанія, а лишь одно изъ т. н. доцентскихъ пособій (Docentunderstöd). Въ штатъ Университета вносится опредѣленное количество такихъ доцентскихъ пособій, изъ коихъ по одному обязательно ассигнуется богословскому, юридическому и медицинскому факультетамъ, 5 историко-филологическому отдѣленію и 4 физико-математическому отдѣленію философскаго факультета. Остальныя пособія не распределены по факультетамъ. Доцентское пособіе назначается на 3 года Консисторіей, по представленію соответствующаго факультета, доценту, заслужившему оное своей учебной дѣятельностью и научными занятіями, причеъ каждый разъ факультетъ обязанъ представить свѣдѣнія о его дѣятельности. Изъ остатковъ отъ доцентскихъ пособій Консисторія съ согласія Вице-Канцлера можетъ выдавать болѣе или менѣе значительныя награды отличившимся доцентамъ (независимо отъ пособій).

Постановленія Консисторіи нуждаются въ утвержденіи Вице-Канцлера. По общему правилу доцентское пособіе выдается одному лицу не болѣе какъ на 3 трехлѣтія сряду. Исключеніе дѣлаесться

только въ особенныхъ случаяхъ. Пользующійся пособіемъ доцентъ обязанъ читать по 2 публичныя лекціи въ недѣлю. Консисторія, по представленію соотвѣтствующаго факультета, рѣшаетъ, можетъ ли чтеніе лекцій быть замѣнено другими научными и учебными занятіями. Доцентъ, безъ законныхъ причинъ не читавшій лекцій въ Университетѣ болѣе 3 лѣтъ, считается выбывшимъ изъ числа доцентовъ. Доцентура, съ согласія Консисторіи и Вице-Канцлера, можетъ быть соединяема съ ординарной, штатной должностью въ другомъ вѣдомствѣ. Состояніе въ службѣ доцента засчитывается при исчисленіи служебныхъ лѣтъ по службѣ въ гражданскомъ, духовномъ и школьномъ вѣдомствахъ и при расчетѣ пенсіи, получаемой профессорами.

Развитіе наукъ и спеціализація отдѣльныхъ научныхъ отраслей требовали раздробленія слишкомъ крупныхъ по объему преподаваемыхъ наукъ кафедръ и учрежденія новыхъ профессуръ ¹⁾.

Обратимся къ экзаменамъ. Общими для всѣхъ студентовъ (при извѣстныхъ условіяхъ) являются: экзаменъ т. н. вступительный или студенческій (*studentexamen*), экзаменъ на степень кандидата философіи (*filosofie kandidatexamen*), затѣмъ спеціальныя экзамены по факультетамъ богословскому (выпускной богословскій экзаменъ, *teologisk dimissionsexamen*) и богословскій предварительный экзаменъ (*teologisk preliminärexamen*); по юридическому факультету, экзаменъ на кандидата правъ (*juris utrius que gradual или kandidatexamen*) и на лиценціата правъ (*juris licentiatexamen*), по медицинскому факультету,—экзаменъ на степень кандидата и на степень лиценціата медицины (и экзаменъ для фармацевтовъ); по философскому факультету на степень кандидата философіи (о которомъ сказано выше) и на степень лиценціата философіи.—Кромѣ того существуютъ издавна, какъ уже сказано въ главахъ II и III, экзамены для поступленія на гражданскую службу.—Т. н. студенческій экзаменъ регулированъ нынѣ Регламентомъ 14 Января 1874 г. и дополнительными къ нему узаконеніями 29 Мая 1890 г., 17 Января 1893 г., 22 Апрѣля 1896 г.

¹⁾ Ср. таблицу приложенія № 4.

(о письменныхъ испытаніяхъ), 14 Марта 1874 г., 22 Февраля 1886 г., а также постановленіями 30 Мая 1871 г. и 22 Марта 1865 г. (еще дѣйствующими). Цѣль студенческаго экзамена заключается въ опредѣленіи, насколько юноши, желающіе поступить въ Университетъ, достаточно зрѣлы и достаточно подготовлены. Онъ состоитъ изъ письменнаго и устнаго испытанія. Къ испытанію допускаются какъ воспитанники учебныхъ заведеній, имѣющихъ право выпускать въ Университетъ (*dimissions rätt till Universitet*), такъ и лица, получившія домашнее воспитаніе. Письменное испытаніе производится въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ право выпуска въ порядкѣ и въ срокъ, установленные Ректоромъ. Устное испытаніе производится въ Университетѣ передъ Коммисіей студенческаго экзамена (состоящей изъ опредѣленнаго числа преподавателей Университета по назначенію Консистеріи, на основаніи § 3 Высоч. Объявленія 1871 г., 30 Мая) весною и осенью. Письменное испытаніе заключается: 1) въ сочиненіи на родномъ языкѣ на тему, входящую въ кругъ предметовъ обученія даннаго учебнаго заведенія, 2) въ переводѣ съ латинскаго языка на родной языкъ (до 1896 г. требовался переводъ на латинскій языкъ), 3) въ переводѣ съ роднаго языка (шведскаго или финскаго) на другой мѣстный языкъ, 4) въ рѣшеніи 3 математическихъ задачъ. При составленіи работъ запрещается употреблять пособія, кромѣ словарей и логарифмическихъ таблицъ. Уличенный въ употребленіи незаконнаго пособія теряетъ на годъ право держать экзамень. Темы для работъ назначаются экзаменаціонной коммисіей и рассылаются Ректоромъ Университета въ запечатанныхъ конвертахъ, которые вскрываются директоромъ учебнаго заведенія въ присутствіи экзаменующихся. Приготовленные (въ не болѣе чѣмъ 6 часовъ) работы просматриваются учителемъ даннаго предмета, который даетъ свой отзывъ и въ случаѣ надобности указываетъ также, въ какомъ отношеніи стоятъ экзаменаціонныя работы къ остальнымъ работамъ ученика, представленнымъ въ теченіе года. Затѣмъ работы отсылаются въ Университетъ въ коммисію, которая, обсудивъ ихъ, даетъ знать (въ теченіе Апрѣля мѣсяца) директорамъ учебныхъ заведеній о результатахъ оцѣнки. Ученики,

коихъ работы признаны удовлетворительными и кои сдали закономъ установленный выпускной экзаменъ въ своихъ школахъ, допускаются къ устному испытанію въ Коммисіи. Устное испытаніе обнимаетъ Законъ Божій (для учениковъ евангелическаго исповѣданія), древніе и новые языки, исторію и математику въ размѣрахъ курсовъ, пройденныхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Порядокъ экзамена и внѣшняя его обстановка не измѣнены регламентомъ 1874 г. До устнаго испытанія экзаменующіеся обязаны внести закономъ установленныя пошлины за экзаменъ и за внесеніе въ матрикуль, съ правомъ обратнаго ихъ полученія въ случаѣ невыдержанія экзамена. О результатахъ испытаній Ректоръ увѣдомляетъ всѣхъ директоровъ учебныхъ заведеній, выпустившихъ учениковъ въ Университетъ ¹⁾.

Регламентъ 1874 г. допустилъ къ студенческому экзамену и воспитанниковъ, получившихъ частное воспитаніе на дому или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не опредѣливъ въ точности порядокъ провѣрки ихъ познаній. Неудобства этого порядка вообще скоро проявились и Главное Управление училищнаго вѣдомства вошло съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ о томъ, чтобы было установлено, что лишь такіе частные ученики допускаются къ испытанію, которые представляютъ свидѣтельство о пройденномъ ими курсѣ отъ компетентнаго лица, что учительскій персоналъ школы, гдѣ производится письменное испытаніе, долженъ и можетъ въ томъ удостовѣриться особымъ экзаменомъ, что ученикъ, бывшій ранѣ въ казенномъ учебномъ заведеніи, не можетъ подвергнуться экзамену ранѣ чѣмъ по истеченіи года со времени выхода изъ училища и т. п. Послѣ того какъ Консисторія согласилась на эти ограничительныя мѣры и Сенатъ изъявилъ свое на то согласіе, 22 Февраля 1881 г. издано Высочайшее Объявленіе о дополненіи и измѣненіи Высочайшаго Рескрипта отъ 14 Января 1874 г. объ экзаменѣ для поступления въ студенты, коимъ санкціонированы указанныя выше ограниченія.

¹⁾ Въ отчетахъ ректора Университета въ 3-мъ отдѣлѣ всегда помѣщена таблица, показывающая мѣру подготовленности воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній къ университетскому образованію, опредѣленную на основаніи экзаменаціонныхъ результатовъ.

Что касается экзамена на степень кандидата философіи, то нужно имѣть въ виду, что здѣсь не идетъ рѣчь о какомъ либо заключительномъ экзаменѣ. Кандидатъ философіи Александровскаго Университета не можетъ быть уравненъ съ кандидатами русскихъ университетовъ по уставамъ 1835 и 1863 г.г., какъ нельзя поставить на одну доску магистра философіи Александровскаго Университета съ магистромъ нашихъ университетовъ. Экзаменъ на кандидата философіи въ Гельсингфорсѣ есть только предварительная ступень къ праву приступить къ изученію специальныхъ наукъ въ факультетахъ; онъ есть свидѣтельство объ окончаніи общеобразовательныхъ курсовъ въ Университетѣ. Нельзя не признать, что требованіе прохожденія этихъ общеобразовательныхъ курсовъ отъ всякаго, желающаго получить ученую степень по своему факультету, весьма разумно. Это препятствуетъ черезчуръ узкому специализированію, которое подготавливаетъ ученыхъ, очень начитанныхъ, но мало образованныхъ. Сдавшій экзаменъ кандидатъ философіи имѣетъ право продолжать научныя занятія при Университетѣ для приобрѣтенія степени лиценціата и доктора философіи ¹⁾. Сдача экзамена на кандидата философіи обязательна для лицъ, желающихъ приобрѣсти степени: кандидата правъ, кандидата богословія и кандидата медицины. Экзаменъ на степень кандидата философіи обнимаетъ собою по крайней мѣрѣ 5 предметовъ ²⁾. Въ кандидатскій экзаменъ по разряду филологическихъ наукъ входятъ: 1) римская литература, 2) греческая литература, 3) восточная литература или эстетика и новѣйшая литература, 4) исторія или философія и 5) математика или физика.

Въ кандидатскій экзаменъ по разряду историческихъ наукъ входятъ: 1) исторія, 2) эстетика и новѣйшая литература, 3) философія, 4) римская литература и 5) математика или физика.

Въ кандидатскій экзаменъ по разряду математическихъ наукъ

¹⁾ Но это «не оставленный при университетѣ», онъ такой же студентъ, даже если онъ доставилъ себѣ и другимъ удовольствіе подвергнуться промоціи на степень магистра философіи. Въ числѣ студентовъ Университета не мало такихъ кандидатовъ и магистровъ философіи.

²⁾ Высочайшія объявленія 30 Мая 1871 г. и 6 Іюня 1883 г.

входятъ: 1) математика, 2) физика, 3) химія, 4) астрономія, 5) римская литература или исторія.

Въ кандидатскій экзамень по разряду естественныхъ наукъ входятъ: 1) зоологія, 2) ботаника, 3) химія, 4) физика и 5) римская литература или исторія.

Кромѣ 5 обязательныхъ предметовъ экзаменантъ можетъ подвергнуться и испытанію изъ другихъ предметовъ по своему выбору. Письменное испытаніе заключается или въ сочиненіи на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, или въ переводѣ съ роднаго языка на иностранный языкъ ¹⁾.

Кандидатскому экзамену въ другихъ факультетахъ, какъ сказано выше, обязательно предшествуетъ экзамень на степень кандидата философіи, причемъ всѣ богословы сдаютъ кандидатскій экзамень по разряду филологіи и при этомъ обязательно въ число предметовъ входятъ: восточная, греческая или римская литература и философія (или исторія); юристы сдаютъ экзамены по разряду историческихъ наукъ и безусловно обязательнымъ предметомъ являются: исторія сѣверныхъ народовъ, философія и римская литература; медики сдаютъ экзамень по разряду естественныхъ наукъ, причемъ обязательно сдается экзамень изъ физики, химіи, ботаники и зоологіи. Впрочемъ студентъ можетъ приступить къ экзамену на кандидата правъ, медицины или богословія, не пройдя только что указанный стажъ философскаго экзамена, но лишь при условіи представленія особаго свидѣтельства отъ профессоровъ, что онъ пріобрѣлъ всѣ научныя свѣдѣнія, необходимыя для успѣшнаго изученія данной спеціальности по факультету.

Выдержавшимъ экзамень на кандидата философіи считается тотъ, кто, по крайней мѣрѣ, по одному предмету получилъ отмѣтку (*laudatur*) отлично, а по 2 другимъ не менѣе *approbatur cum laude* (хорошо). На экзаменѣ на кандидата философіи участвуютъ всѣ профессора и преподаватели, у которыхъ занимался студентъ.

¹⁾ Подробныя правила о письменныхъ испытаніяхъ при экзаменѣ на степень кандидата философіи даны 27 Апрѣля 1891 г., 20 Мая 1891 г., 4 Апрѣля 1898 г., 18 Мая 1898 г., 8 Октября 1898 г. и 19 Декабря 1898 г.

Предсѣдательствуетъ деканъ данной секціи (отдѣленія) факультета или старшій по службѣ профессоръ.

Экзаменъ на степень кандидата правъ (*juris utriusque gradual examen*) регулированъ нынѣ Высочайшимъ Объявленіемъ 15 Августа 1894 г. объ измѣненіи правилъ, касающихся экзамена на степень кандидата правъ въ Александровскомъ Университетѣ въ Финляндіи ¹⁾. Право подвергнуться экзамену на степень кандидата правъ имѣютъ лица, доказавшія способность (засвидѣтельствованную надлежащими преподавателями) устно и письменно выражаться на своемъ родномъ языкѣ и доказавшія на экзаменѣ передъ историко-филологическимъ отдѣленіемъ философскаго факультета достаточныя для изученія предписанныхъ наукъ познанія по философіи, сѣверной исторіи и латинскому языку; затѣмъ—всеі кандидаты философіи. Программа испытаній по указаннымъ предметамъ устанавливается по соглашенію факультетовъ юридическаго и философскаго (особенно хорошія познанія требуются по исторіи сѣверныхъ народовъ). Кромѣ того требуется отъ желающихъ сдать экзаменъ на кандидата правъ и практическая подготовка, именно доказательство, что экзаменующійся по крайней мѣрѣ въ теченіе одного семестра изучалъ практически право въ низшихъ судахъ края. Наконецъ требуется письменное разсужденіе на тему, относящуюся къ одному изъ предметовъ, изъ которыхъ производится экзаменъ. Въ одномъ изъ предметовъ обязательно нужно имѣть отмѣтку «*laudatur*» (отлично).

При юридическомъ факультетѣ сдаются экзамены для поступленія на службу и для занятія должностей по судебному, камеральному и административному вѣдомствамъ. Порядокъ и условія экзамена установлены Высочайшими Объявленіями 30 Мая 1871 г. и 15 Августа 1894 г.

Означенный «государственный экзаменъ» распадается на 3 вида: судебный экзаменъ (*rätts examen*), высшій административный (*högre förvaltnings examen*) и низшій административный (*lägre för-*

¹⁾ Этимъ Объявленіемъ отмѣнены: § 153 устава 1852 г., § 6 Высочайшаго Объявленія 30 Мая 1871 г. и 2 п. Высочайшаго Объявленія 6 Июня 1883 г.

valtningis examen). Право подвергаться этимъ экзаменамъ предоставлено лишь тѣмъ, кто записанъ въ списки Университета въ качествѣ студента или въ отношеніи академическихъ экзаменовъ пользуется равными съ студентами правами.

До сдачи судебного или высшаго административнаго экзамена, экзаменующійся долженъ представить свидѣтельство отъ назначенныхъ къ тому экзаменаторовъ (членовъ историко-филологическаго отдѣленія философскаго факультета) въ достаточномъ знаніи философіи и сѣверной исторіи или свидѣтельство о допущеніи къ экзамену на кандидата правъ. Устному «государственному» экзамену предшествуетъ письменное испытаніе на финскомъ или шведскомъ языкѣ; письменное испытаніе передъ экзаменомъ судебнымъ сдается по гражданскому, уголовному или процессуальному праву; письменное испытаніе передъ высшимъ административнымъ экзаменомъ по одному изъ другихъ предметовъ испытанія; тоже установлено и для низшаго административнаго экзамена. Для допущенія къ судейскому экзамену нужно представить свидѣтельство о занятіяхъ въ низшихъ судахъ края по крайней мѣрѣ въ теченіе 3 ^{или} ~~летъ~~.

Предметами судебного экзамена являются: энциклопедія права, основныя понятія римскаго гражданскаго права, исторія права, финляндское публичное право, законовѣдѣніе гражданское, уголовное, экономическое и право процессуальное. При судебномъ экзаменѣ особенное вниманіе обращается на мѣстное гражданское, уголовное и процессуальное право.

Предметами высшаго административнаго экзамена являются: энциклопедія права, исторія права, международное право, политическая экономія, финансовая наука и статистика, финляндское государственное, финансовое и полицейское право, гражданское, уголовное и экономическое законовѣдѣніе и право процессуальное. При этомъ испытаніи особенное вниманіе обращается на основательное знакомство съ политической экономіей, экономическимъ правомъ и остальными частями права административнаго.

Въ составъ испытанія на низшія административныя должности входятъ: мѣстное гражданское, уголовное и экономическое законодательство и основныя свѣдѣнія по государственному праву, адми-

нистративному праву, судопроизводству и политической экономии. Судейскій экзамень даетъ исключительное право на занятіе должностей по судебному вѣдомству, а высшій административный экзамень исключительное право на занятіе высшихъ административныхъ должностей, наконецъ низшій административный экзамень на занятіе низшихъ административныхъ должностей (особыя условія установлены для поступленія въ вѣдомство горное, въ Финляндскую Его Величества Канцелярію, въ Канцелярію Финляндскаго Генераль-Губернатора, въ лѣсное и межевое вѣдомства).

Сдавшій экзамень на степень кандидата правъ имѣетъ одинаковыя права съ сдавшими экзамень судебный и высшій административный. Условія пріобрѣтенія степени лиценціата правъ и производства въ степень доктора правъ остались въ сущности неизмѣненными.

Что касается испытаній по другимъ факультетамъ, то система ихъ совпадаетъ съ испытаніями на факультетѣ юридическомъ.

Для полученія званія кандидата медицины, а затѣмъ степеней лиценціата медицины и доктора медицины и хирургіи требуется сдача прелиминарнаго медицинскаго экзамена (общіе предметы, въ размѣрѣ требованій на экзамень на степень кандидата философіи по разряду естественныхъ наукъ), практическія занятія, кандидатскій (устный и письменный) и лиценціатскій экзамены и защита диссертаций (особенныя правила установлены для экзаменовъ фармацевтовъ, на званіе зубнаго врача, и на званіе повивальной бабки) ¹⁾.

Богословы сдаютъ: 1) предварительный экзамень въ общихъ вступительныхъ предметахъ, *teologiska prenotionerna*, 2) экзамень на кандидата философіи по разряду философіи ²⁾, 3) димиссіонный экзамень. Порядокъ сдачи экзаменовъ на степень кандидата и лиценціата богословія и условія пожалованія въ степень доктора не измѣнились.

¹⁾ Высочайшее пост. 4 Поября 1891 г.; Высочайшее пост. 26 Января 1897 г., Высочайшій Рескриптъ 10 Апрѣля 1888 г. и 18 Февраля 1890 г.

²⁾ Высочайшее пост. 11 Февраля 1886 г.

Экзаменъ на право занять учительское мѣсто (Lärarekandidat examen) регулированъ Высочайшимъ Постановленіемъ 10 Іюля 1873 г. и 14 Января 1898 г. Онъ сдается при философскомъ факультетѣ, распадается на письменный и устный и отъ сдающихъ его также требуется свидѣтельство о пройденномъ ими практическомъ стажѣ по педагогикѣ. Для практическихъ занятій будущихъ учителей предназначены преимущественно «нормальные лицеи».

За экзамены, диспутъ и промоціи студенты-экзаменанты, и промовенды уплачиваютъ извѣстныя пошлины, установленныя Высочайше утвержденными таксами.

Независимо отъ этихъ пошлинъ уплачивается гербовый сборъ за свидѣтельства и дипломы. Эти пошлины составляютъ значительную прибавку къ доходамъ профессоровъ и служащихъ въ Университетѣ. Впрочемъ положеніе послѣднихъ улучшилось благодаря новымъ штатамъ, изданнымъ съ 1863 года.

При Высочайшемъ Постановленіи отъ 18 Марта 1875 г. изданъ штатъ Университета, благодаря которому доходъ его увеличенъ до 489.940 м. ¹⁾.

Земскіе чины, собравшіеся на сеймъ 1885 г., обратились къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ объ увеличеніи содержанія профессоровъ по крайней мѣрѣ на 20%. По Высочайшему Повелѣнію было истребовано мнѣніе Сената, который предложилъ увеличить основное содержаніе ординарныхъ профессоровъ и бібліотекаря до 6.000 м. съ увеличеніемъ по вы-

¹⁾ Содержаніе профессоровъ опредѣлено (ординарнымъ) въ 5.500 м.; имъ квартирныхъ по 1.000 м.; экстраординарнымъ 5.000 м., лекторамъ 3.000 м., учителямъ искусствъ отъ 720—3.000 м. На пособіе доцентамъ ассигновано 35.000 м., на стипендіи, пособія и т. д. 53.300 м.

Что касается пенсій, то профессоръ (ординарный) и бібліотекарь послѣ выслуги полного срока и достиженія 60 лѣтъ получаютъ пенсію въ размѣрѣ послѣдняго полученнаго ими годового жалованья. Профессора богословія при отставкѣ могутъ избрать въ качествѣ пенсіи или жалованья съ аннексовымъ пасторатомъ или пенсію по новому штату 1875 г. безъ пастората.

Что касается пенсій изъ университетской вдовьей и сиротской кассы, то онѣ согласно Рескрипту Канцлера отъ 24 Мая 1896 г. раздѣлены на 7 классовъ (отъ 1.600 м. въ I классѣ до 140 м. въ VII). Вычетъ изъ жалованья въ пользу кассы опредѣленъ въ 160—8 м. 40 п. ежегодно по 7 классамъ.

службъ 5 и 10 лѣтъ по 1.000 м., назначить квартирныя въ 1.000 м. и 1.000 м. добавочныхъ изъ остаточной кассы Университета; содержаніе лекторовъ и учителей искусствъ увеличить до 3.600 м., содержаніе секретаря опредѣлить въ 5.000 м. съ увеличеніемъ на 1.000 м. послѣ 5 и 10 лѣтъ службы и съ добавкою содержанія, не входящаго въ расчетъ пенсій, въ размѣрѣ 500 м. послѣ 15 и 20 лѣтъ службы. Проектъ Сената былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія и 16 Ноября 1886 г. издано Высочайшее Постановленіе объ увеличеніи штата въ указанныхъ размѣрахъ.

Въ силу Высочайшаго Объявленія 20 Іюля 1895 г. пособіе на содержаніе доцентовъ увеличено на 12.000 м. ежегодно. Послѣ этихъ увеличеній къ 1888 г. доходы Университета увеличились до 1.100.977 м. 82 п. Изъ казны (общаго статнаго фонда и изъ перешедшихъ въ казну прежнихъ таможенныхъ доходовъ Университета) уплачивалось 707.709 м. 18 п., % съ капиталовъ, Университету принадлежавшихъ, поступало 303.260 м. 22 п., пожертвованій 13.500 м. и остальныхъ мелкихъ доходовъ 82.508 м. 42 п. Капитальная сумма принадлежащихъ Университету фондовъ равнялась 6.004.625 м. 96 п.; изъ нихъ 5.083.500 м. были помѣщены для приращенія изъ %.

Къ 31 Декабря 1898 г. (10 лѣтъ спустя) доходъ Университета опредѣлился въ	1.555.193 м.
Въ томъ числѣ: пособія отъ казны	813.553 »
проценты съ капиталовъ	336.707 »
пожертвованія частныхъ лицъ	168.000 »
другіе доходы	236.923 »
	<hr/>
	1.555.193 м.

Доходы Университета превышаютъ его расходы, которые къ 1 Января 1898 г. опредѣлились въ 1.263.380 м., а распределены по отдѣламъ слѣдующими крупными статьями:

Жалованье преподавателямъ, чиновникамъ и прислугѣ	786.896 м.
Пенсій	73.401 »

Путевыхъ пособій преподавателямъ	14.850 м.
Стипендій и путевыхъ пособій учащимся	100.867 »
На библіотеку и другія научныя учрежденія	121.863 »
На новыя постройки, ремонтъ старыхъ, мебель	49.817 »
и пр.	
На дрова, освѣщеніе и пр.	109.419 »
На печатаніе научныхъ трудовъ	6.167 »
	<hr/>
	1.263.380 м.

Вице-Канцлеръ получаетъ столовыхъ и квартирныхъ 10.000 м., ординарные профессора и библіотекаръ жалованья и квартирныхъ 8.000 м. и послѣ 5 и 10 лѣтъ добавку въ 1.000 м. Ректоръ получаетъ въ добавку къ профессорскому содержанию 4.000 м.; Проректоръ 600 м., деканы и инспектора отдѣленій по 1.000 м., инспекторъ казначейства 800 м. и членъ экономическаго отдѣленія 400 м. Экстраординарные профессора и помощникъ библіотекаря получаютъ 5.000 м. съ увеличеніемъ за выслугу лѣтъ (5 и 10 лѣтъ) 750 м., адъюнкты богословія 6.000 м. и ассистентъ практическаго богословія 5.000 м., экстраординарный лекторъ финскаго языка на юридическомъ факультетѣ 5.000 м., учитель гимнастики и учитель искусствъ по 3.600 м., ихъ помощники по 800 и 720 м. Старшій учитель гимнастики получаетъ кромѣ того въ пособіе для приготовленія будущихъ учителей гимнастики 1.500 м. Учитель фехтованія получаетъ 2.000 м., секретарь Канцлера 2.400 м. секретарь Вице-Канцлера 1.600 м., секретарь Университета 5.000 м. съ добавочными 1.000 и 500 м. за выслугу 10, 15 и 20 лѣтъ, камериръ 6.000 м., кассиръ 5.000 м., экономъ и нотаріусъ Консistorіи 2.500 м., повѣренный Университета 3.500 м., аммануенсы Консistorіи 1.500 м., два аммануенса библіотеки по 2.500 м., одинъ 1.500 м. (съ добавкою за выслугу 5 и 10 лѣтъ—500 м.), обсерваторъ астрономической обсерваторіи 1.500 м. (и свободную квартиру), лаборантъ химической лабораторіи 1.800 м., лаборантъ физиологической лабораторіи 1.200 м., ассистентъ патолого-анатомическаго учрежденія 1.200 м., препараторъ зоологическаго музея 2.000 м., садовникъ ботаническаго сада — 2.400 м. (и свободную

*

квартиру), лекторы по 3.000 м. Изъ доцентовъ 6 получаютъ доцентское пособие въ 3.500 м., 6 пособие въ 2.500 м., остальные доценты получаютъ различнаго размѣра пособія, путевыя стипендіи и т. д. Лекторъ русскаго языка въ качествѣ помощника бібліотекаря русской бібліотеки получаетъ 1.200 м. добавочнаго содержания.

Выше было указано, что Университетъ обладаетъ значительнымъ капитальнымъ фондомъ стипендій. Съ 1863 г. число стипендій быстро возросло.

Съ 1861—1870 г.г. пожертвовано стипендій на капитальную сумму въ 195.000 м.; въ 1871—1880 г.г. на 233.000 м., въ 1881—1890 г.г. на 187.000 м. Въ 1889 г. капитальная сумма всѣхъ стипендій опредѣлилась въ 1.259.995 м. 37 п.; Университетъ могъ ежегодно раздавать стипендій на общую сумму 108.823 м.

Въ 1893 г. стипендіатскій капиталъ Университета сразу увеличился на громадную сумму, благодаря пожертвованію лиценціатомъ медицины Г. Ф. Антелль въ 800.000 м. въ качествѣ основнаго фонда для выдачи путевыхъ пособій (въ размѣрѣ 8.000 м.) молодымъ ученымъ. Фондъ названъ фондомъ Розенберга въ честь воспитателя жертвователя, коллежскаго совѣтника Розенберга.

Неоднократно учредители и жертвователи фондовъ и стипендій обставляли свои пожертвованія условіями, чтобы Университетъ принималъ на себя не только управленіе пожертвованными средствами, но и вообще всѣмъ имуществомъ жертвователя, уплачивая жертвователю или его наслѣдникамъ опредѣленную ренту. Такія пожертвованія значительно усложнили финансовое управленіе Университета и безъ того уже сложное, благодаря укоренившемуся въ Финляндіи обычаю и порядку разбивать средства казны вообще, а въ Университетѣ въ частности, на особые спеціальныя фонды, доходамъ и расходамъ которыхъ ведутся отдѣльные счета.

Реформа 3 Мая 1899 г., первый шагъ на пути къ объединенію кассъ, оставила въ сторонѣ Университетъ съ его фондами, и доннынѣ его финансовое управленіе носитъ нѣсколько тяжеловѣсный характеръ.—Всѣ указанные въ главахъ II и III фонды сохранились и къ нимъ прибавлялись новыя.

Въ настоящее время средства Университета разбиты на слѣдующіе фонды:

Остаточная касса (Besparingskassan); строительный фондъ (Byggnadsfonden); Fiscus Rectoris (ректорская казна), резервный фондъ (Reservfonden), университетскій таможенный фондъ (Tullmedelsfonden), фондъ общихъ жалованій (Allmänna aflöningsfonde), фондъ амуницій (Beklädnadsfonden), расходный фондъ (Expensenfonden), печатный фондъ (Tryckningsfonden), фондъ вдовой и сиротской кассы (Enke och pupills kassan), граціальный фондъ (Gratialsfonden), фондъ доцентскихъ пособій (Docent understödsfonden), фондъ путевыхъ пособій (Litteratunderstödsfonden), фондъ путевыхъ пособій профессорамъ (Reseunderstödsfonden för universitets lärare), фондъ пособій недостаточнымъ студентамъ (Understödsfonden för behofvande studerande). Въ 1899 г. (съ Высочайшаго утверждѣнія) строительный фондъ раздѣленъ на два специальныхъ фонда: ремонтный фондъ и фондъ для новыхъ построекъ. Въ 1889—1895 гг. также образованъ фондъ выдачи вознагражденія преподавателямъ, читающимъ лекціи вмѣсто профессоровъ (Vicariats arvodefonden). Въ 1892 г. учрежденъ фондъ одонтологическаго учрежденія (для его содержанія въ составѣ клиники); въ 1894 г. образованъ фондъ географическихъ коллекцій. Въ 1895 г. образованъ фондъ гигиенической лабораторіи¹⁾.

Такъ какъ единства кассы въ университетскомъ финансовомъ управленіи не существуетъ, такъ какъ доходъ каждаго фонда специально назначенъ исключительно на покрытіе расходовъ, на его счетъ отнесенныхъ, то по счету каждаго фонда могутъ образоваться остатки, причисляемые къ его капиталу. Остающіяся свободными средства фондовъ университетское управленіе помѣщаетъ для приращенія изъ % или въ банковыя учрежденія, или само отдаетъ ихъ въ ссуду частнымъ лицамъ и предпріятіямъ. Эти кредит-

¹⁾ Относительно пополненія средствъ нѣкоторыхъ изъ этихъ фондовъ доходами и производства расходовъ изъ нихъ за послѣднее время изданы новыя правила, а именно для Fiscus Rectoris: 7 Мая 1895 г., 8 Декабря 1892 г., фонда расходовъ (Expensenfonden) 18 Июля 1897 г., 4 Марта 1898 г., 8 Декабря 1892 г., 29 Марта 1895 г.; для таможеннаго фонда 23 Ноября 1895 г., 1 Мая 1897 г., 13 Декабря 1898 г.

ныя операціи приносятъ несомнѣнно выгоды, но благодаря имъ университетскія средства подвергнуты извѣстному риску. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, благодаря измѣнявшимся (и не всегда въ выгодную сторону) конъюнктурамъ денежнаго рынка, университетскому управленію приходилось принимать мѣры къ болѣе прочному помѣщенію средствъ Университета, и нельзя не признать, что несмотря на неблагопріятныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ Университетъ, благодаря осторожному управленію финансами, избѣгнулъ значительныхъ потерь и убытковъ.

Благодаря пониженію % на ссудные капиталы въ 1895 г. Консistorія по представленію экономическаго отдѣленія постановила о пониженіи расчета % на капиталы фондовъ съ 6 и 6 до $4\frac{1}{2}$ и 4 %. % же на ипотечныя ссуды изъ университетскихъ средствъ съ 1892 г. были увеличены съ 5, $5\frac{1}{4}$ и $5\frac{1}{2}$ % до 6 %.

Хозяйственное управленіе (завѣдываніе всеѣмъ имуществомъ Университета и его денежными средствами) какъ и ранѣе — ввѣрено Экономическому (Хозяйственному) отдѣленію (Ekonomie divisionen), Консistorіи, инспектору Казначейства, камериру и кассиру (должность кассира учреждена въ 1899 г.). Дѣятельность этихъ органовъ регулирована нынѣ Высочайшимъ Объявленіемъ о порядкѣ завѣдыванія денежными суммами Александровскаго Университета и объ измѣненіи нѣкоторыхъ §§ устава Университета (6 Марта 1889 г.).

Хозяйственное отдѣленіе состоитъ изъ Ректора (предсѣдателя), Проректора, инспектора Казначейства ¹⁾, одного изъ Профессоровъ, избраннаго Консistorіей на 3 года, и камерира. Ближайшій надзоръ за дѣятельностью камерира и кассира возложенъ на Ректора, Проректора и инспектора Казначейства. Денежныя суммы и цѣнныя бумаги Университета хранятся въ ручной кассѣ (опредѣленная небольшая сумма) подъ замкомъ кассира, въ главной кассѣ подъ ключемъ камерира и кассира и въ подвальной кассѣ (hvalfkassa) подъ ключемъ инспектора Казначейства, камерира и кассира.

¹⁾ Инспекторъ казначейства избирается также Консistorіей на неопредѣленное время.

Ревизія кассы (періодическая и внезапная) возложена на Экономическое отдѣленіе вообще, на инспектора Казначейства и Проректора въ особенности. Ревизія книгъ и счетоводства производится подъ надзоромъ инспектора Казначейства двумя лицами, опытными въ счетоводныхъ дѣлахъ, назначенныхъ Консисторіей по представленію инспектора Казначейства.

Веденіе книгъ и счетовъ, надзоръ за кассами ввѣренъ въ особенности камериру; подъ его надзоромъ кассиръ ведетъ кассовыя книги и хранитъ кассу.

Кассиръ назначается Канцлеромъ по представленію Консистоіи. Онъ вноситъ залогъ въ размѣрѣ 8.000 м. Подробности дѣятельности камерира и кассира устанавливаются инструкціей, составленной Экономическимъ отдѣленіемъ и утвержденной Канцлеромъ. Инструкція Экономическому отдѣленію дана 28 Февраля 1889 года.